

Алексей

ФОМИЧЕВ

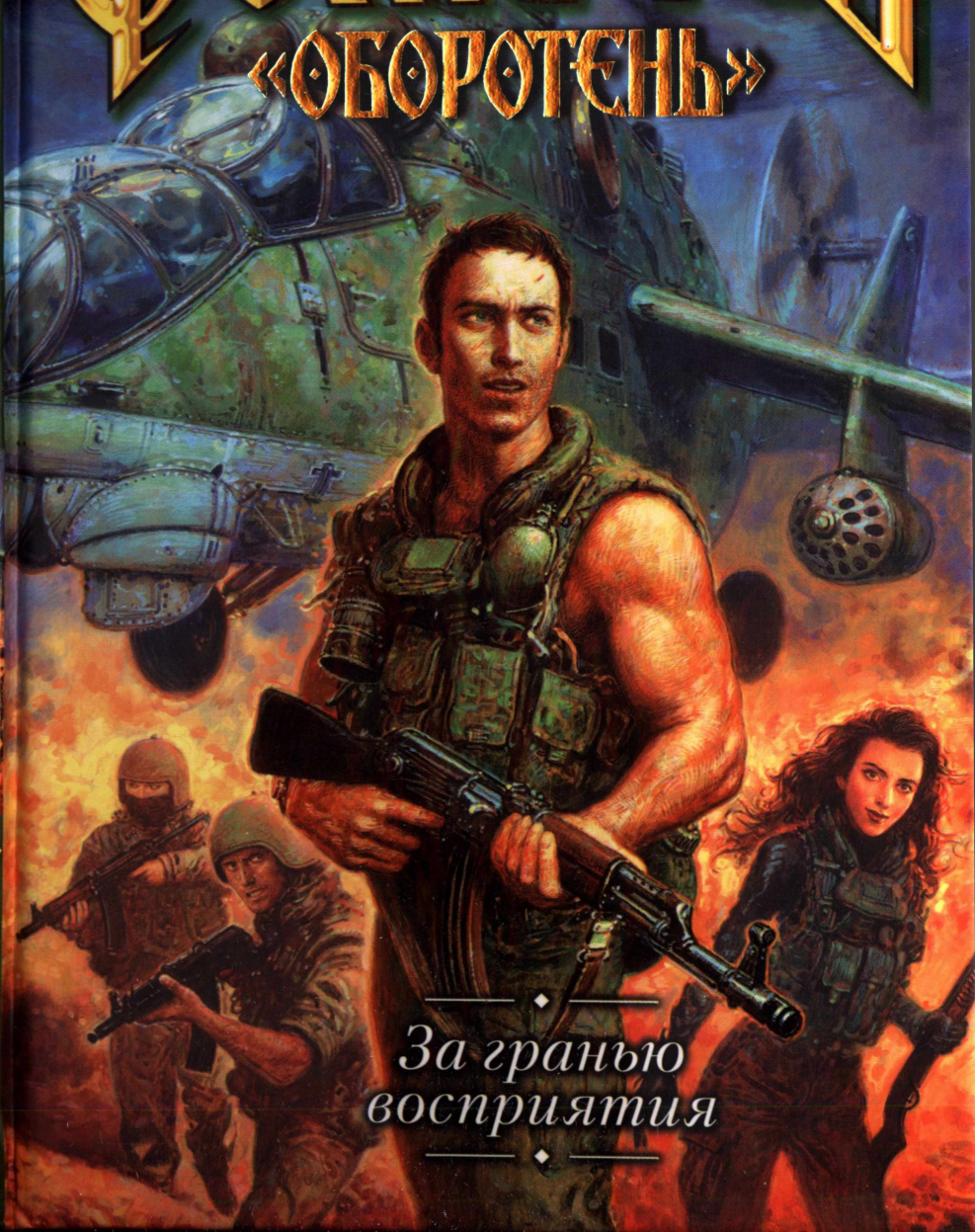
«ОБОРОТЕНЬ»

За гранью
восприя-
тия

Алексей

ФОМИЧЕВ

«ОБОРОТЕНЬ»

За гранью
восприятия

Алексей
ФОМИЧЕВ

Алексей

ФОРМИЧЕР

«ОБОРОТЕНЬ»

— ◆ —
*За гранью
восприятия*
— ◆ —

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф76

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник А.Я. Ломаев

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Фомичев, А.С.

Ф76 За гранью восприятия : из цикла «Оборотень» [фантаст. роман] / Алексей Фомичев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 430, [2] с.

ISBN 978-5-17-058368-3 (ООО «Издательство АСТ») (С.: Боев. фантастика)

ISBN 978-5-403-00836-5 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-17-049419-4 (ООО «Издательство АСТ») (С.: с/с Фомичев)

ISBN 978-5-9713-9918-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Он скитался из мира в мир, из реальности — в реальность и отстаивал свое право на жизнь ОРУЖИЕМ.

Он МЕЧТАЛ вернуться домой, в наш мир, — и мечта его СБЫЛАСЬ.

Но теперь мирная жизнь для него СКУЧНА — и мучительно хочется ВЕРНУТЬСЯ ТУДА, в опасность, в приключения...

И мечта сбывается СНОВА.

Только теперь у Артура, героя альтернативных реальностей, всегда остается шанс на возвращение!...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

*Quod erat demonstrandum **

Глава 1

ЭТО НЕ МОЕ...

...Взмах — свист.

Взмах — свист.

Клинок рассекал воздух, постепенно ускоряя вращение, пока не превратился в размытый, плохо различимый силуэт.

Взмах — свист...

— Толик, положи игрушку. Не надоела еще?

— Классная штучка! В руке сидит как влитая. А?

— Это не хуже, — качнул в ладони чекан Марк. — Им ты черепушки проламывал?

— Им, — нехотя произнес я.

— Ладно, хватит! — Сергей хлопнул рукой по колену. — Мы тебя выслушали... в меру своих сил поверили. Пора подводить итоги.

— Точно, — хмуро подтвердил я. — Пора...

И обвел комнату взглядом.

Это была моя комната. В моем доме. Куда я пришел три дня назад. Вернувшись из трехгодичного турне по иным мирам.

...На этот раз Ворота смиростивились и пустили меня обратно в мой мир. В него я вошел, точнее, влетел спиной вперед, продолжая давить на спусковой крючок автомата.

Ворота были настолько любезны, что выкинули меня туда же, откуда забрали, — в лабкорпус родной академии. Появление

* Что и требовалось доказать (лат.).

ние в таком виде — с огромным рюкзаком на спине, с автоматом в руках, в перепачканной одежде — вызвало бы переполох в студенческой среде и, возможно, закончилось бы в отделении милиции. Но коли начало везти, так до упора. Во-первых, было воскресенье, а во-вторых — вторая половина дня. Таким образом, мое появление никого, кроме пробежавшей мимо мыши, не напугало.

А дальше был небольшой марш-бросок до дома, взлет по лестнице на третий этаж (лифт как назло не работал), мировой рекорд по открыванию двери и дикое чувство облегчения (в хорошем смысле слова). Возвращение состоялось!..

Свалив трофеи в прихожей, я полчаса пролежал в ванне, потом отыскал в холодильнике кое-чего перекусить, а потом взял в руки телефон. И позвонил друзьям.

Разговор вышел коротким и энергичным. Уяснив, что я жив, здоров и моему существованию никто не угрожает, парни пообещали приехать через три дня. Приехали.

Сначала я выслушал все, что они обо мне думают после внезапного исчезновения. Потом пригласил в комнату, где на полу разложил добычу. И пока они изумленно взирали на трофеи, начал рассказ.

Парни слушали с открытыми ртами, вертели в руках холодное и огнестрельное оружие, перебирали фотографии, рассматривали удостоверение, листали газеты и атлас, пробовали на зуб золотые монеты и слитки.

Их отношение к моим словам можно было отследить по мере продолжения рассказа. Настороженность — саркастическое недоверие — непонимание — удивление — изумление — офигение — ох... Ну, понятно.

И лоб мне трогали, и многозначительные взгляды друг на друга кидали, и пальцем по голове стучали, однако факты и доказательства пробили плотину недоверия. Эти сугубо прагматичные, абсолютно лишенные тяги к мистификации и не склонные верить в чудеса люди допустили мысль, что один из них побывал в других мирах. Что есть такая штука — Ворота, способная перекинуть человека в иное измерение. Что это не

розыгрыш, не прикол, а истинная правда и ничего, кроме правды. Аминь!

После моего монолога и двух-трех сотен вопросов наступила пауза. Парни осознали. Принимали в свое мировоззрение новую данность, привыкали к этой ставшей реальностью фантастике.

...Антон держал в руках мое удостоверение. Разглядывая его со всех сторон, привыкал к мысли, что их младшой — Артур — вдруг стал полковником. Толик рассекал воздух взмахами меча, Марк вертел чекан, водя пальцами по острию клевца. Только Серега сидел с пустыми руками, задумчиво глядя на кучу золота.

— И что теперь? — спросил он спустя пару минут.

— В смысле?

— В смысле, что будешь делать?

— Не знаю... Пятый курс надо закончить, диплом получить... еще? Не думал пока.

— Ты Жорку видел? — опустил наконец меч Толик.

— Звонил. Тот весь на нервах. Сказал, вы его достали...

Я глянул на Марка и Сергея. Как говорил Жорка — хозяин конторы, где я работал, — именно они приезжали два с половиной месяца назад к нему домой, когда стало ясно, что я исчез с концами. Разговор тогда шел на повышенных тонах. Жору, мягко говоря, взяли за шкуру и строго спросили: не твоя ли работа? Тот искренне возмутился и заверил, что к моей пропаже никакого отношения не имеет.

Видимо, его вид при этом был довольно убедителен. Парни поверили и попросили при первых сведениях обо мне дать им знать. Жорка пообещал. Нехотя. После памятного расставания отношения между ребятами и ним остались довольно прохладными и новая встреча теплотой не отличалась.

Однако посылать парней подальше Жорка не посмел. Знал, что могла сотворить эта четверка, если им поперек дороги кто-то вставал. Да и потом, сотрудник-то действительно пропал. Как-никак начальник техотдела, то есть специалист по всякого рода аппаратуре, которую в обычных радиотоварах не про-

дают. Как знать, может, конкуренты выкрали спеца, дабы выведать секреты фирмы?..

— Звонил, — повторил я. — Требовал срочной встречи, но я отговорился, попросил два дня на улаживание личных проблем.

— Что думаешь делать? Работать дальше?

Я покачал головой. Такого желания после всего пережитого не возникало. Студент Томилин мог работать на частного дядю. Скиталец по мирам, боевой офицер, полковник — нет. Терпеть выходки нового русского бизнесмена с криминальным уклоном теперь не смогу.

— Нет уж. Хватит.

Опять повисла пауза. Парни рассеянно смотрели на трофеи, по-новой просматривали фотографии, читали газеты.

— Черт! Сказать кому — не поверят! — воскликнул Антон, перекладывая фотки. — Слушай, ты и правда головы рубил? Этим мачете?

Он ткнул пальцем в фотографию. Я присмотрелся. Снимок сделан в заброшенной деревне, где мы настигли банду Латамира. Я стою с тесаком в левой руке. По лезвию стекает кровь, капает под ноги. В правой руке отрубленная голова Латамира. За спиной жуткая пирамида из отрезанных голов бандитов.

— Резал, — нехотя буркнул я. — Стрелял, бил, отрубал... много чего делал.

— Силен, бродяга.

— Артур, что у тебя с академией? — спросил Марк. — Не поперли за непосещение?

— Все нормально. Зашел вчера.

...Визит в академию был необходим. В деканате уже били тревогу по поводу исчезновения студента. Отчислять, конечно, не спешили, как-никак пятый курс, но все же...

Я успокоил деканат, заверил, что предоставлю кучу справок о внезапном заболевании, и пошел в группу.

Моему приходу, как и отсутствию, никто не удивился. Привыкли за прошлые годы. И только четыре человека встретили мое появление с... ну если не радостью, то ее подобием. И удивлением.

Удивление было взаимным, потому что я не обнаружил среди дружной студенческой братии двух человек. Николая и Светлану. О них в первую очередь и спросил остальных...

— Что твои однокурсники? Живы, здоровы? Как себя ведут? — задал вопрос Сергей.

Их здоровье его интересовало постольку-поскольку. Но вот возможность утечки информации, лишний треп и прочие неудобства с их стороны волновали весьма.

— Живы и вроде здоровы. Трех сюда выбросило еще в первый проход через Ворота. Андрей учится, а Николай и Света уехали еще летом. Забрали документы и были таковы. Живут в Орле, на родине Светы.

— Что так?

Я пожал плечами.

— Андрей говорит — она сильно нервничала, стала дерганой. Беременность еще... Нервы начали сдавать. Ее бойфренд не захотел бросать, это понятно.

— А остальные как?

— Никак. Привыкают. Вживаются. И старательно делают вид, что ничего не было. Язык держат за зубами, при посторонних ничего никому. Как мне сказали — каждый вечер у них встречи. Что-то вроде тайного кружка заговорщиков. Словом, ситуация такова: общее молчание, тишина. Никто никаких трофеев не притащил, так что выйти на свет эта история не может. А даже и выйдет, мало кто поверит. Вернее — совсем никто. Сейчас и не такое в газетах пишут, в разделе «встречи с зелеными человечками и НЛО».

— Верно, — поддержал Толик. — Эта история без доказательств выглядит очередной уткой. А ты...

— А он, — с улыбкой продолжил Антон, — явно не склонен трепать на весь мир о вояже в иные измерения. И уж тем более о добыче.

— Артур, — спросил Марк. — Судя по твоим словам, эти пришельцы способны проникать в любые миры, так?

— Не совсем. Только в те, которые находит их «контур». А он, как я сообразил, работает в режиме «на ощупь». Куда кривая вывезет.

— Значит, кривая вполне может вывезти в наш мир?

Парни замолчали, глядя на меня и ожидая ответа. Я секунду подумал, вспоминая те скудные сведения, что успел почерпнуть из допросов пришельцев. Что они там говорили о работе «контура»?..

— Н-нет... У них там хитрый принцип передвижения по пятому и шестому измерениям. Как их... Сопряжение и пространство. Так вот, все, что лежит неподалеку от их мира, Ворота могут отыскать. А дальние миры только по случаю. Насколько помню, вероятность попадания в нужный мир меньше сотой доли процента.

— Выходит, вероятность появления их здесь ничтожно мала...

— Да.

— Но, — продолжил Сергей, — существует.

Он обвел нас взглядом, словно проверяя, до всех ли дошло.

— Будем надеяться, эти чертовы пришельцы не придут сюда, — хмыкнул Марк.

Остальные были с ним согласны. Я тоже сделал вид, что согласен, хотя его уверенности не разделял, потому что вспомнил, что мой мир и мир Ругии — почти близнецы. То есть расположены близко друг к другу. И раз Ворота проникли туда, то и до нас могут довольно легко добраться. Может быть...

— Ладно, господа хорошие, — как бы подводя черту под долгим разговором, сказал Сергей. — Давайте закругляться. Выводы следующие! Артур влип в историю с пришельцами из иных миров — раз!

— И не он один, — добавил Толик.

— Верно. Два — выпутался все-таки. Выяснил, кто хозяин Ворот, — три.

— Успел стать грозой целого полуострова — четыре, — вставил Марк.

— Да. Наташил трофеев и доказательств — пять.

— И что имеем в результате? — с усмешкой осведомился Антон.

— Во Вселенной существует по крайней мере шесть измерений. Существуют расходящиеся миры. В некоторых из них

дошли до создания устройств перехода между мирами. Рано или поздно эти экспериментаторы могут попасть и сюда. А значит, мы должны быть настороже.

— Ты забыл еще кое о чем, — сказал я. — То самое устройство перехода иногда срабатывает спонтанно, причем не по воле хозяев. Оно сработало в нашем мире и перекинуло семь человек к черту на кулички. Оно вторично сработало и разделило скитальцев на две части. Одни вернулись домой, другие попали в новый мир. Как я успел понять — спонтанный запуск зависит от запуска «официального» «контура». Как — загадка для всех, в том числе и для хозяев.

— В общем, в этом деле много неясного, — сказал Марк.

— Факт. Теперь по делу. — Сергей ткнул пальцем на золото. — Что решил с этим?

— Переправить за границу. Оценить, насколько потянет, здесь золото разного качества и пробы. Наши каналы еще работают?

— Да. Посредник теперь живет в Португалии, он может устроить.

— Угу. Здесь двадцать семь с половиной килограммов. По моим прикидкам — на пять-шесть сотен тысяч баксов. Десятая часть Посреднику, четверть — вам. Остальное положу на счета. Что-то оставлю на жизнь.

— С золотом ясно, — констатировал Серега. — Трофеи?

— Холодное оружие зарегистрирую как предметы коллекции, огнестрельное в тайник, фотки и прочее — тоже.

— Верно. С этим не тани... на всякий случай. Ну, вроде все. Да, к тебе просьба.

— Ну?

— Будет время, посиди за компом, подумай... надо обобщить весь опыт твоей работы.

— Какой? — не понял я.

— Всей. Тактика действий твоих подразделений, принцип комплектования, подготовка — сильные и слабые стороны, экипировка, взаимодействие... все. И даже опыт работы с холодным оружием в этом... как его?

— Аберене.

— Точно.

Я покачал головой — Серега задал задачу! Это не одну неделю сидеть, описывать, вспоминать, восстанавливать... Впрочем, лишней эту работу не назовешь. Особенно для нашей деятельности.

— Ладно... попробую. А теперь... я все выложил, ваша очередь. Как здесь дела? Что происходит?

Парни переглянулись, дружно вздохнули и почти одновременно пожали плечами.

— Дела... — задумчиво ответил Серега, — делаются... Как-то...

...Вы всю жизнь проходили в легких, свободного покроя одеждах и вдруг в один прекрасный момент начинаете носить тяжеленный тулуп, толстый свитер, неподъемные унты, а на голове теперь постоянно меховая шапка. Каковы ощущения? Словно сковали цепями, лишили подвижности, нагрузили до предела.

По-другому...

Привыкли жить в тихом спокойном месте, вдалеке от дорог, шума и грязи, гомота толпы. И тут бац! Переезжаете в мегаполис. Ощущения? Угодили в ад. Дикий шум, толкотня, ни грамма свежего воздуха, над головой смог. Машины снуют туда-сюда, под ногами изгаженный асфальт... В общем, конец света!

Представили? Теперь, наверное, легче будет понять, по крайней мере попробовать, каково мне после трех лет скитаний, непрерывной войны и каждодневного ожидания смерти вернуться к спокойной (по сравнению с былым) жизни. Чего стоило перейти на иные рельсы, перестать засыпать и просыпаться с мыслью — когда всему этому настанет конец?!

Не надо ломать голову над очередной операцией, не надо просиживать над планом комплектования, не надо бежать сломя голову под пулями, чувствуя, что твоя фигура сидит на мушке автомата в руках боевика, и ждать, что вот-вот, вот сейчас...

И сотни других «не надо». А главное — не надо думать, когда проклятые Ворота соизволят возникнуть где-нибудь по-

близости и можно будет пройти сквозь них, замирая от космического холода и жуткой, гвоздем сидящей в голове мысли: «Куда вынесет?...»

Вот с таким настроением я и ездил в академию. С таким настроением просиживал лекции, сдавал зачеты на практических занятиях и готовил курсовые. С этим же настроением шел в спортзал, доводя организм до изнеможения и этим немного снимая державшее меня напряжение.

Учеба и тренировки стали той отдушиной, которая помогла мне прийти в себя, сбросить тяжесть воспоминаний, быстрее адаптироваться к нормальной жизни. Нормальной в нашем, местном понимании слова.

Была еще возможность продолжать работу. Но я с ней поправал. Резко и бесповоротно...

...Визит в контору состоялся через день после разговора с парнями. Я специально подгадал момент, чтобы в офисе было как можно меньше народа.

На входе поймал настороженный взгляд незнакомого охранника. Тот недоверчиво выслушал мои объяснения, позвонил секретарше и только после этого пропустил внутрь.

Я прошел мимо него, чувствуя его внимательный и излишне подозрительный взгляд. Видимо, в конторе новые веяния, усиленная охрана, новые люди. Много чего произошло за неполных три месяца...

Жора встретил меня сдержанно, без привычной улыбки и благожелательного жеста. Кивнул, предлагая сесть, и спросил:

- Где тебя носило?
- Так... обстоятельства.
- А позвонить, сообщить... не мог?
- Не поверишь, нет!

Жора тяжело вздохнул, нахмурил густые, почти как у Брежнева, брови и покрутил головой — признак сильного раздражения. Его тучная фигура с довольно объемным животом, мощными руками и короткой толстой шеей, на которой покоилась большая лысая голова, выдавала крайнюю степень неодобрения.

Когда-то подобный монумент недовольства и барского гнева заставлял меня снижать натиск и слегка придерживать язык во избежание конфликта. Теперь — плевать!..

— Твой отпуск затянулся почти на полтора месяца. Море было хорошим? Или девочки слишком горячими?

— По-разному...

Он откинулся на спинку супермодного и не менее супердорогого кресла, побарабанил пальцами по столу — еще один признак высочайшего гнева — и процедил:

— И что мне с тобой делать? За эти годы ты впервые накопил. Такой исполнительный и надежный сотрудник... Всегда в пример ставил, и вот... Что мне с тобой делать?.. — повторил он, словно советуясь.

— Уволь.

Жора принял это за насмешку и сердито засопел. Пристальный взгляд буквально буравил меня, словно пытаюсь проникнуть в мозги.

— С чего это ты так самокритично? Совесть заела? Тогда простим. Для порядка штрафанем баксов на сто, в воспитательных целях. Чтобы другим неповадно было. Надеюсь, впредь ты будешь разумнее и...

Что-то в моем взгляде заставило его прекратить поучения. Он поперхнулся, протянул руку к графину с соком. Игнорируя стакан, отпил прямо из горлышка.

— Я не шучу, Жора, — мрачно усмехнулся я. — Думаю, в этой ситуации лучше всего мне уйти.

— Да что с тобой, Артур? — уже нормальным, не «хозяйским» тоном спросил шеф.

Он умел нормально говорить, особенно с теми, кто неоднократно его выручал и с кем был на короткой ноге. Правда, в конторе за последний год таких осталось всего двое. Я и бухгалтер. Остальные пришли недавно и смотрели на Жору снизу вверх.

— Ничего. Просто я уйду. Это решение окончательное и обсуждению не подлежит.

— Тебя что — перекупили?

— Кто? И зачем? Выведывать секреты техслужбы? О ней никто, кроме меня и моих парней, не знает. Если, конечно, ты не проболтался. И потом, ты не забыл? Мы не продаемся!

Жора замолчал, окончательно сбитый с толку. Выговаривать человеку, уходящему из фирмы, бессмысленно.

— Можешь толком сказать — что произошло?

Я покачал головой. Жора засопел громче. И недовольнее.

— Может, тебе денег мало? Я могу добавить. О штрафе за будь, это так... к слову. Получал штуку, будет полторы. Или две...

— Жора.

— А?

— Я ухожу не из-за денег. Просто... так надо. Полтора месяца я прогулял, денег, понятно, не прошу. Ты вроде мне ничего не должен. Я тебе тоже. Технику и ключи от сейфов сдам, замки и коды можешь поменять. Думаю, твой новый зам по безопасности и так это сделает.

О новом заме мне успела шепнуть секретарша. По секрету, как своему. Она и не знала, что я уже «не свой»...

Георгий Викторович сник. Его большая фигура словно сдулась, стала меньше. Могучие плечи обмякли.

— Откуда о заме знаешь?

— Шепнули.

— Шептуны, — проворчал он. Опять отпил из графина и медленно, словно нехотя начал рассказывать.

...Жорина фирма, точнее, две фирмы за последний год пошли в гору. Бизнес рос, выручка шла неплохая. И Жора захотел расширить дело, а заодно освоить и пару новых направлений. Одним из шагов расширения стало создание на базе небольшой службы безопасности частного охранного предприятия. Для этого дела Жора нашел отставника-комитетчика. Тот должен был из ничего слепить охранную структуру. Как мечтал Жора — суперпрофессиональную.

Объяснения Жоры я слушал вполуха, с нежеланием. Зачем мне это? Но одну деталь уловил сразу.

Раньше, когда Жорин офис умещался в двух кабинетах, где сидел он сам, бухгалтер — старый, еще советской закалки, а потому очень опытный и мудрый, и секретарша, все про-

блемные моменты разруливала пятерка спецов. То есть наша команда. Стрелки, разборки, переговоры, улаживания конфликтов — все висело на нас. Плюс Жорина безопасность. Мы справлялись. И Жора не наглед, хапал аккуратно, и его мудрый бухгалтер ловко прятал концы в воду, и мы работали осторожно. Больше мирным путем. Силовые акции можно пересчитать по пальцам. Двух рук...

Город делили между собой три криминальные группировки, шла война за крупные и средние предприятия, убитых хоронили каждый день и не по одному. Еще больше тел исчезало бесследно.

В этой обстановке Жора вел дела тихо, его бизнес был скрыт от посторонних и жадных глаз. Он очень рано, раньше многих, понял, что надежнее всего будет не падать под кого-то из «чисто конкретных пацанов», а пойти под крылышко родного Комитета. Который к тому времени сменил несколько вывесок, потерял былую тяжеловесность, но был еще в силе.

Так и жили. Мы урезонивали особо наглых и ретивых, желающих отщипнуть кус от пирога, а Жора задействовал связи в госбезопасности, когда проблема выходила за рамки стрелок-стрелялок.

Потом произошел памятный разрыв между Жорой и моими друзьями. Тот решил, что мы имеем слишком много, и решил укоротить аппетит пятерки. Парни сказали — хрен с тобой, золотая рыбка! Не хочешь, как хочешь! И ушли. Без меня. А когда я попробовал сделать то же самое, то отговорили.

«У тебя учеба, у тебя здесь жилье, — увещевал, а скорее приказывал Сергей. — Куда тебе срываться? Учись, работой потихоньку. А мы пока попробуем в другом месте. А когда диплом будет в кармане — посмотрим. Только запомни одно — больше ты ни в какие игры с разборками не лезешь. Занимайся техникой. И близко не подходи к разборкам и охране. Понял?»

Я понял. И Жора понял, когда пришел к нему с разговором. Видимо, остыл после скандала и уже жалел о жадности. Поэтому выслушал спокойно, вник в тему и не стал перечить. Техника? Пожалуйста. Очень кстати... Не будет прежней ра-

боты? Что ж, пусть так. Главное — подними новое направление. Техника, она такая вещь, если ею умело пользоваться, можно получить очень многое.

Жора дал добро, и вскоре я наладил дело. Его новый офис имел почти стопроцентную защищенность от любого вида прослушивания. Даже включая прослушку с телефонной станции. Там у меня сидели два человека на премиальных. Как намылятся нас слушать милиция или еще кто — они мне сразу звонили.

Но одной защиты мало, надо и еще кое-что. Со временем Жора начал получать информацию о конкурентах и недоброжелателях, можно сказать, из первых рук. Из их офисов, дач, бань, квартир...

Так мы и жили до... сегодня.

А теперь Жора пошел в гору. Теперь он солидный бизнесмен с большим оборотом. Ему положено иметь свое охранное предприятие. А в его главе встанет выходец из той же конторы с буквами ГБ. И покровители довольны — им процент капает, и крутая братва не особо лезет. Потому как и у нее есть потолок. Рубеж, за который не прыгнуть.

И все же!.. Грусть-тоска Жорины понятны. Раньше наша пятерка решала все проблемы, и решала только положительно. А как теперь? Пока неизвестно. А Жора не терпит неизвестности. Потому и вздыхает. Да вдобавок главный техник уходит.

— Что ж... — тянет он. — Коли решил. Ладно.

— Заявление писать?

— Пиши. Я подпишу, отдам в бухгалтерию. У нас теперь целый финансовый отдел... Завтра получишь трудовую. И деньги.

— Какие деньги? — не понял я.

— За два месяца. — Жора кисло улыбнулся. — Хоть вы меня и считаете жмотом, но я все же помню добро. Оформим как выходное пособие.

Мне и без этих денег неплохо, но неожиданный жест Жоры приятно удивил. С чего это он такой добрый?

— Благодарю за нежданный дар.

— Завтра с утра подойди. Деньги и трудовую получишь. И потом. У меня есть одно предложение... Возможно, оно придется тебе по душе.

— Хорошо. — Отказывать в разговоре после доброго жеста не хотелось. — Тогда до завтра.

...Следующим утром Жора начал разговор с того, что протянул мне узкий конверт.

— Три штуки. Можешь не пересчитывать.

Я и не думал, Жору в таких делах отличала почти невероятная скрупулезность.

— Благодарю...

— Присаживайся. — Он подождал, пока я опущусь в шикарное кресло напротив него, и перешел к делу: — Мой новый зам создает охранную фирму. Трехуровневую. Стационарная охрана на объектах, группа сопровождения для перевозок грузов и группа личной охраны. Наполовину она будет укомплектована прежними парнями, наполовину новыми. Он сам отбирает. Но будет и еще одна группа. Быстрого реагирования. Восемь человек. Для решения...

Жора сделал паузу, многозначительно посмотрел на меня и кивнул:

— Ну, ты понимаешь...

— Понимаю. При чем тут я?

— Я прошу тебя взять их подготовку на себя. Остальных Корешков будет готовить отдельно. Чуть ли не сам.

— Корешков?

— Мой зам. Не знал его фамилии?

— Теперь знаю. Почему ты хочешь отдать мне группу? Этот Корешков не так их подготовит?

— Понимаешь... — протянул Жора, не зная, как обосновать свою просьбу. — Эта группа... она должна быть готова к любым задачам... Э-э... ну как когда-то...

— Ясно, — отреагировал я.

Жора отлично помнит, как работали мы, как решали проблемы и не оставляли следов. И не имели конфликтов с мили-

цией. Вот и хочет, чтобы я подготовил группу, чтобы в чем-то походила на нас.

Предложение, если брать по сути, выгодное. Будет спортзал, будет база, можно самостоятельно тренироваться. Да еще и деньги получать...

— Хорошо, сделаю. Но только это встанет в копеечку.

— Не вопрос, — обрадовался Жора. — Знаю, ты сильно загибать не будешь...

— Но и задешево готовить не стану.

— Сколько?

— Они будут проходить отдельные курсы, — пояснил я. — Стрелковая, тактика, владение холодным оружием и подручными предметами, прикладная рукопашка... Каждый курс по двадцать занятий. С одного человека за курс пятьсот баксов. С группы — четыре штуки. Четыре курса — шестнадцать штук.

Жора побарабанил пальцами по столу, прикидывая затраты, и согласно кивнул.

— Идет.

— Лады. Тир, зал, полигон, вся матбаза — ваша.

— Не вопрос. Что еще?

— Необходимо в конце курсов устроить стрельбу из разных видов оружия. То есть нужно стрельбище. Это отдельные занятия — пять или шесть, и отдельная плата.

— Договорились. Список матбазы дашь?

— Да. Предоплата за каждый курс.

— Не вопрос. По рукам?

Я пожал толстую лапу Жоры.

— Тогда дай знать, когда вы будете готовы. Три занятия в неделю. Можно и четыре.

— Устраивает. — Жора встал из-за стола, проводил меня до двери, выказывая уважение, и напоследок сказал: — Смотри. Пожелаешь вернуться — приму.

Я усмехнулся и не ответил. Жора не упустил случая забросить удочку. Так, на всякий случай. Вдруг дела пойдут так, что я окажусь на мели и вынужден буду искать приработок.

Такой вариант я не допускал ни при каких обстоятельствах. Возвращаться после прощания — плохой тон. Уходя — уходи...

В бухгалтерии мне вернули трудовую книжку. Я открыл ее, посмотрел на записи. Их всего три. Принят на должность сотрудника охраны. Переведен на должность начальника технического отдела и уволен по собственному желанию. Общий стаж — почти четыре года.

Когда я вышел из кабинета, меня окликнула секретарша:
— Артур, погоди. Тут с тобой хотят поговорить.

Рядом с ней стоял мужчина средних лет в темно-синем костюме, с небольшой папкой в руках. Рост немного выше среднего, фигура плотная, спереди чуть выпирает брюшко. Короткая стрижка, узкое интеллигентное лицо школьного учителя математики. Взгляд неприятный. Так смотрят следователи на подозреваемых. Очень сильно подозреваемых...

— Вы Томилин? — низким скрипучим голосом спросил он.

— Да.

— Я заместитель Чижмина по безопасности и новый директор охранной фирмы. Корешков.

Это я и так понял. По его виду и по тону. Непонятно только, что ему от меня надо?..

— Вы уволились из фирмы. По какой причине?

— По личной, — улыбнулся я.

— А поточнее... — требовательно спросил он, пристально глядя на меня.

— А поточнее только в аптеке, — с еще более лучезарной улыбкой произнес я и подмигнул секретарше. — Пока, Оль.

Корешков с несколько растерянным видом смотрел на меня, не зная, как реагировать на такую отповедь. Видимо, не привык, что ему перечат.

Сидевший у входа охранник всю эту сцену видел и смотрел на меня, слегка выпучив глаза. Я спокойно прошествовал мимо него к выходу, открыл дверь и вышел на улицу.

Вот и отработал свое. Еще одна ниточка, соединяющая меня с городом, лопнула. Предпоследняя...

* * *

— ...Пятый курс, господа студенты, — это последний рубеж, который вам надо преодолеть, дабы стать дипломированными инженерами. А уж потом можете смело шагать на солнечную сторону, дабы стать «бизменом» и торговать шмотьем на высшем техническом уровне.

Последние слова профессора потонули в смехе и довольных выкриках. Студенческая братия веселилась. Начальник кафедры воспроизвел знаменитую шутку, ставшую популярной последние год-два.

Огромный четырехэтажный комплекс академии в солнечную погоду укрывал в тени весь двор и дорогу. Солнечные лучи падали только на другую сторону дороги, как раз туда, где последние годы в большом количестве стали возникать всякие ларьки, кафешки, киоски, торгующие тряпками, продуктами, соками-водами и пивом. Там возникла вотчина торговцев-бизнесменов, или «бизменов», как мы их называли.

С тех пор преподаватели на зачетах и экзаменах говорили нерадивым студентам:

— Молодой человек, может, вам имеет смысл сменить специальность и вместо того, чтобы грызть гранит науки и трепать нервы себе и другим, лучше пойти на солнечную сторону, заниматься бизнесом? Возможно, это у вас выйдет гораздо лучше, чем разбираться в хитросплетении схем и рассчитывать каскады...

— ...А посему, уважаемые коллеги, — продолжал профессор, — прошу вас засучить рукава, собрать всю волю и закончить начатое четыре года назад. Тем более последний семестр самый короткий. А потом экзамены, практика и диплом. И гуляйте себе на все четыре стороны.

Этим напутствием заканчивалась последняя на сегодня лекция. Студены, весело гомоня, покидали аудиторию, устроив на выходе небольшую толкучку. Я подождал, пока все выйдут, и сам не спеша вышел из академии. И попал в объятия своих товарищей по скитаниям. Экспутешественники стояли на ступеньках с такими мрачными лицами, что я не удержался от замечания:

— Что это, господа, вы не веселы? Чего носы повесили? Нагнал на вас профессор страху? Или жаль, что учеба заканчивается?

На шутку они не отреагировали, только Денис вяло скривил губы в невеселой усмешке. Лица у всех грустные, прямо-таки печальные. Может, что-то случилось?

— Артур, — подал голос Андрей. — Ты занят сейчас?

— Вообще-то да. Вы хотели поговорить?

— Угу.

Я вздохнул, глянул на часы.

— Ладно, давайте поговорим. Только где?

— Ко мне пойдем, — вставил Денис. — Здесь недалеко.

Жил он действительно недалеко, на соседней улице. Уютная двухкомнатная квартира, большой застекленный балкон, хорошая, почти новая мебель, современная техника. Видимо, родители Дениса были людьми обеспеченными, сделали сыну роскошный подарок.

Девчонки скрылись на кухне, сооружая нехитрую закуску, Андрей выставлял на стол закупленное по дороге пиво, Денис колдовал над музыкальным центром, ища нужную волну.

Минут через пять приготовления были закончены. В центре комнаты поставили низкий столик. На него водрузили бутылки с пивом и тарелки с чипсами и бутербродами. Все расселись по местам, но не спешили приступать к разговору. Смотрели то на меня, то друг на друга.

Я глянул на часы и сказал:

— Ну, так я вас слушаю, господа. Что вы хотели мне сообщить?

Затянувшуюся паузу прервала Оксана. Поправив упавший на лицо локон, спросила:

— Как у тебя дела, Артур?

— Нормально. Живу-поживаю, добра наживаю.

— А это... — взмахнул рукой Денис, — ну... чувствуешь себя хорошо?

— Да вроде...

— Никаких... — Он замолк, подбирая слова. — Ну, ничего такого?..

— Какого такого? — не выдержав, улыбнулся я.

Теперь замолк и он. Лена напряженно смотрела на меня с какой-то затаенной печалью, Андрей разглядывал бутылку пива, Оксана машинально поглаживала живот, сдувая непослушные волосы со щеки. Разговор не клеился. Они что-то хотели от меня услышать, но спросить напрямую не могли. Стеснялись, что ли?

Я вновь глянул на часы и решил перейти в наступление:

— Вот что, друзья, у меня и правда не так много времени, давайте перейдем к делу. Вы что-то хотели спросить? Спрашивайте, не стесняйтесь. За спрос не берут в нос. Ну?

— Ладно, — махнул рукой Денис. — Я что хотел спросить... У тебя со здоровьем после всего этого как? Ничего не беспокоит, не болит?

— Нет.

— А?.. — Оксанка смешалась, порозовела. — По ночам ничего не снится?

— Кроме снов, ничего.

— Я имею в виду... ну...

— Он хочет сказать, — наконец раскрыла рот Лена, — что нас последние дни мучают сны. Не ужасы, не кошмары, а... словно мы по-новому переживаем этот провал. Очень назойливые видения. Неприятные.

— Всех мучают? — обвел я их взглядом. — И тебя?

Вопрос был обращен к Андрею. Тот кивнул, бросил на Лену какой-то виноватый взгляд, кашлянул и ответил:

— И меня тоже.

Вообще-то Андрей выглядел лучше всех в этой компании. Посвежее, что ли... Это и понятно, его путешествие по мирам ограничилось одним Абереном и двухгодичного кошмара Зоны он не испытал. Но вот выражение его лица, мягко говоря, было далеко от нормального. Судя по всему, изводили Анд-

роху душевные муки. Если мне не изменяет память, он был близок с Леной. И тот факт, что его выбросило обратно раньше, чем ее, доводил парня до белого каления. Разумеется, невольно, но выходило, что он ее бросил.

И сейчас в его взгляде, жестах, поведении сквозила эта виноватость. И пришибленность. Тем более Лена мало обращала на него внимания.

— Кстати, господа, — поинтересовался я. — Вы случайно не в курсе, как обстоят дела у наших коллег? Я имею в виду Свету и Николая.

— Я звонил им недавно, — ответил Андрей. — Хотел сказать, что вы вернулись. Они живут в Орле. Светка сидит дома, Николай учится в местном институте и работает в какой-то конторе. Судя по всему, у них тоже проблемы, как и у нас.

— Понятно... — протянул я. — Всем досталось на орехи. Как Светка? У нее какой месяц?

— Четвертый... пятый, — ответила вместо Андрея Оксана. — Нормально все. Только она совсем раскисшая. Колька ее к врачу возил, к психологу. Тот что-то прописал, успокаивающие или что там еще. А так...

Она пожала плечами, вздохнула. Проблемы Светы ей были особенно близки, потому как Оксаночка сама имела трехмесячный живот. Или даже чуть больше.

Вот он — скачок во времени. Для нас четверых рейд по Аберену закончился два года назад и уже отошел на второй план. А Андрей и вторая парочка жили этими воспоминаниями, для них прошло три неполных месяца. Соответственно и сроки беременности двух девчонок почти совпадали, хотя одна залетела два с лишним года назад, а вторая только недавно. Еще один парадокс, туманивший мозги ребятам...

— Что нам теперь делать с этим? — произнесла Лена. — Как жить?

Вопрос вообще-то риторический, но смотрели студенты почему-то на меня. Словно я знал ответ и мог решить эту проблему одним мановением руки.

Странная ситуация. С чего они взяли, что я смогу помочь? С того, что легче перенес переходы и их последствия? Или еще почему?..

— Не думаю, что есть панацея от ваших проблем. Ее в принципе быть не может. Но одно посоветовать могу. Посоветовать, так сказать...

Они слушали внимательно. Все. Включая вечно несогласного Андрея. И всегда скептически настроенную Лену.

— Ваши проблемы — в ваших головах. Воспоминания, картинки прошлого, повторные переживания... Не дайте мозгу времени обыгрывать былое. Загрузите его чем-нибудь. Учебой, хобби, работой... Чем угодно. Чтобы извилины дышать свободно не могли, а не то что копаться в прошлом. Не знаю, насколько совет хорош, но другого пока все равно нет. Вот и попробуйте. А там и сами что-то сообразите.

— Возможно, это выход, — протянул Денис. — Хотя три года скитаний просто так не забыть.

— И не надо. Это как игра с белым слоном. Чем больше стараешься о нем не думать, тем хуже выходит. Не гоните воспоминания, забивайте другим.

— А ты? — спросила Лена.

— Что я?

— Делаешь так же?

— Мне проще, — скривил губы я. — Меня воспоминания не мучают.

Мой голос звучал ровно, глаза смотрели прямо и честно. Хотя я врал...

Через неделю после последнего визита в контору мне позвонил Жора.

— Наш договор относительно занятий в силе?

— Да.

— Отлично. Матбаза заготовлена, зал есть. Когда сможешь приступить?

— Давай с понедельника. Часов с девяти утра.

— Идет. Они будут ждать там. Старший группы привезет деньги. Платить будем за каждый курс полностью.

— Лады.

— Пока...

Утром в понедельник шеренга из восьми человек выстроилась передо мной. Одинаковой расцветки камуфляжи, одинаковая обувь, одинаковые спортивные фигуры, короткие стрижки, внимательные взгляды.

Двое из них мне были знакомы. Юрка пришел в личную охрану шефа сразу после ухода моих друзей. В армии служил в противодиверсионном батальоне ракетных войск, имел хорошую подготовку. На гражданке поступил на заочный в политех, а сам пошел в охрану. Толковый парень, быстро схватывает суть дела и не стесняется выглядеть незнающим. В личке* был самым толковым и опытным. Жора поставил его старшим группы.

Второй парень — Макс. Был старшим смены охраны в офисе. Тоже прилично тренирован, опытный дзюдоист, неплохо стреляет из пистолета и автомата. Стационарную охрану перерос, но Жора держал его под рукой. Видимо, как раз для такого случая.

Остальные мне не знакомы. Но, судя по внешнему виду, тоже не в шашки играли. Мускулистые, сбитые. Пожалуй, борцы или регбисты. Там тоже хлипких не держат. Скорость, мощь тела, опыт быстротечных столкновений, коротких злых схваток, ударов исподтишка.

Ладно, разберемся...

Я провел тестирование на функционалку, объяснил, чем и как будем заниматься, выяснил их самочувствие и погнал на разминку. Пока они энергично махали руками и ногами, наклонялись, приседали, крутили шеей и кистями, я размышлял, зачем Жора собрал эту команду и что он хочет.

«А хочет Жорик воспроизвести нашу пятерку. Он до сих пор в восторге от результатов нашей работы. И от того, как

* личная охрана персоны (сленг.).

мы решали его проблемы. Видимо, помнил все время, держал на уме и вот решился. А тренировать предложил мне, как одному из тех, прежних... И Юрку поставил командовать сам, и людей отбирал лично, заму не доверил. Больше чем уверен — группа не будет подчинена Корешкову. Жорка оставит ее для тех случаев, когда легальные и пристойные способы решения проблемы исчерпаны, а прибегать к помощи покровителей от Железного Феликса невозможно...»

Отчасти мои догадки подтвердил Юрка. Когда остальные после тренировки приняли душ и уехали, он задержался. Передал мне деньги и рассказал новости конторы.

— После твоего ухода новый директор охраны говорил Жоре, что не стоит доверять тебе подготовку группы. Мол, ты чужой, а группа особая. Но Жора даже слушать не стал. Ну, Корешков и притих. С нами вообще не разговаривает, а своих охранников и личку тренирует его знакомый. Инструктор вроде неплохой, но такой же, как Корешков, себе на уме.

— А вы что?

— А чего мы? Официально устроены в новый ЧОП, оружие там получаем. Но все приказы отдает только Жора. Корешкова к нам вообще не подпускают. Тот недоволен, но молчит. С Жорой не поспоришь.

— Это точно.

«С кем же Жора собрался воевать? Вроде в городе сидит прочно и тихо. На чужое рот не разевает, занимается своим делом, платит гэбэшной крыше и на других внимания не обращает...»

Поймав себя на этой мысли, я плюнул и выкинул Жору с его проблемами из головы. И без него есть о чем подумать.

После тренировки я потопал в академию, отсидел три пары лекций, потом поехал уже на машине опять в спортзал. Полтора часа работал со своими знакомыми из секции рукопашного боя, потом поработал над метанием ножей, после потягал железо в качалке. Затем, приняв душ, направил машину к дому.

Вот и еще один день позади. А завтра все снова — занятие с Юркиной группой, академия, своя тренировка и вечером сидение перед монитором компьютера. И следующий день, и следующий... Однообразие, размеренность, распорядок. Повседневность...

...А Лене я тогда, мягко говоря, сказал неправду. Если честно — соврал. Это когда она меня спросила о воспоминаниях. Мол, не мучают ли?

Воспоминания меня не мучили. Они меня достали! До предела достали...

Это как фантомная боль в отрезанной ноге, как сожаление о потерянном ключе от двери волшебной комнаты. Нет спасения от каждодневных перелистываний страниц памяти, от назойливых снов, от которых просыпаешься среди ночи по три-четыре раза. К тому же мои мозги, трижды обработанные Воротами, ни с того ни с сего перевели память в режим «помню все». Вообще все. Всплыли даже такие незначительные моменты из розовощекого детства, о каких я давно и прочно забыл.

Например, как в шестилетнем возрасте сказал продавщице газировки на улице «здравствуйте» вместо «спасибо». Или как меня провожала от дома до детского сада дворовая собака.

Потом всплыл и вовсе древний эпизод, о котором я по природе своей и помнить не должен, ибо было мне в тот период чуть больше года. Однако модернизированная память как-то выдала и это. Как в небольшой деревенской церкви крестили маленького карапуза, то бишь меня. Теплая вода купели, смазанные черты лица священника и протянутая им ложка со сладким вином.

Что там зацепило в мозгах, почему эпизод залег в извилинах? Вот всплыло, восстало... И почти каждый вечер что-то поднималось из глубин памяти.

Сами по себе воспоминания не мешали, ясно, что мозг, получивший такую встряску, должен как-то реагировать. Ну, помню и помню. Однако игры мозга очень точно накладывались на то сумрачное состояние, что было у меня на душе. Мрачно там было, темно и тоскливо.

За каким чертом я вернулся? Что здесь забыл? Почему не осел в Ругии? Как я, идиот, упустил такой шанс? Как?!

Видимо, мы, люди, просто генетически предрасположены к тому, чтобы упустить свой единственный шанс, а потом очень долго и горько об этом жалеть. О том, что упустил.

Вообще-то я и там, в Ругии, об этом иногда думал. Что вот когда-нибудь там, дома, стану сожалеть о былом. Но почему-то эта картина мне представлялась несколько в ином свете. Наивный дурак! Я даже не предполагал, насколько был не прав, когда решил перейти Ворота!

Следуя своему же совету, я загрузил себя работой до предела. Учеба, тренировки, занятия, встречи с подружками и опять тренировки, занятия...

Но вечерами, сидя перед компьютером и собирая воедино все свои знания и всю информацию о прежней работе, я заново переживал рейды, засады, налеты, рискованные поездки по Зоне, многочисленные стычки и схватки.

Закрывал глаза, и перед мысленным взором вставали воины герцога Влада, ненавистное лицо маркиза Корхана, карие очи Катерины, искаженное мукой лицо Мечислава...

Скрежетали в ушах клинки и секиры, противно были стрелы, дробно грохотал пулемет, колокольчиком звучал звонкий смех Беаты, басил Радован.

Я крепко сжимал скулы, вертел головой, прогоняя яркую картинку и шум в ушах, а потом открывал глаза и видел перед собой строчки на мониторе.

«Оптимальный состав диверсионной группы для проведения засады в удалении от своих войск на... рассчитывается... Как показывает практика, устройство тайников следует производить из расчета один тайник на... По результатам работы можно сказать, что оптимальное количество занятий по общим курсам не должно превышать четырех в неделю. При условии двух занятий по разным силовым дисциплинам в день...»

И так далее, и тому подобное. Штатное расписание отделения, взвода, роты, батальона. Вооружение, обоснование такого комплекта, защитная амуниция, типы боеприпасов...

Сергей просил написать как можно более подробно, не упуская ни единой мелочи. Даже опыт Аберена учесть.

Я не возражал, коль он просил — делал. Тарасыч зря не попросит. Но кто бы знал, какое это мучение — переживать все заново.

Словом, настроение было паршивое. Я подавлял его, но с огромным трудом. И не выплескивал наружу только потому, что не привык выносить на всеобщее обозрение собственные переживания, держал их в себе. Что мое, то мое.

Однако жизнь, как назло, подбрасывала все новые и новые испытания для психики. Информация шла настолько негативная, что я уже перестал соображать, что вообще происходит.

...Страна катилась в пропасть. Ускоренными темпами. Верхушка хапала, народ подышал, но все молчали. Делали вид, что все нормально. Так, мол, и надо. Богатеи воровали не то что втихую, а напоказ. Политики изоврались окончательно. Помоему, они сами понимали, что несут чушь, но закрыть пасть не могли.

Армию быстро и эффективно доводили до состояния развала, как, впрочем, и милицию. Государство готовилось к распаду. А тут еще Чечня!..

Наша команда имела некоторую информацию, скажем так, более полного характера, поэтому мы были в шоке. Не от войны. Никакой войны и не было. Так, разборка между правящими кланами за кусок пирога. А необученные солдатики, месяц назад получившие школьный аттестат, что сотнями гибли на Кавказе, — это так, нюанс. Неважный, незаметный, малозначительный. Убитые офицеры и солдаты — фон, на котором шла игра на миллиарды долларов.

Продажность армейских чинов и московских чинуш — мелочь. Даже газеты перестали реагировать на явные факты коррупции.

Возможно, не попади я в другие миры и не знай, какая может быть жизнь, то и шока от происходящего не было бы. Но я-то там был. И вернулся полковником полиции, с огромным опытом той самой войны, за какую здесь выдавали че-

ченские игры. Видеть все это и знать, что происходит на самом деле, было невыносимо.

Через месяц после возвращения приехали Сергей и Марк. Проведать скитальца. Я отдал Сереге все, что наработал. Он залез в компьютер, быстро просмотрел файл, покачал головой.

— Фолиант. Монография... Долго трудился?

— Четыре недели.

— Молодец, полковник. Будем изучать твой труд. А теперь скажи... — Он сделал паузу, взглянул на меня. — Что с тобой происходит?

Я пожал плечами, отвел взгляд. Отвечать желания не было.

— Я могу ответить за тебя, — продолжал Серега. — Ты локти кусаешь, что решил вернуться.

— Локти — это еще мягко сказано, — нехотя буркнул я.

— Тогда скажи мне, пожалуйста, за каким хреном тебя понесло обратно?

Я молчал. Если за месяц толкового ответа на этот вопрос не нашел, то не найду его и сейчас.

— Только не говори, что боялся пришельцев, — опередил меня Марк. — В твоих силах и возможностях было избавиться от них с помощью властей Ругии. Раз ты имел погоны полковника и таких покровителей, то уж смог бы заставить их выслушать себя и поверить, что сказанное — не шутка.

Я молчал. Та причина, что заставила меня перейти Ворота, здесь, дома, выглядела не так убедительно, как в Ругии.

Парни, видя мое состояние, не стали нажимать, сменили тему.

— Что у тебя с Жориком?

— Ничего. Уволился. Тот даже заплатил за прогул и предложил тренировать его группу быстрого реагирования.

— Хочет реанимировать нашу идею, — моментально сообщил Сергей. — Пусть пробует. Что ты им даешь?

— Укороченные курсы. По двадцать занятий каждый.

— Нормально, — кивнул Марк. — И сколько он платит?

— Пять сотен с человека за курс.

— Неплохо. На хлеб с маслом и икрой хватит.

Мы проговорили еще пару часов. Парни рассказали о своих делах, обсудили перспективы продвижения наших идей и планов, потом поболтали на отвлеченные темы.

И только под конец Сергей сказал:

— Не хотел тебе говорить... Тем более ты в таком состоянии... Но ладно. Ты — человек закаленный, выдержишь.

— Ты о чем?

— Слушай. И мотай на ус...

Деревья, уже потерявшие листву, мелькали за окном, отбрасывая на дорогу длинные тени и дробя лучи по-осеннему слабого солнца. Стрелка на спидометре упорно ползла к отметке 160, но в салоне звука работающего мотора почти не было слышно. Только слабая дрожь машины выдавала большую скорость.

...«Восьмерку» я взял почти год назад (это если считать только здешнее время). Так вот, взял, значит, машину, нулевую, с завода, минуя многочисленных посредников, то есть по довольно низкой цене. И тут же отогнал ее в гараж небольшой фирмочки, где несколько парней с руками Левши и головами Кулибина вносили некоторые изменения в начинку машин.

Мотор поменяли на немецкий, от BMW, колеса поставили импортные, руль фирменный, тоже немецкий. И внесли еще десятка два небольших изменений. В результате получился гибрид с внешностью отечественной автопромышленности и начинкой иностранного изготовления.

«Псевдовосьмерка» разогналась по шоссе до двухсот двадцати, кушала всего пять литров на сто км/ч, была послушна в управлении и... не привлекала излишнего внимания. Всякие там навороты вроде электрического привода на стеклах, встроенной системы сигнализации, магнитофона с квадрофонией в счет не шли. Это — как придаток к рабочим качествам машины.

Вот на этом железном чуде отечественных самородков я возвращался с одной из баз отдыха Солотчи*. Двухдневный отдых на природе с шашлычками, сауной и в обществе деву-

* Район под Рязанью, где расположены многочисленные дома отдыха и санатории. Один из самых красивых уголков России.

шек пошел мне на пользу. Я хоть на время сумел изгнать из своей головы занозу воспоминаний и терзаний.

Сейчас, когда отдых был позади, стандартный набор мыслей вновь занимал голову, но я сумел перевести этот поток на другую тему. Тоже довольно невеселую...

— ...Страна падает в пропасть, — рассказал тогда Сергей. — Идет развал по всем направлениям. Армия, госаппарат, промышленность... И все остальное.

— «Помощь» иностранных друзей? — спросил я.

— Своих хватает. А в общем-то совместные усилия. Зреет нарыв. По последним прогнозам, страна как единое целое просуществует еще лет пятнадцать—двадцать. Потом начнется неконтролируемый развал. Дробление на губернии, области, автономии. Нарушение единой энергетической системы, потеря власти центра и как следствие — расчленение государства. А следом — гражданская война. Возникнут самопровозглашенные республики, автономии, страны, независимые от Москвы. После этого возможен ввод сил НАТО под эгидой ООН якобы для контроля ситуации и недопущения несакционированных пусков ядерных ракет. На самом деле — захват страны. И все.

— Что — все?

— Вообще все. Территорию России разделят на десять—пятнадцать... княжеств с марионеточными правительствами, подчиненными США, Англии и их союзникам. Может, влезет Китай, он сейчас набирает силу, с ним считаются, его боятся...

— А здесь что будет?

— Ничего. Сырьевой придаток, место под ядерные захоронения и испытания различного оружия и технологий. Население с полутора сотен миллионов сократится до семидесяти—восьмидесяти. А то и меньше. Вымрут больные, старики, дети. Богачи с миллионами уедут на Запад, остальные будут влачить жалкое существование.

Я слушал Сергея и понимал — это правда. Это факт. Сам видел, что может произойти при попытке развала страны. Ругии повезло — она уцелела и вернула утраченные позиции.

Россия этого сделать не сможет. Гнилое дерево не выстоит там, где сильное только слегка пошатнется.

— Вот такие пироги, — со вздохом заключил Сергей.

Я покосился на Марка, тот сидел молча, слушал внимательно, хотя уже все знал.

В голове, однако, не укладывалось подобное пророчество. Впрочем, это не пророчество, это озвученный сценарий развития.

— Какой же у нас выход?

— У кого — у нас?

— У нас пятерых, — уточнил я. — Россия не в счет, это уже труп.

— Сваливать. Подготовить плацдарм и сваливать. Либо получить достаточную сумму здесь, либо наладить контакты там, на Западе, и уходить. А для этого нужно знать, куда и как уходить. С сотней тысяч баксов там делать нечего. Надо открыть свой бизнес, купить жилье, отложить на черный день. Причем подальше от России. Идеально — запад Европы. Но можно и Америку — и Латинскую, и Северную. Как крайний вариант — Австралия. Везде можно жить.

Я оценивал информацию. Оценка — единица! Это полный звездец! Вот уж вернулся! Из огня да в полымя...

— И что у нас с зарабатыванием несметных богатств? — спросил я.

На этот раз Сергей с ответом не спешил. Сидел, глядя в пол, и сжимал кулаки. За него ответил Марк.

— Хреново...

...У солотчинского поста ГАИ я сбросил скорость, глядя на стоящего впереди гаишника. Здесь работали наши знакомые. Мы их подкармливали по мелочи: водка, вода, продукты и прочее, и они нас не трогали. Но это было раньше, кто стоит здесь теперь, я не знал. Если новички, придется наводить мосты снова.

Но повезло, стоял знакомый старлей, его мы обычно узнавали издали по красной роже и длинной худой фигуре. Он проводил мою машину внимательным взглядом, но останавливать не стал.

Миновав пост, я прибавил скорость и погнал дальше к городу, с некоторой тревогой поглядывая на небо. Впереди накатывала огромная туча, способная принести как снег, так и дождь. Да, пришлось заново привыкать к холодам, снегу и зиме. За два года в Ругии я отвык от резкой смены климата.

«Я много от чего отвык. Например, от проблем финансового характера и некоторых бытовых вопросов, которые легко решались, там, в Ругии...»

— ...Хреново, — повторил Марк. — Потому что нет у нас ничего. Пока...

Он энергично потер ладони и продолжил.

...Старый план парней основать свой бизнес в Москве и Питере по большому счету провалился. Прожив там несколько лет, они поняли, что основать свое дело без криминала, без влезания в разного рода разборки и без пролития крови невозможно. Все места уже поделены, все куски пирога получили хозяев. Подойти к кормушке можно только одним способом — оттолкнуть другого. А оттолкнуть — значит устранить того, проще говоря — уничтожить.

Два человека такое провернуть не в силах, да и четверо тоже. Поэтому парни занялись другим делом. Что в Москве, что в Питере был большой спрос на хорошо подготовленных бойцов. Криминальная война была в самом разгаре — бандиты гибли сотнями, нужда в новых «быках» большая.

Парни нашли контакты с нужными людьми и начали готовить людей, учить их воевать. Имея за плечами огромный опыт и знания, они поставили дело на поток и в довольно короткие сроки выпускали хорошо подготовленных бойцов.

В принципе такая работа неплохо оплачивалась, по две штуки баксов в месяц парни имели. Причем не особо себя утруждая. Однако это все, чего они достигли. Никаких подвижек в плане бизнеса больше не было. Потому что любая попытка поднять голову, начать зарабатывать какие-то деньги мгновенно засвечивала парней перед криминалом. А за этим обычно следует наезд, предъява и ультиматум — плати или пожалеешь.

Помимо всего прочего, им было необходимо сидеть в тени, не вылезать, дабы все, кто даже краем уха слышал о некой команде, работавшей в разных «горячих точках», забыли о ней. Напрочь. Ибо слишком многие имели основания быть недовольными результатами нашей деятельности.

— ...Вот потому и хреново, — подытожил Марк. — Сидим, как кот в засаде. Контакты на Западе не налажены — пока нет путей. Свое дело открыть невозможно. На жизнь жаловаться нельзя — с голоду не пухнем, деньги идут с постепенным нарастанием, но основная цель не достигнута.

— И какой же выход? — спросил я.

— Пока никакого, — нарушил молчание Сергей. — Живем как жили. У нас в запасе лет десять есть. Попробуем реализовать план. А если здесь начнется раньше... То выход один. Валить за границу. Любым способом, через кровь и трупы, и утаскивать семьи.

«Уязвимое место — семьи, — мелькнула мысль. — Это я холостой, а парни все женатые, есть дети, вон у Антона их двое. Если что — придется туго...»

— ...Либо сколачивать свой отряд и... все равно прорываться на Запад. В условиях гражданской войны отряд наиболее предпочтителен. Хотя здесь тоже полно вопросов. В общем, много неясного... надо отрабатывать варианты, думать.

— Еще вариант, — вставил Марк. — Уже поступило предложение — ехать наемниками, благо в мире много горячих мест. Или ехать готовить наемников.

— Насколько это серьезно? — спросил я.

— Так... — пожал плечами Сергей. — На уровне предположений: «вот если бы... да как бы вы посмотрели...» Ничего конкретного. И потом — опасный вариант. Можно запросто сгинуть — те, кто стоит за наемниками, привыкли прятать концы глубоко.

На этом разговор и закончился. Парни уехали, а я, получив новое задание от Сергея, весь вечер оценивал услышанное и думал, как в такой ситуации быть. И чем дальше я думал, тем больше понимал — дело швах! Зер* швах!

* Очень (нем.).

...В конце октября темнеет быстро, и к девяти вечера над городом прочно встает тьма. Низкие облака прячут диск новорожденной луны и на большой скорости проносятся над землей, грозя пролить первые капли по-осеннему холодного дождя.

Однако ливень, хоть и обещанный синоптиками, так и не пошел, наоборот, немного потеплело. Стояли последние погожие деньки, после которых должен прийти северный циклон и принести с собой снег и гололедицу, первую в этом году.

Сбросив скорость и приоткрыв окно дверцы, я катил по опустевшим улицам, глядя на редкие фигурки проходящих мимо девушек. Увы, они успели спрятать свои прелести под брюки и длинные плащи, поэтому с ходу оценить достоинства форм было трудновато. Несмотря на двухдневные забавы в обществе весьма заводных барышень, я не хотел сегодня спать один, а звонить знакомым подружкам было влом. Проще говоря, парня потянуло на свеженькое...

В горле пересохло, я открыл «бардачок» и пошарил в нем, ища бутылку. Но там было пусто. Впопыхах забыл воду в холодильнике коттеджа. Ладно, не беда.

Я притормозил, выглядывая поворот на небольшую дорогу, ведущую на узкую улочку. Там стояли дома частного сектора и еще уцелели несколько колонок, из которых можно пить, не опасаясь подхватить всякую дрянь.

Фонари на улочке горели через один, да и то вполнакала. Я медленно катил по дороге, глядя по сторонам, и наконец заметил колонку. Затормозил, достал полуторалитровую пластиковую бутылку и вышел из машины.

Колонка была старая, с покосившейся полуржавой трубой, вросшей в землю почти наполовину. Но струя была сильная, от ледяной воды сразу занемели пальцы. Я переложил бутылку в левую в руку, а правую прижал к боку — согреть замерзшую кожу.

Из горлышка плеснула пена, ледяная вода потекла на пальцы. Я отпустил рычаг, завинтил пробку и пошел обратно, по пути подкидывая бутылку, чтобы не отморозить ладонь.

Положив бутылку в «бардачок», завел мотор, вывернул руль и начал выезжать на дорогу, когда из-за угла выскочил молодой парень и едва не запрыгнул на капот машины. Я резко ударил по тормозам, и «восьмерка» застыла как вкопанная, благо не успела набрать скорости.

— Ты чего, пацан, ослеп?! Куда прешь?

Тот, широко хватая ртом воздух, оттолкнулся от капота и подбежал к левой дверце.

— Пожалуйста! Помогите!

Одет он был вполне прилично — джинсы, рубашка, кожаная куртка, тяжелые кроссовки. Все чистое, опрятное. На алкаша не похож, на обкуренного тоже — слишком моторный, резкий. А лицо взволнованное, глаза так и вылезли из орбит. И губы дрожат...

Я на всякий случай глянул по сторонам, не выпуская парня из виду, и впервые пожалел, что у меня нет ствола. Трудно иногда без него приходится. Кто знает, что последует дальше...

— Пожалуйста! — продолжал орать пацан, хватаясь пальцами за опущенное стекло. — Помогите! Она кровью истекает!

— Кто?

— Юлька!

Нет, это не нападение. Никого не видно, пацан стоит открыто, снести с ног — дело мгновения. Да и потом — я сюда попал случайно, то есть целенаправленно меня не подловить, а на автоугонщиков не похоже. Слишком наглый вариант нападения.

Все эти мысли промелькнули в голове за доли секунды, пока я тянул руку к замку дверцы. Подав на себя защелку, я толкнул дверцу, чтобы парень потерял равновесие и отошел от машины, и сразу вышел из салона.

— В чем дело? Что с твоей Юлькой? И где она?

— Там, — махнул он рукой назад. — На скамейке.

Там — это за поворотом на главной дороге. Место хорошо освещенное, опять же машины изредка пролетают, слышно отсюда. То есть плохие парни ждать вроде не должны.

— Ей в больницу надо. Пожалуйста! — Он умоляюще по смотрел на меня. — Помогите!..

— Далеко отсюда?

— Нет.

— Ну, беги вперед, показывай, — решил я наконец и полез обратно в машину. — Я следом.

За поворотом был небольшой сквер, окруженный деревьями и кустарником. Летом прямоугольник в центре сквера с дороги почти не виден, листва закрывала его от посторонних глаз. Этим зачастую пользовались влюбленные парочки, устраивая там места для поцелуев. А те, кто погорячее, — и места для любви. Но сейчас, в конце октября, листья облетели, и сквер был виден насквозь.

У одной из скамеек стояла небольшая компания. Парни и девчонки. Совсем молодые — лет по восемнадцать-девятнадцать. Мой проводник, бежавший впереди машины, махнул рукой: мол, там.

Я остановил машину у обочины и пошел к ним, продолжая сканировать местность. Не из-за подозрения — по привычке. Последние три года у меня была масса поводов настороженно относиться ко всему, а подобные навыки просто так не исчезают.

— Машина есть! — почти прокричал мой проводник, подбегая к друзьям. — Сейчас отвезем.

На меня глянули три пары глаз: две девчонки и один парень повернули головы. Я подошел ближе и спросил:

— Что тут у вас?

На скамейке сидела девушка. Длинные крашенные в белый цвет волосы, мягкие черты лица, яркие губы и большие карие глаза. Наполненные слезами. На щеке мокрая дорожка, нижняя губа закушена. Девочка испуганно смотрела на свою ногу и негромко стонала.

Рядом на корточках сидел парень. Одной рукой он держал голую ступню девчонки, второй прижимал к щиколотке платок. Из-под него капала кровь.

— Юленька, Юленька, потерпи, — шептал парень, — сейчас в больнице тебе помогут.

— Ой, молодой человек, отвезите ее, пожалуйста, в больницу, — протянула одна из девчонок.

— Да, пожалуйста, — подхватила вторая. — Скорее, ей плохо!

Я подошел вплотную, отодвинул парня и присел рядом.

— Дай. — Подхватил травмированную ногу, оторвал пла-ток и осмотрел рану.

Хреново. Малышка как-то умудрилась рассадить себе мя-коть голени, причем довольно глубоко — кровь шла не переста-вая. Вдобавок ступня была вывихнута — висела скошенная чуть внутрь, а возле сустава уже росла опухоль. Как бы не перелом.

— Давайте ее отвезем скорее, — почти простонал сидев-ший на корточках парень.

Голос у него дрожал. И руки тоже.

— Неплохо. Как вы умудрились, леди? — поднял я на де-вочку взгляд.

Она не ответила, глянула на ногу и закатила глаза. Видно, вида крови не переносила.

— Ну же? — едва не притопнула одна из подружек.

Я встал. Везти надо, но кровь... Слишком быстро течет. Это непорядок.

Отстранив крутящегося под ногами парня, что позвал меня, я пошел к машине.

— Вы куда? — закричал тот. — Вы что, бросаете?

— Спокойно, малыш, — обернулся я на ходу и помахал рукой. — Я скоро.

Аптечка, как всегда, лежала у заднего стекла. Большая ап-течка, нестандартная. При случае там хватит лекарств на отде-ление раненых солдат. Полный набор для помощи, а не толь-ко чтобы гаишники отмотались.

Уже на обратном пути я открыл крышку, находя необхо-димое. И заодно прикидывал, куда везти раненую. В травм-пункт нет смысла, возможно, потребуется операция. Так что в больницу. А чтобы с диагностикой и помощью не тянули, надо к знакомым. Были в городе несколько хороших врачей, наших друзей. В любое время дня и ночи, хоть на Дальний Восток поедут и помогут. Мы им приплачивали и вообще помогали. Свой врач много значит в наше беспокойное время.

— Отодвинься, — подтолкнул я сидящего парня, несом-ненно, возлюбленного раненой красотки.

Раскрытую аптечку поставил на скамейку, достал жгут.

— А ты, милая, отвернись, — сказал я девчонке.

Наложить жгут, затянуть в меру, чтобы сдавил сосуды и остановил кровотечение. Перекисью водорода полить рану, наложить бинт с кровоостанавливающим тампоном. Вколоть промедол, чтобы снять болевой шок. Заморозить щиколотку, где росла опухоль. Сунуть под бинт клочок бумаги с проставленным временем наложения жгута. Это для врачей, чтобы знали, когда была перетяжка.

При известном опыте и ловкости все занимает пару минут. Дело нехитрое, но именно из-за неумения помочь себе или другим часто гибнут люди. Я это уже проходил...

Боль немного отступила, я видел это по лицу девчонки. Теперь можно и в больницу.

— Спасибо вам, — прошептала она, вытирая слезы со щеки.

— Пустое. — Я повернулся к ее кавалеру. — Идти она не сможет.

— Я донесу, — с готовностью сказал он.

Я с сомнением окинул его взглядом. Высокий, но худой. Узковат в плечах, руки тонкие, кисть узкая. Не здоровяк. Сразу видно — если и занимался спортом, то только шахматами. В готовности донести я не сомневался, а вот в способности пройти пару шагов с драгоценной ношей в руках — сильно. К тому же его любимая — девушка немаленькая. Рост под сто семьдесят, фигура развитая, и хотя лишнего ничего нет, но кило пятьдесят с копейками потянет.

— Держи, — передал ему аптечку. — Только не потеряй. И вот еще держи.

На этот раз отдал кроссовок с ноги его Золушки. Он машинально принял и то, и другое, растерянно глядя, как я подхватываю его любимую на руки.

Девчонка приникла к моей груди, замерла, тяжело дыша, руки сложила у подбородка. Смотрела на меня с надеждой и благодарностью. Черт, даже неловко стало.

Вся компания двинула за нами следом, наперебой сетуя на происшествие, подбадривая раненую и успокаивая ее ухажера. Тот топал поникший, с опущенной головой, неловко держа в руках аптечку и кроссовок.

Так маленьким табором мы дотопали до машины.

— Лезь назад, — скомандовал я парню. — Там, правда, сиденья нет, но ничего, поместишься.

Тот кивнул, залез назад и опустил переднее сиденье. Я осторожно усадил девчонку. Положил под травмированную ногу картонку, на нее лоскут старого одеяла.

— Жень, ты позвони, когда в больницу приедете. Поосторожнее там, — напутствовали влюбленного страдальца друзья.

Девчонки что-то зашептали раненой, наскоро попрощались, и я надавил на газ.

Женя всю дорогу держал подружку за руку, целовал в затылок и успокаивал. Та притихла, сжимала его ладонь и смотрела то на меня, то вперед. Боль ушла, и ей стало немного полегче. Ехали мы недолго, и вскоре я затормозил прямо перед входом в больницу. Донес девчонку до приемного покоя, попросил вызвать врача. Повезло, дежурил как раз наш знакомый.

Девчонку сразу повезли на осмотр. Когда ее укладывали на каталку, она повернула ко мне голову и слабо улыбнулась.

— Спасибо вам большое!

— Ничего, красавица. Все будет хорошо. Даже шва не останется.

— Спасибо, — вторил подружке Женя, трясая мою руку. — Вы нас спасли.

В больнице он немного ожил и уже не выглядел испуганным воробьем.

— Скажите, а как вас зовут? Как вас найти?

— Зачем?

— Ну... поблагодарить, сказать... — пролепетал он.

— Парень, — скрывая усмешку, сказал я. — Ты только что поблагодарил. Так что забудь. Все нормально. Иди лучше туда, посиди, подожди, пока ее осматривать будут.

— Ага...

— Да. И совет — позвони ее родителям, предупреди. А то они с ума сходят.

Судя по его виду, подобная идея ему в голову не приходила. Молодо-зелено...

— Все, пока. — Я хлопнул его по плечу и пошел к выходу.

— Может, вы подождете... — неуверенно спросил он.

Я покачал головой, махнул рукой и выскочил за дверь.

Быстро доехав до дома, загнал машину в гараж, наскоро перекусил и буквально рухнул в кровать. Спать особо не хотелось, но завтра очень рано вставать, надо хоть немного отдохнуть.

Я закрыл глаза, и перед глазами вдруг встало искаженное болью лицо девчонки. Она плакала и что-то шептала. А потом вскрикнула...

Телевидение и газеты не радовали разнообразием, но всегда передавали нечто новенькое. Там убили, там зарезали, там подорвали с машиной, здесь подорвали вместе с домом, гаражом и гаремом. Взрывы, поджоги, стрельба, поножовщина... Страна переживала криминальную войну, знаменующую собой передел собственности и раздел лакомых кусков почившей империи. Весело в стране расейской жить!..

Рязань в этом плане от других ничем не отличалась и не отставала. Даже наоборот, кое в чем опережала других. Стреляли, резали, убивали другими оригинальными способами вдо-сталь. Бандиты обнаглели до того, что подмяли под себя государственные учреждения и организации и даже влезли в законодательные органы и милицию.

Это как хищник. Если он не имеет естественных врагов, то вскоре захватывает весь ареал обитания и устанавливает единоличную власть. Вот бандиты и установили.

Криминальная жизнь была ключом, больше по голове, и не только самих бандитов, барыг и им подобных, но затрагивала и обычных людей, далеких от богатств и жирных кусков пирога.

Впрочем, люди, далекие от бушующего океана криминальной войны, зачастую и не подозревали, какие страсти кипят под боком. Но я в силу своей информированности был в курсе дел. И этот курс дела меня повергал в шок. Так нагло, без страха перед законом действовать можно только в той стране, которая благополучно идет ко дну. К развалу.

Я смотрел телевизор, читал газеты, выходил на улицы и постоянно получал подтверждения прогнозу, сделанному моими друзьями. Россию сотрясала агония криминальной войны — одна из стадий полного развала. Возможно, эта война

на какой-то момент и стихнет, перейдет в более скрытый вариант, но остановить развал государства уже не в силах ничего. Пардон — кроме установления жестокой диктатуры нового хозяина. Вроде Рюрика, Алексея Михайловича Тишайшего* или Сталина. Но таких людей в стране нет. А если и есть, то к власти они уже не придут. Не пустят.

В этой мутной воде я чувствовал себя не очень уютно. Годы, проведенные в Аберене и Ругии, приучили меня жить в постоянной готовности к отражению нападения, к тому, что могут ударить из-за угла, выстрелить в спину. У меня выработался так называемый рефлекс предбоя — того состояния, какое бывает в преддверии схватки, сшибки.

Так вот здесь, «дома», я жил в этом состоянии постоянно. Нервы от такого режима, понятное дело, были натянуты до предела. Никаким аутотренингом, самогипнозом и прочими психологическими примочками их не успокоить.

Оставалось одно проверенное средство — алкоголь. И я бы им воспользовался, если бы не мое отношение к нему. Отношение весьма своеобразное — никакое. Могу выпить немало — проверено. И перепробовал многое, но... ни кайфа, ни тяги. С тем же успехом можно хлебать молоко и газировку. Организм и раньше быстро переваривал спирт, а теперь и вовсе не замечал его. Пей, не пей — никакого толку.

Так и жил, давя в себе странного зверя, проснувшегося однажды на поляне у Храма, и постоянно охлаживая, оставившая. «Все нормально, надо привыкнуть, не лезь, не смотри...» В общем, кое-как существовал.

...На тренировке показывал работу штыком и при одном из выпадов неудачно ткнул парню стволom. Вернее, наоборот, удачно. Попал в самый низ кадыка. Не очень сильно, но точно. Парень минуты три приходил в себя, кашлял, слезы лились рекой, он даже не вытирал их, держал руки на шее.

Откачали его быстро, привели в чувство. Я извинился, дал ему отдохнуть, а с остальными продолжил занятие. После тре-

* Отец Петра I.

нировки, когда все ушли, Юрка и Макс зашли ко мне в раздевалку.

Минут двадцать, пока я собирался, они рассказывали новости конторы. Кто пришел, кто ушел, что подделывает Жорка и как идет бизнес. Дружно ругали Корешкова и его барские замашки. Порядки, что он устанавливал в новом ЧОПе, были многим не по душе.

— Он и о тебе говорил...

— Что говорил?

— Что зря тебе доверили тренировать группу. Мол, ушел без причины, и теперь чужой. Еще не тому научишь...

Я усмехнулся. Корешкова бесит, что деньги за подготовку получает не он и его приятель. Вот и капает Жоре на мозги.

— Хочет, чтобы мы записывали все, чему ты нас учишь, — добавил Макс.

— Это как? — не понял я. — Приемы, что ли, запоминать и после тренировки их на бумагу переносить?

— Вроде того.

Я по очереди посмотрел на понурые, виноватые физиономии парней и засмеялся. Этот кретин хочет свистнуть приемы, чтобы потом выдать за свои. Идиот! Приемы тут ни при чем, все дело в методике. А парни ее никак знать не могут, потому что проходят усеченные курсы. И потом, чтобы понять методику, надо быть хорошим тренером. Самому готовить людей, понимать, что и как происходит, а не тупо перенимать движения. Они-то как раз вторичны.

Надо же догадаться! Да еще парней подговорить. Чем он их припугнул?..

— И что он вам наплел? Что уволит?

— Нет. Уволить он нас не может, по группе решает только Жора, — с некоторым облегчением произнес Юра.

Боялся, что я решу прекратить подготовку. А тренировки им были по нраву, я видел это по их лицам, по желанию, с каким они пахали на занятиях.

— Вы Жоре скажите об инициативе этого придурка, пусть он выдаст компетентное мнение.

— Артур, мы все спросить хотели, — неуверенно начал Юрка, поглядывая на Макса. — Ты нас гоняешь, как негров на плантации. И такие вещи рассказываешь, о которых мы никогда не слышали. Хотя у нас некоторые и в десанте служили, и в морской пехоте.

— Это плохо?

— Да нет... — подхватил Макс. — Просто непонятно. Мы вроде как группа быстрого реагирования, а не спецназ. А на-таскиваешь ты нас сильно. Даже, как ты говорил, и по короткой программе.

Я вновь обвел их взглядом, мысленно отметил, что парни сообразительные. Поняли, что объем материала явно выходит за рамки обычной программы охранников, пусть даже из ГБР.

— Что вам сказать, парни. Я не знаю, какие задачи перед вами поставит Жора, но, думаю, они никаким образом не будут касаться подметания дорожки перед офисом и похода на рынок за мясом. Возможно, то, что вы станете делать, выходит за рамки закона, и противостоять вам будут братки не из последних. Я не хотел бы, чтобы вы сложили свои головы в какой-нибудь потасовке или перестрелке в подворотне. Или попали под раздачу на очередной стрелке. Жора хоть и обходит острые углы, но иногда даже он не в силах обеспечить спокойствие бизнеса только легальным, законным путем. И тогда настанет ваш черед.

Они задумались. Нарисованная картина не отличалась привлекательностью и оптимизмом. Наоборот, сквозила нешуточной опасностью.

— Думаешь, нам предстоит схлестнуться с бандюками?

— Не знаю. Но исключать такого нельзя. И потом, бандюки — полдела. Хуже, если вам придется пойти против... скажем так, органов правопорядка. В каком-то отдельном случае...

Пожелав спокойной ночи, я пошел к машине, оставив парней осмысливать услышанное. Судя по всему, они впервые всерьез обеспокоились перспективой и возможными последствиями.

Ничего, пусть попереживают. Полезнее будет. Уйдет наносная круть из головы и шапкозакидательское настроение. А

то они последние недели ходят гоголем, видя, что на занятиях получается то, что раньше никак не выходило. Размышления еще никому никогда не вредили...

...Хотя нет, наврал. По поводу размышлений, что не приносят вреда. Мне-то эти самые размышления скоро мозги осушат. Потому как голова упорно катает старые воспоминания, не давая покоя даже во сне. Особенно во сне. Подсознание ни с того ни с сего вдруг решило еще раз проиграть все три года скитаний, только в виртуальном варианте. Все, начиная от первого перехода и заканчивая последним боем на пороге Ворот.

Поняв, что поделаться с этим ничего не могу, я сначала просто смотрел сны, как кино. А потом попробовал кое-что изменить. Подправить сон. И в какой-то момент это удалось. Так я понял, что могу влиять на сон. Управлять им. А это прямой путь к управлению подсознанием.

Еще не зная, к чему приведет странное увлечение, я упорно тренировался, понимая, что организм под влиянием мутации выдает новые способности на-гора. И что это — не последний фокус организма...

...Есть в году день, когда вся академия встает на уши, и нормальный ритм жизни вдруг приобретает бешеный темп. По этажам проносится шумный многоголосый вал с топаньем по ступенькам, с хлопаньем дверей и со скандированием речевок типа «РТФ* — впереди!» или «Да здравствует радика!».

В аудитории, где солидные, умудренные сединой профессора и доценты ведут лекции, вдруг врывается толпа, лезет обниматься с преподавателями, фотографируется, невнятно кричит, что-то пишет на доске и так же внезапно исчезает. Чтобы через минуту влететь в другую аудиторию и повторить процедуру варварского танца.

И так по всей академии. По всем этажам и переходам. Но никто их не останавливает. Не пытается прекратить бесчинства, повлиять на разошедшихся студентов.

* Радиотехнический факультет — профилирующий в академии.

Улыбаются профессора, довольно хмыкает декан, а Злобин* задумчиво посматривает из окна своего кабинета и на все возмущенные вопли начальника охраны невозмутимо отвечает: «Ничего страшного».

Причина такого всепрощенчества одна. Сегодня — последний звонок у пятого курса. Сегодня сотни студентов заканчивают обучение, и у них праздник. Гуляет выпускной курс! Все, свобода! Впереди только экзамены и диплом!

...Я с двойным чувством наблюдал, как мои однокурсники летают по этажам, прыгая, крича что-то невнятное и забегая в кабинеты. Учеба окончена, все позади. На душе щемящая тоска, грусть. Самого бегать по лестницам не тянуло, хотя настроение было приподнятое.

Мои товарищи по скитаниям все-таки присоединились к всеобщему ликованию и тоже бродили по академии. На губах улыбки, в руках колокольчики и трещотки, а глаза застывшие. Нет обычной радости, нет искренности. И веселье их немного наигранное.

На выходе из академии меня перехватили девчонки — Оксанка и Лена.

— Артур, погоди.

Я замер на последней ступеньке, глядя, как они спускаются вниз. Оксана при этом держала руки перед собой. Живот стал заметен даже под курткой, шел, наверное, пятый месяц беременности.

Девчонки встали рядом, Лена сдула локон волос со лба и сказала:

— Наш поток** надумал отметить последний звонок в Солотче, на базе отдыха. Завтра. Дискотека с ночевкой.

— Неплохо.

— Ты как? Присоединишься?

— Вряд ли, — с некоторым сожалением ответил я. — Идея классная, но времени нет. Много дел.

Оксана глянула на Лену, добавила:

* В описываемое время — ректор радиотехнической академии.

** группы одной специальности на факультете.

— Едут почти все. У одного парня там знакомый работает, он все устроит. Довольно дешево. Стол накроют, остальное с собой привезем. Зал большой, все поместимся. Последний звонок, неужели не поедешь?

— Нет. Не успею...

Никаких особых дел у меня не было, только вечерняя тренировка, но я просто не хотел куда-то ехать, сидеть за праздничным столом, видеть радостные лица студентов, пить водку, танцевать... при том, что вообще не умею передвигать ноги под музыку.

— Вряд ли, — повторил я, отметив легкое недовольство на лице Лены.

Та скривила губы, бросила:

— Как хочешь.

Потом повернулась к Оксанке:

— Зайду на кафедру. Встретимся на остановке.

Она пошла обратно в здание. Оксана проводила ее задумчивым взглядом, как-то странно хмыкнула и вдруг сказала:

— Пентюх ты, Артур!

— Не понял?

— Да так. — На губах Оксанки играла невеселая улыбка. — Наверное, ты и вправду не замечаешь, потому что так придуриваться не станешь.

Я озадаченно посмотрел на нее, соображая, что нашло на девчонку. Та сунула руки в карманы куртки и с несколько загадочной миной произнесла:

— Ты что, не замечаешь, как она на тебя смотрит?

— Кто? — совсем растерялся я.

— О господи! — вздохнула Оксана. — До чего мужики бывают тупыми! Да Ленка! Ленка на тебя смотрит, остолоп!

Я буравил девчонку пристальным взглядом, соображая, чего это нашло на обычно вежливую и спокойную Оксану и с чего она решила начать столь странный разговор.

— Она же вроде с Андреем, — сказал я, пытаясь прояснить происходящее.

— Она, она, — передразнила Оксанка. — Не она, если на то пошло, а Алка. С Аллой Андрей был всегда, раз ты не знал.

— Не знал, — кивнул я.

— Ну конечно, ты же у нас ничего не знаешь. Ты же дела-ми однокурсников никогда не интересовался.

Оксана хмыкнула, глядя на мое растерянное лицо, и пояснила:

— Андрей был вместе с Аллой еще до... провала. А там, в Аберене, начал за Ленкой ухлестывать. Иначе и быть не могло, если помнишь.

— Ну-у...

— Ах да, ты же с нами в столице не был, не в курсе тамошних проблем. Так вот, там они были вместе. А потом Андрея выкинуло сюда, а Лена... И после твоих подвигов, особенно после чудесного спасения Ленка начала думать о тебе больше, чем... чем надо. Понял теперь, господин полковник?

Понял. Понял, что, не зная того, затронул нежные чувства однокурсницы, оставил в ее душе слишком заметный след. Ничуть не желая этого. Нет, Ленка — девчонка видная, красивая. По ней, насколько я, конечно, в курсе, не один студент сох. Но я-то подобных «чуйств» не испытывал. Были на то свои причины. Довольно уважительные для меня.

А теперь выходило, что своим поведением невольно способствовал возникновению особых чувств со стороны нашей Алены.

— Ну что молчишь, как истукан? — напористо спросила Оксана. — Вник?

— Вник. Слушай, а как же Андрей теперь с Аллой?

— О господи! — возвела очи к небу Оксанка. — Какие же мужики иногда тупые! Да какая тебе, если вдуматься, разница, с кем Андрей?! С Алкой, если хочешь знать. Она ж ему на шею бросилась, как только он обратно попал. Ни на шаг от него не отходит, все хочет узнать, где он пропадал. Он теперь на Лену смотрит глазами больного щенка!

Столь эмоциональный монолог ранее был несвойственен Оксанке. Наверное, беременность повлияла, сделала более рассудительной и циничной одновременно.

— Так что ты решил? — не отступала она. — Едешь?

— Нет, красавица. Не еду. А Лене, если хочешь. объясни: я — не герой ее романа. Недостоин такой красавицы.

Оксанка посмотрела на меня, как на законченного идиота, многозначительно кашлянула и пошла обратно к входу. А я смотрел ей вслед и чувствовал себя далеко не самым умным. А точнее — дураком. Потому что отверг такую девчонку!..

Если быть с собой честным, она мне нравилась. Внешностью. Красотой. Умом, характером, нравом... словом, всем. Всем, что может привлекать мужчину в женщине. Кроме одного. Она была студенткой радиоакадемии. А студентки для меня — табу.

...Раньше, три года назад, я так не думал. Тогда у меня, только взявшего академический отпуск вроде как по болезни (на самом деле для того, чтобы вплотную заняться зарабатыванием денег на «командировках»), взгляды на общение с противоположным полом в стенах института* были другие.

И запал я — молодой и горячий — на одну девчонку с другого факультета. Она только поступила в вуз и сразу попала в поле моего зрения. После чего поле моего зрения с нее сходило.

В те годы была очень популярна шведская группа «Эйс оф Бейс», так вот девчонка здорово походила на одну солистку популярного ансамбля. Высокая, стройная, с длинными белыми волосами, собранными в высокую прическу. Нежные черты лица, огромные карие глаза, сочные губы. В общем, мечта любого мачо!

Однако характер у этой мечты был под стать внешности. Гордая, недоступная, строгая. Цену себе знала и лишнего взгляда на парней не бросала. В общем, та еще мамзель. И при том вполне общительная, веселая, с чувством юмора. К этому стоит добавить острый ум и не менее острый язычок.

Словом, понятно, что парни от одного ее вида теряли головы, но их попытки завязать тесное знакомство заканчивались одинаково — ничем.

Но я обо всем этом не знал. Тогда мы только вернулись из первой «командировки» с приподнятым настроением, окрыленные успехом, и уверенности в своих силах было хоть отбавляй.

* До осени 1993 года радиоакадемия была институтом.

Я увидел ее случайно, у входа в библиотеку, она стояла вместе с какой-то подружкой и разговаривала. Судя по выражению лица — о чем-то веселом. Устоять перед ее очарованием не смог и сделал заход.

И мы подружились. Видимо, к ободному удивлению (я — от неожиданного успеха, она — от моего напора). И стали встречаться. Сначала не очень часто, потом больше, больше.

Имя у нее было красивое, звучное — Снежана. Как потом я узнал, в ее роду имелись болгарские корни. Отсюда и карие глаза, и сочные губы, и чуть резковато очерченные скулы.

Видимо, я влюбился, по крайней мере мои чувства вполне подходили под это определение. И как каждый влюбленный, я здорово переживал за предмет воздыхания.

Снежана привыкла носить вещи яркие, броские, любила показать себя во всей красе. Я не раз предупреждал ее, чтобы была поосторожнее, не забывала об элементарных мерах безопасности. Обучил кое-каким приемам и принципам самозащиты. Но Снежана мои советы зачастую оставляла без внимания. Ее гордый характер, мало изменившийся после нашего знакомства, давал о себе знать. Она полагала, что никто и никогда ничего ей не сделает.

На одном из свиданий мы немного повздорили, я даже не помню, из-за чего. Снежана высокомерно повела плечиком и хлопнула дверью. Такое уже бывало, она уходила, а через день-два сама звонила и искала способ примирения.

В тот раз должно было произойти то же самое, но, как назло, я на следующее утро уехал в «командировку». Мы отсутствовали пять дней, а когда приехали, все уже закончилось.

...Снежана поздно вечером возвращалась с вечеринки домой. Шла одна, по темным улицам, по довольно мрачным местам. На повороте дороги возле нее притормозила машина. Трое здоровых парней затолкали Снежану внутрь и увезли. За город. Там сильно избили и изнасиловали. А потом выкинули на обочину и уехали.

Снежана пришла в себя от холода, кое-как смогла доползти до трассы, где ее и подобрал жители соседней деревни. С

многочисленными ушибами, ссадинами и синяками, а также с травмами внутренних органов она угодила в больницу.

Но не в них было дело. Молодое тело быстро поправилось. Гораздо хуже дело обстояло с нервами. От пережитого стресса психика дала сбой. Снежана вздрагивала от любого шума, не могла выйти на улицу, боялась посмотреть на мужчину.

По вызову милиции из другого города приехали ее родители и после недолгих разговоров увезли с собой.

Я опоздал буквально на полдня. Мы приехали рано утром, я проспал несколько часов, а потом поехал к Снежане домой, на съемную квартиру. И застал хозяйку. Она-то мне и поведала всю историю.

...В тот раз «командировка» вышла «горячей», со стрельбой и кровью, и мы, уставшие до предела, оставили все нервы там, вдалеке от дома. Поэтому я смог выслушать все относительно спокойно.

Так же спокойно я выслушал следователя из прокуратуры, который вел дело Снежаны, ее подругу, когда та рассказала мне подробности истории, и мать моей девчонки, когда позвонил к ним домой в другой город. Та сказала, что Снежана забрала документы и уехала на юг, к двоюродной тетке. Адрес назвать категорически отказалась. И передала просьбу Снежаны — не искать ее. Никогда!

Мои парни, когда я поведал им о своем горе, в четыре голоса убедили меня выполнить просьбу Снежаны — забыть и не искать.

«Лучше тебе не будет. И ей тоже, — говорили они. — Не делай ошибку, за которую всю жизнь будешь себя корить...»

Я их послушал. И начал поиски. Тех подонков. Своими способами. В этом мне помогли. И парни, и Жорка, и знакомые из разных... команд.

Мне повезло, двоих я нашел раньше милиции. После тесного общения с ними оба попали в реанимацию с диагнозом «пожизненная инвалидность». У них было переломано все, что только можно сломать, и отбито все, что реально отбить. И в первую очередь — орудия насилия.

Третий попал в милицию. Случайно, во время одного из рейдов. На мою очень горячую и настойчивую просьбу отпустить его под подписку о невыезде знакомый опер сказал:

— Хватит с тебя и двоих.

— Ты о чем? — сделал непонимающий вид я.

— О том самом. Оставь одного для суда.

Я поиграл желваками, но ничего поделать не смог. Пришлось понадеяться на обещание одного человека, сказавшего:

— Он получит свое на зоне. Сразу же.

Слово этот человек сдержал, и моя душа, успокоенная местью, немного отошла. Однако еще долго болела. Я винил себя, ругал, что не смог защитить, оградить подругу от беды, что не спас, не оказался рядом в тот момент.

...Со временем боль прошла, память услужливо отвела воспоминания подальше, затмила их новыми впечатлениями. Жизнь продолжалась. Снежану я не забыл, но теперь вспоминал ее с затаенной грустью и тоской.

И с тех пор никаких романов со студентками радиоакадемии не заводил. Понимал, что это глупо, что бывшее не обязательно должно повториться, но поделать с собой ничего не мог. Табу, и все тут!

Поэтому интерес к своей персоне со стороны Лены воспринимал с долей настороженности, недоверия. Хоть и нравилась она мне как женщина, но никаких шагов к сближению делать не хотел. И не мог...

Пневматическое оружие — штука интересная. Стреляет металлическими шариками диаметром 4,5 миллиметра, летят они со скоростью до ста пятидесяти метров в секунду и не только легко входят под кожу, но при случае свободно дробят мелкие кости человека. Когда такая пулька попадает в глаз — инвалидность гарантирована. А иногда и смерть.

Вот таким «игрушечным» оружием мы и работали на тренировках, устраивая в закрытом зале целые баталии. Работали, разумеется, в защитном снаряжении, которое надежно предохраняло от травм, но при этом давало в полной мере испытать все прелести попадания шарика. Когда в тебя бьет металлическая пулька — ощущения непередаваемые.

Этих самых ощущений сегодня мы хлебнули вдосталь. Когда я скинул амуницию, то насчитал на теле и конечностях десятков кровавых отметин — результаты снайперской работы моих спарринг-партнеров. Впрочем, они наблюдали на себе такие же отметины.

— У тебя атомный движок, что ли? — хмыкали они, вытирая распаренные физиономии полотенцами и жадно поглощая воду из холодильника. — Летаешь как заведенный.

— Привычка.

Парни понятливо кивали и поглядывали на мои раны с уважением. Они-то работали вдвоем-втроем против меня одного. И большую часть схваток выиграл я.

— Ладно, попрыгали хорошо. А теперь надо отдохнуть. Как насчет одного загородного дома с сауной и девочками?

Этот дом я знал — что-то вроде мини-санатория. Теннисный корт, сауна, бассейн, бильярд, несколько спален на втором этаже. Отличное место для отдыха. Предложение хорошее, но мне сегодня лень куда-то ехать.

Так я и ответил.

— Как хочешь. Тогда в следующий раз.

— Да. В следующий раз.

Мои товарищи по тренировкам были бизнесменами средней руки. А тренировки — хобби, которое они считали излишним в наше веселое время. Поэтому и занимались с удовольствием и желанием. Отношения у нас были нормальными. Я не лез в их дела, они не спрашивали ничего у меня. Эдакая вежливая корректность. Несколько раз отдыхали вместе, но на дальнейшее сближение не шли. Я к этому не стремился, они тоже. Зато на занятиях царили самые дружеские отношения. Здесь мы отводили душу...

— До понедельника.

— Пока.

Несколько рукопожатий, и две машины исчезли за поворотом. Я закрыл зал, забросил сумку в багажник «восьмерки» и завел мотор.

«Надобно перекусить, — мелькнула мысль. — Весь день не ел...»

Я счел ее неплохой и повел машину к одному заведению, где любил бывать раньше.

Кафе «Редон» принадлежало одной семейной паре — выходцам из Азербайджана. Сюда они приехали в начале девяностых, когда там, на юге, всюду шла война. Через какое-то время открыли свое заведение и почти сразу попали в сферу интересов одной из криминальных группировок. У семейной пары хватило ума закрыть заведение и соскочить с крючка бандитов. Чуть позже через знакомых они вышли на Жору и предложили создать подшефное ему кафе. Тот был не против. Так возник «Редон». Года три назад на него попробовали наехать некие беспредельщики. Мы провели с ними разъяснительную работу, и бандиты (кто выжил) от заведения отстали.

Кормили в «Редоне» замечательно, и я — большой любитель кавказской кухни — частенько здесь обедал. Раньше. После возвращения в свой мир заглядывать в кафе не приходилось. А тут выпал вполне подходящий момент, и я не устоял.

...На небольшой стоянке перед кафе было около десятка машин. Я поставил «восьмерку» с краю и неторопливо пошел к входу, по привычке внимательно оглядывая подходы к зданию. Вновь срабатывали рефлексy.

...Внутри, как обычно, слегка пахло жареным мясом, специями и свежими овощами. Непередаваемый аромат дробил холодный воздух кондиционеров. Полумрак зала, разноцветные огни на потолке и на стенах, негромкая музыка. Атмосфера уюта и спокойствия. Такая обстановка была мне сильно по душе. Не люблю шум и гам в ресторанах, запах табака и крики подвыпивших клиентов.

Не успел я пройти нескольких шагов, как ко мне подошел администратор кафе Анвар — высокий представительный мужчина лет сорока. Мать у него была азербайджанкой, отец — русским. Сюда он приехал чуть позже хозяев заведения и стал работать вместе с ними. Как всегда, улыбчив и гостеприимен.

— Арту-ур! — чуть растягивая слова, произнес он, прижимая одну руку к сердцу, а другую протягивая мне. — Сколько лет, сколько зим! Давно не заходил! Совсем пропал, да!

— Привет, Анвар. Сколько ни пропадай, но в «Редон» все равно зайдешь. — Я пожал его руку. — У вас все так же уютно и тихо. Как не зайти. Места есть?

— Для тебя, дорогой, — всегда. — Анвар чуть приобнял меня и сам повел к привычному столику, стоявшему за небольшой ширмой в углу зала. Столик когда-то мы выбрали сами. Отсюда хорошо виден весь зал, рядом проход в подсобное помещение. В случае любых осложнений можно легко уйти через второй ход или занять оборону, если кто-то попробует заскочить в двери.

— Мы за этот стол редко кого сажаем и только днем.

Анвар как деликатный человек с большим жизненным опытом никогда не задавал лишних вопросов и держал язык за зубами. Вот и сейчас, хотя его и разбирало любопытство, он ничего не спрашивал. Ни о моей внезапной пропаже, ни о не менее внезапном визите.

Я сел за стол, пододвинул ближе кожаную папку с меню и спросил:

— Что-то новенькое у вас делают?

— А как же, Артур, а как же! Наполовину меню обновили. Много русских блюд, много кавказских. Сам посмотри.

— Скажи, а шашлыки из баранины остались или нет?

Анвар даже руками замахал.

— Канэчна, дарагой! Канэчна!

По-русски он говорил не хуже меня, но сейчас специально подпустил в голос южного колориту и даже языком цокнул, усиливая акцент.

— Всэгда шашылик ест! Еда настоящих мужчин, да!

— Ладно, ладно, — улыбаясь, остановил я его. — Понял. Тогда как обычно: две порции, зелени побольше, соус поострее.

Анвар кивал в такт моим словам, даже не доставая ручку и блокнот. Мои пристрастия знал наизусть. Выслушав заказ, изогнул бровь и с хитрецей спросил:

— А лаваш нужен?

— Канэчна, дарагой! — симитировал я акцент. — Абязателна.

Заверив меня, что все будет как надо и быстро, Анвар пошел на кухню. Я проследил за ним и глянул на часы. Минут через десять шашлык будет готов. Можно ручаться, он даже возьмет заказанное мясо, лишь бы успеть в срок.

Такое уважение, конечно, заслужить одним знакомством нельзя. Тем более у работников подобных заведений. Все дело в том, что когда-то мы вытащили Анвара из одной неприятной переделки с милицией. Вытащили, если быть откровенным, из-под статьи. Анвар, хоть наполовину и русский, имел горячую кровь.

Однажды к нему и его спутнице прицепились несколько подвыпивших братков. Мол, какого хрена азер гуляет с русской девчонкой. Анвар не выдержал и вскипел, братки вытащили кастеты и ножи. Анвар, отслуживший некогда в десантном разведбате и имеющий за спиной Афганистан, здорово покалечил напавших. За что и попал в отделение. Хозяева кафе бросились к нам с просьбой вытащить горячего земляка.

К счастью, в РОВД у нас были знакомые. Как, впрочем, и среди братвы. Ящик водки, пять бутылок коньяка, богато накрытый стол свели проблему к нулю. Побитые братки претензий к Анвару не имели, заявлений не писали — запаadlo, а в милиции были рады — меньше суеты.

С тех пор Анвар проникся к нам глубоким уважением и демонстрировал его при каждом случае. В «Редоне» мы чувствовали себя как дома.

...Пока готовили заказ, я сходил в туалет, помыл руки. Вытирая ладони полотенцем, обнаружил еще одну кровавую отметину на тыльной стороне запястья. От воды корочка намокла и слегка отошла. По коже тонкой струйкой потекла кровь.

Я вытер запястье бумажным полотенцем и пошел к выходу. Проходя по залу, заметил несколько знакомых лиц. За большим столом в дальнем углу зала сидела Жоркина секретарша Оля в окружении пары подружек и двух мужчин. Одного из них я знал, он был специалистом по маркетингу.

Оля заметила меня, слегка кивнула, что-то шепнула подружкам. Те повернулись в мою сторону, провожая любопытными взглядами.

«Новая сплетня готова, — усмехнулся про себя я. — Оленька, конечно, умница и хороший секретарь, но иногда не умеет удерживать язычок за зубами. Завтра же весь офис будет знать, что я заходил в кафе...»

Анвар, как всегда, был на высоте, как, впрочем, и повара. Мясо аж дымилось. Сверху жесткая корочка, внутри тающая мякоть. Лаваш свежий, только выпеченный, помидоры тугие, сочные, соус острый... Я и не заметил, как уничтожил обе порции. Покончив с мясом, опустошил полулитровый графин сока и минут пять сидел с довольным видом, раздумывая, не стоит ли заказать еще порцию. Потом решил, что хватит, и попросил подойти официантку.

— Счет, пожалуйста.

Расплатившись, вышел на улицу, вдыхая свежий воздух и прикидывая, куда ехать. У меня еще с прежних времен были две подружки, молодые задорные девчонки. Одну я после возвращения навестил, второй только звонил. Сегодня они вроде свободны, можно зарулить к какой-нибудь или пригласить к себе. Коротать ночь одному очень не хотелось.

Пока я размышлял, как быть, мимо меня к кафе прошли несколько пар. Я скользнул по ним взглядом, повернул голову обратно и застыл. По ступенькам к дверям шла молодая девушка лет восемнадцати. Длинные каштановые волосы, мягкий овал лица, большие глаза нежно-серого цвета, ямочки на щеках. Фигура обалденная, ноги, как говорят, от ушей, высокая грудь, талия осиная. Прелесть!..

Она была одна, без спутников, что выглядело невероятным. Такая красotka — и в одиночестве! Я проводил ее вожделенным взглядом, оценил неприступный гордый вид и про себя отметил: вряд ли стоит пробовать подойти. Судя по всему, отошлет. Бывают такие девчонки, один их вид говорит, что даже не стоит пытаться. А жаль...

Красавица исчезла в кафе, а я глянул на часы, раздумывая, какую из подружек пригласить. В этот момент по ступенькам вверх взбежали два парня. Один прошел совсем рядом со мной, и я отошел вправо, чтобы пропустить его. Парень взглянул на меня, сделал шаг дальше и вдруг остановился.

— Это вы?

На меня смотрело веснушчатое лицо молодого паренька лет восемнадцати. Лицо смутно знакомое.

Ах да! Это несчастный возлюбленный той девчонки, что я подвозил в больницу с травмированной ногой. Трудно забыть его еще по-детски припухлое лицо и рыжие веснушки на носу и щеках.

— Это ведь вы?! — скорее утвердительно повторил он, широко раскрывая глаза.

Судя по всему, нежданная встреча его чем-то обрадовала. Он ухватил меня за рукав куртки и почти закричал:

— А я уж и не знал, как вас искать!

— Зачем меня искать-то?

— Как же! — восторженно заспешил он. — Я хотел спасибо сказать. Вы тогда спасли Юльку! Ой!

Он притопнул ногой и глянул в сторону кафе.

— Мы сегодня отмечаем ее день рождения! Она же здесь. Пойдемте с нами! Вот ей подарок будет!

Выступать в роли подарка мне еще не доводилось. И идти куда-то, с глупым видом выслушивать слова благодарности, кивать, смотреть на обрадованные глаза девчушки и ее воздыхателя...

— Слушай... Женя, да?

Парень с готовностью кивнул.

— Вот-вот, Женя. Не стоит устраивать представление. У нее все хорошо? Нога зажила?

Новый кивок.

— Отлично. Я рад! Думаю, этого хватит.

— Нет! — воскликнул Женя. — Так не пойдет! Юлька меня достала, чтобы я отыскал вас, а теперь и вовсе не простит, если упушу.

Слушать его наивный лепет было смешно. Как он собирался найти меня в городе и почему его подружка так настойчиво искала встречи со мной?

— Вы погодите минуту, — снова ухватил он меня за рукав. — Я мигом. Юльке скажу. Подождите!

Не слушая возражений, он исчез в кафе. Я поправил рукав, скривил губы в усмешке и глянул на часы. По-хорошему,

следовало валить отсюда, дабы не стать участником банально-го спектакля под названием «спасенная благодарит своего спасителя». Тем более никакого спасения и не было.

Да и надо так сделать. Но что-то удержало меня на месте. Уж конечно, не жажда горячей благодарности из уст молоденькой девчонки и не ее налитые слезами радости глаза.

Но тогда что? Какое-то шестое чувство, интуиция? Или просто нежелание решать насущный вопрос с подружками и возможным замещением на случай их отсутствия. Черт знает, почему я не сошел по ступенькам! Остался, и все тут!

Да и не было у меня времени на бегство. Буквально через двадцать секунд из распахнутой двери выскочил Женя, а следом и его пассия — Юля. Она выбежала в одной кофте, забыв набросить пальто.

— Вот он! — кивнул в мою сторону Женя.

— Ой! Вы?! — Девчушка подбежала вплотную, обеими руками ухватила мою руку и буквально повисла на ней. — Нашлись!

Я скрыл улыбку по поводу столь странного определения и чуть склонил голову:

— Здравствуй, красавица! Рад, что ты жива и здорова.

— А я тогда так жалела, что не спросила, как вас найти, — продолжала удерживать мою руку Юля. — Врачи говорили, что вы вовремя меня привезли и что перевязали вовремя, а то бы могли быть осложнения. А так я за неделю поправилась. Смотрите, уже все прошло.

Она отошла на шаг и встала на носок выздоровевшей ноги, показывая, как все зажило.

— Вот.

— Отлично. — Я уже не сдержал улыбки, глядя на непосредственную малышку. — Рад за тебя.

— Пойдемте с нами! — выпалила она, вновь хватая меня за руку.

— Да, пойдемте, — подхватил Женя, следивший за своей возлюбленной с гордостью и нежностью. — Там стол накрыт, все ждут.

— Да нет, ребята, нет смысла. Я рад, что обошлось, но мешать вам...

Договорить мне не дали. Они обступили меня с двух сторон и начали горячо уговаривать.

— Пошли!

— Обязательно. У меня сегодня день рождения! Совершеннолетие. И я не хочу его отмечать без своего спасителя. Это нечестно.

Я переводил взгляд слева направо и с трудом сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. Ну, чисто два восторженных щенка, повисли на мне и довольно пищат! Ё-моё, как тут обидеть это наивное дитя и ее не менее наивного парня? А ведь обидятся, если откажу.

Послушав их еще секунд пять, я плюнул на условности и свои планы и нехотя произнес:

— Ладно, ладно. Убедили. Иду. Вы где сидите?

— Во втором зале, справа.

— Понял. Вы идите туда, а я приду через пять минут.

— Честно? — заглянула мне в глаза Юля. — Не обманете?

— Честно. — Я с трудом удержался, чтобы не погладить ее по голове, как котенка. — Приду.

— Ждем! — напомнил Женя, открывая дверь подружке.

— Угу.

Я с минуту постоял на улице, кривя губы в усмешке, потом вздохнул и дернул дверь на себя. Ну, коль гулять, то гулять. Потом разберемся со своими чувствами.

А сейчас...

— Всо понял, дарагой, всо! Будэт гус, такой будэт, што палчики оближиш! — Ахмат, один из поваров, даже причмокнул, показывая, какой будет гусь. — Скоро сделаем. Вот сматри, вот гусь!

Я проследил за его рукой и увидел, как из огромного холодильника достают птицу. Анвар, стоявший рядом, одобрительно закивал головой.

— Очень хорошо, буду ждать. — Я повернулся к Анвару. — А пока три бутылки шампанского... и еще три чуть позже.

Анвар опять кивнул.

— Сейчас принесут.

— Тогда пока все, я пошел.

...Идти на день рождения с пустыми руками неудобно, и я, пока стоял на улице, усиленно соображал, как лучше поздравить именинницу, причем сделать это с выдумкой. Чтобы было оригинально и неожиданно. Потом придумал. И зашел к администратору. Анвар внимательно выслушал меня, провел с собой на кухню, где я лично высказал повару, что и как сделать.

Запекать птиц здесь начали не так давно. Гуси, утки, индейки. Кроме этого, целиком готовили молочных поросят и зайцев. Клиенты были довольны, часто заказывали деликатесы, особенно для больших застолий и свадеб.

В общем, с подарком дело решено. Оставшись довольным, я не спеша пошел ко второму залу. Навстречу выскочил Женя. Увидев меня, махнул рукой.

— Ну, вы где ходите? Мы уже заждались! Думали, что вы ушли.

— Женя, — не сдержал я улыбки. — Во-первых, давай будем на «ты». А во-вторых, если я обещал, значит, приду. Понятно?

— Понятно, — мгновенно среагировал тот. — А как вас зовут?

— Артур.

Мы пожали друг другу руки и вместе вошли в правый отсек зала. Здесь за ширмой был длинный стол и две скамейки, покрытые дерматином. Во главе стола восседала именинница, а рядом сидели еще пять человек — два парня и три девчонки.

— О! А вот и мой спаситель! — воскликнула Юля, увидев нас.

Пять пар любопытных глаз повернулись ко мне. Я усмехнулся, услышав такое представление, кивнул и сказал:

— Добрый вечер! Прошу прощения за незваное вторжение, но эта пара меня буквально затащила сюда!..

Говоря это, я обводил молодежь взглядом и вдруг замер, заметив слева от Юли давешнюю красавицу, что видел на вхо-

де. Сейчас на ее лице не было высокомерного неприступного выражения, наоборот, на губах играла улыбка, глаза задорно блеснули. Она о чем-то шепталась с соседкой, искоса поглядывая на меня.

Вот те на-а! Это я удачно зашел!

Женя встал рядом со мной и торжественно провозгласил:

— Это Артур, прошу любить и жаловать!

— Артур, — позвала Юля. — Садись рядом со мной, слева.

Она указала место возле той красавицы. Чувствуя на себе любопытные взгляды, и прежде всего этой девчонки, я сел рядом с Юлей и оглядел стол.

Что ж, жили студенты не то чтобы богато, но уж никак не бедно. Салаты, три тарелки с бутербродами, две бутылки вина, бутылка хорошей водки. Судя по всему, заказан шашлык, возможно, и еще что-нибудь. «Редон» — заведение не дешевое, отмечать здесь праздники и торжества могут себе позволить далеко не все.

— Давай я тебя со всеми познакомлю, — на правах хозяйки сказала Юля и показала рукой на сидевшую справа пару. — Это Настя и Леня. Дальше — Ирина и Гена. А это...

Рука совершила плавный полукруг и указала на мою соседку.

— Это Наташа. Вот, со всеми познакомила, так что давайте будем сразу на «ты».

— Отлично. — Я кивнул всем сразу и улыбнулся. — Что ж, именинница, застала ты меня врасплох своим появлением и днем рождения, так что никакого подарка приготовить я не сумел.

— Артур, какой пода...

Я жестом прервал ее и продолжил:

— Подготовить не сумел. Но приходить на торжество с пустыми руками все же неправильно. А посему...

В этот момент ширма отошла в сторону, и к столу подошел Анвар собственной персоной. Сохраняя на лице невозмутимое выражение, он установил в центр стола большую вазу с девятью пунцово-красными розами на длинных стеблях, а следом, под изумленные вздохи молодежи, воздвиг ведро со льдом, в котором стояли три бутылки шампанского.

Закончив дело, склонил голову и торжественно произнес:

— Поздравляю вас, мадемуазель, с днем совершеннолетия и желаю вам здоровья, счастья и непременно любви, как и положено такой красивой девушке!

Во как! Причем без всякого акцента!

У всех наступил легкий шок. Такое внимание со стороны администрации кафе, да в придачу такое уважение заставили их буквально онеметь.

Анвар, довольный произведенным впечатлением, еще раз склонил голову, поймал мой довольный взгляд и легонько подмигнул. Я показал большой палец — молоток!

— А посему позвольте поздравить вас, леди... — посмотрел я на Юлю, — с праздником! И пожелать впредь получать только приятные неожиданности.

— Господи, Артур, — ахнула та, с восхищением глядя на букет. — Зачем ты!.. Какая же красота!

Она встала, потянулась к букету и понюхала бутоны.

— Прелесть! А ты говорил, что нет подарка. А это что?

— Кхм!.. Вообще-то под подарком я имел в виду кое-что другое. Но оно будет чуть позже.

Женя, сидевший с правой стороны от своей ненаглядной, вскочил и громко выкрикнул:

— Так что же мы сидим?! Давайте выпьем наконец за именинницу! Открывайте шампанское!

Он первый протянул руку к бутылке и стал ловко сдирать обертку, выказывая неплохой навык в этом деле. Я с улыбкой следил за его манипуляциями, потом взял другую бутылку и быстро открыл ее. Повернул голову к Наталье:

— Вы позволите?

— Наливай, — ответила она и улыбнулась. — А разве мы не на «ты»?

— Конечно, извини.

Я наполнил ее бокал, потом свой и посмотрел на Наташу. Черт, как же она была хороша!

Ее взгляд тоже скользнул по мне, и я не заметил ни несокомерия, ни отчужденности. Это вдруг подняло мне настроение.

Женя взял слово и, держа за руку свою подружку, говорил долго, но довольно складно. О любви, нежности, верности, красоте и... в общем, обо всем сразу.

Потом все дружно потянули бокалы в центр, раздался легкий звон, и шампанское, заиграв под ярким светом ламп, выбросило новые порции пузырьков.

Юлька завалила меня салатами, пододвинула ближе бутерброды и хлеб и буквально потребовала, чтобы я все это съел. С некоторым трудом я сумел ее убедить, что только недавно ужинал.

Затем она встала и произнесла тост в мою честь, называя не иначе, как спасителем и добрым ангелом-хранителем. Закончив говорить, шутливо попросила Женю разрешение поцеловать меня и звучно чмокнула в щеку. Как котенок язычком лизнула.

А потом началось обычное застолье. Принесли шашлыки, все стали их есть, запивать шампанским, вином, а кто и водкой. Звучали тосты, звенели бокалы, разговор стал громче. Где-то через час опять отодвинулась ширма, и официант под присмотром Анвара на огромном подносе внес исходящего паром, подрумяненного гуся, запеченного в сухарях и яблоках. Это вызвало новый приступ изумления. Значительно более сильного, чем в первый раз. Теперь на меня восхищенно смотрели все, как на волшебника. А второе ведро с шампанским добило их окончательно.

— Ну, Артур, — потрясенно выдавил Женя. — Ты и вправду как добрый волшебник! Такой фокус устроил!

Я удостоился нового поцелуя именинницы и внимательного взгляда своей соседки. Похоже, мои манипуляции вызвали интерес с ее стороны. Если бы!..

Гуся быстро разделали и, осторожно дуя на мясо, начали пробовать. Судя по выражению их лиц, повара старались не зря.

Я ненавязчиво ухаживал за Наташей, подливая шампанского, следя, чтобы ее тарелка не пустовала, изредка перебрасываясь фразами, но в настоящее наступление не переходил. Рано пока. Хотя от желания слегка подрагивали пальцы. Давно я так не хотел никого!..

За разговором выяснилось, что компания поголовно состоит из студентов. Женя с Юлей и пара Ирина — Гена — первокурсники педуниверситета. Леня и Настя — тоже первокурсники с экономического факультета сельхозакадемии. А Наталья... студентка радиоакадемии! Вот так фокус!

Я несколько секунд смотрел на нее, переживая в душе довольно сложный букет чувств, но потом вздохнул и мысленно махнул рукой. Будь что будет! Отказаться от надежды на более близкое знакомство я сейчас не в силах.

...Мы просидели еще часа два. Гусь был полностью уничтожен, шашлыки съедены, как, впрочем, и остальные угощения. Шампанское и вино выпиты. Все слегка опьянели и были невероятно довольны. Когда пришло время разъезжаться, я предложил подвезти кого-нибудь, имея в виду, конечно, Наташу.

К счастью, мой маневр удался. Она вместе с Ириной и Геной залезли в «восьмерку». А перед этим устроили бурное прощание. Юлька с Женей взяли с меня слово позвонить им на следующий день, оставили телефон и долго благодарили за сюрприз и поздравления. И вообще за то, что нашелся.

Кое-как уgomонив их, я сел в машину и завел мотор. Сперва отвез Ирину с Геной, а потом повез Наталью.

Легкий дорожный разговор, пара новых анекдотов (не пошлых, понятно), несколько осторожных комплиментов и столько же заинтересованных пылких взглядов. Достаточно пылких, чтобы показать стремление к близкому знакомству, но не настолько наглых, чтобы нарваться на резкий отказ.

Уже у подъезда, стоя у дверей, после благодарности за вечер, я спросил:

— Мы сможем увидеться еще?

— Конечно. — Наталья одарила меня насмешливым и одобряющим взглядом. — Ведь ты увидишься с Юлькой и Женей? А значит, и со всей компанией. Ведь мы друзья.

— Отлично, — кивнул я, понимая, что большего мне пока не получить. — Тогда спокойной ночи. И до скорой встречи.

Она напоследок улыбнулась и исчезла за дверью. А я сел в машину, завел мотор и с минуту сидел, приводя свои мысли в

порядок. Станным вышел вечер. Неожданным. Что-то зацепило меня в этой компании, что-то странное и... знакомое.

Не став копать очень глубоко, я вывернул руль и стал выезжать со двора. А потом, ощутив довольно сильное напряжение внизу живота, сообразил, что общение с прекрасной незнакомкой не прошло даром. И если не снять это самое напряжение, то ночь будет невыносимой.

Вспомнив адрес одной из подружек, я уверенно повел машину к ее дому, надеясь, что она не ушла гулять в город...

Минута к минуте, час к часу, день ко дню... Летели сутки, спешили недели, проплывали месяцы. Как-то незаметно проскочили экзамены, за ними неторопливо прошествовал госэкзамен, началась и закончилась преддипломная практика, и впереди туманно замаячил Новый год.

Жизнь, только недавно рвавшая вперед галопом, теперь шла спокойно и размеренно, но даже такое неторопливое шествие не оставляло следа. Ни в душе, ни в памяти.

Я прилежно сдал экзамены, оставил за спиной практику с пятеркой в зачетке и не спеша начал писать диплом, помня, что в запасе почти полгода.

Отдавая учебе несколько часов в день, остальное время посвящал тренировкам, занятиям с Жоркиной группой и работе с компьютером. Сперва по просьбе Сереги обобщил весь полученный за годы скитаний опыт, а потом неожиданно для себя всерьез увлекся военной тематикой. Начал штудировать необъятную библиотеку, что мы собирали раньше, разбираясь в хитросплетении наук, названных когда-то военным искусством.

Это было тем более странным, что стать профессиональным военным никогда не стремился, даже в армии не служил. Но, видимо, почти два года в полиции оказали сильное влияние на расстановку приоритетов. Сама жизнь накрепко связала меня с войной, сроднила, слила в единое целое. После всего пережитого опять стать мирным человеком я не смогу.

Монотонное течение жизни нарушало только одно — Наталья. Сия особа сумела зацепить меня довольно крепко, зас-

тавила обратить на себя внимание и забыть о некогда железном обещании самому себе не заводить шашни со студентками радиоакадемии.

Наши отношения развивались по весьма странному сценарию. Наташка старательно избегала встреч наедине, зато провести вечер со мной в компании своих друзей была всегда готова.

Не желая форсировать события и спугнуть настороженную девчонку, я принял правила ее игры и неожиданно для себя вошел в небольшую теплую компанию студентов. Я, который прежде исчезал из академии с последним звонком и никогда не ходил ни на вечеринки, ни на другие мероприятия.

Такая перемена здорово насторожила меня (а меня теперь настораживала любая мелочь вроде случайного взгляда на улице и мимолетного касания в коридоре академии — последствия скитаний). Но, немного поразмыслив, я не стал придавать этому много значения. Пусть будет как будет.

Странными были наши отношения. Я чувствовал себя среди ребят как взрослый среди подростков. Разница в возрасте была небольшая — семь лет, но уровень развития и отношение к жизни отличались очень сильно.

Иногда трудно было понять мотивацию их поступков, слов, удивляли резкая смена настроения и внезапные короткие раздоры. В общем, ощущения усатого няня в детском саду.

Однако мне было с ними легко. И пружина взведенных нервов понемногу отпускала, и таял айсберг в сердце, и не так настороженно смотрели по сторонам глаза. Словом — душевный отходняк.

А Наташка все держала меня на расстоянии. Сначала — вытянутой руки, потом — положенных на плечи пальцев. Потом — на дистанции сомкнутых губ, крепких объятий и наконец — того микрона, что отделяли мои губы от ее груди. Но полностью отдаться мне она пока не хотела.

Что-то удерживало ее, мешало. Я видел это, но не спешил. Ждал. Хотя ожидание с каждым разом давалось все труднее.

Чтобы не рехнуться от спермотоксикоза, я после наших встреч, а иногда и до них, утолял адский огонь жажды в объ-

тиях прежних подружек. Но чем дальше, тем меньше это помогало. Я хотел ее постоянно, всегда и непрерывно.

Она все видела, все понимала и вроде как сочувствовала, но тянула.

Новый год мы встретили вместе в той же компании. На квартире у Ирины и Гены. Тосты, шампанское, бой курантов, восторг, улыбки и смех... Потом было турне по елкам города, снова шампанское, на этот раз из горлышка, новые крики, вспышки фотоаппаратов, запуски ракет и взрывы петард.

Слоняясь с компанией по улицам, глотая вино и лихо запуская ракеты, я чувствовал, как заживает избитая душа, как разжимают стальные объятия тиски на сердце. Это был растянутый на месяцы сеанс психотерапии, причем очень действенный, сильный. Он помог мне не сойти с ума, принять и пережить и сам факт внезапных провалов в пространстве, и скитания, и войну, и кровь, пролитую вдали от своего мира.

А когда узкая теплая ладошка Наталии сжимала мои пальцы, когда ее глаза ласкали меня взглядом, я ощущал непередаваемый подъем настроения и прилив сил.

Но новогоднюю ночь она мне не подарила. И я слегка потерял терпение. Столь долгая игра впервые зажгла в моей душе огонек раздражения. Возможно, этот огонек и мог бы сжечь все, что возшло доброго в душе, но, к счастью, Леонид — самый старший в компании (кроме меня) — заметил трещинку в наших отношениях и поспешил на помощь.

— ...Не дави на нее, Артур, — сказал он как-то мне. — Не надо. Ей и так не повезло...

Леня сделал многозначительную паузу, посмотрел на меня, проверяя, дошло ли. Не дошло. Так я и сказал.

— У нее был парень... — как-то нехотя продолжил Леня. — Почти год встречались. Она ведь маменькина девочка, строгое воспитание, папа с курсов встречал и провожал.

— Каких курсов?

— Ну... английский, математика... девочка одаренная, вот родители ее и натаскивали сверх школьной программы. Натке нравилось... Вот...

— Ну и? — поторопил я его.

— Ну и вот! Около года назад как-то встретила того парня. И все! Первое чувство, самое сильное, самое главное! Курсы забыты, подружки забыты, внимание только Валику. Валентину то есть...

Леня, как-то по-воровски оглянувшись, достал из кармана пачку сигарет и нервно прикурил.

«Конспиратор хренов, — подумал я, глядя, как он торопливо смолит сигарету — «Парламент» кстати. — От своей ненаглядной, что ли, прячется? Все играет... А рассуждает, как взрослый. Подростковый комплекс — быстрее вырасти, жить жизнью взрослого...»

— В общем, стали встречаться... Натка тоже сперва недоτροгой ходила. Только поцелуй, прогулки до вечера, после одиннадцати — домой. Валик смотрел-смотрел, ждал-ждал, а потом как-то на вечеринке подпоил ее и отвез к себе. На ночь...

Дальнейшее я предугадал без труда. Вялое сопротивление, короткий и бурный секс у одного и непонимание пополам с болью у другой. Утром протрезвление, слезы, упреки, крики. А разойтись...

— А разойтись она не захотела. Влюбилась. Недели две видеть его не могла. На звонки не отвечала, по улице ходила только с отцом или с подругами.

Леня глянул на меня, кашлянул. Отбросил окуроч подальше, достал пластинку жвачки и бросил в рот, стараясь забить запах табака.

— Валик все время звонил, пытался встретить у дома. Это мы потом узнали, что он бандит. Старший или бригадир какой-то... Вел себя очень тихо. Или боялся, что она в милицию пойдет, или просто выжидал. Выжидал, выжидал, пока не выждал.

Я поднял бровь. Интересно! Или его продырявили, или она попала в беду, а он благородно выручил. Должно было что-то произойти, чтобы растопить лед отчуждения и неприязни.

— Ранили его, — внес ясность Леня. — В бок. Отвезли Валика в больницу, успели операцию сделать, вроде обошлось. Натка случайно узнала. От одного его дружка. Тот по своей

инициативе приехал к ее дому, встретил и сказал, что Валик не придет. Ранен, мол. Ну, Натка и рванула туда. В больницу. Всю ночь у постели дежурила, воду подавала, одеяло поправляла. Словом, опять любовь.

«Очень романтично. Благородный разбойник и прекрасная принцесса. Интересно, почему сия мелодрама кончилась...»

— Полгода они потом были вместе. Пока ее отец их не застукал. Он откуда-то знал, кто такой Валик. Запретил Натке с ним гулять. У них там чуть ли не драки дошло.

— А кто ее отец? — спросил я.

— Начальник района... или как там называется...

Ого! Папа еще тот! Место теплое и возможности неплохие. Понятно, почему Валика знал.

— В общем, скандал дикий. С валидолом, вызовами «скорой» — маме — и уходом из дома — Наткиным.

— И в результате?

— И в результате Натка с Вальком прожили в его хате три месяца. Отношения с родаками вроде наладились... слегка. Она, когда Валик уезжал по делам, ночевала у них. А один раз он уехал и не вернулся. Совсем.

— Завалили?

— Женился. Скоропостижно. Натка едва с ума не сошла. Что там на самом деле было — не знаю. Никто из нас не знает. Только Натка слегка пришла в себя, как Валика вместе с женой по дороге из Москвы расстреляли. На этот раз совсем. Вот и все.

Леня полез опять за пачкой, достал сигарету, покатал ее в руке, но потом сунул обратно. Волю тренировал. Или боялся Насти.

— Классная история. В общем, все умерли.

— Угу. С тех пор Натка ходит как убитая. И предательство простить не может, и Валька жалко. Уже три месяца одна, никого не подпускает. Парни слюной исходят, а она ноль внимания. А тут ты.

— Ага. А тут я...

— Поэтому и говорю — не спеши. Она с тобой вроде как отходить начинает. Чаше улыбается, говорит больше.

— Угу! Я такой! Айболит... по совместительству.

— У нее скоро день рождения, — почему-то шепотом сообщил Ленья. — Шестнадцатого. Вот тебе и повод...

— Учту. — Я пожал Лене руку. — Благодарю за информацию. И за совет.

— Да не за что. Мы ведь все вместе со школы. Сдружись, как одна семья. Для нас Натка...

Он не смог точно выразить, кто им на самом деле Натка, но его вид — сосредоточенный и серьезный — говорил, что она им — ого-го как близка!

— Ясно!

...Ясно, что попал на очередной любовно-криминальный роман. И теперь мне вслед за неведомым Валиком предстоит растопить сердце неприступной королевы. Быть вторым у девчонки — не страшно. Хорошо, что не сто вторым. Однако заполучить в объятия столь много проблем в одном флаконе — стоит ли игра свеч?

Покумекав для порядка над этим вопросом, я сам себе честно сказал, что все равно не отступлю, а посему взял для кумеканья другой вопрос — что дарить на день варенья?

Раздражение на недотрогу отошло на второй план. Подождем, раз немного осталось...

А потом был тот самый день рождения. Общий сбор компании на квартире Насти и Лени. Свечи, огромный торт, шампанское из холодильника, поздравления и подарки, тосты, танцы под магнитофон (в основном девчонки).

Я специально чуть припоздал, выждал полчаса и заявился в квартиру, когда первые бокалы за именинницу были выпиты и первые пожелания уже прозвучали.

Наташа в этот вечер была особенно красива, особенно желанна. И ласкова. По крайней мере не уклонялась от моих поцелуев и объятий, не прятала губ. И не стала разыгрывать излишнюю скромность, когда я преподнес подарок — золотые часы.

— Пусть они отсчитывают наше время, — шепнул я ей на ухо, когда целовал. — С этого дня. Каждый день только для нас.

Она вскинула влажные глаза, долгим взглядом посмотрела на меня и... промолчала. И только потом, когда вся компания собиралась на дискотеку, Наташка отвела меня в сторону и прошептала:

— Спасибо, милый. Я...

Не дав ей продолжить, я поцеловал ее. И сделал это скорее настойчиво, чем нежно. И она поняла. Сдалась. В результате на дискотеку компания поехала без нас. А мы впервые легли в одну постель вместе.

Она вела себя немного скованно, зажато. Словно в первый раз. Я приложил немало сил, чтобы сбить эту зажатость, помочь преодолеть последнюю преграду недоступности. В общем, вышло, как будто брал девочку.

Эта игра меня завела, полночи мы занимались любовью. А вторые полночи я слушал. Сперва рассказ о прежней жизни, потом скованное, со многими недомолвками повествование о первой любви, затем жалобу на тягостное существование последних месяцев. В общем, исповедь по полной программе. Девочка, решив, что я стал для нее близким человеком, с непосредственной наивностью выкладывала то, что вряд ли бы сказала даже матери.

Я слушал ее горячий шепот, гладил по голове, а сам прикидывал, насколько мне оно надо — все это, и стоит ли взваливать на себя чужие проблемы как плату за хороший секс с красивой девчонкой.

— Он удрал, как предатель! — уткнув нос мне в плечо, говорила Наташка. — Даже не сказал! Я до сих пор не могу его простить... Хотя теперь мне все равно...

Предателем в ее глазах, конечно, был Валик, то бишь Валентин. Валентин Сапаров. За последние дни я навел справки об этом братке и теперь был в курсе всей истории, которую мне рассказывала Наташка.

Если по чести, то Наташку он не предавал. Почти не предавал. Уехав в соседнюю область по делам, он случайно сошелся с одной подругой и провел в ее обществе две ночи. На свою беду Валик не знал, что сия особа не только имела вздорный характер, но и не достигла восемнадцати лет. Поэтому

был здорово удивлен, когда она заявила ему, что хочет за него замуж.

Валик, будучи крутым парнем, послал ее куда подальше, но прилипчивая особа не смутилась. И быстро обрисовала ситуацию незадачливому любовнику: либо он женится на ней, либо она закладывает его милиции. Мол, было изнасилование малолетней. А так как папочка этой особы имел счастье состоять на неплохой должности в милиции, то проблем Валик огребал выше крыши. И вся его крутость и принадлежность к братве здесь не поможет.

Неизвестно, что бы в конце концов сделал Валик и как бы выходил из сложной ситуации, но тут к нему пришла информация, что дела, по которым он приехал в город, заинтересовали местных конкурентов. И что они имеют зуб на рязанскую команду. Причем претензии зашли столь далеко, что Валика решено убить.

Отлично понимая, чем все может обернуться и что месть местной братвы может перейти и на рязанскую землю, он решает отвести любую, пусть даже гипотетическую опасность от Наташки.

Валик принимает приглашение шустрой особы, играет весьма скромную и скоропалительную свадьбу и увозит законную жену с собой.

Живя с ней, он помнит о Наташке, но не рискует встретиться с ней, боясь засветить ту перед возможной слежкой.

Как потом оказалось, его опасения имели все основания. Через два месяца после свадьбы, когда новоявленная жена успела осчастливить мужа заявлением о своей беременности, Валик вместе с ней поехал по делам в столицу. На обратном пути их подстерегли и превратили машину в решето. Погиб Валик, погибла его жена и их будущий ребенок.

Испытывая вполне понятную ненависть к ловкой особе, ставшей его женой, он подставил ее вместо Наташки. И увел с собой в могилу. Вот такая фигня!..

Разумеется, говорить об этом Наташке я не собирался, не стоит ворошить прошлое и давать повод для самокопания и жалости. Пусть будет как будет...

И сейчас, слушая рассказ новой любовницы, я то и дело ловил себя на мысли, что знакомство с ней и со всей компанией стало своего рода отдушиной для меня. Что заскорузлая душа, почерневшая за последние годы, словно получила порцию свежего воздуха, что искалеченные нервы слегка стряхнули давящий груз пережитого и ослабили натяжение.

Словно судьба давала мне передышку, паузу, чтобы отдохнуть, набраться сил. Только вот для чего? За каким ей это надо? Неужели для новой подлянки?..

...В начале февраля наступила необычно ранняя для этого времени года оттепель. Снег таял буквально на глазах, с крыш падали огромные сосульки, разбиваясь под ногами прохожих. Солнце все чаще покидало укрытие из туч и спешило согреть землю слабыми пока лучами.

У милиции прибавилось работы — полезли первые подснежники. Нет, это не цветы, что так любят дарить девушкам парни. «Подснежниками» на ментовском жаргоне называют трупы, которые убийцы прячут в сугробах до весны, не утруждая себя нудными работами по выкапыванию могил.

Криминальные сводки запестрели заметками типа: «Найдена очередная жертва бандитских разборок и наездов». И с каждым днем таких заметок становилось все больше...

Город и вся страна с замиранием сердца следили за очередным актом драмы под названием «Захват и передел власти по-русски». Впрочем, это был не единственный спектакль, разворачивающийся на просторах, точнее, на обломках огромной империи. Никакие «мыльные оперы» и сериалы не шли в сравнение с этими спектаклями...

Как-то вечером позвонил Сергей:

— Привет, скиталец! Ты здорово занят?

— Не особо.

— Тогда двигай к нам. Мы с Марком сейчас в столице. Тут приехали наши однокурсники. Пообщаемся... Если есть желание...

— Есть, — мгновенно ответил я, поняв, откуда приехали однокурсники и что мы услышим. — Завтра буду.

— Давай. Ждем по прежнему адресу...

Покачав трубку в ладони, я быстро прикинул, какие дела надо перенести с завтрашнего дня на поздние сроки, проверил состояние машины и под конец позвонил Наташке. Сказал, что свидание отложим на день. Выслушав положенную в таких случаях порцию вздохов и упреков, пожелал спокойной ночи и завалился спать. Дабы без проблем доехать до Москвы, надо выезжать затемно, часов в пять утра.

...Небольшая двухкомнатная квартира на окраине столицы имела довольно убогий вид. Потускневшие обои с оборванными уголками и швами, грязные окна, давно не стиранные занавески, побитые молью ковры на стенах, полустертый паркет под ногами. Мебель старая, да и мало ее. Кроме кровати, продавленного дивана, раскладного стола и пяти стульев, ничего нет.

Диссонансом к этому выглядела новая видеодвойка «Самсунг», поставленная на старый табурет с железными проржавевшим ножками. Да пожалуй, еще большой двухэтажный холодильник с отдельной морозилкой, заполненный сейчас наполовину пивом и водкой, наполовину закусками.

В гостиной над столом висело облако табачного дыма. Дверь на большую лоджию была открыта, как и форточка на кухне, но сквознячок с трудом разгонял смог под потолком и только слегка разбавлял тяжелый букет запахов. Лоджия была застеклена, но совершенно пуста, если не считать длинной шеренги пустых бутылок из-под водки и пива.

Комнату освещала большая люстра, на которой горели три лампочки из пяти. От люстры к потолку тянулись полупрозрачные нити паутины, бросая на закопченную побелку уродливую тень.

— Ладно, давай третий, — хрипло сказал сидевший на диване мужчина в старом поношенном армейском камуфляже. На его погонах тускло отсвечивали по четыре маленькие звездочки. Он ловко разлил по стаканам водку и встал, мрачно глядя на стол.

Мы тоже встали, подняли стаканы, промедлили несколько секунд и, не чокаясь, отправили содержимое в рот. Сели обратно, каждый подхватил с многочисленных тарелок что-то из

закуски и зажевал ледяную жидкость, огненной рекой прокатившуюся по пищеводу.

Я мимоходом глянул на часы. Почти восемь вечера. Мы сидели здесь уже пять часов. И судя по всему, скоро отсюда не уйдем...

...Однокурсники моих друзей по рязанскому десантному училищу приехали в Москву прямиком из Чечни. Двое — продолжать лечение, а один — хозяин квартиры — по замене.

Его возвращение вышло несколько неудачным. Жена — надежный тыл и опора военной семьи — решила, что роль верной спутницы офицера, а тем паче вдовы ей не подходит, и за три дня до возвращения мужа вывезла свои вещи. Оставила на кухне записку с объяснением, ключи и обручальное кольцо.

Муж, только вышедший из ада относительно целым и невредимым и от того вполне довольный жизнью, к уходу отнесся философски. Выбросил из квартиры все лишнее и ненужное, а также то, что могло напоминать о неверной супружнице, чтобы освободить место под новую мебель. Благо боевые он получил все и вовремя (редкость несусветная!).

А пока суд да дело, пригласил друзей посидеть, выпить и поговорить. Поговорили...

У меня, человека маловпечатлительного, много испытывавшего в бурной жизни, услышанное вызвало шок. Впрочем, как и у парней.

Однокурсники Марка и Сереги воевали практически с первого дня, с декабря девяносто четвертого, успели хлебнуть всего вдоволь, и их рассказы были насыщены такими подробностями, каких никогда не услышишь по телевизору и не прочитаешь в газетах.

Хозяин квартиры неведомыми путями из десантников попал в пехоту, командовал десантно-штурмовым батальоном в отдельной мотострелковой бригаде. Он раньше всех получил майорские погоны. Двое других ходили в капитанах, один был начальником штаба батальона, второй — заместителем комбата. Оба трубили в своих родных воздушно-десантных.

Парни рассказывали откровенно, ничего не утаивая, да еще крутили видеокассеты. Как снятые ими, так и трофейные. На

их кассетах запечатлены моменты боев. Снимал кто-то из участников, поэтому картинка постоянно ныряла, дергала из стороны в сторону, шла то косо, то вверх ногами. Разрушенные дома, взрывы, прыгающие фигуры, выброшенные к небу комки земли, кровь на листве, трупы чеченских боевиков и трупы солдат. Фоном к картинкам служили яростные выкрики, команды, мат и стоны, свист пуль и грохот взрывов.

На трофейных по-любительски примитивно, но со старанием засняты фрагменты пыток и казни российских солдат, заложников и рабов. Изнасилования попавших в руки двуногого зверья женщин, отрезания голов, ритуальные танцы, хвастливые речи и стрельба в воздух от избытка чувств.

Кассеты дополняли рассказы офицеров, хотя никакого дополнения не было нужно.

Мы слушали жадно, зачастую перебивая и уточняя некоторые подробности, выпрашивая мелочи, заостряя внимание на тех моментах, что казались нам важными.

Офицеры отвечали. Мрачней с каждым выпитым стаканом, сжимая кулаки и понижая голос. Один — начштаба — то и дело баюкал простреленную в двух местах левую руку, второй — замкомбата — изредка трогал левую ногу, в которую угодил осколок мины.

Больше спрашивал Сергей, его интересовало буквально все. Вооружение — как солдат, так и боевиков, тактические приемы, использование оружия, отказы техники, действия подчиненных и чеченцев. Все, вплоть до амуниции и количества запасных магазинов в разгрузках.

Марк не отставал, тоже спрашивал и слушал внимательно, по привычке запоминая почти все наизусть.

Я больше молчал, хотя тоже фиксировал рассказы, но так как был этим людям по большому счету чужим, то не лез.

Услышанное с трудом усваивалось мозгом. Нет, то, что происходит в Чечне, мы и так знали. Борьба за власть, за сферы влияния, за территории и нефть. Причем борьба большей частью шла в Москве. Просто активная фаза этой борьбы была перенесена в горную республику, ближе, так сказать, к предмету спора.

Ставки шли на сотни миллионов долларов, на кону стояли возможности влиять на политику всего кавказского региона и не только его. В такой игре российская армия, как, впрочем, и чеченский народ, были пешками, разменными, никем не учитываемыми фигурками на огромном поле.

Никого не интересовало, сколько крови прольется с обеих сторон. Кому важна эта мелочь?

— ...Суки! Предают на каждом шагу! Сливают информацию, сдают время и порядок прохождения колонн, торгуют оружием! — Майор острыми зубами разрывал нежное мясо балыка и запивал его пивом. Глаза смотрели с ненавистью и болью. Не прекращая жевать, он продолжал: — Перед атакой штурмовики отработали по позициям соседей — двенадцать человек убитых! А продукты и боеприпасы столько раз сбрасывали чехам! Наши же «вертушки»!

— А банды сколько раз выпускали! — вторил ему один из капитанов. — Вроде прижали, намертво заблокировали! Ан нет, как ужи уходят! Где-то башляют налом, их и пропускают. Сколько раз буквально за руку ловили и ментов, и пехоту!

— Ты пехоту оставь! — перебивает майор. — Не хрена всех в одну кучу валить! Наша бригада перла впереди всех, мочила этих сук, как могла! Мы сами, узнай, что кто-то продан, — на куски бы порвали!

— ...Наверху сколько раз отдавали невыполнимые приказы. Такое впечатление, что в штабе одни придурки сидят! Ни хрена ни обстановки, ни своих сил не знают! Батальоны как взводы, полки как батальоны! Народу нет, воюют пацаны, только впервые взявшие автоматы в руки. Сколько смертей от неумелого обращения с оружием!

Они высказывали наболевшее, выворачивали наизнанку души, яростно ругали руководство, что армейское, что политическое, скрежетали зубами, вспоминая погибших друзей и сослуживцев. Потом, иссякнув и потеряв пыл, наливали водку и в который раз пили третий тост. Молча, до дна. За тех, кто не вернулся...

Мы офигевали. Мы были в прострации. Мы, успевшие отметить практически во всех «горячих точках», испачкав-

шие руки в крови по локти и навидавшиеся всего. Но от того, что происходило в Чечне, нас бросало то в жар, то в холод. Это не война! Это планомерное уничтожение армии и народа. Это... полный звиздец!

А рассказывали только трое офицеров! Что скажут двадцать? Сорок? Сто?..

Но у меня в голове кипело сильнее, чем у парней. У меня за спиной почти два года своей войны. Большой опыт командования. У меня за спиной полномасштабная война, пусть и скоротечная, и пусть я воевал не на передовой, а чистил тылы!

И я знал, как может быть построен процесс и что можно получить при грамотном планировании, исполнении и бережном отношении к армии и полиции. Поэтому рассказы офицеров вызывали у меня дикое чувство ирреальности происходящего. Этого не может быть! Этого не должно быть!

Но вот они, трое фронтовиков, трое офицеров, прошедших весь этот ад, выживших вопреки всему. Они не врут и не сочиняют. Выходит, там и вправду происходит нечто, напоминающее целенаправленную бойню с обеих сторон!

Некоторые моменты меня сильно заинтересовали, и я задал несколько наводящих вопросов. И, наверное, слегка переборщил. Потому что в какой-то момент сидевший во главе стола майор — Дмитрий Усольцев — вдруг вскинул голову и совершенно трезвым голосом спросил:

— Ты что — воевал?

— То есть? — удивился я.

— Спрашиваешь о том, чего гражданский знать никак не может. Вот и говорю — ты воевал. Где?

Сергея, видя, что майор насел на меня, примирительно сказал:

— Все мы где-то когда-то воевали. То там, то здесь.

— Это как понять? — посмотрел на него один из капитанов — Николай. — В Приднестровье, что ли? Или в Югославии?

— Так... Бывали... — неопределенно протянул Марк. — Мимо проскакивали.

— Да ладно, мужики, — примирительно произнес третий офицер — Игорь. — Нашли тему. Все выпускники дурки* последних двадцати лет где-то когда-то воевали.

Майор еще несколько секунд буравил меня пристальным взглядом, потом разлил водку по стаканам.

— Ладно. Я в ваши дела не лезу. Раз воевали, значит, воевали. Давайте за мир, мужики! Чтобы больше похоронок не писать и «двухсотых» домой не отправлять!

...Разъезжались мы после двадцати двух часов. И хотя выпито было немало, но пьяным себя никто не ощущал. Напряжение от тяжелого разговора напрочь перебило алкоголь, даже голова не шумела.

— Хреновые дела творятся там, — вздохнул Марк, когда мы ехали в метро (машины мы предусмотрительно оставили на стоянках). — Если дело так и дальше пойдет, в армии никого не останется.

— В армии и так уже никого не осталось, — угрюмо буркнул Серега, отсутствующим взглядом глядя на схему метрополитена. — Разваливать нечего. Просто добьют последних солдат и офицеров, и все.

Повисла пауза. Мы сидели в углу вагона, незряче глядя перед собой. Мимо сновали пассажиры, коверкая язык, ныл попрошайка, стайка молодежи обсуждала новый фильм, какой-то пьяный мужик нудно гудел на ухо дородной тетке, сидящей напротив нас. Обычная суeta и толкотня московского метро, на которую никто никогда не обращает внимания, сейчас вызывала отвращение. Галдят, жуют, пьют, шевелят губами... Словно никто и не слышал ни о Чечне, ни о тысячах погибающих там людей. Всем все по фигу! Словно на другой планете живут.

— Артур, — подтолкнул меня Серега. — Что, по-твоему, в первую очередь бросается в глаза в этой... войне? Если не трогать политику.

* Так называют свою альма-матер выпускники рязанского десантного училища. Другой вариант: «эр-вэ два ку-ку имени стой, кто идет» (до середины 90-х годов — РВДККУ имени Ленинского комсомола).

— Масштабы, — почти сразу ответил я. — Странности управления. Туда согнали массу различных подразделений со всей России, зачастую сборную солянку, создали сводные полки, бригады, дивизии. МВД, армия, ФСБ... Много генералов, мало войск. Обученность и снаряжение которых вызывают ступор. По-хорошему для полной зачистки такой территории хватит двух полнокровных армейских корпусов, дивизии внутренних войск, ну и трех сводных полков всяких там СОБРов, ОМОНов... Ну и разумеется, средства усиления. Авиация армейская и фронтовая, артиллерия ствольная и реактивная. Кроме того — хорошая разведка. Войсковая, агентурная, электронная, радиотехническая, космическая... всякая. Жесткий режим зоны конфликта, отсутствие третьих лиц, режим прифронтовой полосы. Чтобы ни один комар ни в одну, ни в другую сторону...

— Если всю армию прошерстить, может, на два корпуса сил и народу наберется, — невесело усмехнулся Марк.

Я кивнул и, видя, что Сергей продолжает слушать, добавил:

— Командовать должен кто-то один. Армейский генерал на уровне командарма. Остальные, даже из других ведомств, — в подчинении. И больше никаких шишек... тем более из Москвы.

— Ну да! — усмехнулся Марк. — А под ногами толкаться, водку жрать и щеки надувать кто будет? А мешать?

— Я же говорю — если без политики...

До конца поездки никто больше не проронил ни слова. И только на выходе, когда до стоянки машин было совсем недолго, Сергей сказал:

— Все идет, как и предсказано. Внутренний конфликт, напряженность в верхушке власти, разногласия, равнодушие народа, как равнодушие коров на бойне... За этим последует новый виток развала страны. Кризис, а то и не один... А потом...

Он замолчал, отряхнул рукав куртки и посмотрел на нас.

— У нас в запасе не так много времени.

— Чтобы слинять отсюда?

— Чтобы осесть на новом месте. Чтобы слинять, надо несколько дней. Максимум неделя. А вот закрепиться там...

— И что нам теперь делать? — поинтересовался Марк. — Хотя ты тресни, но заработать действительно нормальных денег у нас здесь пока не выходит. Действовать бандитскими методами — встать на скользкий путь. Не ясно, куда он приведет.

— Есть еще один вариант, — вставил Серега. — Один раз уже прозвучало предложение идти инструкторами к наемникам. Желающих повоевать за звонкую монету достаточно, худобно, их надо готовить. Золотых россыпей не обещают, но это может быть первым шагом на пути к будущему.

— Или последним, — покачал я головой. — Те, кто стоит за наемниками, не любят оставлять следы. А мы, как ни крути, — люди со стороны. Можем распустить языки. Так что решение проблемы будет радикальным — в расход.

— Все может быть, — после паузы произнес Сергей. — Все... Я пока не вижу выхода из положения. Ни сейчас, ни в обозримом будущем. Пока все глухо.

Мы с Марком переглянулись и одновременно пожали плечами. Мрачное настроение Сергея было в диковинку. Обычно он более спокоен и сдержан. Что на него нашло?

Тот поднял голову, глянул на нас и скривил губы.

— Надо думать, что делать. Искать пути, способы. Я пришел к выводу, что чем дальше, тем меньше у нас будет шансов нормально уйти и осесть на новом месте. В запасе не больше полугода. А потом...

— Что потом? — спросил Марк.

— Не знаю... возможно, придется использовать силовой вариант ухода. Он крайне нежелателен, но... — Его голос упал до шепота: — Но, может, это будет последний шанс.

Сергей редко когда ошибался и никогда не говорил, не подумав. Не рубил с плеча, всегда взвешивал слова и поступки. И сейчас, когда он это произнес, нас с Марком прошиб озноб. Серега не пугал, он предсказывал. И от этого было вдвойне паршиво.

Я привык не сгущать краски, и слова Сергея воспринял несколько... менее трагично. Думал, это перебор. Думал, обойдется...

Зря думал...

Через день меня в академии отловил Андрей. Мрачно бросив «привет», спросил:

— Есть полчаса?

— Есть.

— Тогда давай через десять минут на стадионе. Наши уже там.

— Иду, — кивнул я, недоумеваю, с чего это он так суров.

В академию я забежал показать черновики диплома своему куратору профессору Салтыкову. До защиты оставалось не так много, и я хотел засесть за чистовое оформление. Профессор просмотрел расчеты и графики, полистал тетрадку и дал добро.

Обрадованный, я уже хотел уезжать — через полтора часа тренировка, — а тут Андрюха. Что у него еще?..

Четверка скитальцев сидела на последнем ряду скамеек. Вернее, сидел Денис. Оксана стояла рядом, выставив вперед довольно большой живот. Лена перетапывалась около них, поглядывая на противоположную сторону футбольного поля, где прыгали несколько человек в спортивной форме. Андрей смотрел на друзей, изредка кидая взгляды на дорогу. Ждал меня.

Я подошел ближе, кивнул всем.

— Привет честной компании! Как дела?

Последний раз я видел однокурсников до Нового года, после окончания практики. И сейчас, подойдя ближе, с интересом рассматривал их, отмечая изменения во внешности.

Сильнее всех изменилась Оксана, что вполне естественно. У нее был седьмой или восьмой месяц беременности. Лицо раздобрело, стало мягче, на подбородке и скулах малозаметные пятна. Взгляд напряженный, какой-то ожидающий. Фигура давно потеряла стройность, напоминала бочку.

У Лены погрустнели глаза, вроде как светлее стали. Обтянутые джинсами ножки все так же стройны, шея так же тонка, вид гордый, независимый. Но какой-то пришибленный.

Парни... Прежние, в общем. Только слишком заметен диссонанс молодых лиц и взрослых, много повидавших глаз.

Так смотрят двадцатилетние мальчишки, прошедшие Афган и Чечню.

— Место вы, господа, для встречи выбрали не самое лучшее. Тем более в такую погоду.

Я взглянул на небо. Тяжелые тучи медленно плыли над головой, напрочь закрывая солнце, легкий ветерок гнал снежную порошу по земле. С утра похолодало, и сейчас термометр застыл на отметке минус десять.

— Ну так что за дело?

Андрей вздохнул, бросил взгляд на Дениса и Лену и как бы нехотя сказал:

— Света и Николай погибли.

— ?..

Я не сразу осознал услышанное, так неожиданно оно прозвучало. Потом резко выдохнул и спросил:

— То есть как — погибли?

Оксана вдруг всхлипнула, закрыла ладонью рот и отвернула голову. Лена закусила губу, глаза наполнились слезами.

— Погибли оба, — пояснил Андрей. — Два дня назад.

Он зло сплюнул, вытер губы тыльной частью ладони и нехотя объяснил.

Два дня назад утром у Светы начались предродовые схватки. Состояние стало резко ухудшаться. Ее отвезли в роддом, где она через четыре часа во время родов, не приходя в сознание, умерла. Врачи попробовали спасти ребенка, сделали кесарево сечение уже умершей женщине, но младенец вскоре умер.

Николай, узнав о начавшихся родах, приехал в роддом прямо с работы. Когда ему сообщили о трагедии, он упал в обморок. Врачи привели его в чувство и отправили домой. Там, уничтожив бутылку водки, накатал небольшую записку и повесился на крюке от люстры.

Труп обнаружили его родители, захватившие утешить сына. Утешать пришлось их самих. В один день они потеряли сына, невестку и внука.

— А вы как узнали? — спросил я Андрея.

— Отец Колькин позвонил. Вчера.

Я осмысливал услышанное, лихорадочно прикидывая, не могли ли пришельцы неведомыми мне путями возникнуть в нашем мире и устроить двойное убийство?..

«Бред. Хватит ерундой заниматься... Еще мистику притяни. Но как же так вышло? Светка не пережила родов — понять с трудом можно. Но Колька-то!.. Идиот! Вот так новость!..»

— Мы хотим съездить на похороны, они завтра, — вставил Денис. — Ты как? Не поедешь?

Я отрицательно покачал головой, все еще переваривая услышанное.

— Не смогу.

Андрей понятиливо кивнул, в его глазах, впервые за все время знакомства, я не нашел неприязни и вражды.

— Ладно. Мы поедем.

— Ей ехать незачем, — кивнул я на Оксану, что стояла, отвернув голову и спрятав лицо в ладонях. — Срок большой.

— Я поеду, — упрямо сказала та, разворачиваясь. — Хочу проводить... Светланку... Коленьку... У них сын должен был родиться... Хотели Андреем назвать...

Она активнее зашмыгала носом, вытирая слезы тыльной стороной ладони. Лена подошла к ней, обняла, погладила по голове.

— Ну что ты реवेशь? Тебе вообще нельзя волноваться... — Денис встал, подошел к жене, обнял ее и зашептал в ухо: — Успокойся... уже ничего не исправить.

— Андрей, — позвал я. — Поговори с родителями Николая. Если сможешь, выясни подробности его гибели. Не было ли непонятных и странных эпизодов. С ним и со... Светой.

Тот кивнул, мрачно глядя на Оксану и Дениса.

— Поговорю.

— Артур. — Оксанка отстранилась от мужа и подошла ко мне. — Скажи, это не может быть из-за... Ворот? Это не они повлияли на смерть Светки?

Ее умоляющий взгляд рыскал по моему лицу, требуя ответа и страшась его. Глаза, полные слез, смотрели настолько жалко, что мое сердце, способное поспорить крепостью с железом, дало сбой.

— Вряд ли. Ворота здесь ни при чем. Это бывает иногда. Очень редко, но женщины гибнут при родах. Еще реже гибнут дети. Тебе нечего волноваться...

— Нечего?! — почти крикнула она. — Нечего? Да я вторую ночь уснуть не могу. Денис уже извелся весь, а я... как представлю, что может быть. Что и мой ребенок!..

Денис прижал жену к себе, глядя по голове, взгляд у него стал затравленный, беспокойный. Он тоже боялся, хотя и скрывал это.

— Если будешь рвать сердце и душу, то нервы пойдут к черту — это факт. И ребенку станет хуже. Так что зажми свои чувства в кулак и терпи. Иначе никак! Ты теперь не только за себя отвечаешь, но и за дитя.

Теперь Оксанку успокаивали на пару Лена и Денис. Андрей стоял рядом, кусая губу, бросая на них тревожные взгляды. А я смотрел на своих товарищей по скитаниям, не в силах отвертеться от странной мысли: гибель наших товарищей — только первый знак грядущих перемен. Перемен не к лучшему...

Длинный наманикюренный ноготок, слегка щекоча кожу, зигзагами скользил вдоль позвоночника. Легкое теплое дыхание приятно согревало спину, а мягкие волосы ласкали шею.

— А это у тебя откуда? — спросила Наташка.

— Что?

— Синяк. На правой лопатке.

— А-а... На тренировке попали.

Ноготок продолжил скольжение, уходя вниз, к пояснице. Я лежал на животе, подперев голову рукой, и смотрел выпуск новостей по телевизору. Вернее — просматривал. По привычке.

— Ой! А это что? — вновь отвлекла меня подруга.

— Где?

— На правом боку. Тут еще царапина. — В ее голосе прорезались ревнивые нотки. — Кто тебя так?

— Это... — протянул я, вспоминая, где получил царапину. — На борьбе. Ногтем зацепили.

— Да? — Недоверчивости в голосе поубавилось, но тон был строгим. — Вы что там, на тренировках, рвете друг друга на куски?

— Вроде того. И не только на куски.

Наташка промолчала, продолжила исследование моего тела. Теперь ноготок скользил по ягодицам и ногам.

Дикторша в телевизоре зачитывала какую-то бумажку, я прибавил звук и услышал очередное заявление правительства о недопущении эскалации войны на Северном Кавказе. Опять лапшу на уши вешают.

— А здесь? На бедре? — с настойчивостью следователя допытывалась Наташа, выясняя причины возникновения тех или иных микротравм на мне.

— На бедре? — переспросил я. — Это, милая моя, твоя работа. Не далее как полчаса назад. Видишь, свежая.

Наташка сконфуженно замолчала.

— Вот-вот. В порыве страсти пустили свои коготки в ход. Она смущенно чмокнула меня в шею, прошептала:

— Больно?

— Ну-у... если вы готовы повторить все сначала, то так и быть — прошу ваше покушение.

Я повернулся к ней, обхватил руками хрупкие плечи и притянул к себе. Девчонка послушно подставила губы для нового поцелуя, но когда я уложил ее рядом, взмолилась.

— Не надо. Артур! У меня после вчерашнего и сегодняшнего там все болит! Знаешь, как печет?!

Легкий румянец на щеках ей очень шел. Я чмокнул ее и улыбнулся.

— Ладно, бедная моя. Оставим вас ненадолго в покое. Выздоровливайте.

Я вернулся в исходное положение, а Наташа продолжила исследование моего тела при помощи своих пальцев. Легкий массаж в исполнении нежных рук погружал меня в приятную полудрему. Класс! В девочке пропадает массажист.

«Хорошо начинается пятница. И вообще... все хорошо. Весна, солнышко, птицы поют. Настроение какое-то игривое. Замечательное... — текли ленивые мысли. — Вот она — спо-

койная жизнь. Без напрягов, проблем, резких движений. Все идет хорошо...»

Может, виной всему благодушное настроение, что охватило меня сегодня с утра, или просто стих напал, но сейчас я видел все в светлых тонах, а жизнь казалась легкой и прекрасной.

И правда, чего в ней плохого? Тренировки идут своим ходом. В академии вообще все классно — диплом почти готов, никаких проблем с ним нет. И поводов для волнений нет.

— Артур. Мы в субботу собираемся за город, — отвлек меня от размышлений голосок Наташки. — К Генке на дачу. Шашлыки пожарим, посидим на природе. Ты как?

Ах да! Есть-таки одна проблема. Вот рядом сидит, скрестив стройные ноги, водит пальчиками по спине и воркует. Прелесть моя белокурая. Всем хороша девица, одно плохо — слишком уж увлечена своими друзьями. Все свободное время готова проводить с ними. И меня норовит приобщить к этому. Чтобы вместе с ними гулял.

Уже пару раз мы легонько спорили по этому поводу, но девчонка никак не уgomонится. И сейчас хочет утащить меня с собой. Но тут уж фиг вам, миледи. Шастать по дачам у меня нет ни времени, ни желания...

— Хорошая идея. Но я, наверное, не смогу.

— Почему?

— Занят буду.

Наташка нахмурила брови, недовольно посмотрела на меня, буркнула:

— Ты всегда занят. Никуда с нами не ездишь.

— Прости, малышка, так выходит. Дела. — Я обнял ее и привлек к себе. — Сама понимаешь, надо деньги зарабатывать.

Она не ответила на мою улыбку, так же недовольно сказала:

— Тебе что, скучно с нами? Или неинтересно?

— Что ты, милая! Ничуть. Просто... есть дела, которые я должен сделать в любом случае. От моего желания здесь ничего не зависит.

Я вновь поцеловал ее, прижал к себе и погладил по голове.

— Вредина ты, Артур, — прошептала она, в свою очередь обнимая меня. — И скрытный. Никогда ничего мне не рассказываешь. Не доверяешь?

Пошел обычный женский наезд. Милая крошка, желая закрепить временный успех после моих извинений, захотела кое-что выяснить. Делала она это не впервой, но, как и всегда, я пресекал такие попытки сразу и быстро. И сейчас, не успела она охнуть, я схватил ее в охапку и начал страстно целовать. Последующие пять минут прошли в борьбе, причем одна сторона желала совратить вторую, а та, не очень-то и возражая, все же препятствовала, помня о «переборе» с ласками.

В результате слабый пол «победил», но ни о каких вопросах больше не заикался. Потом Наташа ушла в ванную, а я убавил звук телевизора и протянул руку к трубке телефона, чтобы позвонить парням.

Одна из причин, по которым я не мог ехать с компанией, был намечавшийся на завтра визит в столицу. В гости к Марку с Толиком. Из Питера должны приехать Сергей и Антон. Мы хотели поговорить, обсудить кое-какие планы на будущее, да и просто посидеть за столом, попить пивка...

Вообще-то созвониться мы должны были вчера, но я не смог найти парней. Уехали куда-то. Телефон никто не брал, а автоответчик голосом Марка предлагал оставить сообщение после сигнала.

Я сделал два звонка — Толику и Марку, но опять никто не ответил. На рыбалку, что ли, укатили? Или работа внеплановая?

«Ладно, — мелькнула мысль. — Вечером позвоню. И в Питер заодно. Может, они Серегу и Антона предупредили?..»

Послушав длинные губки в трубке, я отложил телефон и лег на спину. Прищурил глаза — солнце уже вошло на небосклон и оттуда поливало землю весенними лучами. В этом году апрель выдался теплым, почти по-летнему знойным. В такую погоду хорошо лежать где-нибудь на берегу реки, загорать, смотреть на воду и ни о чем не думать.

От раздумий меня отвлекло легкое шлепанье тапочек по полу. Наташа вышла из ванной, неся с собой фен. У нее впереди ответственный процесс — сушка волос. Дело долгое и нудное. С моей точки зрения.

Она заметила мой взгляд в зеркале, показала язычок и отвела взгляд.

«Ага, хмурим брови! Недовольны отказом. Ничего, перетерпит. Надо приучить ее к мысли, что я встречаюсь с ней, а не со всей компанией. Да и потом... Если быть откровенным, при всем моем железобетонном терпении как-то не по себе видеть этих веселящихся ребятишек и вспоминать, что не так давно и другая компания, не менее веселая и задорная, так же гуляла и отдыхала, пока не попала под пресс Ворот. И что от нее осталось? Двое погибли, четверо живут под гнетом былого, а пятый до сих пор не придет в себя...»

— Ты о чем задумался?

В зеркале Наташкины глаза блестели сильнее обычного, а щеки пылали прямо-таки нереально ярким цветом. Пышная шевелюра, почти высушенная феном, легла на плечи словно платок, скрыв половину лица.

Сидела она, закинув ногу на ногу, от чего подол короткого халатика съехал почти до самой талии, представив моему взору соблазнительную картину.

Наташка проследила за моим взглядом, поправила халат и возмущенно фыркнула.

— Только об одном и думаешь. Маньяк!

— Что ты, милая! Глядя на твою замечательную фигуру, я в первую очередь думаю о твоём чудном характере. О доброте и нежности. О...

Уловив в словах насмешку, она запустила в меня расческой и погрозила пальцем. Такая — сердитая, возбужденная — она нравилась мне еще больше.

«Ох, чую, придется ей снова в ванну лезть, — подумал я, чувствуя напряжение внизу живота и растущее желание. — Видеть такую прелесть и не трогать ее выше моих скромных сил. Никакое терпение тут не выдержит...»

Я уже хотел было встать, чтобы схватить подружку в охапку и, преодолевая слабое сопротивление и не слишком искреннее

возмущение, утащить на кровать, но она, видимо, почувствовала мои намерения, подхватила фен и скрылась в ванной.

«Ладно, красавица. Попадешь ты мне в руки. Тогда пощады не жди...»

...Покончив с прической и быстро одевшись, Наташа уехала, чмокнув меня на прощание и пообещав приехать к вечеру.

А я провалялся в кровати еще полчаса, смотря телевизор, потом встал, поел и хотел было съездить в магазин, закупить продуктов на выходные. Но в этот момент зазвонил телефон.

— Да?

— Артур? Привет.

— Привет, — узнал я голос Марка. — Наконец-то объявился. Я вам второй день звоню.

— У тебя срочные дела есть? — спросил тот, не отреагировав на шутливый упрек.

— Да нет. Хотел к вам ехать...

— Не надо, — довольно жестко сказал Марк. — Утром в субботу мы приезжаем в Рязань. К тебе. Часов в десять.

— Ага. А чего вдруг?..

— Надо, — тем же голосом произнес он. — У нас проблемы. Крупные!..

Услышав в трубке короткие гудки, я положил ее на телефон, резко сел и провел руками по лицу. Выдохнул воздух сквозь сжатые губы и встал.

Все приподнятое настроение как корова языком слизала. Я ощутил глухую тяжесть в груди. Моя натренированная Воротами интуиция обычно так предупреждала о грядущих неприятностях.

Черт! Что у них там произошло? Что скрывается за словами «крупные неприятности»? Неужели влипли во что-нибудь?..

— ...Влипли не то слово! Влезли по самые уши! Как щенки в дерьмо! — Марк не сдерживал эмоций. Его глаза метали молнии, а сквозь искривленные в злой ухмылке губы вылетали короткие рубленные фразы. — Так лопухнуться, это надо уметь!

Я перевел взгляд на остальных. Сергей и Антон сидели на диване, Толик пристроился в кресле, выставив длинные ноги почти в центр комнаты. Вид у всех был мрачный и какой-то подавленный. Давно я не видел друзей в таком состоянии.

...На парней наехали. Нет, автотранспорт здесь ни при чем. Наезд в данном случае — это слово из нового русского лексикона, означающее, что у моих друзей появились проблемы с представителями криминальных структур. Проще говоря — с бандитами.

Марк и Толик, работавшие в Москве, решили открыть свое дело. Довольно новое и в России пока не раскрученное. Решили они открыть пейнтбольный клуб. То есть арендовать некоторые площади для постройки полигона, где все желающие могут устраивать бои с маркерами — имитационным оружием, стреляющим шариками с краской. Эдакая разновидность детской игры в войнушку, только на взрослом уровне. Дело интересное, прибыльное, можно раскрутиться и получать неплохие деньги.

Через свои связи парни вышли на чиновников из земельного департамента, получили добро на аренду, подготовили помещения, завезли оружие и снаряжение. Словом, сделали все что нужно и готовы были открыть клуб. Даже успели провести несколько показательных рекламных боев.

И тут как чертик из табакерки вылезли крутые парни. Из местной группировки. Узнав об открытии клуба, они заявили к парням в офис и без обиняков предложили отстегивать им процент. Немалый процент. За безопасность, охрану и прочие услуги под названием: «решим все проблемы».

Дело приняло плохой оборот. Устраивать войны мои друзья не хотели — глупо воевать с большой бандой, державшей район и имевшей связи во властных структурах и милиции. И потом — парни давно отошли от прошлых дел и не хотели начинать все снова. С другой стороны — терять вложенные деньги тоже неохота.

Марк и Толик нашли выход. В кратчайший срок сдали дело своему компаньону, который захотел работать дальше даже под «крышей» братков. И деньги вроде отыграли назад.

Но братков подобный оборот не обрадовал. Они наехали еще раз, теперь под предлогом «отступных» — за сданный бизнес. По всем понятиям — это беспредел. Парней поставили в безвыходное положение — либо платить, либо удирать.

Платить никто не собирался. А удирать... Бандиты могут устроить облаву, а с семьями на руках особо не побегаешь. Выход один.

— Надо рубить концы! Полностью. Всех, кто в курсе дела, кто по нему работал. Чтобы никаких следов, никаких намеков.

Толик произносил тяжелые слова почти спокойно, видимо, по дороге сюда они все обговорили и теперь высказывали единое мнение.

— И сколько человек в курсе проблемы? — спросил я.

— Не больше семи-восьми. Бригадир, двое-трое подручных, несколько бойцов... Вряд ли больше. Это мы выясним.

— Но это в Москве, — уточнил Марк. — А есть еще Питер.

Я перевел взгляд на Сергея. Тот сидел молча, слушал рассказ Марка и Толика. Услышав о Питере, поднял голову и нехотя кивнул.

— Точно.

— И будет там не легче, чем у нас, — добавил Марк. — Если не тяжелее.

Сергея вновь кивнул и начал рассказывать.

...В Санкт-Петербурге (интересно, у какого властного дяди заклинило мозги, когда он утверждал столь старое и громоздкое название города?) Сергей и Антон частным порядком тренировали группы клиентов. Получали неплохие деньги, потихоньку вращались в ситуацию, чтобы тоже открыть свой бизнес.

Как это часто бывает, среди клиентов оказались бойцы одной из группировок. Полученные знания они применили в своей «работе». Видимо, неоднократно. Их заметили как свои, так и чужие. Выяснили, где их так надрессировали, и нагрянули с визитом к парням. Мол, давайте тренируйте людей. Бабки будут, только вот конкурентов ни-ни. Никаких занятий на стороне.

Закабалить моих друзей когда-то пытался Жорик, но у него ничего не вышло. Как не вышло и еще у одного деятеля. Парни просто ушли. Но здесь уйти просто так тяжело. Бандиты могут отомстить за отказ. Тем более они так и намекнули.

И теперь Сергею и Антону надо уйти из-под плотной опеки сразу двух враждующих группировок. Уйти чисто, без следов и без потерь. А это проблема. Причем серьезная. Действительно, не менее серьезная, чем в столице.

— Вы как сговорились! — воскликнул я, выслушав всех. — Столько проблем разом! Что же будем делать? Как и в какой последовательности?

Спросил, потому что знал — парни уже что-то придумали. Пока встречались в Москве, пока ехали сюда. А теперь готовы выдать мне план действий.

— ...Уходить нам придется, — после минутного молчания ответил Сергей. — И из Питера, и из Москвы. Совсем. Продавать квартиры, вывозить семьи.

— И уезжать подальше, — вставил Антон. — Чтобы не достали, когда искать будут.

— Да. Куда уходить, уже прикинули. Важно другое. Не оставить следов. Никаких.

— Ясно, — протянул я. — Значит, ненадолго вспомним старое...

— Придется, — с явной досадой ответил Серега.

Для него, как и для всех нас, возвращение к делам прошлого — шаг назад, а это всегда плохо. Устраивать разборки со стрельбой и взрывами — весьма нежелательный вариант, мы всегда и повсеместно этого избегали и оставляли только на самый крайний случай.

— Арсенал на прежнем месте, — сказал я. — Второй надо забирать, он в дальнем схроне.

— Когда его можно извлечь? И что там?

— Завтра. Три автомата, пять пистолетов. ВСС, ручник. Пара гранатометов, к ним по пять выстрелов... Боеприпасы. Шесть гранат. Три мины.

На первый взгляд список схрона внушительный, но он не идет ни в какое сравнение с первым. И тем более с третьим,

самым большим арсеналом. Эту закладку мы делали в ста километрах от Рязани на тот случай, если придется по каким-то причинам влезать в междоусобную войну. Там вооружения хватит на два взвода пехоты.

— Думаю, обойдемся первым и вторым, — сказал Марк. — Устраивать полномасштабную войну нам не надо. Надо устранить несколько человек.

— Ну, не несколько, — поправил его Толик. — Человек семь в Москве и человек пять в Питере.

— С чего же начнем? — спросил я.

— С того, что вывезем оттуда наши семьи. И спрячем их пока в безопасное место.

Сергей потерял руки и глянул на меня.

— Это будет на тебе, Артур. Надо обеспечить стопроцентную безопасность.

— То есть как на мне? — Я недоуменно поднял голову. — Вы хотите сработать без меня? Сами?

— Сами. Мы знаем обстановку на местах, знаем людей. Ты — нет. Ты не сможешь ориентироваться в городе, как мы.

Я промолчал, Серега говорит верно. При всем моем опыте надо время, чтобы встроиться в обстановку, войти в курс дела.

— И потом, — продолжил за Сергея Марк, — тебя никто не знает, ты не засвечен. Поэтому никто здесь искать и не станет. И семьи наши прятать будешь ты.

— Да... пожалуй. Места такие есть, два с ходу назову. Можно организовать временную базу хоть на неделю, хоть на две. Никто и не узнает.

— Отлично. Обеспечение и охрана тоже на тебе, — сказал Серега. — Если знаешь надежных парней, можно попросить их.

— Нет. — Я отрицательно покачал головой. — Это наше дело. И светить вас и ваши семьи ни перед кем нельзя. Я сам все сделаю.

— Также верно, — согласился Марк. — Мы перевезем семьи в Рязань. А дальше твое дело.

— На том и порешим. А теперь выкладывайте свой план. Помозгуем...

От земли шло небольшое испарение, едва видимое в лучах восходящего солнца. Роса, миллиардами капелек рассыпанная по траве, только начала высыхать, и от того воздух был предельно насыщен влагой.

Я опустил стекло машины и смотрел на дорогу, иногда бросая взгляд в зеркало заднего вида. В столь ранний час трасса была почти пуста, только изредка мимо пролетали легковушки и грузовики, заполняя утреннюю тишину шелестом шин.

До назначенного времени оставалось минут двадцать, и я все чаще поглядывал на часы и машинально трогал рукоятку засунутого под рубашку пистолета.

Оружие в своем мире я не носил давно, со времен последней «командировки», но сейчас оно было необходимо. Более того, на соседнем сиденье в чехле лежал второй ствол — гладкоствольный карабин «сайга» двенадцатого калибра, снаряженный самой крупной картечью и литыми пулями.

Внушительный арсенал для мирного гражданина, хотя сейчас я бы предпочел вместо карабина АКМ. И пару гранат. И гранатомет в придачу. Потому как ситуация больно острая. Потому как мои друзья могут притащить на хвосте погоню, которую надо отсекасть. А в таком деле оружия много не бывает.

Но автомата я не взял. И гранаты оставил в схроне. Нельзя наглеть чересчур. Пистолет куда ни шло, а больше опасно. Поэтому и лежит на сиденье «сайга», что она официально зарегистрирована и является прикрытием при проверке.

Впрочем, карабин на ближней дистанции по убойной силе мало уступает автомату, так что хватит на случай внезапного столкновения.

...Приглушенно запищал пейджер. Я достал его, нажал кнопку и прочитал короткое сообщение. «Пятнадцать минут». Значит, парни появятся через четверть часа. Хорошо. И то, что сообщение без дополнений, — тоже. Хвоста нет. Ушли чисто.

...Первое, что надо было сделать моим друзьям, — вытащить из-под удара семьи. Вывести их в безопасное место. Дело

только на первый взгляд простое. Если бандиты решили взять свое любимым способом, то установить слежку за домами ребят — раз плюнуть. Посему эвакуация семей — процесс сложный и многоступенчатый. Но, похоже, они его сделали. Насколько чисто и без проблем, узнаю через четверть часа.

Я еще дважды смотрел на часы и рассматривал дорогу, прежде чем от черного прямоугольника леса показались огни машин. Подъехав чуть ближе, они несколько раз мигнули, давая сигнал — за спиной чисто.

Через минуту мимо меня проскочили четыре внедорожника — два джипа «ниссан» и два «мерседеса». Я пропустил их мимо и еще пару минут стоял на месте, наблюдая за дорогой. Ждал возможных преследователей. Но трасса была чиста. Что ж, вывод парней верен — хвоста нет.

Я догнал их через десять километров. Внедорожники припарковались у обочины неподалеку от автобусной остановки. Парни стояли на дороге, внимательно глядя по сторонам. И хотя их руки были пусты, я знал — каждый вооружен. Сергей и Антон, видимо, с пистолетами, а Толик и Марк, одетые в длинные легкие плащи, скрывали под полами АКСУ. А в машинах у них такие же «сайги», что и у меня. Тоже для отмазки от ментов.

— Ну? — вместо приветствия спросил я.

— Ушли чисто. По дороге никого не заметили. Что у тебя?

— Все готово. Жилье, припасы, связь. Место глухое, соседей мало, и они не любопытные. До дороги три кэмэ, вокруг посадки и леса. Рядом озеро. Незаметно не подойти, есть две собаки, дворняги. Злые и очень чуткие.

Сергей вытер вспотевший лоб, глубоко вздохнул и с облегчением сказал:

— Похоже, вырвались.

В еще слабом свете солнца я заметил, как подрагивают пальцы его руки. Семь сотен кэмэ от Питера до Москвы и еще две сотни от столицы до Рязани под ежечасной угрозой нападения — тут и стальные нервы лопнут. И ладно своя жизнь, но рядом еще жена и дочь. А в других машинах — друзья и их семьи.

— Что у вас нового?

— Нового? — переспросил Марк, опустошая бутылку с минералкой. — Нового мало. Хаты продаем, вещи частью толкнули, частью вывезли. Машины тоже выставяем на продажу, только в Туле. В Липецке купим другие.

— В общем, замечаем следы по всем правилам, — добавил Антон. — Мы в Питере сделали то же самое. Хаты успели толкнуть, а бабки уже перевели.

— Сколько ехать до места?

Я глянул на часы, мысленно подсчитал расстояние.

— Чуть больше часа.

— Тогда поехали, там отдохнем. Нам сегодня обратно. Надо завершить подготовку.

Марк не уточнил какую, но я и так понял. Парни готовят первые ликвидации в столице. Они должны пройти одновременно, чтобы никто не ушел, никто случайно не уцелел.

И мне, прежде чем вплотную заняться охраной семей, надо кое-что сделать. Причем срочно...

— ...Юра? Салют. Артур говорит.

— Привет.

— Как дела?

— Нормально. В полной боевой готовности приступить к занятиям.

— Занятия надо перенести. Мне к родичам надо смотаться на недельку.

— Понял.

— Жоре скажи, задержка небольшая, путь не волнуется. Как приеду — продолжим. Если хочет за простой деньги снять — пусть снимает. Все честно.

— Да ладно тебе! Он об этом никогда не скажет, сам знаешь.

— Возможно. Ну все, парням привет. Как приеду — позвоню. Раз звонок...

— Виктор Николаевич, день добрый. Это Томилин говорит.

— А-а... Добрый день. Слушаю вас.

— У меня тут небольшая проблема возникла. Можно перенести консультацию на будущую неделю?

— Ладно, перенесем. Проблема серьезная?

— Да нет. Житейская. Я быстро.

— Хорошо, договорились.

— Благодарю, Виктор Николаевич.

Это — два. И еще...

— Наташенька, привет.

— Артур! Здравствуй, милый.

— У меня небольшая командировка образовалась. Так что несколько дней меня не будет.

— Опять? Ну-у-у... Ты как специально подгадываешь!

— Наташ, честное слово — случайно. Надо съездить к родителям. Они просили. Заодно расскажу, что меня никак не хотела отпустить некая молодая особа.

— Ну да!

— Точно, скажу. Правда, я знаю, что они ответят.

— Что надо было эту особу брать с собой.

— Ага. Ну все, красавица! Целую. До скорой встречи.

— До встречи, обманщик.

Фу-у! Самый трудный звонок. Так, с текучкой все. Искать меня в течение ближайших дней никто не будет. Теперь — главное!..

...Когда-то в этой деревне было много народу. Но за последние десятилетия количество жителей резко сократилось. Молодежь поголовно бежала в Рязань или, на худой конец, в райцентр.

Старики, жившие с довоенных времен, потихоньку переселялись на кладбище. Кое-кому везло, их забирали к себе давно выросшие дети.

Остальные доживали свой век здесь. Человек семь-восемь. Причем все — за единственным исключением — старики. Им далеко за семьдесят, здоровье давно ушло, и они дальше своих дворов почти никогда не выходили. Только друг к другу в гости.

В деревне был один-единственный телефон в самом крайнем доме, так что связь с большой землей поддерживал в основном грузовик, раз в две недели приезжавший из райцентра. Он привозил газовые баллоны для газовых плит. Хорошо

хоть электричество еще шло по старым, потемневшим от времени проводам. Воду брали в колодцах или в колонке, тоже единственной.

Условия не ахти какие, но на фоне многих неудобств у деревни был один огромный, прямо-таки гигантский плюс — отыскать в такой глуши кого-нибудь практически невозможно. И разболтать о внезапно приехавших гостях некому. Так что основное условие лежбища — скрытность — выполнено на все сто.

Наш дом был крайним от посадки и стоял на небольшом холме, чуть на отшибе от деревни. Большое, по деревенским меркам, строение: три комнаты, обширная кухня с печью, просторные сени, крыльцо, пристроенный сарай для скота. Во дворе амбар, небольшой сарайчик для дров и сена, курятник, стоящий вплотную к дому. Метрах в двадцати от дома колонка, а рядом колодец. Места для десяти человек более чем достаточно.

За домом тянулся большой огород. Там давно ничего не росло, только по периметру продолжали плодоносить вишни, груши, яблоны, сливы и смородина. Словом, жить можно.

— Артур, нам бы воды.

— Принесу.

— Артур, а что за теми деревьями? Может, сходим туда?

— Там посадки. Кварталы яблоневых садов. А ходить туда не надо. Далеко, легко заблудиться с непривычки, да и сборщики яблок постоянно ходят. Люди разные попадают, увидят — сболтнут.

— ...Дядя Артур, а правда, что в озере плавает огромный сом? А правда, что он может утащить человека на дно?

— Неправда. Нет там никакого сома. Окуни, плотва, караси есть. А сомов нет.

— А на чердак залезть можно? Там игрушки есть?

— Это ты у мамы спроси. Игрушки?.. Возможно... я не помню.

— Артур, а больница далеко?

— В райцентре. Километров восемь отсюда.

— Как же туда попасть?

— На машине. Вызывать нет смысла, быстрее самим. Кто-то заболел?

— Да нет, я так...

Нина, Ирина, Лена, Жанна. Это жены моих друзей. Молодые женщины лет двадцати четырех — двадцати семи. Красивые, умные, пообтертые жизнью и знающие ее жесткую прозу. Занятия мужей наложили определенный отпечаток на их характер, на мировоззрение, изменили их взгляды на многие вопросы.

Они безропотно (по крайней мере внешне) переносят вынужденные скитания, держатся сами и держат своих детей. Тащат на себе нехитрое хозяйство, коротают теплые апрельские дни на кухне и во дворе, смотрят за детьми, а вечерами с увлечением наблюдают за перипетиями «мыльных опер» по огромному экрану телевизора. Я специально привез его, чтобы дамы не так скучали. И магнитофон тоже. Даже книг наташил.

Их временную ссылку скрашивают пятеро детишек. Три девчушки и два пацаненка. Всем от двух до пяти лет. Эдакий детский садик в миниатюре. Сразу с четырьмя воспитательницами. И одним сторожем.

...Здесь, вдали от цивилизации, я ограничивать себя не стал. Ни в средствах, ни в технике. У окна амбара, где я спал, на сошках стоял ПК. На поясе постоянно носил «стечкина». Автомат висел в изголовье широченной кровати, четыре гранаты лежали на столике. На ночь подходы ко двору и дому были усеяны МЗП*, сигнальными ракетами и хлопушками. От сарая к огороду шел специально углубленный овраг — запасной путь отступления. На окраине посадки еще года три назад я вырыл небольшой бункер, можно отсидеться сутки-двое. Там запас воды, продуктов и оружие.

Мало того, в доме на кухне на печке лежат четыре пистолета. Это для женщин. Неудивительно, что парни успели обучить свои прекрасные половины владеть оружием, а также преподавать и другие, несколько специфические, но очень нуж-

* Малозаметные препятствия.

ные в наше непростое время навыки. В крайнем случае девчонки сумеют остановить врага.

Продукты я завозил сам, закупая все в соседнем райцентре (конспирация, мать ее, — вещь необходимая!). Воду таскал из колонки, дрова колол во дворе, складывая их под навесом. Сам и топил печь, сам же и ОГВ* наладил. И конечно, охранял.

Единственный телефон в деревне принадлежал одной восьмидесятитрехлетней старушке. Это ее младшая сестра поstarалась, провела связь из соседнего городка, чтобы можно было поговорить с родственницей. Остальным телефон не был нужен — звонить некому.

Я поговорил со старушкой, и она разрешила мне звонить по телефону при необходимости. Но телефон — на крайний случай. А так для связи с парнями есть пейджер. Новый. Старый я продал, как и парни — свои. На время акции взяли новые, их потом тоже скинем, когда все закончится.

— ...Дядя Артур, а когда мы пойдем купаться?

Это кроха — Лика, дочь Антона и Ирины. Прелестное трехлетнее чудо с косичками и невероятно голубыми глазами. Ангельский голосок и доверчивый взгляд. При ее виде так и тянет улыбнуться.

— Что ты, малышка! Рано купаться. Вода еще холодная. А в реку мы полезем летом. Ясно.

— Да. А сколько мы еще здесь будем?

— Не знаю. Вот твой папа приедет, тогда и решим.

— А он скоро приедет?

— Скоро...

— Ясно, — абсолютно серьезно кивнула кроха и пошла по своим делам. Наверное, к друзьям — делиться новостью.

...В этот день на окраине Москвы неподалеку от строящегося высотного дома взлетел на воздух джип «гранд-чероки» с водителем и пассажиром. Все погибли при взрыве, а огонь обуглил тела до неузнаваемости. Правда, трупы через день опознают, и станет известно, что погибшие — члены одной из криминальной группировок столицы. Поползут слухи о про-

* Система отопления.

должении войны за передел собственности. Тем более бандиты погибли неподалеку от спорного объекта.

...А еще через два часа уже на другом конце города при выходе из борделя, замаскированного под сауну, будут расстреляны еще два человека из той же группировки. Бригадир и его помощник.

Неизвестные расстреляли их из двух автоматов Калашникова. Оружие убийства найдут в мусорном баке в соседнем дворе.

Бандиты, в один день потерявшие несколько человек, понятное дело, начнут искать следы и найдут их. Следы укажут, что убийства — дело рук конкурентов. А значит, впереди новая бандитская война.

— ...Газ когда завезут? Мало осталось... — Глаза Лены, жены Марка, спрашивали совсем другое, и о газе она совершенно не думала. — Еще на день.

— Завтра привезут, утром. Они и подсоединят.

— Хорошо.

— Я завтра еду в Рязань. Ненадолго. Вы остаетесь одни. Так что повнимательнее.

И опять немой вопрос в глазах. И мольба. Рассказать, что там у ребят. Как они там — живы, здоровы?

Мольба... А мне и сказать нечего. Дело еще не сделано. У самого никакой информации...

...Следующей ночью в подъезде своего дома будет убит еще один бригадир. Бутылкой из-под шампанского. Его охранника найдут в закутке лестничной площадки на первом этаже с пикой в сердце. Обломок пики обнаружат только при вскрытии.

После этого в Москве останется только один бандит, знающий о пейнтбольном клубе и схеме его перекупки. Его очередь наступит скоро...

Большую часть имущества парни распродали, остальное на машинах перевезли в Рязань. Мне надо было встретить контейнеры и перегрузить их в надежное место. А кроме того, прозондировать обстановку в городе. Не появлялись ли заез-

жие молодцы из столицы, не проявлял ли кто интерес к моей персоне и моим связям. И прочие подробности.

Я встретился с несколькими знакомыми парнями из разных команд, тех, кого хорошо знал и кто был нам кое-чем обязан. А потом позвонил одному человеку.

Человек этот носил погоны капитана и работал в РУБОПе. В так называемом шестом отделе. Капитан Разгонов Олег Семенович, двадцати семи лет от роду, потомственный мент в третьем поколении, профессионал — столь редкое исключение в наше время. На его счету несколько раскрытых «висяков» и несколько задержаний особо опасных преступников.

Этот профи — парень не промах. Взятки не брал категорически. Но и не нищенствовал. Покровительствовал несколькими мелким бизнесменам, охранял их и снимал свой процент. Ничего особенного, в наше время такое дело считается чуть ли не образцовым.

Разгонов меру знал, не наглед. Процент снимал небольшой, но охранял на совесть. Пару раз бандиты наезжали на подшефные точки, но на «стрелки» капитан приезжал с парнями из СОБРа*. На этом все претензии заканчивались.

В отделе Разгонов пользовался уважением, хотя кое-кто смотрел на него косо и с некоторым страхом. Слишком независим и неподкупен он был. Да и родители — влиятельные люди. Связи опять же большие. Ко всему прочему ходили слухи, что Олег идет на повышение. По крайней мере следующее звание он ждал в ближайшие недели.

Вот этому чудо-оперу я и звонил. Информация, полученная при легком трепе с братвой, — одно. А данные от профессионала — нечто другое. На пару порядков достовернее и точнее.

Разгонов каким-то насмешливым голосом спросил, во сколько подъехать, сделал паузу, видимо, прикидывая, будет ли свободен, а потом дал добро.

* Специальный отряд быстрого реагирования подчинен руководству РУБОПа, создан для проведения силовых операций. На сегодняшний день ему возвращено прежнее название — ОМСН (отряд милиции специального назначения).

Положив трубку, включил запись автоответчика. За время моего отсутствия было всего пять звонков. Андрей просил перезвонить, потом дважды звонила Наташка и вновь Андрей. Голос у него взволнованный, даже встревоженный. Чего он хочет? Опять что-то произошло?..

Немного поколебавшись, решил позвонить ему позже, после разговора с капитаном.

Разгонов приехал вовремя, демонстрируя свою безукоризненную точность.

— Привет органам! — поприветствовал я его.

— Салют, частник, — ответил тот. — Как дела?

— Как сажа бела. Живем помаленьку.

Я сделал широкий жест гостеприимного хозяина, и он вошел в квартиру.

Высокий, не ниже меня, Разгонов имел плотное сложение, довольно накачанную шею и крепкие руки. Аристократичные черты лица, надменный взгляд, поджатые губы. Со стороны глянешь — сноб. А на самом деле нормальный парень, вынужденный подстраиваться под обстоятельства и окружение. А оно добротой и чуткостью отнюдь не блещет. Что подопечные, что коллеги.

Разгонов предпочитал спортивный стиль одежды — самый практичный и надежный. Он всегда был готов к активным действиям и считал, что одежда должна отвечать этим требованиям. Синие джинсы, черная футболка под горло и черная короткая кожанка. Слева под курткой оперативная кобура, сзади за поясом — не исключено — второй ствол, какой-нибудь не зарегистрированный. На капитана трижды покушались нехорошие люди, и он привык соблюдать повышенные меры предосторожности.

— Проходи, капитан. Пиво ждет, вобла и прочая закуска на столе.

— Это дело, — потер он руки, поглядывая на стол. — Вижу, действительно рад гостю.

Мы прошли на кухню, где обычно и сидели. Здесь было как-то уютнее, удобнее. Да и все под рукой.

— Ну что, со свиданьем. — Олег приподнял бутылку сделал глоток. — Хорошо!.. Как жизнь молодая?

— Нормально. Живу, не тужу.

— Ну-ну... Я слышал, ты ушел от Чижмина.

«У него есть свой человек в Жоркиной конторе, — вспомнил я свою старую догадку относительно хорошей осведомленности капитана. — Кто-то из старых. И судя по всему — в охране. По привычке держит руку на пульсе или новый интерес?..»

— Надоело работать на дядю.

— А сейчас чем занимаешься?

— Диплом готовлю. Скоро защита. У тебя-то как дела?

Он пожал плечами и в двух словах обрисовал обстановку на работе, не вдаваясь в подробности. Мы поболтали на разные темы, и я вскользь выяснил интересующие меня вопросы. Относительно гостей из столицы, криминальной обстановки и последних случаях убийства.

Олег, будучи далеко не дураком, сообразил, что именно мне надо, и выложил все как есть. Эта информация закрытой не была.

— Все узнал, что хотел? — спросил он минут через тридцать. Его голос звучал насмешливо и задиристо.

— Узнал? Ну да, узнал. Что ничего интересного нет. Все как всегда. Одних убивают, других грабят, третьих грабят и убивают вместе. Будни...

— Ну-ну... Вывод слишком поверхностный. Но, впрочем, верный. Ладно, будем считать, ты информацию получил. А теперь позволь, — он усмехнулся, как-то неуверенно качнул головой, словно сомневаясь, говорить или нет, — позволь рассказать тебе одну историю.

— Историю?

— Ну да. Может, понравится... Очень уж она оригинальная.

— Да? — Я с удивлением посмотрел на Олега, не понимая, что его так развеселило. — Ну, давай свою историю. О чем хоть она? О бандитах?

— Нет, — отрицательно покачал головой тот. — Скорее из разряда фантастического бреда.

— Давай послушаем бред...

Олег кивнул, опять улыбнулся, внимательно и как-то насмешливо посмотрел на меня. Черт, чего он так смотрит?

— В общем, так. Два дня назад была стрельба на Шлаковом*. Брали двух отморожков-гастролеров. Те промышляли нападениями на водителей. Эти собаки одного нашего подстрелили. Бандитов взяли... одного живого, второй — труп.

— Это тот, кто стрелял? — спросил я, в принципе заранее зная ответ.

Разгонов кивнул. Все верно, за своих надо мстить. Желательно по горячим следам.

— Так вот, — продолжил капитан, — нашего отвезли в больницу. Ранение не тяжелое, но крови он много потерял. Я потом его навестил, побыл там. Но это все присказка. Главное дальше.

Олег сделал большой глоток и заговорил.

...В больницу, куда доставили раненого милиционера, привезли беременную девчонку. Что-то там с ней произошло, то ли недомогание, то ли проблемы с плодом, капитан толком не знал. Пока с будущей мамашей возились, пока вызывали специалистов из роддома, ее временно поместили в кабинет, неподалеку от которого сидел капитан. Ждал результатов операции.

Он-то и стал свидетелем той толкотни и суеты, что поднялась вокруг роженицы. Следом за ней в больницу прилетел ее муж. Взлохмаченный, взволнованный, с выпученными глазами и раскрытым ртом. Бегал по этажу, всех будоражил, требовал врачей и акушеров. Сестра его с трудом уговонила.

— У девчонки, — рассказывал Олег, — явно от боли и страха поехала крыша. Вот... Начала она кричать. Точнее — орать. Что-то о воротах, других мирах, мертвом ребенке... погибших друзьях... И прочее... Муж ее успокаивал, чуть ли не рот зажимал. И все на дверь смотрел. Словно боялся, что услышат.

До этого момента я слушал больше из вежливости, толком не понимая, зачем Олег мне это рассказывает. Но после этих слов меня словно морозец пробрал. Вот это история!..

В больницу, конечно, попала Оксанка. А взбаламученный муж — это Денис. Что с ней такое случилось? Женские проблемы перед родами? Осложнение?.. Но с чем связан такой

* Район Рязани.

странный бред? Что взбрело в большую головенку, что она начала орать о Воротах и пришельцах?..

— Это все? — бросил я, надеясь, что лицо не отражает тех эмоций, что бушевали в душе.

— Не совсем. Девчонка несла еще что-то о чужих мирах, о некоем Артуре, который вытащил их оттуда. Потому что он полковник полиции...

«Очень хорошо. Оксаночка выболтала все. Точно рехнулась. Поехала крыша у беременной студентки...»

— В конце концов она затихла. Обессилела. Ее повезли в операционную. Приехал врач из роддома, вроде как хотел делать кесарево. Дальше я не слышал, они ушли.

Олег допил пиво, поставил бутылку под стол и глянул на меня. В его глазах плескалась насмешка пополам со смущением.

— Потом я поговорил с парнем, ее мужем. Денисом зовут. Выглядел он паршиво. На вопрос относительно бреда сказал, что у жены нервный срыв. Мол, девятый месяц, все такое... Но при упоминании имени Артур, неких ворот и пришельцев вздрагивал, как от ударов тока.

— Забавно, — наконец среагировал я. — Интересный бред. Книжный, я бы сказал.

— Да, похоже. Девчонка явно перечитала фантастики. Или слишком много фильмов смотрела. Кстати, — он хмыкнул, растянул губы в усмешке, — я мимоходом выяснил, что они студенты радиоакадемии. Пятикурсники... Вместе с тобой учатся...

Я пожал плечами, старательно делая равнодушный вид. А про себя костерил эту сладкую парочку, потерявшую разум. Надо же такое наплести!..

— Наверняка я их знаю. И что?

— Да так, ничего... Просто интересно было их послушать. Особенно о некоем полковнике некой полиции по имени Артур.

Вот почему у капитана был такой вид. Смесь интереса, смущения и удивления. Конечно, не каждый день слышишь такое. Пришельцы, другие миры. Да еще какой-то полковник.

— Да, история занимательная, — выдавил я, приходя в себя. — Это надо репортерам «желтой прессы» рассказать. Будет материал из разряда «к нам залетали снежные человечки».

Олег несколько секунд смотрел на меня, словно проверяя мою реакцию на рассказ. Потом махнул рукой.

— Ладно. Хрен с ними, с больными. Просто интересно было слушать...

— Да. Но если хочешь узнать нечто подобное, загляни на досуге в психбольницу. Там такое плетут. Никаких книг не надо. Еще пиво будешь?

— Давай.

Разговор перешел на общие темы. Поболтали о погоде, политике, потом перешли на женщин. Выпили еще по две бутылки, уничтожили тарелку с закуской и в конце перешли на минералку.

К истории с беременной женщиной больше не возвращались, но я еще несколько раз ловил на себе внимательные и насмешливые взгляды капитана. Видимо, предродовой бред запал ему в голову и заинтересовал своей необычностью.

Перед прощанием Олег спросил о парнях и просил передавать привет. Мол, хорошо бы встретиться, посидеть, поговорить. Я обещал передать его слова при первой же возможности.

Когда Разгонов ушел, я вернулся за стол, допил последнюю бутылку и, задумчиво глядя в окно, восстановил в памяти недавний разговор. Самое главное — в городе тихо. В плане наших персон — тихо. Остальное — ничего не значащий фон. А вот происшествие в больнице — это да. Это номер. Вот почему Андрей названивал мне домой. Хотел рассказать об этом. Видимо, испугался, что могут быть последствия.

Надо будет ему попозже позвонить. Успокоить. Наша милиция, даже ее лучшие кадры, не настолько подвержены мистификации, чтобы всерьез поверить в пришельцев и загадочные Ворота. Олег бред-то услышал, знакомое имя отметил. Но никаких выводов из этого не сделал. Даже если и заподозрил что-то, все равно никогда никому не расскажет. Не так устроен. Ему и своих проблем достаточно.

«Интересно, парней он вспомнил случайно или нет? Когда они приезжали, их могли увидеть. Впрочем, Олег не стал бы играть в прятки, а сказал бы об этом. Он нас до сих пор считает своими если и не закадычными друзьями, то людьми, которым кое-чем обязан. Так что интерес надо воспринимать как вежливость...»

Да. Встретиться, посидеть за столом — хорошая идея. Только, боюсь, пока она неосуществима. В свете последних событий нам, парням, лучше не светить свое присутствие в Рязани. Так, на всякий случай...

Пока убирал со стола, мыл посуду и наводил порядок в доме, в голове всплыла наша первая встреча с Разгоновым. Пять лет назад.

...Так уж вышло, что наше знакомство началось с серьезной сшибки. Нет, не с Разгоновым. А между ним и несколькими беспредельными пацанами. Не в меру ретивый молодой оперативник встал у тех на пути, и иного способа, как отправить излишне любопытного мента в небытие путем забивания железными прутьями и ногами, они не придумали.

Мы с Марком оказались на месте сшибки совершенно случайно. Меня, тогда еще зеленого и бесшабашного, схватка привела в состояние легкого шока. А Марк сразу все понял и сделал правильный вывод:

— Валият наглухо.

Валили действительно наглухо. Трое мордоворотов, окружив шатающегося опера, молотили его прутьями, изредка поддавая пинками по лицу и животу. Тот закрывал голову руками и уже не отмахивался, а только прятал наиболее уязвимые места на теле. Четвертый бандит лежал поблизости без сознания. Видимо, опер ему хорошо попал.

— Поможем? — спросил тогда я, ощущая странную дрожь в теле.

По молодости и неопытности полагал, что это от трусости, и хотел избавиться от постыдного ощущения. Марк глянул по сторонам — пусто и тихо — и кивнул:

— Да.

Эх, молодо-зелено!.. Как я тогда рванул вперед, кипя желанием показать этим гадам, чему уже научился. Но от азар-

та, нешуточного возбуждения и мандража сразу напортачил. И удар вышел несильным, и захват слабым, и рывок неуверенным.

Я мгновенно получил по скуле, через секунду в живот, а в довершение — в челюсть. После этого слегка потерял ориентацию и уже не видел, как подоспевший Марк снял почти с моей головы железный прут, как отправил мордovorота в нокаут, как сшиб еще одного, отбив ему детородные органы.

Дикий крик поверженного врага привел меня в чувство и придал сил. Уже спокойно, не летя наобум, я довольно четко провел прием, освободив последнего стоящего на ногах бандита от прута, а потом отправил его в забвенье.

Потом Марк проверил состояние противника, двоих опять уложил отдохнуть, подхватил опера, и мы почти бегом покинули место схватки.

О том, что спасенный нами человек — мент, узнали, когда тот пришел в себя. Долго благодарил и взял с нас слово, что мы его найдем. Обязательно. Слово мы сдержали. Так и началась наша дружба. Скорее даже знакомство. Но близкое.

Олег иногда помогал нам информацией, помогал выяснить некоторые вопросы. Мы, в свою очередь, пару раз его прикрывали в щекотливых ситуациях. В общем, были друг другу кое-чем обязаны, но Разгонов всегда считал, что должен больше. Мы, мол, ему жизнь спасли.

Последнее время встречались очень редко. Парни уехали, я был занят своими делами, Олег — своими. Но отношения друг к другу не переменили. Это я понял сегодня.

...Да, а за тот неудачный дебют в драке потом получил. От своих. За спешку, за плохую оценку обстановки и за ошибки, допущенные в схватке. После чего два месяца пахал, как рота пап Карло. А потом сдавал жесткий и суровый экзамен. Ладно, дело прошлое...

...Вечером получил сообщение от парней. «Выехали в другой город. Связь через день. Привет нашим».

Это значило, что проблемы в Москве разрешены и на очереди был Питер. Привет, понятно, семьям. Стерев сообщение,

я вздохнул — полдела сделано. Теперь бы в Питере все прошло как надо.

Я прокатился по магазинам, закупая продукты, потом заскочил домой, выгрузил покупки и наскоро перекусил. Времени в запасе было не так много. В ночь выезжать в деревню. А перед этим надо навестить Андрея. Прояснить обстановку с Оксаной и ее странным срывом. А заодно вставить за излишний треп. Напомнить, что молчание — не только золото, но и иногда — жизнь.

— Артур?! Ты где? В Рязани?

Взволнованный голос Андрея бил из трубки с таким напором, что казалось, следом за словами выскочит он сам.

— Мы можем встретиться?

— Ты дома? — успел я вставить вопрос.

— Да. Я... мы...

— Буду через двадцать минут.

«Эк его прихватило! — думал я, спускаясь по лестнице. — Переживает по поводу случая в больнице. Даже чересчур. Не стоит на него сильно наседавать, парень и так весь на нервах. Хватит и этого...»

Дома у Андрея — вот сюрприз — меня ждали сразу трое. Кроме хозяина, еще Лена и Денис. Последний имел такой вид, словно с неделю круглосуточно грузил мешки с песком. Лицо белое, под красными глазами мешки, руки подрагивают.

«Пил, что ли? — мельком подумал я, здороваясь со всеми. — Похоже на то. Наверное, вчера поддал после пережитого. И слегка перебрал...»

— Что у вас, господи?

— Оксанка в роддоме! — выпалил Денис. — Второй день. У нее срок подошел, должна скоро родить.

— Это все?

Я прошел в глубь комнаты, сел в кресло, глянул на часы. На треп от силы полчаса, потом надо ехать.

— Нет... — Денис глянул на Андрея, потом на Лену. — Не совсем.

— Ну-ну... выкладывайте.

Андрей за то время, что я ехал сюда, успел успокоиться и прийти в себя. По крайней мере той истерии, что была в его голосе, сейчас не видно.

— Оксане стало плохо. Видимо, от болей. Она... — Андрей сделал неопределенный жест. — В общем, начала бредить. Говорить невесть чего. О Воротах, о другом мире.

— Да? Интересно. И что наговорила?

— Всего помаленьку. Вон Денис видел и слышал.

Я повернулся к тому, ожидая продолжения. Тот как-то потерянно махнул рукой, тихо сказал:

— Несла всякую чушь. О Воротах, о тебе, о полиции. В общем, собрала все, что можно. А как назло, в больнице случайно оказался какой-то мент. Он все слышал и начал меня доставать.

— А ты со страху ему все выложил, да?

— Нет. Не стал вообще разговаривать. Не знаю, что он подумал, но вид у него был такой... пораженный. Смотрел на меня, как на психа.

В общем, Разгонов так и рассказывал. Не утаили ничего студенты — и то хорошо. Наверное, с перепугу. Вот как смотрят. До сих пор не отошли.

— Как Оксана? — спросил я.

— Вроде полегче. Потом, когда ее перевозили в роддом, пришла в себя.

— Надеюсь, ты сказал ей, чтобы она сменила тему бреда? Денис кивнул.

— Да. Она сама перепугалась.

Повисла пауза. Все смотрели на меня, ждали реакции. А я смотрел на них, ждал, что еще скажут. Так мы и промолчали пару минут.

— Артур, — наконец подала голос Лена. — Как думаешь, тот милиционер не начнет?..

— Искать таинственные Ворота? Вряд ли. Милиция — структура приземленная. Им бы со своими проблемами разобратся, куда уж до иных миров. Гораздо хуже, если ваши... слова, так скажем, услышат деятели пера и бумаги. Особенно из тех газет, что именуют «желтой прессой». Они падки на все сказочные сюжеты. Вот тогда держитесь.

— Да не было там никаких репортеров и журналистов, — сказал Денис.

— Ну и хорошо. А так, на будущее, учтите — целее всего язык бывает за зубами.

Не знаю, что там они себе напридумывали, наверное, решили, будто теперь по их следам пойдет весь МВД во главе со знатоками и Анискиным. Но страху это происшествие на них навело. Ничего плохого, пусть подрожат. Осторожнее станут.

— Что врачи говорят, когда Оксанке рожать?

— В любой момент. Девять месяцев как раз сегодня. Так что... — Денис кивнул на телефон. — Я дал свой номер и номер Андрея. В регистратуре пообещали позвонить, если что.

— Ладно, господа. О произошедшем забудьте. Никаких проблем не будет. Впредь помните — что и где говорить, а о чем надо молчать всегда, в любом месте.

— Ты уезжаешь? — спросила Лена.

— Да. Мне пора.

— Как диплом?

— Готов. Осталось защитить его, и все. А у вас?

— Доделываем. Еще немного.

— Отлично. Ну все, мне пора. Как Оксанка родит — дайте знать.

— Хорошо.

Проводить меня вышли все трое. Молча смотрели, как я надеваю ботинки и накидываю куртку, так же молча подождали, пока не открою дверь, а потом почти хором попрощались.

И опять меня кольнула мысль, что эта компания очень похожа на другую. Ту, что помоложе, побеззаботнее, повеселее. У тех не было долгих скитаний в других мирах, не стояла смерть перед глазами, не дышали враги в затылок. И хорошо, если ничего подобного никогда не будет...

— ...Алло. Натали?

— Артур? — Радостный голос в трубке. — Ты? Ты где?

— Приехал на пару часов в город. Как у вас дела?

— Отлично. Только приехали с дачи. Знаешь, Женька в реку упал. Когда мост переходили! Пока вытащили, пока согревать увели... опоздали на автобус...

Я улыбнулся, представив на миг лицо Наташки. Эмоции переполняют ее, голос радостный, веселый. Хорошо отдохнули, погуляли, что еще надо молодежи для счастья?

— Ты приедешь ко мне?

— Нет, милая. Не успею. Думаю, через несколько дней вернусь, вот тогда точно.

— Ну-у, — разочарованно протянула она. — Долго. Я соскучилась.

— Я тоже, крошка. Хочу тебя увидеть, но пока не могу. Потерпи немного.

— Ладно, что же делать...

— Ну все, давай береги себя. До встречи.

— Целую, пока!

«Везет им. Никаких тревог, никаких проблем. Волнует только зачет, страшит только экзамен... Да еще плохо выстиранная кофточка. Хорошо быть ребенком. Пусть даже восемнадцатилетним...»

Закончив разговор, я вышел из квартиры, поставил ее на сигнализацию, спустился вниз, закинул две объемистые сумки в багажник машины, немного прогрел мотор и вырулил со двора.

Уже стемнело, солнце исчезло за горизонтом, а на небе одна за другой зажигались звезды. Меня ждала ночная поездка под сенью новорожденной луны...

Южный ветер принес очередной антициклон, и под утро здорово потеплело. Когда я приехал, малышня бегала по двору полуголой. Весна вообще вышла ранней, в середине апреля солнце прогрело воздух до двадцати с лишним градусов, а ближе к маю стало совсем жарко. Самые смелые и нетерпеливые уже открыли купальный сезон.

— Ну? — встретили меня четыре пары взволнованных глаз. — Что у них?

— Все нормально. Скоро приедут. С жильем и вещами разберутся, и все.

Тревоги и волнения в глазах не стало меньше, но теперь к ним добавилась надежда. Женщины, даже не зная истинного

положения дел, инстинктивно чувствуют ситуацию и умеют на самом минимуме информации сделать правильный вывод. Опять же инстинктивно.

Поэтому я сделал донельзя искренний вид, говорил спокойно, небрежно, со стопроцентной уверенностью. Впрочем, с ней слегка перебрал. Если бы все проблемы ограничивались продажей квартир и перевозкой мебели, то семьи парней здесь бы не сидели. Жены это понимали, но все равно верили (хотели верить) мне.

— Ничего странного и подозрительного не замечали? — спросил я свою очередь. — Чужих не было?

— Нет. Старики у своих домов копаются, друг к другу ходят.

— А сюда не заходили?

— Нет.

— Ну и отлично.

Я распаковал сумки, что привез из города, вывалил на кухне продукты, вещи, газеты, потом сходил в амбар, проверил свой арсенал, спрятанный в надежном месте. Все цело.

Если наши расчеты верны, мы просидим здесь еще три-четыре дня. Припасов хватит, так что можно никуда не выезжать и лишний раз не светить свое присутствие.

Немного отдохнув, я еще раз обошел двор и огород, проверил сигнализацию и ловушки, а потом зашел в дом. Молодые мамы в одной комнате смотрели сериал, детишки по видеомagneтофону смотрели мультики. Все при деле, все увлечены. Хорошо.

— Дамы, я вас ненадолго покину. Схожу попробую воду. Говорят, уже нормальная.

— А не замерзнешь?

— Не должен.

— Дядь Артур, а я с вами, — заявил пятилетний Иван, сын Антона, такой же белобрысый, как и отец. — Тоже хочу попробовать воду.

— Сиди, пробовальщик, — одернула его мать. — Успеешь еще простудиться!

Я засмеялся, подмигнул пацану и вышел из комнаты. Несмотря на тяжелую обстановку и гнетущую неясность, настроение пошло вверх. Верный признак хороших новостей.

Или плохих...

...Питер. Санкт-Петербург. Ленинград... Город с тремя официальными и одним народным именем. Малолюдный переулок, поздний вечер, мощный северный ветер, холод и влага с Невы, низкие тучи над головой и мелкая противная изморось в лицо.

Из подъезда высотного дома выходят три человека. Один в дорогом костюме темно-синего цвета и наглухо застегнутом плаще. Недовольно оглядывая улицу, быстрым шагом идет к припаркованной у обочины иномарке.

Еще двое идут рядом с первым. Один спереди, второй сзади. Оба тоже одеты в костюмы, тоже хорошего качества. И плащи на них довольно дорогие, только расстегнуты, полы развеваются на ветру, хлопают по бокам, но эти двое подобной мелочи не замечают. Как не замечают и ветра, дождя и холода.

Единственное, что их интересует, это обстановка на дороге и улице. Их интерес не от скуки и безделья, а чисто профессиональный. Оба — телохранители. Оба охраняют клиента, важную персону, «тело».

Нет такой профессии в России — телохранитель. Не предусмотрена она правилами, ничего не сказано о ней в законе о частной детективной и охранной деятельности. И вроде как самих телохранителей нет. Зато есть частные охранники, имеющие право охранять частное имущество клиента. Охранять с оружием в руках.

Вот они и охраняют. Документы, что носит при себе та важная персона. Очень важные документы, представляющие большую коммерческую ценность. Так что в случае обострения обстановки они будут по всем правилам защищать эти документы... ну и по ходу дела — лицо, их хранящее.

Эта уловка никого в стране не обманывает, не вводит в заблуждение. Ну, закон у нас такой долбанутый, чего теперь? Не прекращать же на самом деле работу! Ведь можно легко и просто обойти его и действовать дальше. У нас большинство законов можно легко обойти. А если не выходит, то купить тех, кто закон охраняет и наказывает за его нарушение. Это не правовой бес-

предел и коррупция. Это традиция в новой демократической России. Привыкайте, господа бывшие товарищи. Вы сами этого хотели. Хотели? Вот и получили. Пользуйтесь.

...Клиент идет к машине — длинному представительскому «БМВ» последней модели, на ходу прикидывая, как сегодня проведет вечер. И не помешает ли что-либо отдохнуть от трудов праведных (по его понятию) первый раз за последние десять дней.

Телохранители следуют поблизости. Вот один оторвался и ушел вперед — проверить дорогу. Второй тенью топает за клиентом на шаг сзади и на полшага справа. Он — прикрепленный, тот, кто всегда рядом с охраняемым. Если что — первая пуля не боссу, а ему. Потому как главная обязанность — заслонить своим телом другое тело.

Водитель в машине тоже охранник. Тоже вооружен и обучен. Он отслеживает обстановку на улице и вокруг машины. Он давно завел и прогрел мотор и готов в любой миг стартовать с места, набрав скорость за считанные секунды.

Клиент подходит почти вплотную к «БМВ», на секунду притормаживает и закуривает сигарету. Из открытой двери тянет теплом и приятным запахом его любимого одеколona. Клиент делает длинную затяжку, бросает взгляд на напряженные фигуры телохранителей, чуть кривит губы в усмешке и протягивает руку к дверце.

И резко падает вперед; словно получив мощный удар в спину. На крышу машины брызгает кровь пополам с мозгами, на асфальт отлетает бесформенный кусок черепа, покрытый спутанными волосами. Безвольное тело звучно шлепается у колес.

Телохранители реагируют почти одновременно с падением клиента. Быстрые взгляды по сторонам, поиск места, откуда стреляли. Ничего. Никаких подозрительных фигур, никаких машин, вообще никого. Кстати, и звука выстрела никто не расслышал. Неудивительно при таком ветре.

Потом они поднимают почти обезглавленное тело клиента, аккуратно кладут его на заднее сиденье, и машина на полной скорости уезжает к ближайшей больнице.

Телохранители все делают верно. Воевать с напавшими в их обязанности не входит. Главное — увезти клиента прочь от опасного места и предоставить ему квалифицированную медпомощь. Хотя и дилетанту ясно — единственную помощь тому могут оказать в морге.

С момента выстрела, до того как «БМВ» прыгнула с места, улетающая прочь, прошло не больше пятнадцати секунд. Переулок все так же безлюден и тих. Никто не вышел из дома посмотреть, что произошло. Никто не обратил внимания на небольшую трагедию, разыгравшуюся под окнами. Словно ничего и не было. Только бесформенная лужица крови на асфальте и кусок черепа у противоположного бордюра.

Впрочем, к подобным историям город привык. Как и страна. Криминал, война, убийства... Демократия называется, если кто не в курсе.

...Двое прошли через арку, миновали угол дома и сели в неприметную «копейку», стоящую с тыльной стороны пятиэтажки.

— Чисто, — пробасил Марк, убирая ВСС в сумку.

— Наповал, — подтвердил Антон.

— Порядок, — подытожил Сергей, заводя мотор. — Остался еще один. Поехали, Толик ждет.

Машина не спеша выруливает на дорогу и так же не спеша катит прочь. Парням спешить некуда. На сегодня работа закончена. Теперь бы завтра все прошло как надо, и тогда можно покинуть негостеприимный город. Надолго. Возможно, навсегда. Оставив здесь проблемы и неурядицы. И навсегда обрубив хвосты...

...Они приехали через четыре дня почти к обеду. Нагрянули на двух машинах с кучей подарков, тремя огромными сумками продуктов и двумя десятилитровыми бочонками с пивом.

Первый час стоял невообразимый шум. Дети, как маленькие обезьянки, залезли на отцов, и согнать их вниз смогли только игрушки, одной большой кучей лежавшие на ковре в комнате. Затем четверка долгожданных гостей попала в руки

жен. Объятия, поцелуи, жадные расспросы, радостные взгляды... Этот процесс затянулся надолго.

Я предусмотрительно покинул дом, прихватив с собой ствол и радиостанцию, и пошел к выезду из деревни — посмотреть, не появился ли кто-либо следом за парнями. Явная перестраховка, но сколько раз она спасала нам жизни раньше. И сколько раз спасала меня там, в других мирах.

На трассе было тихо. Редкие машины проскакивали поворот, не снижая скорости, неторопливо протарахтел трактор, за ним еще один, и опять все стихло. Незваных гостей не было. Значит, и вправду чисто прошло...

Я вернулся к дому часа через полтора, когда бум от приезда слегка сошел. Женщины заканчивали готовить обед, парни вынесли во двор пару столов, благо погода позволяла, и помогали женам расставлять посуду. Малышня прыгала и бегала по двору с игрушками и была счастлива от присутствия родителей, повышенного внимания и просто от того, что все хорошо. Идиллия.

После обильного обеда, оставив дам и детей дома и прихватив один бочонок пива, мы пошли к посадкам. Выбрали удобное место, расстелили покрывало и открыли емкость.

— Ну что, господа, каков результат? — спросил я.

— Положительный. Ни в Москве, ни в Питере не осталось ни одного из тех, кто наезжал на нас или был в курсе наезда. В обоих городах сейчас шум, гам и стрельба. Группировки ведут разборки, выясняют, кто и когда кого завалил, но так как война у них идет постоянная, то наша акция прошла относительно незаметно.

— А ваш компаньон по клубу? — глянул я на Марка. — Он как?

— А что он? — Марк одним глотком ополовинил кружку и довольно вытер губы. — Если и допрет, то будет молчать как рыба. Чтобы голову не потерять. Мы ему намекнули, чтобы он сам искал крышу. Лучше «красную»*. Тогда многие вопросы отпадут сами по себе.

* Покровительство милиции или госбезопасности за отдельную плату. Зачастую «крыша» берет процент с дохода фирмы, иногда требует определенную сумму.

— Как жилье?

— Продано. Деньги переведены.

— Угу. — Я протянул кружку Антону, чтобы тот налил пива. — Контейнеры с вашими вещами на месте. Можно отправлять в любой момент. Здесь чисто, никто не приезжал. Новые машины можно взять здесь, можно в соседней области. Любые.

— Хорошо.

Под свежее холодное пиво мы уничтожили связку таранок и связку вареных раков. Попутно парни поведали мне конкретные детали акции, подробно обрисовав обстановку во время операций. Как я и предполагал, сработали они на высшем уровне, с минимумом затрат, рационально и наиболее просто. Никаких сложных многоходовых комбинаций, умопомрачительных финтов и головокружительных трюков. Чем проще, тем надежнее.

Я выпросил некоторые подробности, уточнил пару моментов, особенно заинтересовавших меня, а потом, когда бонок опустел на две трети, задал вопрос:

— Что намерены делать дальше?

Парни молчали. Тогда, по горячим следам, только попав в затруднительную ситуацию, они не просчитывали дальнейшие шаги, справедливо решив оставить анализ до лучших времен. Главное было выйти сухими из заварушки. Но теперь... теперь следовало крепко подумать, прежде чем что-то сделать.

— У нас на счетах в западных банках по сотне штук зелено. Или чуть больше, — медленно начал Антон. — Так что можно переехать в другой город и попробовать открыть свой бизнес.

— Вариант, — согласился Толик.

— Либо выехать за границу, попытать счастья там.

— С такой суммой тяжело, — заметил Марк. — Квартира, проживание, да еще бабки на бизнес. В запасе останется немного. А надо еще семью кормить, если оставлять здесь.

— Почему здесь?

— Тащить с собой в никуда нет смысла. Да и дороже обойдется.

— Точно, — поддержал Марка Серега. — И не факт, что мы бизнес разовьем. Вон в Москве попробовали... Едва ноги унесли.

— У вас деньги за хаты еще есть, — напомнил я.

— Все равно, ну наскребем полторы сотни штук, и что? — Сергей подставил кружку под краник и повернул рычажок. Тонкой струйкой полилось пиво. — Надо по крайней мере знать, что делать.

— Ну, выбор у вас небольшой. Либо кого-то тренировать, либо...

— Либо идти в наемники, — подхватил мои слова Толик. — Только мы эту страницу биографии вроде закрыли.

— Вот именно, вроде...

Разговор завис. Были идеи, предложения, версии, не было только четкого понимания, чем могут заняться четыре человека, имеющие весьма специфическое образование.

Имея за плечами десантное училище, они могли профессионально воевать, профессионально готовить к войне и... и пожалуй, все. Ничем другим они никогда не занимались.

Первая же попытка начать свое дело привела к разборкам с бандитами и срочному тушению конфликта. Тушить пришлось кровью. Конечно, это не значит, что и дальше им будет не везти. Но...

Мы допивали пиво, доедали закуску, и каждый думал, как быть. Про себя. Чтобы потом выдать уже готовые предложения.

Я тоже думал. Меньше чем через полтора месяца защита дипломной работы, а дальше я — вольный стрелок. Постоянной работы нет, заработка тоже. Правда, выбор у меня немного богаче, чем у друзей. Но идти на завод или даже в частную контору инженером... Пусть и с неплохим окладом... Не усужу я в кабинете, не мое это.

Еще одно преимущество — на счету в банке около трех сотен тысяч долларов. Одному с таким капиталом можно и попробовать свои силы на Западе. С неплохой долей вероятности успеха. Но сначала надо получить диплом. А потом, если смогу осесть за границей, начну вытаскивать своих.

— Парни, — нарушил я молчание. — Прежде чем вы выскажете свои соображения, послушайте мнение.

— Слушаем, господин полковник, — усмехнулся Марк.

— После последних событий и всего, что было с ними связано, вам надо взять небольшой отпуск. Отдохнуть, проще говоря, подлечить нервы, побыть с семьями... Хотя бы месяц. А потом, уже на свежую голову, и придумаете, чем и как зарабатывать на кусок белого хлеба с маслом и икрой под коньячок. Тем более к тому моменту я получу корочки инженера и перестану быть привязанным к Рязани. А дальше — как повернет.

И я выдал им свою идею внедрения на Запад. Парни выслушали, подумали, обменялись взглядами.

— Неплохая идея, — подал голос Антон. — Иногда надо делать паузу. Заодно будет время поискать варианты.

Толик кивнул, в знак согласия поднял кружку. Судя по виду, и Марк был не против подобного решения.

— Можно съездить к нашим знакомым на Западе, прозондировать почву по поводу их давнего предложения, — подтвердил он мою догадку. — И на курорте отдохнуть.

Взгляды скрестились на Сереге. Наш мозговой центр, автор большей части всех идей, сидел, скрестив ноги, и вертел в руках монетку. Думал.

Потом поднял голову и нашел меня взглядом.

— Что ж, Артур. Идея неплоха. Даже очень неплоха.

Антон кивнул, поддерживая его.

— Я прихожу к выводу, — продолжил Сергей, — что этот вариант наиболее приемлем.

— Решено? — спросил Марк.

— Думаю, да, — кивнул Серега.

— Тогда надо найти место жительства, хотя бы временное, переслать вещи, сменить машины и... все, — сказал Антон.

— Завтра и займемся.

— Ну что, пойдем обратно? — Я глянул на часы. — А то ваши дамы наверняка соскучились.

— Встаем, — поднялся на ноги Марк. — Я хотел еще успеть воду опробовать. Как она?

— Норма, — поднял я большой палец. — Прогрелась.

Быстро собрав вещи, мы двинули в обратный путь, разговаривая о разных пустяках и травя анекдоты. К прошлой теме, по молчаливому соглашению, не возвращались.

* * *

Первое мая. Утро красит нежным цветом... День солидарности, мир, труд, май... Праздник, однако!

Повод для праздника в новой России давно считается отсталым и неправильным, но по инерции Первомай все равно отмечают. Все как положено: выходные, гулянки, поздравления... Только демонстрации стали пожиже и поменьше. Потому как не государственный уровень, а частный. Неокоммунисты со товарищи шагают стройными рядами с транспарантами и флагами, скандируют старые лозунги и новые речевки. В них теперь больше экономических требований, политических. Еще немного — и перейдут к самым простым и насущным: «Дайте пожрать!»

Все ничего, но ради трех-пяти сотен демонстрантов на несколько часов перекрывают центральные улицы — ни пройти, ни проехать. Неудобно чертовски.

...Возможно, не будь демонстрации, не начался бы этот неприятный разговор или был бы, но в другое время, и его концовка была бы иной. Впрочем, гадать трудно.

А так я потерял минут тридцать, пока объездными путями по закоулкам выруливал к Наташкиному дому. И если учесть, что выехал с задержкой, то опоздание составило минут сорок пять.

Моя леди отличалась поистине королевской точностью, никогда не опаздывала на свидания и не понимала, почему опаздывают другие. Я и сам этого не люблю, обычно прихожу раньше, но сегодня, как назло, одно к одному. И дела задержали, и праздник с его ограничениями... словом, опоздал!

Натали, при всех ее достоинствах, иногда теряла терпение и становилась сущей ведьмочкой. Юной, очаровательной, прекрасной, но... стервозной. Эдакий минусик на фоне безусловного плюса. Однако...

Однако разговор начался с упрека — почему опоздал?! Почему не предупредил?! Мол, все уехали, а я сижу, жду.

Ответ на такое обвинение один, универсальный: улыбка, поцелуй и заверение в нежных чувствах. Ну и масса извинений. Девчонка, если не дура и не хочет немедленно расстаться, их примет и забудет.

Плохо, что и я был не в самом добром расположении духа. Вчера под конец вечерней тренировки с парнями ни с того ни с сего появился Корешков — зам Жорика по безопасности — в сопровождении то ли водителя, то ли охранника. Типа с проверкой. Как и чему их учат.

Парни опешили не меньше моего — Юркина группа в личном подчинении шефа, и зам никаким боком к ней не причастен.

Я вежливо попросил его покинуть помещение. Тот не понял, начал махать руками и доказывать, что он имеет право. Юрка срочно связался с шефом. Тот попросил дать трубку заму. Их разговор был коротким и энергичным. Судя по лицу Корешкова, ничего хорошего для себя он не услышал.

Я вновь попросил покинуть зал. Вежливо. Корешков вроде и пошел к выходу, но при этом неосмотрительно ляпнул:

— Развыё...ваются всякие мудаки, строят из себя сэнсэев!

Слова в воздух, но адресованные. За такие слова, если по закону, — статья. Мелочь, но статья. А по-мужски — по морде.

Никогда мне подобное не говорили. Никто. И терпеть хамство я не намерен. Тоже ни от кого. Корешков, видимо, просто не понимал, чего брякнул и кому. И понять не успел.

Ударил я вполсилы и только один раз. Попал точно в подбородок, чуть выше ямки, в тот самый «треугольник», куда и метят боксеры, чтобы отправить соперника в нокаут.

Корешков упал лицом вниз там, где стоял. Его сопровождающий дернулся было вперед, но его остановил резкий окрик Юрки.

Тот осмотрел бездыханное тело, пощупал пульс и поднял голову:

— Чистый нокаут. И считать не надо.

— Черт! — вылетело у меня. — Что с ним теперь?

— Да ничего, — фыркнул Макс. — В машину и домой. Пусть отлежится. Завтра Жоре скажем, он ему вставит за мозгоё...ство!

Парни помогли охраннику привести Корешкова в чувство и отвести к машине. Инцидент был исчерпан, но настроение у меня упало. Как ни крути, но Корешков — правая рука Жор-

ки. Или левая, не важно. Как еще скажется ссора на мне. Жорка может и прекратить занятия. А мне сейчас, в новых условиях, не хотелось бы терять такой источник дохода. Хотя бы еще пару месяцев. Потом трын-трава.

...Вот с такими невеселыми мыслями я и приехал на свидание. Потому и не смог уловить момент, когда надо остановиться и свернуть тему.

— ...Ты когда последний раз с нами был? — несколько громче обычного спрашивает Наташа. — Я даже не помню, когда ты со мной ходил куда-нибудь! Только дома, только чуть-чуть...

Она стояла у телевизора, в короткой юбке и легкой короткой футболке, с распущенными волосами. Руки уставлены в бока, щечки красные. Прелесть, а не девочка.

— Тебе одно надо — в постель меня затащить! — обвинительно произнесла прелесть. — Тут ты сил не жалеешь. А больше ничего не надо.

Смотреть на нее одно удовольствие. Слушать — другое. Гораздо меньшее. Я раньше и не подозревал, что моя подружка может так говорить. Думал, что она гораздо... мягче, что ли. Спокойнее, тише.

Куда там! Сейчас это ураган. Кипящая лава. Нет, до разъяренной фурии ей далеко, но с меня и этого довольно.

— Неужели тебе, кроме секса, ничего не надо? Я только для постельных усад?

Услады, к слову, вещь обоюдная. И в постели сия оскорбленная особа не смиренная робкая овечка. Далеко нет! Однако упоминать об этом сейчас глупо. И вообще спорить глупо. Потому что бессмысленно.

— Милая, может, не стоит так утрировать? Давай обойдемся без ссоры? Честное слово, у меня нет сил на нее...

— У тебя вообще нет сил ни на что! Даже сходить со мной на рынок не мог. Пришлось ребят просить.

Рынок — это общее понятие культпохода по торговым точкам. Начиная с соседнего магазина и заканчивая огромными торговыми домами. Наташа, как и многие женщины, такие походы обожает. Причем больше процесс, чем конечный результат. Всякие там примерки, просмотры, оценки, переоценки.

Косметика, одежда, обувь, сувениры, продукты, головные уборы, техника, мебель... Она женщина, и ругать ее за это глупо. Как нельзя ругать мужчин за ярую нелюбовь к таким мероприятиям.

— Мне стыдно перед ними, — продолжает сетовать моя краса. — Мой парень и не может помочь...

К слову — друзья. Зря я в свое время не придал особого значения одной фразе, брошенной как-то Леней, мол, мы с детства как одна семья. Видимо, они и верно стали чем-то вроде семьи. Своеобразной. И проблемы одного обсуждаются чуть ли не на общем совете. Вот и наш случай стал достоянием гласности. В их компании принято — вместе так вместе.

Понятно, я здорово выбиваюсь из общего строя. Судя по всему, Наташку забросали советами и рекомендациями. Вот он, недостаток старых компаний — много болтовни. Есть вещи, что никогда не выносят на обсуждение. А детишки этого пока не знают. И знать не хотят.

— Вот что, Наташ. Как относятся к нашим делам твои друзья, меня мало волнует. Это только наше дело. Я не хочу, чтобы наши отношения стали предметом застольной беседы.

— Это мои друзья, — встает на их защиту Наташка. — Я всегда с ними делилась самым... самым...

— Всем, — подсказал я.

— Да.

— Плохо. Пора отвыкать. Тебе не десять лет, ты не в песочек играешь и не о наряде кукол говоришь.

Наташка упрямо задирает нос и фыркает. Совсем как котенок.

— Не смей так о них!

— И не смею. Я вообще не о них, а о тебе. Прости, милая, но я вышел из того возраста, когда что и как делать выносятся на обсуждение. Ты — моя девушка, а значит, часть меня. Посему будь добра играть по моим правилам. По правилам взрослых. Тем более ты уже совершеннолетняя. Даже перед родителями не обязана отчитываться.

Моя отповедь сбила ее с толку. Раньше я не позволял себе говорить с ней в таком тоне. Она замолчала, не зная, как реа-

гировать. В своем безмолвном гневe Наташка прекрасна. Свежа, взволнована, красива... Что за прелесть... пока молчит!

Но вот ответ созрел в ее длинноволосой головке, глаза блеснули отнюдь не добрым блеском, губы вспухли и раскрылись.

— Ты не имеешь права обсуждать моих друзей и меня! Я не твоя рабыня или наложница! Сама знаю, что делать!

Слова грозные, громкие, а на глаза наворачиваются слезы. Обида глушит?

— Ты!.. Ты...

Левая рука зажимает рот, стремительный поворот тела и шлепанье сандалий — оппонент покидает поле брани и уходит в другую комнату. Если слух не подводит — с целью пролить слезы в одиночестве. Дабы грубый мужлан не увидел и не восторжествовал. Или просто захотела побыть одна? Женщин иногда нельзя понять. Никак.

Я хлопнул по подлокотнику ладонью, встал, шевельнул губами, выдавая соленую руладу. Только этого не хватало! Да еще сейчас!

Вообще-то мы и раньше пару раз ссорились. По мелочи, не сильно. С кем не бывает. Но тема-то одна и та же — отношения с компанией и постоянные исчезновения. Не ясно только, кого это больше не устраивало — ее или компанию?

Я глянул на часы. Сегодня вечером мы договорились с Юркой, что едем за город — провести тренировку на настоящем оружии. Специально выбрали день, чтобы никто нам не помешал. Собственно, и к Наташке я приехал, сказать об этом, а также о том, что вечером с ними не пойду. Теперь новость только усугубит положение дел.

Постояв у окна, я поразмышлял над ситуацией, понимая, что она патовая, а потом плюнул на все.

«Да и хрен с ней! Не в силах понять, что у меня и так забот по горло, — ладно. Насильно мил не будешь. А подстраиваться под малолетку нет смысла. Не жена, чай. Хочет быть вместе — будет, никакие друзья не отлучат. А нет — гуд бай, Америка! Не бывало такого, чтобы баба диктовала мне условия...»

Постояв еще минуту, я пошел в другую комнату. Наташка сидела на диване, глядя на окно. Фигура сгорбленная, локти

на коленях, ладони обхватили голову. Скорбь и печаль. И дыхание прерывистое. Плакала. Даже жалко малышку.

Я сел рядом, обнял за вздрагивающие плечи и притянул к себе. Прошептал на ухо:

— Прости, малышка. Не сердись. Я не хотел тебя обидеть. Пойми, у меня нет времени на все эти совместные походы, посиделки, встречи... Я работаю, учусь... У меня дела...

— Делай что хочешь, — всхлипнула она. — Мне все равно.

— Не говори так. Для тебя у меня всегда есть время.

— Ну да!..

— Точно.

Она молчала. Сидела как прежде, но и из объятий не вырывалась.

— Давай не ссориться. Не хочу. Не люблю, когда ты плачешь.

— Я не плачу, — упрямо заявила она, украдкой вытерев щеки.

— Слушай, — я мельком глянул на часы, — мне скоро уезжать. У нас занятия...

Она недовольно повела плечами, сухо произнесла:

— Не задерживаю. Езжай куда угодно. Я тебе не нужна. Обещал с нами поехать...

— Я сказал: «если смогу».

— Если... Твое «если» я не первый раз слышу. Езжай давай.

— Не сердись...

— Да ну тебя.

Я притянул ее к себе поцеловать, но она отклонила голову.

— Можешь не звонить, я не собираюсь на выходные приезжать домой.

— Да? А потом?

— Зачем? Чтобы опять сказать, что занят?

Резкая отповедь меня удивила. Это разрыв? Что ж, если женщина просит... Несколько внезапно, но ладно.

— Хорошо, красавица. Не беспокою. Пока...

Вот такой финал!.. Неожиданный для меня, если честно. Что на нее нашло, зачем ей разрыв? Впрочем, гадать над причинами не в моих правилах. На нет и суда нет.

Выходя из подъезда, я подумал, что в этой истории, видимо, можно ставить точку. Возвращаться туда, где тебя не ждут и даже выпроводили, — не в моих традициях. Пусть так и будет.

Возможно, потом, через несколько дней, я бы и позвонил ей. Попробовал бы восстановить отношения, извинился бы. Ну, наговорила лишнего, вспылила, с кем не бывает!.. Словом, я не хотел окончательного разрыва. Все возможно...

Но в наш спор неожиданно влезли ее друзья. И влезли топорно, по-юношески горячо, без оглядки.

...После столкновения с Корешковым я вполне резонно предполагал, что Жора отменит все занятия — как-никак его зама побили. Но через день мне позвонил Юрка и спросил, в силе ли наша договоренность о стрельбах? Я подтвердил. Тогда, сказал Юра, встреча на прежнем месте.

Мы выехали в район на заброшенную давным-давно ферму и там отработали по полной программе полтора часа. Работали с настоящими стволами — ПМ и «сайгой». Парни расстреляли каждый по две сотни патронов, продырявили три десятка мишеней и разбили около сорока бутылок.

Я тоже оторвался, поработав со всех стволов. Показал стрельбу в движении и из-за укрытий со сменой позиций. Закончив тренировку, затоптали гильзы в землю, почистили и спрятали оружие и наскоро ополоснулись в соседней речушке, благо погода не переставала радовать теплом и вода была вполне нормальная.

На обратном пути Юра посвятил меня в суть произошедшего между Жоркой и Корешковым разговора.

...Неугомонный зам по безопасности, приведя себя в относительный порядок, примчался к шефу и категорически потребовал прекратить все занятия группы со мной. Довод один — учат неизвестно чему, а деньги платят немалые. Этот Артур — личность темная, скользкая и вообще сволочь.

Жорка выслушал стенания Корешкова, посмотрел на силющий подбородок и довольно спокойно объяснил, что То-

мили не темная личность, что учит он самому необходимому и что деньги платит он, Жорка, и никого это больше не касается. Це первое. Второе: еще раз Корешков полезет куда не надо — будет иметь массу неприятностей. Ясно?

— Корешков аж позеленел, — комментировал Юрка. — Сидит, рот разевает, а слов нет. Смотрит волком. Но против шефа не попер. Понял, что тут не выгорит.

Я хмыкнул. Корешков — ставленник покровителей Жорки, это понятно. ФСБ хочет иметь своего человека в довольно сильной частной структуре, откуда им идут деньги. Однако даже фээсбэшники не станут терпеть выходок своего человека, если он напрочь разругается с клиентом. Посему Корешкову теперь надо сидеть тише воды ниже травы. Иначе его же свои и сгноят.

Попал мужик в переплет, а все по своей дурости и в силу высокого самомнения. Иначе говоря — тупого норова. Как же — госбезопасность, элита! А эта элита лет семь уже как вовсе не элита. А совсем наоборот.

— ...А потом шеф меня вызвал. Сказал, что Корешков больше не полезет и что обо всех попытках того поговорить со мной или моими ребятами сразу докладывать ему лично, то бишь Жоре. И чтобы занимались как раньше.

— Здорово, — кивнул я. — Жора себе не изменил. Ладно, все хорошо, что хорошо кончается.

— Но Корешков теперь имеет зуб на тебя, — предупредил Юрка. — Может, будет мстить.

— Пусть. Кишка у него тонка. А его коллеги — это не КГБ. Власти и сил у них поменьше. И способов поставить их на место сейчас больше. Да и не нужен я им. А этого гада...

Я удержался от продолжения, не став расписывать, что сделаю, если тот еще раз попробует подойти. Ни к чему говорить.

Юрка понял и без слов, покривил губы, но тоже промолчал. Действительно, нечего говорить.

В понедельник вечером я приехал домой обессиленный после тяжелой тренировки, развесил на балконе мокрый камуфляж и полотенце, залез в ванну и минут двадцать отмокал.

Потом наскоро приготовил ужин и собрался поесть, но в этот момент затрезвонил телефон.

— Да?

— Артур? Привет, это Гена.

Ага. Объявились ребяташки! Наташка, что ли, попросила его позвонить, сама не хочет говорить?

— Привет. Как дела?

— Да... так. — По молодости лет Гена не умел держать хорошую мину при плохой игре и говорить нейтральным тоном. Напряжение сквозило в его голосе. — Слушай, ты не мог бы заехать ко мне? Сегодня. Кассеты возьмешь, я их посмотрел. И мою заодно захвати, если больше не нужна.

Это предлог или правда кассеты хочет отдать? Ехать не хотелось, сил просто не было. Но с другой стороны...

Я немного подумал, прикинув, стоит ли рвать отношения сразу и безоговорочно или подождать? Терять Наташку я не хотел. Нравилась.

«Съезжу, — решил я. — Как повернет, так и повернет. В конце концов, свет клином на ней не сошелся. В общем, по обстановке...»

— Артур? Ты чего молчишь?

— Через час буду у тебя, — сухо ответил я. — До встречи.

Наверное, это преимущества возраста — заранее предугадывать то, что может произойти. Не важно, касается ли это поступков, событий, происшествий...

Вот и сейчас я с легкостью разгадал нехитрый план ребяташек еще до того, как вошел в квартиру. Просто знал по своему опыту, как и о чем может думать молодежь и в каком направлении станет вести разговор.

— ...Ты невнимателен к ней!

— Забыл совсем!..

— Никогда с нами не ездишь!..

— Она же такая ранимая!..

— Почему ты так?!

Мало? Но это только часть потока, обрушившегося на меня, едва я переступил порог Генкиной квартиры. Да, компания

была здесь в полном сборе, не хватало только униженной и оскорбленной жертвы — моей ненаглядной Наташеньки. Понятно — специально не было.

Я даже опешил сперва. Прокурорский тон, безапелляционная требовательность, осуждение в каждом взгляде, в словах...

Тон задавали девчонки, парни больше подпевали. Но рты разевали в унисон с юными обвинительницами.

Попав под перекрестный огонь, я не сразу пришел в себя. Сперва улыбался — дети разошлись! Потом перестал растягивать губы и взглянул чуть иначе. Посерьезнее.

Будь они немного взрослее — перемену уловили бы. Но детвора продолжала увлеченно обличать, да еще с нарастающим темпом. Вот тогда меня пробрало.

Чего я не терплю — это когда в мою личную жизнь лезут посторонние. А ребяташки, несмотря на нашу вроде как дружбу, были, как ни крути, чужими. Говорить с ними на подобную тему в мои планы никак не входит. А мягких намеков они, видно, не понимают, вон как надрываются.

— ...Ну, вот что, молодежь! Давайте-ка прекратим этот расстрел. Запомните раз и навсегда: моя личная жизнь — это моя личная жизнь! И никто никогда в нее не влезет. Просто потому, что я не допущу.

Голос у меня определенно зазвенел. Как раньше. Ишь, затихли. Хлопают пушистыми ресницами, беззвучно разевают рты и... молчат.

— Далее. Отношения с Натали касаются только нас двоих. Хороши они или нет — только нас! И каковы бы они ни были, впредь для вас это — табу! Ни слова, ни взгляда!.. Ясно?

Восковые изваяния мадам Тюссо позавидовали бы неподвижности и выразительности шести застывших фигур. Так с ними никто никогда не говорил. Как с глупыми щенками, если на то пошло. Понятно, что их остолбенение временное, и вот-вот разразится буря.

И она грянула. Буря. В основном женская. Но теперь гораздо более тихая, чем раньше. Просто не посмели иначе.

Смысл, если их речь очистить от афоризмов, сравнений, эпитетов и прочей воды, свелся к одному: Наташа наша подруга и друг, ее жизнь — наша жизнь, а ты!.. Ты!.. Должен это знать и учесть. И вообще!..

— Понял, — моментально среагировал я. — Сей гордиев узел следует разрубить быстро и надежно. Дабы не доставлять ни вам, ни ей лишних хлопот.

Голос загустел, стал ниже, я явственно ощущал звериную нотку и постарался ее притушить.

— Посему я просто ухожу. Навсегда. Чтобы более не мешать ни ей, ни вам. Прощайте!

Пять шагов, входная дверь, негромкий хлопок, лифт. Еще одна красотка в прошлом. Чуть раньше, чем хотелось бы, но вовремя, если учесть обстановку.

Бросив кассеты на соседнее сиденье, я завел машину и, выруливая со двора, заметил чье-то лицо в окне Генкиной квартиры. Провожают...

...Нинка, одна из моих прежних подружек, которых я редко навещал, на следующее утро, сидя в постели, сказала:

— Ты какой-то странный стал, Артур. Я тебя иногда и не узнаю. Как подменили.

— Все тот же, Нинок, — ответил я, потягиваясь и зевая. — А что не узнаешь... Все мы меняемся со временем. Для одних это время бежит быстрее, для других медленнее.

После визита к Генке я заехал домой, принял душ и решил, что старый способ снимать синдром расставания следует применить и в этом случае. Первая подружка, которой я позвонил, куда-то умотала, а Нинка сидела дома. Она и помогла мне снять напряжение. Хороший способ — лечить душевные ранки в объятиях другой женщины. Универсальный, можно сказать.

— Ну-ну, — несколько недоверчиво протянула Нина. — Может, и так. Только сильно ты изменился. Очень. Я даже немного боюсь тебя.

— А это ты зря. Я с красивыми девушками не воюю. Я с ними всегда дружу.

Она хотела что-то сказать, но промолчала. Только при расставании обняла и поцеловала крепче обычного. И так вни-

мательно посмотрела, словно пыталась заглянуть мне в душу. Пресловутая женская интуиция, куда от нее деться?!

...Короткий майский ливень — штучка еще та. Налетит нехилая тучка чернее сажи, закроет полнеба, оборвет солнечные лучи и вернет ночь. Ветер гнет верхушки деревьев, гонит старые газеты по асфальту, крутит подола женских юбок и платьев, ерошит волосы. В воздухе пахнет влагой. Небо пронзают зигзаги молний, следом, с некоторым опозданием, гремят раскаты грома, заставляя животных с визгом прятаться под кусты. Потом, после особенно сильного удара грома, на землю падает стена дождя.

Ливень. Крупные капли бьют с огромной силой, выбивая в земле небольшие ямки и пригибая вниз стебли травы. Молнии играют среди туч, заставляя людей то испуганно, то восхищенно смотреть вверх и искать взглядом укрытие. Видимость резко падает, и машины снижают скорость до предела, еле ползя по мокрому асфальту.

Стихия бушует во всю силу. Но недолго. Туча с той же скоростью несется прочь, очищая небо. Солнце вновь опускает свои лучи к земле, почти сразу испаряя влагу и высушивая траву, асфальт, крыши домов и одежду тех, кто попал под ненастье. Умытая дождем природа становится чище, воздух прозрачнее, цвета ярче. Хорошо...

Хорошо, что я выехал на полчаса позже, чем планировал. Иначе бы попал под самый ливень и полз по трассе, напряженно глядя на дорогу сквозь быстро потеющее стекло. И потом — риск. Можно запросто или самому в кого-нибудь влететь, или получить удар сзади. Дорога скользкая, как каток, машина плохо слушается руля.

...Выходной я провел за городом в одном из домов отдыха Солотчи. Теплая компания, купание, сауна, застолье, бильярд. И девочки, куда же без них. В общем, отдохнули по полной программе.

Парни остались еще на день, а мне надо было ехать обратно — ждали дела. Ливень лишь ненадолго задержал отъезд, и сейчас я спокойно катил по шоссе, глядя, как на глазах сохнет асфальт и исчезают лужи.

Вообще-то изначально отдых я не планировал. Хватало дел и в городе. Но под конец недели в голове, и без того перегруженной заботами и проблемами, начали возникать... не то чтобы видения, но что-то вроде снов поневоле. Как когда-то в Абере-не. Только теперь шло кино не о прошлом, а...

Вот тут я терялся. О чем, собственно, повествовало подсознание? О будущем? О вероятностном развитии событий? Или просто так вертело цветные картинки со странными сюжетами и неожиданными концовками?..

Решив не списывать все на наследие Ворот, я ответил «да» на предложение приятелей и сутки провалил дурака в нормальном обществе. Вроде как помогло, хотя судить об этом рановато.

...Последние две недели были насыщены делами, но прошли ровно, вроде как спокойно. Диплом, оформленный по всем правилам, лежал дома, восемь листов ватмана формата А1 ждали своего часа в тубусе, тему я знал назубок и был готов к защите в любой момент.

Тренировки шли своим ходом. Юркина группа успешно проходила последний курс и готовилась к дополнительным занятиям. Собственные тренировки шли, как и положено, с повышенной нагрузкой.

Незаметно для себя с подачи Сереги я увлекся военной тематикой и теперь сам постигал секреты сего мастерства, используя поистине неистощимую библиотеку, собранную в прежние годы и обновляемую постоянно.

Парни, закончив с прежними проблемами, отдыхали кто где, попутно ища новые пути заработка. Во время последнего звонка я понял, что сей процесс у них затянулся, но трагедии из этого они не делали.

Единственная радостная новость за последнее время — удачные роды Оксанки. Теперь молодые родители уделяли все внимание своей дочке. Ириной вроде назвали. К счастью, странный приступ больше не повторялся, и Оксана не впадала в бредовое состояние.

Ничего особенно, жизнь как жизнь, где-то интересно, где-то скучно. Подобных сотни вокруг. И не будь за спиной вояжа

в иные миры, я бы и не волновался. Но теперь видел — очень уж тихо и благолепно. Слишком спокойно. Не бывает так. Нет одной белой полосы, всегда рядом черная. Ждет своего часа, терпеливо сидит в засаде и в самый неподходящий момент показывает оскал. Во все тридцать три зуба.

Честно, я не заводил себя, не каркал, не накликал. Просто знал — рано или поздно, здесь или в другом месте, но что-то произойдет. Навалится сразу со всех сторон. Успеть бы среагировать и уйти. Или встретить достойно...

Интуиция, блин, играет. Показывает норов, треплет нервы. Наверное, из-за ее игры я чувствовал себя маленько хреновато. И как следствие — раздражение, злость, мрачное настроение, гнетущее состояние, камень на душе. Хоть сам иди к психиатру. Жаль, не поможет целитель душ человеческих. Никто не поможет. Сам, только сам... Как всегда...

...Проскочив солотчинский пост ГАИ, я въехал в город и свернул на светофоре направо. Народу в воскресное утро на улице было немного, а после короткого ненастья и вовсе никого не видно, поэтому я сразу выхватил взглядом одинокую фигуру, шагавшую по правой стороне дороги. Заметил еще и потому, что в глаза бросилась странная прическа пешехода.

Это был мужчина лет тридцати пяти—сорока, среднего роста, в темных брюках и какой-то накидке, похожей на пиджак, длинной, почти до колен. Темные волосы доставали до плеч и были сродни пышной шевелюре а-ля Пугачева. Шел этот человек широким размашистым шагом, неся в левой руке кейс. Судя по всему, он только вышел из помещения — одежда и волосы сухие.

Видимо, он услышал шум мотора, а может, просто ловил тачку, но когда до него оставалось метров тридцать, он подошел к бордюру и поднял руку.

«Поп, — сообразил я, видя окладистую бороду и пробор посреди лба. — В церковь топает».

Миг поколебавшись, я врубил поворотник и свернул к обочине. Священник открыл дверцу и приятным баритоном сказал:

— Бог в помощь! До храма не подвезете?

«Интересно, деньги платить собирается или хочет за счет своего сана проскочить?» — мелькнула озорная мысль.

Внезапно настроение изменилось, из мрачного стало просто... никаким. В таком состоянии я мог сделать что угодно. И сказать тоже. От «по церквям не шляемся» до «садись, братан».

— Сидай.

Священник быстро сел рядом, аккуратно прикрыл дверцу, что выдавало немалый опыт езды, и положил кейс на колени. Я глянул в зеркальце заднего вида и вывернул на дорогу.

Попутчик уселся поудобнее, с интересом посмотрел по сторонам. Тем более посмотреть есть на что. Салон был капитально переделан: задние сиденья сняты, за счет чего багажник достиг гигантских размеров, а передние сиденья могли отодвигаться назад довольно далеко. На свободном месте мне поставили небольшой холодильник и ящик. В общем, стала «восьмерка» двухместной спортивной машиной.

Я думал, священник спросит о переделке, но тот задал совершенно иной вопрос:

— Вы не верующий?

— Что? — не понял я.

— Смотрю, икон нет, — кивнул он на панель. — Практически все водители ставят на панель иконы, а некоторые целый иконостас.

— А-а... — сообразил я. — Как-то обхожусь без амулетов.

— Но это же не амулеты! — несколько возмущенно воскликнул тот. — Святые лики называть...

— Амулетами? А как называть, если их используют в качестве оберегающих амулетов? Какая разница, носят ли на шее или вешают на панель?

Священник недовольно поправил ворот рубашки, покопался на меня, видимо, сдерживая себя, чтобы не сказать резкость человеку, который подвозил его. Но все же не выдержал, укоряюще бросил:

— Вы рассуждаете как язычник!

— Ох, ё-моё! — с насмешкой глянул я на него и заметил горящие глаза и поджатые губы ревностного служителя хрис-

тианской религии. — Больше тысячи лет прошло с тех пор, как князь Владимир огнем и мечом крестил Русь, вырубая свой народ, а вы все не успокоитесь! Никак не прекратите воевать с теми, кого уничтожили столько веков назад. Ведическая культура уничтожена почти подчистую, а у вас, православных христиан, то ли совесть от содеянного не на месте, то ли пыл битвы не угас?!

Он взглянул на меня с таким удивлением, словно за рулем сидел инопланетянин. Даже рот раскрыл.

Впрочем, понять изумление можно. Слишком не вязался мой вид с прозвучавшими словами. Действительно, сидит эдакий крепыш с нехилой фигурой, на голове — короткий ежик стрижки, какую предпочитают носить парни определенного рода занятий. Лицо явно не отягощенное интеллектом, взгляд суровый, с прищуром, подбородок каменный. Типичный боец какой-нибудь группировки, ярко выраженный спортсмен-«силовик», способный легко проломить ударом кулака пару кирпичей, но не знающий, с какой стороны читать книгу.

Я вдруг вспомнил, как однажды в столице меня не хотели пускать в одно заведение — думали, что пришел делегат от бригады за «данью». И только вмешательство человека, к которому, собственно, я и пришел, уладило ситуацию.

— Вы... Вы... — попробовал священник что-то сказать, но слова застревали в зубах.

— Вы не согласны, батер? — не удержался я от шпильки. — По-вашему, дело обстояло не так?

— Не так... не знаю...

— Напрасно. Я полагал, что в семинарии дают хорошее гуманитарное образование. А уж историю христианства на Руси преподают подробно. Или у вас, как и везде, принято умалчивать о сомнительных деталях?

— Свет божьего посвящения принес благо на Русь! — не нашел других аргументов священник. Судя по напору, он пришел в себя — ведь я затронул знакомую ему тему. — Косневшая в язычестве Русь ощутила благодать Божью!

— Да ладно вам!.. Не на проповеди. Религия, принесенная на остриях копий, не может быть благом. Скажите, если бы

сейчас в России начали повсеместно вводить ислам, а несогласных косить из автоматов, что бы вы сказали?

— Но как такое можно? В наше просвещенное время насилием заставлять православных принимать чуждую религию?! Это против закона.

Мне стало скучно. Поп-попутчик, видимо, либо недавно получил сан, либо не был силен в диспутах. По сравнению с ним Павел — настоятель храма в Ругии — выглядел гораздо предпочтительнее.

— Давайте оставим религиозную тему в покое.

Идея была неплоха, но священник не мог закончить спор поражением. Профессиональная честь задета.

— Вы не христианин? Не верующий?

— Я далек от религий. Любых. А насчет веры... Вопрос сложный. Я человек не верующий, а верящий. В то, что для меня важно. Возможно, именно это мой бог. Или Бог.

— Но как такое возможно? — С лица священника не сходило изумление. — Верить непонятно во что и считать это Богом?

— Все возможно. Человек не может без веры — факт. Но во что он верит и как ему это помогает — дело сугубо индивидуальное. Ведь согласно вашим же канонам — бог един. Для всех на Земле. Выходит, и те, кто верит во что-то свое, все равно верят в бога. Пусть их обряды сильно отличаются от ваших или их вообще нет, пусть они не бьют лбы в поклонах и никогда не были в церкви. Бог не в стенах храма, а в сердце человека, в его душе. Верно?

Он кивнул, потом спохватился, желая то ли возразить, то ли добавить, но я не дал ему.

— Так что причислять всех, кто крестится не так или называет бога иным именем, к темным силам по меньшей мере глупо.

— Но наша вера... — вставил он фразу.

— Единственно верная? — подхватил я. — Так? А мусульмане считают себя правоверными и не понимают — как можно молиться не Аллаху. Кто прав? Видимо, и те, и другие. Или все не правы. В любом случае — дело в религии. И в вере. А это две большие разницы.

Не знаю, какие доводы готов был привести священник, защищая свою религию, но я не дал ему времени на это. Машина уже стояла перед зданием театра. Справа были видны купола церкви.

— Все, приехали.

— Ах да. Уже! Я не заметил. — Он начал суетливо копаться в кейсе.

— Не стоит.

— Да? Спасибо, с... — Священник хотел было по привычке сказать «сын мой», но недавний разговор навел его на мысль, что такое обращение может быть мне не по нраву. Начал соображать понемногу. — Спасибо за помощь. И за разговор.

— Не за что.

Я уже отъезжал с площади, а он все смотрел мне вслед, наверное, приходя в себя после столь странной беседы. Видимо, раньше не задумывался над подобными вопросами, а вот попал в машину к «нестандартному братку» и получил заряд сомнений.

Странно, но этот разговор повернул мои мысли в иное русло. Нет, о боге я не думал. Думал о том состоянии, в котором пребывал последние дни.

«Вера в себя, в свои силы мне еще понадобится. Вещун говорит — уже скоро. Не знаю, как это выразить словами, но что-то витает вокруг. Что-то, чего мне не избежать. Значит, надо быть готовым к любым поворотам судьбы. А там... как МОЙ БОГ пошлет...»

Глава 2

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК ВХОДЯЩИЙ...

На часах одиннадцать ночи. Время окончания дневных забот, время отдыха. Время сна. Для всех. Но я...

Старые джинсы, футболка навыпуск, растоптанные кроссовки — на одевание минута. На левой руке часы, в одном кармане ключи, в другом деньги. Все на месте? Все. К выходу готов. Дверь на замок, три лестничных пролета вниз, скрип петель и поток свежего воздуха. Взгляд на звездное небо, вдох-выдох.

— От винта!

И пошли.

В ночь. Во мрак и темень. Под свет фонарей и рекламных вывесок, под шелест листвы и гудки редких машин. В неизвестность...

По центральным улицам, по темным закоулкам, по заброшенным подворотням, по ночному городу...

Тяга к полуночным прогулкам появилась недели три назад. Что-то толкало на улицу, манило, завлекало, звало. Как передать то влечение, тот позыв, что буквально заставлял бросать все и топтать в ночь. Как объяснить то состояние, при котором ноги сами бегут прочь из дома?

Может, это — очередной фокус сознания, облученного Воробьями? А может, я просто начинаю сходить с ума?..

Но ночь!.. Опустевшие улицы, освещенные разноцветной иллюминацией, огромный диск луны в обрамлении крупных, необычно ярких звезд, легкое дуновение теплого ветерка в лицо, шелест листвы над головой.

Обостренный нюх ловит слабые запахи, обостренный слух улавливает самые тихие звуки, обостренное зрение видит мельчайшие детали. Организм мобилизует все силы, все возможности.

Ночью город выглядит иначе, чем днем, загадочнее, опаснее. Тревога буквально разлита в воздухе, ею пропитан каждый куст, каждый дом, дерево. Возможно, буйствует воображение, но чем больше я иду, тем сильнее ощущаю нависшую опасность. По спине и ногам бегут мурашки, душа замирает в предчувствии чего-то странного и чуждого. Взгляд обостряется, глаза различают смутные тени за углом дома, за стволом дерева, за силуэтом машины.

По телу пробегает горячая волна, руки и ноги наливаются тяжестью, шея каменеет. Я замедляю шаг, медленно поворачиваю голову, глядя по сторонам в поисках источника опасности, но ничего не нахожу.

Сейчас, когда дневное светило исчезло с небосклона и властвует тьма, из глубин подсознания выбираются все забытые тысячелетиями страхи и тревоги, что накоплены многими поколениями предков, с молоком матери впитавшими: ночь — время, когда опасность подстерегает на каждом шагу.

Инстинкт толкает спрятаться в пещере, в квартире, в укрытии, переждать кромешный мрак, но то новое, что возникло во мне, наоборот, гонит под звезды. Словно шепчет: «Ты здесь не чужой, ты один из нас. Будь здесь...»

И я иду в ночь, с трепетом и тревогой смотрю по сторонам, всеми чувствами ощущаю мир и... наслаждаюсь.

Умом я понимаю, что так не должно быть. Что психика, даже получившая встряску в других мирах, не должна так реагировать на все, что меня окружает. Что дело в чем-то еще.

Возможно, Ворота ударили по мне с большей силой, чем по остальным, заразили мои мозги какой-то гадостью, что ищет выход наружу. Возможно, это только начало тех изменений, что мне предстоит пережить...

Но что делать? То сидящее во мне второе «я» все сильнее проявляет себя. Оно гонит меня на улицу, в ночь. Оно дарит мне непередаваемый букет ощущений и мыслей, что буквально раздирают голову.

Как избавиться от такого «подарка»? Не знаю. Вот и брожу как неприкаянный, ловя своеобразный кайф и гадая — долго ли будет меня корежить?

Три недели я каждую ночь выхожу на улицу. Часов с одиннадцати и до двух нарезаю круги по более или менее тихим переулкам и тропинкам. После этого сплю нормально, без сновидений. Но сегодня меня будто дергает всю дорогу. Непривычно кружится голова, ноет в груди и вообще как-то не по себе.

Пытаясь отвлечься от муторного состояния, я перебираю все дела, что сделал за неделю, и те, что надо сделать еще.

Юркина группа почти прошла курсы, осталось два занятия. На последнюю тренировку приглашу Жорку, пусть посмотрит, что теперь могут его орлы. Если будет предлагать новую группу... не возьму. Хватит. Пора думать о будущем. У парней подходит к концу отпуск, соберемся, посидим, прикинем, что и как. Возможно, из Рязани надо будет уехать. Впрочем, там посмотрим. Главное — получить диплом.

...Размышляя таким образом, я дошел до угла улицы и свернул направо, на узкую асфальтовую дорожку, что шла вдоль старых трехэтажных домов, давно заброшенных и готовых под снос. Дальше тупик — заросший бурьяном и травой овраг. Если пройти вперед, то слева будет незаметная тропиночка, по которой можно выйти на другую улицу. Так я обычно и делаю.

И сейчас, помедлив, повернул направо и неторопливо зашагал вдоль здания, раздумывая, как лучше и выгоднее продать квартиру, если и впрямь надо будет уезжать из города. И не сразу почувствовал, как вдруг зашумело в голове, а потом сдавило, словно надели обруч.

Я покрутил головой, прогоняя невесть откуда взявшуюся тяжесть, и раздраженно сплюнул. Что за черт! Никогда голова не болела.

Желая побыстрее избавиться от странной боли, потер лоб, потом затылок и виски. И едва отнял пальцы от волос, как с двух сторон словно ударило током.

Мать! Больно, ёшкин кот!

На виски давило со страшной силой, словно под кожу загоняли ледяные иголки с множеством шипов. От боли на глаза навернулись слезы, и очертания предметов потеряли четкость.

Не зная, как снять нахлынувшую боль, я сделал пару шагов вперед. Под ногами хрустнули осколки кирпичей и стекла. Кроссовок наступил на что-то твердое и острое.

Я протер глаза, с трудом различил темную стену здания и оперся рукой о нагретый за день кирпич кладки. Боль немного отпустила, но потом ударила с новой силой, да так, что заломило скулы.

«Что за хренотень?! — ворохнулось в мозгу. — Не было раньше такого чикогда. Неужели голова отказала?..»

Преодолевая боль, разогнул корпус, все еще держась за стену, и глубоко вздохнул. Немного полегчало. Виски больше не тянуло и затылок отпустило. Я вновь потер голову, хотел тронуть виски и замер, пораженный страшной догадкой.

«Ворота! Здесь, в моем мире, и снова работают! Неужели?!»

Боясь поверить догадке, покрутил головой, поднял глаза к небу. Боль отступала, стекала по затылку и скулам вниз и исчезала. Словно выполнила свою задачу и уходила прочь. Но что за задача? Предупредить меня о возникновении Ворот?

Окончательно придя в себя, внимательно огляделся, тщетно отыскивая привычный прямоугольник с мерцающими звездочками по периметру. Но ничего похожего в радиусе двадцати метров не было.

Ошибка? Боль ушла, но виски жгло, будто стеганули крапивой. Нет, такой сигнал просто так не подают. Ворота где-то рядом. Спрятаны. Где?

Я вновь огляделся, сканируя местность, сходил к кустарнику, пошуровал там, потом заглянул к оврагу. Тишина. Нет никаких признаков, даже рамки дверной не видно.

Взгляд остановился на двух полуразрушенных домах. Старые трехэтажки из красного, потемневшего от времени кирпича. Входные проемы без дверей, косяк наполовину разломан, прямоугольники подъездов чернеют в лунном свете.

Насколько я знаю, дома давно должны были снести, но у кого-то руки не доходили. Или просто забыли. Трехэтажки стали прибежищем подростковых компаний и бомжей. Они устроили здесь нечто вроде ночлежки и борделя. Возможно, имеет смысл посмотреть там?

Еще раз глянув по сторонам, я подошел к пролому, бывшему когда-то дверью, постоял, собираясь с духом, и сделал шаг внутрь.

Под ногами хрустел битый кирпич, потом заскрипели доски. Тьма крошечная, почти ничего не видно, только впереди едва-едва различается смутный прямоугольник, то ли дверь, то ли побелка стены. Чем-то пахнет, запах резкий, неприятный.

Левая нога угодила в яму, я едва удержал равновесие и вытащил кроссовок, чувствуя, как по щиколотке скользнул острый конец доски.

Глаза немного привыкли к темноте, и я стал лучше различать предметы, благо еще сзади подсвечивал лунный свет. Вот и дверь. Пальцы нащупали рваные лохмотья отлетевшей краски на старых досках. Потом нашли ручку, тоже старую, металлическую.

Я встал перед дверью, чувствуя себя немного глупо — понесло в развалину! — потом толкнул ее. Никакого эффекта. Потянул на себя. Ржавые петли противно скрипнули, и дверь открылась.

Наверное, со стороны мои действия выглядели странно, если не сказать больше — исследовать заброшенный дом с целью отыскать следы устройства, созданного инопланетянами, — да еще ночью и только потому, что заболела голова. Но сейчас я меньше всего думал о том, как выгляжу со стороны. Главное — выяснить, действительно ли здесь возникли Ворота или это бредни моей далеко не самой здоровой психики.

За дверью оказалась лестница, ведущая вниз. Старые, наполовину выщербленные ступеньки, перил нет, стены мокрые, словно где-то протекает труба или на улице сильный мороз. Но сейчас май, а воду, свет и газ давно отключили. Откуда сырость?

Ступеньки привели меня к другой двери. Эта выглядела покрепче и поновее. Причем сделана была не из прессованной фанеры, а из настоящего дерева. Тяжелая, прочная, надежная. Кто-то забыл при переезде снять, и теперь она достанется любителям пошуровать на развалинах.

По мере продвижения вперед тяжесть из головы уходила, меньше давило на затылок. Внезапный приступ отступал.

Я дернул дверь на себя, сначала нерешительно (вдруг там кто есть, еще помешаю?), а потом сильнее. Заглянул внутрь. Небольшая комната, у противоположной стены столик, рядом два стула. Неподалеку от них вторая дверь, с небольшой дыркой в верхнем правом углу. На столике лампочка ватт на соток. Слабого света едва хватало, чтобы осветить помещение.

Комната явно жилая. Иначе зачем горит свет. Но кто мог здесь жить? Неужели бомжи обосновались? Пошиковать захотели? Или... это не они?..

Я сделал еще два шага вперед, глянул по сторонам, отмечая старые, наполовину отошедшие обои, потемневший от времени потолок, обшарпанный до предела пол, потом подошел к столику.

Кроме настольной лампы с лопнувшим стеклом, на нем ничего не было. Пусто. И вообще здесь хоть и запустение, но какое-то странное. Мусора на полу нет, паутины по углам тоже. Пыль на столе отсутствует. Только воздух спертый, дышать тяжело, вентиляции нет.

Не знаю с чего, но на душе стало очень беспокойно, тревожно. Будто толкали изнутри — плохое место, плохое... Уходи.

Уходи... Делать мне здесь и впрямь нечего. Голова прошла совсем, словно и не было внезапного приступа. Может, показалось? Ворота в прошлом, скитания в прошлом, уже восемь месяцев прошло.

Я щелкнул пальцем по столу, вздохнул, мысленно сказал себе: «Креститься надо, чтобы не казалось» — и уже хотел топтать обратно, когда от входа донесся легкий стук.

Дверь закрылась. Сама. От ветра, наверное...

Я подошел к ней, толкнул. Никакого эффекта. Толкнул сильнее. Еще сильнее. Дверь стояла как вкопанная. Словно с той стороны ее привалили бетонной плитой под тонну весом.

Отойдя на пару шагов, примерился и нанес мощный удар под ручку. Обычно это срабатывает. Или замку хана, или двери. Но сейчас результат вышел нулевым.

«Неужели бомжи? Выследили, подкараулили и поймали. Но зачем? Выкуп за освобождение потребуют?..»

Разозлясь на себя и на потенциальных охотников, я отошел метра на три и сделал рывок. Удар. Плечо угодило рядом с ручкой, дверь ощутимо загудела, но устояла.

«Идиотизм!»

Стукнув кулаком по двери, смачно выругался, машинально дернул за ручку и сплюнул. Вот влип!

Постояв несколько секунд и уняв эмоции, начал обдумывать план освобождения, прикидывая, чем бы взломать дверь, и в этот момент нервы скрутил мощный импульс тревоги. Опасность!

Не рассуждая, повинуясь внутреннему приказу, сделал шаг в сторону и присел. И в этот момент в дверь со страшной силой влетел стул. От удара его разнесло на куски, острая щепка задела лоб, немного оцарапав кожу.

Ошарашенный, я повернул голову назад, пытаюсь понять, кто напал, и увидел, как второй стул взмывает в воздух и летит в меня.

Прыжок в сторону, рука машинально заслоняет голову. Новый удар, пожалуй, еще более сильный, чем раньше. Стул превратился в мелкие обломки.

Кажется, у меня начали вставать дыбом волосы. Затылок свело от жуткого напряжения, а сердце заиграло с бешеным темпом. Холодная волна окатила с ног до головы. Я чувствовал, что теряю рассудок, потому что происходило нечто невероятное. Стулья взлетали сами! Безо всякого внешнего воздействия. По крайней мере — без видимого воздействия. Что происходит?..

Чувство тревоги не проходило, наоборот, оно росло с каждой секундой. Опасность не ушла, она только-только набирала силу!

Взлететь теперь мог только столик. И лампа. Больше ничего не было. То и дело поглядывая на них, я попробовал опять открыть дверь, но ее заклинило намертво.

«Вот это фокус! Такого в принципе не бывает...»

Мозг лихорадочно искал хоть немного правдоподобное объяснение, а подсознание милосердно отрубило функцию удивления, чтобы я не спятил немедленно.

Продолжая наблюдать за столиком, я пересек комнату и подошел к другой двери. Несильно толкнул. Скрипнули ржавые петли, фанерный прямоугольник отошел в сторону. Есть! Хоть какой-то выход.

Еще не зная, стоит ли лезть туда, я заглянул в щель. Там было гораздо темнее, чем здесь, воняло застоялой водой и еще какой-то гадостью. Идти или нет?..

Краем глаза уловил движение справа, резко отпрянул в сторону и присел. Настольная лампа, совершив короткий полет, вскользь угодила мне по бедру. Не очень больно, но неприятно. Атака неведомого противника продолжалась.

Не став больше раздумывать, я проскользнул в дверь, плотно закрыл ее за собой и застыл на месте, привыкая к плохому освещению. Заодно успокаивая дыхание и сердцебиение. Меня ощутимо колотило от нервного напряжения.

Глаза, привыкнув к скудному освещению, с трудом различили длинный довольно узкий коридор, конец которого исчезал в темноте. Высота коридора едва превышала два метра, под самым потолком шли трубы теплоцентрали. Такие же трубы шли с правой стороны. Тонкие и толстые, ржавые, покрытые водой, что капала на пол с легким нудным стуком.

Я только сейчас вдруг сообразил, что в давно заброшенном, отключенном от всякого снабжения здании нет и не может быть ни электричества, ни воды, ни отопления. Однако свет горел, и по трубам текла вода. Что это значит? Что я не в заброшенном доме? А где?

Черт побери, где я есть? Неужели это — Ворота? Неужели я попался?! Но Воротами в привычном смысле здесь и не пахнет. Тогда что?..

Стоять столбом глупо, я медленно пошел вперед, настороженно глядя по сторонам. Вроде летать нечему, пол грязный, в лужах и подтеках, но ничего крупнее мелких осколков кирпича не видно.

Через несколько шагов стало чуть светлее. В лицо дунул легкий ветерок, на миг разогнав запах сырости и тухлятины. Я прибавил шаг, рассчитывая выскочить из ловушки, и в этот момент прямо над головой раздался треск. Корпус сам ушел в сторону, рука автоматически взлетела вверх, прикрывая голову. Возле уха что-то просвистело и с силой ударило по полу.

Отпрыгнув метра на два, я глянул под ноги. Кусок трубы сантиметров двадцать длиной с острыми зазубренными краями лежал как раз на том месте, где были мои кроссовки. Из дыры в трубе в хорошем темпе вытекала вода. Кипяток. Пар быстро поднимался к потолку, нагнетая вязкий туман.

Я прибавил шаг, уходя от опасного места и бросая взгляды на трубы. И вовремя увидел, как от одной из них совершенно без всяких причин откалывается кусок и с огромной скоростью летит мне в голову.

Нырок, уход, рукой закрыть глаза, чтобы спасти их от горячего пара, и бегом прочь отсюда. Пока не получил...

Из-за бьющих из щелей воды и пара я не заметил старта еще одного куска трубы, и он угодил мне в спину. Боль стегнула вдоль позвоночника, заставив бежать быстрее.

Еще несколько раз от труб откалывались куски разных размеров. Они летели мне в голову, ноги, живот. Два раза я не успел среагировать и получил чувствительные удары по ноге и руке. Левое плечо даже онемело, по локтю потек ручеек крови.

Понимая, что увидеть все осколки невозможно, я пошел зигзагом, рваным темпом, чтобы сбить прицел невидимого стрелка. Уловка сработала, куски труб били по стенам и полу, но меня не задевали.

Через минуту коридор вывел меня к узкой арке из бетона. За аркой было довольно просторное помещение, заваленное мелким мусором, какой бывает на любой стройке. Битый кирпич, цемент, куски арматуры и труб, бумага... В левом углу стопкой сложены металлические уголки, за ними горка песка.

Помещение не очень длинное, на противоположном конце видна дверь. Вроде как железная. Или обитая жостью.

Уже зная, что опасность исходит буквально от всего, что есть в помещении, я крутил головой на триста шестьдесят градусов,

продолжая идти рывками. Болели ушибленные места, кровь еще лилась по руке, оставляя на полу продолговатые следы.

Импровизированный склад освещала одна-единственная лампочка, висевшая на длинном проводе под потолком. Ее света едва хватало, чтобы разглядеть дальние углы стен. И на том спасибо.

Некоторые условия странной «игры» я уже уловил. Надо дойти до следующей двери. Или вернуться к прежней, что совершенно бессмысленно. Выхода там нет. Значит, только вперед.

Ловя воздух ртом и поминутно смахивая пот со лба, я топал дальше, с опаской поглядывая на мусор. Полетит — не полетит?

Полетел. Но не мусор. С противным скрежетом из кучи стартовал металлический уголок. Эдакая железяка со сторонами в сорок сантиметров. Вращаясь, как заправский бумеранг, он преодолел четыре метра, чтобы попасть мне в голову.

К счастью, ее на месте уже не было. Прыжок в сторону, нырок, уклон — еще два уголка прошли мимо. Потом взлетели сразу три, один высек кучу искр из стены, второй просвистел мимо, а третий пробороздил правую ногу и ушел дальше.

Я чуть не упал, успел опереться рукой о выступ в стене и едва не пропустил новый уголок.

До двери оставалось меньше метра, когда взлетели разом все уголки. Штук десять. Местный хозяин и стрелок по совместительству решил ударить наверняка, то есть по площади, исходя из того, что хоть треть попадет в цель.

Но цель ушла. Почти. Один уголок чиркнул по шее, второй ударил по плечу. К счастью, не очень сильно. Порез, синяк, порванная ткань, кровь на рукаве — мелочи по сравнению с возможной перспективой.

Не давая больше шанса невидимке, я одним прыжком оказался возле двери, рванул ее на себя и тут же выскочил из помещения. В уже закрытую за спиной дверь ударило что-то увесистое. Дерево вздрогнуло, но выдержало.

Не успев отдышаться от пережитого, угодил в новый ад. Комната, где-то три на пять. Половины пола нет, вместо него

земля. Причем мокрая. Стены кирпичные, выщербленные. Под самым потолком с двух сторон ряды довольно больших ламп. Все до одной горят. Помещение буквально залито светом.

Взгляд привычно выцепил дверь на противоположном конце.

«Вперед. Надо проскочить быстрее. Вроде ничего особенного нет...»

Нечто особенное ждало, пока мои ноги увязнут в сырой земле, и я потеряю скорость. А потом одна за другой с оглушительным грохотом начали взрываться лампы. Острые горячие осколки стекла свистели над головой, с мягким шелестом утопая в земле. Жоппа! Именно так, с двумя «п».

Втянув голову в плечи и закрыв ее руками, я наугад, не глядя, бежал вперед, с трудом выдирая ноги из земли и ударяясь о стены. Глаза беречь!

Один, два, три осколка впились в плечи и руки, ранили не глубоко, больше жгли. Я уже не обращал внимания на боль, думая об одном — дойти до двери.

Напоследок рвануло особо сильно, словно лампы были начинены взрывчаткой. Горячая волна обдала спину, подтолкнув к двери. Я дернул дверь на себя, выскочил из комнаты, шагнул наугад и едва не упал.

Открыв глаза, увидел еще одну комнату. Скорее даже коридор. Узкий, довольно короткий. Совершенно пустой. Только пол скрыт под слоем воды. Глубина небольшая — сантиметров пятнадцать. Вода холодная.

Гадая, в чем тут подлянка, и понимая, что просто так меня не отпустят, пошел вперед, не забывая сканировать обстановку. В помещении было очень тихо. Только плеск воды и мое тяжелое дыхание нарушали тишину, да еще какой-то звук. Легкий, безобидный. Словно кто-то водил прутиком по воде.

После яркого освещения прежней комнаты здесь было темновато. Глаза не сразу привыкли к полумраку и различили прямоугольник на стене, когда я подошел к нему почти вплотную. А когда различили, душа мигом ушла в пятки, а во рту стало сухо.

Прямоугольник на стене — распределительный щиток. Заслонка открыта и хорошо виден свисающий до самой воды

электрический провод с оголенными концами. Концы иногда касаются друг друга, и тогда между ними проскакивает искра.

Я буквально замер: если провода коснутся воды — мне пи... хана! И только об этом подумал, как провод пошел вниз.

Прыжок!

Наверное, именно в такие моменты человек способен прыгнуть выше головы в прямом и переносном смысле. То есть сделать нечто, выходящее за рамки его способностей в момент полной концентрации всех сил и возможностей.

Мышцы ног подбросили меня вверх и вперед, голова почти достала потолок, руки машинально махнули по воздуху и зацепились за небольшой выступ. Я повис в полуметре над водой.

Внизу щелкнуло — провода коснулись воды, из-за чего вышло короткое замыкание, потом рвануло. Щиток слетел со стены и упал мне под ноги. Сильно запахло жженой изоляцией и озоном.

Пальцы соскочили с выступа, я едва не грохнулся на щиток, в последний момент развел ноги в стороны.

Едва почувствовав опору, рванул вперед на такой скорости, что вышиб дверь. И с разбегу угодил в другое помещение. Через него шла огромная, не меньше метра в диаметре труба в жестяной оплетке. Из-под жести кое-где вылезала стекловата утеплителя. А кое-где выходил пар.

Проскочив под трубой, я вылез с другой стороны. Глаза привычно зафиксировали дверь.

В этот момент справа послышался треск. Жесть оплетки ощутимо выгнуло, потом она лопнула, и сквозь щель ударила струя горячей воды.

«Это мы уже проходили!» — рывок к двери, носок правой ноги цепляет невысокий порожек, и я лечу головой вперед, в последний момент выставляя руки и довольно мягко приземляясь на бетонный пол.

Перекат, ноги подбрасывают меня вверх, боковое зрение отмечает темный прямоугольник с левой стороны, но я не смотрю в ту сторону, основная цель в двух шагах впереди.

На бегу отмечаю, в какую сторону открывается дверь, и на всякий случай с разгону бью по ней, вкладывая всю силу. Дверь отлетает назад, пропуская меня дальше. А дальше...

Опа! Приехали.

Я снижаю скорость и растерянно смотрю по сторонам. Передо мной ступеньки лестницы. Той самой, по которой спускался вниз, к комнате-ловушке. Тот же полумрак, пахнет сыростью, ощутимо дует свежий ветерок. А за спиной?

Взгляд назад. Там плотно закрытая дверь. И тишина. Все? Вывался?

Не веря глазам, поднялся наверх, толкнул дверь и вышел в подъезд трехэтажки. Вон пролом, луна светит, вон дорога и кусты.

Слегка прихрамывая, дошел до дороги, глянул по сторонам. Знакомая улица, черные прямоугольники заброшенных домов, деревья, кустарники. Уши уловили приглушенный рокот машин, летящих по дороге, и далекий рев локомотивного сифона.

С силой выдохнув воздух, я потер руками лицо, приходя в себя, почувствовал дикую усталость и сел прямо на асфальт.

Черт побери! Что же это такое было?

Смятая футболка полетела в мусорное ведро. Следом плавно спланировали джинсы. Одежда пришла в негодность, грязная, рваная, в крови. Восстановлению не подлежит.

«...Никакие это не Ворота! Черт знает что, а не Ворота! Аномальная область. Сказочный заповедник... Хренотень сплошная!.. Что меня туда понесло? Ведь чуял, что дело плохо. Сунулся в подвал, как мальчишка. Посмотреть захотелось! Посмотрел... Как еще уцелел?...»

Принятие душа сильно походило на пытку. Тепловатая вода жгла тело там, где кожа была сорвана напроць, а сукровица успела залить желтоватым слоем раны. Боль быстро проходила, но возникала вновь, когда струя задевала царапины и ссадины.

«...Стулья сами по себе не летают. И трубы не рвутся. И прочее тоже не обладает способностью к самостоятельному передвижению... Ясно, что дело темное. Но что за фигня меня встретила? Иной вариант Ворот? Усложненный, созданный для... Для чего? Дабы я не лез? А я влез. И уцелел, хотя некто очень старался завалить непрошеного гостя...»

Не рискнув вытирать кожу полотенцем, я встал под вентилятор, и тот нагнал холодного воздуха, немного остужая раны и снимая боль. Немного подождав, обработал раны перекисью водорода. Кровь пузырилась и исчезала.

«...Три недели как чумной бродил по ночам, подгоняемый предчувствием. Теперь понятно — подсознание гоняло меня по городу, словно готовило. И такая резкая боль — чтобы не ошибся, точно воспринял сигнал. Вот они и снова здесь. Заработали. Что теперь? Я никуда не ушел, в своем мире. Жив и почти здоров. Ясно, что это не финал. Ворота, или как их там, не уйдут. Будут ждать меня. Пока... интересно, пока что? Не перейду в иной мир?»

Рука с ватой замерла. В памяти всплыл один момент. Когда я, ослепленный и подстегиваемый струями пара, летел к выходной двери, глаза успели заметить другой проем. Слева была вторая дверь. Интересно, что было, если бы я попал туда..

Закрыв пузырек с перекисью, достал из аптечки заморозку и стал щедро поливать все синяки, ушибы, царапины, кривя губы в беззвучной ругани.

«Возможно, там два пути. Один, допустим, обратно, а второй в другой мир? Версия. Но не факт...»

Убрав аптечку, осторожно лег на кровать и закрыл глаза. Замечательная вышла прогулка. Результативная. Вполне можно было коньки отбросить. Если бы не...

Если бы не доведенные до рефлекса навыки, не реакция и самое главное — не вышколенная Воротами и скитаниями интуиция. Честно говоря — это и спасло. Иногда я заранее предвидел, откуда и что полетит. Словно заглянул вперед на две-три секунды.

«Итак, что мы имеем? В моем мире возникли Ворота... Стоп! Воротами это назвать сложно. Скорее область, зона, периметр. Пусть периметр. Возник Периметр, в котором вопреки всем законам физики предметы обрели способность самостоятельно нарушать закон притяжения и летать с ускорением. Причем летать очень прицельно. Кроме того — самопроизвольно взрываются лампы, трубы отопления, электрощитки и прочие

неодушевленные предметы. Либо они спятили, либо все это — сложнозапрограммированный процесс. Тогда возникает вопрос: кто запрограммировал? Хозяева Периметра? Они же хозяева Ворот? За неимением информации считаем эту версию основной...»

Я осторожно повернулся на бок, потрогал раненую ногу. Один из уголков угодил острием и распорол не только кожу, но и мышцы. К счастью, вошел неглубоко.

Хуже дело обстояло с ранами, полученными от разбитых ламп. Стекло, попавшее в тело, нельзя обнаружить рентгеном, а только зондированием. То есть обычным ощупыванием. Мне повезло, пять или шесть осколков вошли под кожу, не проникнув глубже. Я вытащил их пинцетом, но пара где-то засела. Так что впереди несколько неприятных дней ожидания, когда ранки загноятся. Тогда можно будет вытащить осколки.

«Придется еще раз сходить туда. Надо выяснить, что за аномалия возникла в моем мире и чем это грозит. Только сначала надо предупредить парней, а то опять искать будут. Ранки подживут — и вперед. Тоже ночью, чтобы никто не видел. А там посмотрим, что к чему...»

С этой мыслью я и заснул. Точнее — рухнул в черный бездонный колодец забытья в надежде, что утро будет мудренее ночи.

Утром я первым делом позвонил парням. К телефону подошел Марк.

— Привет, курортник.

— Салют, полковник. Как дела?

— Так себе. Куда вы пропали? Шлю на пейджер сообщения — молчок. Потеряли, что ли?

— Да нет. — Голос Марка звучит излишне бодро. — У нас тут дельце одно наклеывается. Вот по нему и работаем.

Я хмыкнул, задумчиво почесал нос. Парни еще неделю назад с семьями умотали в Крым, на родину Сереги. Отдохнуть на море, подлечить нервы и подумать, как жить дальше.

Ситуация этому способствовала. Курортный сезон толком не начался, народу мало, но море уже теплое и погода классная. Парни планировали побыть там месяц.

— Интересное хоть дело?

— Пока не знаю, рано говорить.

— Ясно. — Я немного помедлил, понимая, что могу со своей информацией влезть не к месту. Но тут уж выбирать не приходится. — Марк, возникла проблема.

— Что такое?

— Ворота заработали снова.

— Что? Как Ворота? — не сразу понял Марк.

— Так. Это не совсем те Ворота, которые были раньше. Но штука инопланетная точно. Возникла почти в центре города. Думаю, кроме меня, ее никто не нашел. И не найдет.

— Почему?

— Так. Догадки...

Марк замолчал, оценивая новость. Да, к этому надо привыкнуть. Одно дело слышать о них, другое — знать, что они существуют в настоящее время. Это не каждый воспримет.

— Ты только видел их или пробовал... пройти? — наконец подал голос Марк.

— Я их прошел. Это не совсем те Ворота, что были раньше. По крайней мере меня не выбросило в другой мир.

— Да?..

Он не знал, что сказать и как вообще реагировать на подобное сообщение.

— Когда вы собираетесь обратно в Рязань?

— Пока не знаю. Есть перспективы нового дела. Насколько они реальны — покажет время. Ты вот что... ты туда не лезь. Еще влипнешь, как тогда.

— Марк. Дело не в том, чтобы я не лез. А в том, чтобы оттуда никто не вылез. Этот визит явно не будет дружеским. Если Ворота открыли те, о ком я думаю, хорошего ждать не стоит.

— Черт! Только этого не хватало. Пришельцы, мать их! И все равно. Не стоит рисковать. Ребятам я скажу, подумаем, что делать... Мы тебе завтра-послезавтра перезвоним.

— Хорошо. Передавай им привет. Жду звонка.

— Давай...

Положив трубку, я поднял глаза и взглянул на свое отражение в зеркале. Мрачная физиономия, украшенная двумя царапинами, хмурый взгляд и крепко сжатые губы. Хорош тип!..

Не лезь... Совет хорош. Но Марк не прав. Он не может оценить всей степени опасности, что исходит из пылающего холодным огнем зева Ворот. Ни он, ни парни не представляют, что может произойти, появившись здесь пришельцы из другого мира.

«Впрочем, не представляю целиком этого и я. А сходить туда еще придется. Надо понять, что за аномалия возникла на месте подвала заброшенного дома. И как это повлияет на нас в дальнейшем. Конечно, лезть в нутро хитроумной ловушки желания никакого. Но и пустить дело на самотек нельзя. Черт знает, как она поведет себя дальше... так что сходим. Благо опыт есть...»

Кстати по поводу опыта...

— ...Самочувствие? Нормальное. Здоров, как никогда. Даже нервы в порядке. Веришь — нет, но о прошлом вспоминаю все меньше.

Андрей усмехнулся, глянул на меня и повторил:

— Вспоминаю все меньше. Да и все мы.

«Все мы» сидели рядом на диване и в кресле и слушали Андрея.

Компания скитальцев была в полном сборе. Оксана с дочкой на руках, Денис, Лена, Андрей. Я знал, что они собираются в этот день, и заехал в гости. Легенда — уточнить время защиты, узнать, как дела. На самом деле — выяснить, не чувствуют ли мои сотоварищи по прогулкам нечто особенное. Вроде сильной головной боли и странных видений. Или снов.

Их способность воспринимать Ворота гораздо слабее моей, но что-то они ощущали! Неужели сейчас никаких изменений?

— Да ничего особенного, — заявила Оксана. — Все нормально. Вон Денис по ночам храпит, но и до этого храпел.

— Не храплю я, — возмутился тот. — Чего выдумываешь?

— Храпишь, храпишь, — повторила Оксана.

— Ну... если только немного.

— А у тебя что, проблемы? — спросила Лена.

— Да нет. Так спросил, к слову. Не мучает ли бывшее?

— Все нормально.

«Нормально — значит отлично. Периметр игнорировал их, сосредоточив все усилия на мне. Видать, и впрямь мне достался весь заряд того странного излучения. Как орал тот крендель в Кервине — я инициирован «контуром». Выходит, и верно — инициирован. Раз только я один среагировал на возникновение Периметра. Вот и будем исходить из того, что на орехи достанется мне одному...»

...Свернув разговор, я быстро распрощался с компанией и потопал к выходу. У двери меня догнала Оксанка.

— Новость знаешь? — спросила она.

— Какую?

— Ленка замуж выходит.

— Да? Не знал, конечно. Это же замечательно.

— Ага, — пристально глядя на меня, сказала Оксана. — Прекрасно. По ней видно.

Ну-ну... По ней, то бишь по Ленке, видно, что она не в себе. Лицо бледное, губа постоянно закушена. Взгляд... ну не должна так смотреть невеста! С тоской и обреченностью во взоре.

— Андрея, что ли, никак не забудет?

Оксана фыркнула, одарила меня насмешливым взглядом.

— Он-то как раз ни при чем. Кстати, у них с Алкой свадьба назначена на первое июля.

— Отлично. Одни свадьбы, гулянки... Весело живете. Смотрю, ребяташки вашим примером заражены. Так и детей быстро заведут.

Оксана одарила меня еще одним, далеко не восторженным взглядом, почему-то вздохнула, но промолчала.

— Ладно, мамаша. Мне пора. Желаю успешной защиты.

— И тебе тоже.

...Привычка — великое дело. И вообще штука незаменимая. Человек по природе своей способен привыкнуть ко многим вещам, даже невозможным с его точки зрения. Так уж его природа слепила.

Это я к тому, что сам факт возникновения в моем мире дикой аномалии под условным названием «Периметр» уже на

второй день его обнаружения не вызывал особых чувств. В смысле — я не падал в обморок, не бегал по улицам с криком «пришельцы, пришельцы!». Не штурмовал офисы редакций газет и телевидения. Вообще не делал ничего, что должен делать человек, нашедший такое чудо.

Психика, пережившая провал в иные пространства, выдержавшая три года скитаний, войны и амнезию, отреагировала на Периметр довольно спокойно.

Ну, трясло меня всю ночь после того, как я дошел до дома, оборванный и побитый, словно забулдыга. Ну, отходил следующие сутки, врачую раны и нервы. При этом осваиваясь с мыслью, что опять все снова-здорово! Мелочи.

Не зря я предчувствовал возникновение аномалии. Пусть и не в таком виде, но все же. Главное — выжил. Вернулся относительно целым. Хотя хозяин Периметра, думаю, планировал совершенно иной результат.

«Периметр должен был меня убить. Безоговорочно. Но сделать так, чтобы смерть выглядела естественной. Удар кирпича, или трубы, электрический заряд, осколок стекла, кипяток. Любой вариант. Главное, чтобы нашли мертвое тело и констатировали обычную смерть. Поэтому там и не было лазеров, электромагнитных автоматов и прочих военных достижений научной мысли владельцев «контура». Какие еще причины были у них, не знаю, одно ясно — гибель должна выглядеть как несчастный случай...»

Вообще-то это была только догадка относительно истинного предназначения Периметра. Но она подходила под рабочую версию как нельзя кстати. Исходя из этого, я и готовился к новым походам в аномальную область. И готовился неплохо...

Время выхода, естественно, ночное. Дабы не привлекать внимания. Стиль одежды прежний. Но теперь это только чтобы дойти до заброшенного дома. Состояние... Ну, какое состояние у человека, сующего голову под топор? Вот и у меня нечто сродни.

Колотить начинает на подходе. Организм, «инициированный» Воротами, чувствует угрозу заранее и в преддверии событий

начинает подготовку. Сердце ускоряет ход, адреналин в многократно увеличенном количестве гуляет по артериям, пальцы подрагивают, во рту сухо, спина покрыта холодным потом. В голове легкий шум.

Легким прогулочным шагом до заброшенного дома. Потом осторожно и аккуратно — осмотр подходов и соседних зданий на предмет непрошенных гостей. Хотя это зря. Периметр выдает некое излучение, прогонявшее все живое в радиусе трехсот метров. То-то с недавних пор здесь ни бродяг, ни собак, ни кошек. И птиц не видно.

Я потом сопоставил обстановку с тем, что некогда видел на болоте у Храма, и сообразил — там было что-то подобное. Тоже мертвое место.

После осмотра — заход в дом. В самый дальний закуток, отгороженный от входа полуразрушенной стеной. Здесь, под кучей всякого мусора, небольшой склад.

В первом ящике одежда и обувь. Костюм — брюки и куртка защитного цвета. Материал прочный, прошитый нейлоновыми нитями. Рип-стоп называется. Куртка сделана в виде разгрузочного жилета с десятком карманов разного размера.

Обувь — военные берцы, сшитые на заказ по нашим чертежам. Толстая подошва и мягкая кожа — вроде как легкие кроссовки с высоким бортом.

Карманы куртки заполнены разными мелочами, необходимыми для подобных экспедиций. Походная аптечка с полным набором средств. Обезболивающие и кровоостанавливающие средства, обеззараживающие таблетки, шприц, стимуляторы. Индивидуальный перевязочный пакет, жгут. Складная трезубая «кошка», веревка, фонарик, спички, зажигалка, несколько таблеток сухого спирта. Компас, две булавки.

Во втором ящике оружие. Нож в чехле, пистолет «ТТ» с четырьмя обоймами и отдельно глушитель. После некоторого размышления я решил больше с пустыми руками не ходить. Вдруг вынесет неудачно, нечем будет защититься. Арсенал, конечно, не ахти, но для первого раза хватит.

Теперь последнее. На голени, колени, локти и предплечья — легкие пластмассовые щитки. На руки — тонкие перчатки с до-

полнительными вставками на тыльной стороне ладони. Далеко не лишняя мера предосторожности.

Пожалуй, все. Последняя проверка снаряжения, глубокий вдох, выдох. Пошли...

Шесть ступенек лестницы, тяжелая дверь, легкий скрип петель — и я на пороге первой комнаты Периметра. Только теперь она выглядит несколько иначе. Голые бетонные стены с остатками обоев, свисающих по углам, небольшая тумбочка у противоположной стены, на ней настольная лампа. Свет неяркий, но его хватает, чтобы различить все в подробностях.

Я сделал пару шагов вперед и влево, сохраняя достаточную дистанцию, чтобы среагировать на старт и тумбочки, и лампы. Но те стояли на месте, не делая попыток взлететь в воздух.

В комнате стоит практически абсолютная тишина. Не слышен даже звук моих шагов. Я щелкнул пальцами, но щелчок был едва-едва слышен. Тишина. Затишье перед бурей.

Казалось бы, дальше некуда, но напряжение возросло. По спине бегали мурашки, целые волны холода окатывали с ног до головы. Сейчас ударит... сейчас...

Дойдя до середины комнаты, внезапно изменил направление движения и подошел обратно к двери. Толкнул ее. Как и следовало ожидать — никакого результата. Ловушка захлопнулась. Теперь только вперед.

Вторая дверь была рядом с тумбочкой, и я с опаской подошел к ней, готовый в любой миг отпрыгнуть в сторону. По идее, на короткой дистанции тумбочка не успеет взять разгон, и удар толком не выйдет. Но кто знает, действуют ли здесь обычные законы механики?

Продолжая внимательно наблюдать, потянул дверь на себя. Опять никакого звука, ни скрежета, ни скрипа. Новая комната, почти копия первой. Только на полу старый, облезлый ковер с выцветшим рисунком. А в углу камин. Самый настоящий, с невысокой железной решеткой и закопченным каменным сводом. Горит огонь, пожирая дрова и выбрасывая рваные лоскуты пламени. И вновь — тишина. Летят искры, трещит сгораемое дерево, но ни единого звука, ни шороха.

Свет идет только от камина, неровный и неяркий. В комнате полумрак. Дальняя дверь видна слабо. Только блестит металлическая ручка, причем полуоторванная.

Дрова внезапно взрываются, совершенно беззвучно, целые россыпи искр и углей летят на ковер, и тот моментально вспыхивает, как соломенный. Пламя в три секунды добирается до моих ног.

Резкий прыжок в сторону, к двери, левая нога сбивает край ковра прочь, чтобы огонь не догнал. Рывок за ручку. Она остается в ладони, а дверь все еще закрыта. И в этот момент привыкшие глаза различают в противоположном от камина углу канистру. В какой держат бензин. Или керосин... Огонь вот-вот лизнет ее бок...

Кулак буквально проламывает фанеру двери, судорожно цепляет за край листа, рука тянет на себя. Пошла, гадина!

Взрыв звучит неправдоподобно громко. Вместе с ним падает тяжелая завеса тишины, и на меня обрушивается целый каскад звуков.

Я едва успел прикрыть за собой дверь, когда с той стороны на нее плещет горящий бензин. Фанера охвачена огнем, в любой момент он перейдет и сюда.

Впереди довольно длинный коридор, тоже скупо освещенный. Под потолком единственная лампа. И в свете этой лампы видно, что пола как такового нет. А в черном провале хорошо виден забитый железным хламом подвал. Бесформенные, ржавые железяки с острыми, неровными краями торчат во все стороны, напрочь отбивая желание попробовать пройти по ним.

И никаких порошков, никаких ходов. Под ногами две железные жердины диаметром сантиметров десять. Один конец здесь, другой там, у следующей двери. Жердины лежат свободно, не закреплены. Никаких гарантий, что не упадут, не отлетят.

Я оглядываюсь назад — фанера двери уже почернела, вот-вот появится пламя. Тяжелый запах из той комнаты доходит сюда. Там полыхает вовсю. Любая заминка — и мне уготована роль шашлыка.

Обреченно вздохнув, делаю первый шаг по жердинам. Второй. Третий...

Острия железяк всего в полуметре, один неверный шаг — конец. Не надо туда смотреть. Хотя нет, наоборот, надо. И туда, и по сторонам, и наверх. Мало ли как поведут себя эти железки, вдруг взлетят?

Еще шаг, еще...

Где-то на половине пути жердины с противным скрежетом начали разъезжаться. Попытка их остановить ни к чему не приводит. Ширина коридора — чуть меньше двух метров. Хватит растяжки?

Негромкий удар жердин о стены, ноги растянуты в шпатаг, едва не соскальзывают с них. Одно неловкое движение — и все. Глаза лихорадочно шарят по сторонам в поисках выступов, поручней.

Пусто. Нет, под потолком, в полутора метрах впереди, в стену вделан штырь. Конец слегка изогнут. Дотянуться туда нереально. А больше ничего.

«Запас карман не тянет», — мысленно похвалил я себя, осторожно доставая веревку с «кошкой». Расправил крюки якоря, раскрутил над головой. Первый бросок — мимо. Второй. Третий...

Только с шестого крюк надежно зацепил штырь. Я подергал веревку, проверяя качество сцепления, глянул вниз, прикидывая, есть ли шансы выжить, если сорвусь, и потянул веревку на себя.

Наверное, в этот момент я не дышал. Совсем. Аккуратно, со всеми мерами предосторожности тянул веревку, опираясь левой ногой о жердину. Вторая висела в воздухе, почти доставая железки. Еще немного...

Встал на жердине, продолжая натягивать веревку. Сделал два шага и оказался под штырем. Попробовал немного отогнуть жердину от стены. Вышло.

Теперь стоять проще. Одна рука опирается о стену, вторая держит внатяг веревку, ноги медленно идут по жердине. Еще метров пять...

Сзади раздался взрыв, в спину ударила горячая волна. На миг замерев на месте, скосил взгляд назад. Жидкое пламя уз-

кой дорожкой лило в пролом, поглощая железки. Скоро оно заполнит весь подвал. По идее, в канистре было литров пять бензина. Откуда же столько? Опять фокус Периметра.

...Штырь вылетел, когда до второй двери было меньше метра. Просто выскочил из стены, отвесно упав вниз. Я удержал равновесие, едва не выпустив веревку, и сделал еще шаг вперед. В этот момент жердина самопроизвольно покатила прочь.

Прыжок. Почти без толчка, на грани отчаяния. Руки вперед, корпус горизонтально. Благо до спасительного выступа всего ничего. А сзади уже дышит жаркое пламя.

Левая нога коснулась конца железки внизу, но вторая уже легла на выступ перед дверью. Рывок, подъем — и я встал. Подвал уже весь заполнен огнем, промедли хоть миг — гореть мне синим пламенем.

...Дальше опять был коридор. Плохо освещенный, с низким потолком. Над головой трубы и какие-то коробки. Стены кирпичные с нишами и неровными выступами. Противоположного конца вообще не видно.

«Трубы уже видел. Периметр повторяется. Но будет весело...»

Веселье началось почти сразу. Трубы рванули в нескольких местах, струи горячей воды били со страшной силой, пар затруднял дыхание и видимость. В довершение всего из стен начали вылетать кирпичи. То один, то два, справа и слева. Норовили попасть в голову или живот.

Понимая, что заметить все старты невозможно, да еще при этом следить за трубами, я принял положение боксера в глухой защите и двинул вперед рывками, то и дело меняя направление, сбивая прицел хозяевам местного аттракциона.

Удар по предплечью, удар по бедру, еще один — по спине вскользь. Струя кипятка едва не обварила левое плечо. Что-то рвануло над головой, и вниз полетели осколки. К счастью, я проскочил опасный участок.

«Ох, ё! Ох, ё!.. Ну, суки, доберусь до вас!»

В узкую, с низким сводом арку я буквально въехал головой. Чиркнул макушкой о кирпич и проскочил во вторую часть

коридора. Трубы исчезли, стены из бетона, под потолком на длинном перекрученном проводе лампочка. Впереди поворот налево, двери не видно. На длинном ящике лежит большой газовый баллон.

Я понял, что произойдет, еще до того, как толком разглядел баллон. И рванул вперед с такой скоростью, что, наверное, побил мировой рекорд для закрытых подвальных помещений с хреновым освещением и состоянием пола.

За поворотом был... я. Опа! Точно я, одежда, вид, рожа... Все мое.

Секундное замешательство. Тьфу, ёп! Зеркало. Во весь рост. От потолка до пола, от стены до стены.

Баллон, конечно, рванул. Но через секунду после того, как я врезал ногой по зеркалу и, переждав стеклопад, прыгнул вперед. И угодил выставленными руками в дверь.

Рвануло знатно. Аж стены задрожали. Я едва успел хлопнуть за собой дверь. Чуть промедлил бы — и размазало по стенам. Спасла скорость.

...Эта комната по сравнению с остальными помещениями выглядела почти цивильно. Просторно, относительно чисто, светло. Стены, правда, голые, под ногами старый линолеум. Две вполне порядочные лампы.

Все это я разглядел потом. А в первый момент, когда влетел в комнату, машинально сделал три шага в сторону.

Это и спасло. Шкаф, большой, трехстворчатый, с зеркальными дверьми и антресолями, стоявший прямо у двери, вдруг рухнул вперед. То есть на того, кто только вошел.

Боковая стенка задела закрытое щитком предплечье, а осколок разбитого стекла угодил по ботинку. Я отпрыгнул, вертя головой и прикидывая, что последует дальше. Но было тихо.

Тут-то я и рассмотрел помещение. А заодно и две двери в дальней стене. Две. Левая и правая. Одинаковые, точно скопированные. Белая краска, белые ручки, серая окантовка косяка. Куда идти?

В тот раз тоже было две. Я выбрал правую. И попал домой. А если выбрать левую? Куда попаду?

Времени на размышление мало, это я понял по тому, как зашуршало за спиной. Осколки шкафа, битое стекло, полки... Сейчас полетит в меня. Надо решать.

«Пан или...»

Нога шагнула влево. За спиной стало тихо...

Каменные ступеньки узкой лестницы, выщербленные, потемневшие, неровные. Каменные же стены, низкий потолок, сверху прямоугольный проем, в котором, кроме куса синего неба, видна покрытая листьями ветка дерева. Пахнет соломой и чем-то тухлым. На лестницу из подвала трехэтажки не похоже. Вышел во двор? Но там нет каменных ступенек...

Периметр остался позади, сомнений в этом нет. Но вот солнечный свет поставил в тупик. Я уходил, когда часы показывали половину двенадцатого ночи. Внутри Периметра был от силы полчаса. Плюс время на дорогу, на сборы... Ну еще час. Итого на дворе час ночи. То есть полная темень. А здесь по крайней мере семь утра.

А куда делись шесть часов?

Дойдя до предпоследней ступеньки, оглядел себя, проверил снаряжение и одежду, нашел небольшую дырку под коленом и глубокую царапину на левом ботинке. Больше ничего. Оружие на месте. Кстати о нем...

Я достал пистолет, навернул глушитель, дослал патрон в патронник и сунул «ТТ» за ремень на спине. Сверху прикрыл курткой. Нож, как и прежде, висел слева. Можно выходить. Только куда?

Прильнув к ступеньке, осторожно выглянул за край стены и провел глазами слева направо. Большой двор, огороженный мощным забором. Каменная основа и железные прутья метра два высотой. Десятка три деревьев: яблони, груши и вишни, густой кустарник под забором, справа виден край большого двухэтажного дома. Дальше одноэтажное строение и вроде как сарай.

По двору свободно бродят куры, в стороне от них вышагивает к забору пара гусей, у крыльца дома лежит кошка. Людей не видно.

Что это могло бы значить? Только одно. Периметр сработал, как и его старший брат — Ворота, и перенес меня в иной мир. Потому как ни в Рязани, ни в окрестностях домов такой постройки нет. Помимо этого — не видно столбов электропередачи, а дорога за забором очень похожа накатана колесами не машин, а телег и карет. Выходит — я в другом мире. Опять. Снова!

Мозг отметил этот момент как-то отстраненно, спокойно. И душа не затрепетала, и нервы не дрогнули.

Я перегорел. Совсем. Три перехода Ворот, годы войны и борьбы за выживание, командование подразделениями и частями, хождение по острию лезвия, а потом восемь месяцев отходняка с ежедневными переживаниями и воспоминаниями полностью вытравили любые эмоции относительно всего необычного и невероятного. Все. Лимит удивлений иссяк. Теперь для меня Ворота, Периметры, чужие миры и прочее нечто — только данность. Факт. Как цвет неба, вкус воды, теорема Пифагора...

Нет больше в душе Артура Томилина того трепета и изумления, что царил в первый раз, нет отчаяния и надежды, жгущих нутро, нет радости и волнения от возвращения.

Периметр? Угу. Новый мир? Ладно. Я этого не просил. Раз дали — посмотрим, что за хрень. Пусть, ради любопытства надо рискнуть жизнью. Не впервой.

Отметив сей факт и еще не зная, стоит ли торжествовать по этому поводу, я продолжал наблюдать за двором, не спеша покидать укрытие. Успею. Теперь вообще не стоит спешить. Дверь домой — за спиной. В любой момент можно уйти. Так не будем бежать впереди паровоза...

Первого человека я увидел через пару минут наблюдения. Из-за угла дома вышла женщина средних лет и не спеша пошла к сараю. Длинная, почти до земли юбка, кофта с коротким рукавом, на голове серый чепчик. На ногах вроде как сандалии. Наряд, прямо скажем, не блещет новизной и покроем. Рабочая одежда, повседневная, старая, удобная.

В руках женщина несла плетеную корзину, судя по положению тела — довольно увесистую. За ней бежал маленький

котенок, изредка делая прыжки и нагоняя длинную тень женщины.

Неподалеку от моего убежища рос густой кустарник в рост человека. Выждав еще немного, я осторожно вылез из каменной арки и буквально на четвереньках дополз до кустарника. Присев на корточки, глянул по сторонам.

Место, куда я угодил, очень сильно напоминало дворянскую усадьбу, какие я видел в Аберене, только... посовременнее, что ли. Нет массивных внешних стен, не видно охраны, камнеметов и другой техники.

А каменная арка, где прятался Периметр, была входом в склеп. Старый, давно заброшенный и разрушенный. То ли временем, то ли людьми. Кроме самой арки, есть половина стены, остальное разбито. На земле осколки камней и белое крошево, заросшее травой.

Еще две женщины вышли из одноэтажного здания, одна пошла к сараю, вторая в мою сторону. Их одежда точь-в-точь повторяла наряд первой. Только цвет кофты иной.

Та, что шла ко мне, свернула направо и исчезла за кустарником. Я расслышал ее голос — бубнила под нос. Непонятно что и непонятно на каком языке.

«Что делать? Идти на контакт? Напугаю. И потом, как здесь встречают незваных гостей? Не ножом ли в бок?..»

Поглаживая рукоятку пистолета, я гадал, как быть, когда от дороги послышался мерный стук копыт лошади. Через несколько секунд к воротам усадьбы подъехал всадник на черном жеребце, не снижая скорости, проскочил во двор и осадил коня. Тут же к нему с двух сторон подбежали несколько человек, один поймал повод, второй придержал стремя, третий почтительно склонил голову.

«Откуда они выскочили? — опешил я, жадно глядя на них. — Не было только что никого. Наверное, сидели где-то. Может, в здании, может, за ним. Вот бы я влип, если бы вылез!..»

— Скин, Трибон! — властно крикнул всадник. — Живо всех сюда! Оружие возьмите!

— Мой господин, Ланта братъ?

— Я же сказал — всех! Быстро.

Двое из встречающих умчались, третий стоял рядом с всадником, ожидая приказа.

— Как здесь? Тихо?

— Да, господин.

— Кто-нибудь приезжал?

— Нет, господин. Никого. Никто не знает, что мы... здесь.

Всадник прошелся взад-вперед, разминая ноги и что-то обдумывая. Слуга (судя по всему) терпеливо ждал.

А я слушал и смотрел, раскрыв рот. Картина была еще та...

Если представить себе мужчину, одетого, как д'Артаньян, с длинной шпагой на левом боку, с пистолетом, заткнутым за пояс, в широкополой шляпе и ботфортах, то, видимо, легко понять, кого я видел. И вот этот а-ля мушкетер говорил с сильным французским прононсом на немецком языке. На том немецком, что, видимо, был в ходу лет триста—четыреста назад.

Часть слов я не понимал, но в целом разбирал их речь, хотя прононс сильно мешал. Еще мешал акцент, странный, очень жесткий, словно всадник со слугой говорили на родном языке после долгого перерыва.

— Что эти бабы? — отрывисто спросил всадник. — Молчат?

— Да, господин. Шастают по двору и по дому, наводят порядок... ну там кровь затирают, тряпки стирают, еду готовят, но молча. Приказы исполняют...

Всадник кивнул, нервно глянул по сторонам, недовольно рявкнул:

— Где там эти остолопы! Сколько ждать?!

— Сейчас, господин, прибегут. Они выполняли ваш приказ и не вылезали из укрытия.

Всадник сердито дернул шеей, но промолчал. Сделав еще пару шагов, вновь спросил:

— Думаешь, будут молчать, когда мы уедем?

Слуга пожал плечами, спохватился и с поклоном ответил:

— Не знаю, господин. Бабы они и есть бабы. Если их прижмут, скажут все. Тем более мы их хозяев... того... под нож.

Всадник кивнул, нервно дернул головой и подошел к коню. Похлопал того по шее, поправил седло и нетерпеливо посмотрел на здание.

— Поторопи их, Шельга.

— Вот они, господин, — с явным облегчением ответил тот, кивая на толпу вооруженных слуг.

Я внимательно смотрел на них, разглядывая как снаряжение, так и оружие.

Ну да, судя по всему, век семнадцатый. Середина или ближе к концу. Восемь вооруженных человек в грязно-белых рубашках или сорочках, в кожаных безрукавках и холщовых штанах. На ногах сапоги разного фасона. Двое или трое нацепили кирасы, еще двое в кольчугах поверх одежды. Кольчуги из тонких колец, такая спасает от рубящих ударов саблей и шпагой, а также от пуль мушкетов, пищалей и пистолей.

Кстати об оружии. Раньше в музее я видел подобные образцы, но сейчас впервые наблюдал их в качестве основного вооружения. Тяжелые, неуклюжие, ненормально большого калибра. Стрелять из таких не очень удобно, но можно. Круглые, с вмятинами и неровностями, свинцовые пули имели внушительный диаметр и далеко не всегда пробивали доспехи. Но человеческое тело калечили неплохо.

Кроме мушкетов, команда всадника была вооружена длинными шпагами, саблями с небольшим углом изгиба и кинжалами. Самый здоровый в команде нес на плече алебарду.

Бравое воинство одной толпой встало в трех шагах от всадника и замерло, ожидая приказа. Всадник с плохо скрываемым раздражением оглядел их и отрывисто бросил:

— Впредь мои приказы исполнять бегом! Опозданий и задержек не прошу. Кто опоздает или будет ковырять в носу — прихлопну. Ясно?

— Да, господин, — вразнобой ответила толпа, с явным испугом глядя на хозяина.

Видимо, отлично знала его и не хотела испытывать терпение злого господина.

— Шельга, — так же отрывисто сказал всадник. — Овраг на повороте дороги знаешь? Там, где заканчивается роща?

— Да, господин.

— Ведешь свою ораву туда. Сидите в овраге, пока я не приеду. И тихо там, чтобы ни слова, ни стука. Огня не разво-

дить, железом не шуметь. Кто нарушит приказ — лично про-
ткну насквозь.

— Ясно, господин.

— Я приеду чуть позже. Предстоит работенка. — Всадник
осклабился. — Довольно выгодная, доходная. Всем перепадет,
если сделаете как надо.

Воинство негромким рокотом возвестило о готовности
«пойтить и сделать». Всадник небрежным жестом остановил
осторожные восторги.

— Все! — Всадник одним слитым движением вскочил на
коня, подобрал повод. — Трибон со мной. Скин — на тебе все,
кто уцелел в усадьбе. Потом догонишь. Шельга — ведешь ос-
тальных к оврагу. Живо у меня.

Трибон быстро вскочил в седло второй лошади, приведен-
ной молодым парнем, и последовал за своим господином. Ос-
тальные ватажники разделились на две части. Большая пошла
за Шельгой к воротам. А Скин с двумя молодцами поспешил
к усадьбе, на ходу вынимая кинжалы.

«Пошли дорезать баб, — подумал я, наблюдая за Скином и
его сообщниками. — Следы заматают. Значит, эта усадьба не
их, набегом взяли. Весело они здесь живут...»

Не успел за забором стихнуть топот сапог, как от усадьбы
донесся дикий женский крик. Полный боли и отчаяния. Скин
проводил зачистку.

Толком не зная, что делать, я продолжал сидеть в укры-
тии, слушая вопли убиваемых женщин, ругань и смех банди-
тов (кто бы в этом сомневался!) и треск ломаемой мебели.
Через несколько минут запахло гарью. Из большого прямо-
угольного окна повалил густой дым. Бандиты воспользовались
самым надежным способом уничтожения следов.

Еще через пару минут Скин с подельниками выбежали из
усадьбы и поспешили покинуть двор. Дело сделано...

Соблюдая все меры предосторожности и постоянно вертя
головой, я вылез из кустов, держа ствол в руке, и пошел к
усадьбе. Огонь, видимо, получив хорошую подпитку, быстро
распространялся по зданию. Наверное, внутри много деревян-
ных вещей. Вон как полыхает.

Длинная широкая лестница из каменных ступенек, барельефы по бокам, просторная веранда — вход в усадьбу сделан с размахом и шиком. Огромные трехстворчатые двери, некогда украшенные мозаикой, а теперь с выбитым витражом, колоннада перед главным входом. Сейчас все загажено, на полу обломки мебели, кровь, тряпки и битое цветное стекло. Здорово погуляли налетчики.

Я обошел лестницу по кругу, держа в поле зрения ворота и дальний сарай, глянул наверх. Пламя постепенно поднималось вверх, захватывая крышу. Сгорит все, кроме стен. Чье-то родовое гнездо разорено. Или это загородная дача?..

Полусорванная дверь главного входа внезапно стукнула о стену, звякнули осколки стекла. Я моментально развернулся, уходя влево и приседая. «ТТ» смотрел в сторону источника шума, палец уже выбрал свободный ход спускового крючка.

Из дверей, напрягая последние силы и кривя от боли губы, выползал старик. В грязной, изрезанной ливрее, залитой кровью, в испачканных штанах, с седыми всклокоченными волосами, тоже окровавленными. Он цеплялся скрюченными пальцами за плитки пола и полз вперед, оставляя за собой широкую дорожку красного цвета.

Промедлив миг, я сунул ствол за пояс и взбежал по ступенькам. Схватил старика за руку и отволок метров на пять в сторону от входа. Перевернул на спину и присел рядом.

Ему повезло. Один удар кинжалом распорол кожу на голове, второй угодил под лопатку, но сердце не задел. Бандит спешил и не исправил ошибки. Впрочем, везение это временное. С такими ранами надо к хирургу и очень быстро. Иначе можно откинуть копыта за пять минут.

— Эй! Эй! — Я легонько потряс его за плечо. — Слышишь меня?

Спрашивал его на немецком, не особо надеясь на успех. Мой говор все же отличался от местного варианта хойдойч*.

Старик с трудом разлепил глаза, шевельнул губами.

— Спасите... спасите.

* Hohdeutsch — верхненемецкий. Чистый язык Германии, на котором в основном говорят уроженцы страны.

— Кто это был? Что им надо?

Он вновь замолчал, переживая вспышку боли. А может, и не слышал меня.

— Кто. Это. Был? — громко и раздельно произнес я. — Кто?

Старик попробовал приподнять голову, но сил не хватило. Он сглотнул тягучую слюну и прошептал:

— Это граф...

— Кто?

— Граф...

Черт! Старика заело! Я опять глянул по сторонам. Никого. А пожар набирает силу. Скоро на лестнице станет горячо. Пора уходить.

— Чья это усадьба? Слышишь?!

Старик вдруг схватил окровавленной рукой меня за руку и почти закричал:

— Спасите! Ради...

Вот чего нельзя, того нельзя. Аптечка у меня была, но ее содержимого не хватит, чтобы залатать проникающее ранение в спину. А вколоть промедол и перевязать... Можно, но какой смысл? Он умрет буквально через пару минут.

— Чья это усадьба?

— Барона Ковергира. Я его... мажордом...

— Куда уехали бандиты?

Ответа нет. Старик опять потерял сознание.

Делать нечего, надо уходить. Усадьбе конец, жильцов не осталось. Ловить здесь нечего.

Я стащил старика вниз, доволлок до дерева и прислонил к стволу. Тот от боли пришел в себя и посмотрел на меня полными страха, боли и удивления глазами. Не понимал, кто перед ним.

— Куда уехали бандиты? — последний раз попробовал я. — Куда?

— К барону должен приехать... виконт... Привезти патент и... золото...

— Что? Какое золото? Какой патент?

Ответа не последовало. Говорить было некому. Глаза старика остекленели и смотрели в никуда. Грудь больше не ходила ходуном, а на губах не пузырилась кровавая пена.

Я встал, отряхнул колени и руки, отошел в сторону от дерева и вздохнул.

Веселая вышла экскурсия. Полная открытий. Периметр оказался видоизмененным вариантом Ворот. Периметр несет смерть всякому входящему, если чуток потеряешь бдительность. Периметр способен выбросить в иной мир и вернуть обратно.

А мир, куда меня занесло, очень похож на мой собственный, не без отличий, конечно, только царит здесь век семнадцатый, ну и нравы соответствующие. То есть человек человеку — волк, конкурент и поделщик.

Ничего занимательного и особенного, можно уходить обратно. Путь через Периметр не прост, надо еще попасть домой целым и относительно невредимым. Но вот сведения...

Старик что-то ляпнул о золоте. Которое везли или везут сюда. Золото! Добыча, о которой толковал всадник. И добыча, судя по всему, немалая.

А не попробовать ли нам кое-что предпринять? Из разряда тех деяний, коими пробавлялся еще в Аберене? Добыча, она и в Африке добыча. И золото мне нужно не меньше, чем этим бандитам.

Не очень-то хороший ход, но в конце концов не у истинных владельцев отнимаю, а у бандитов. У них можно, это я решил для себя еще в том же Аберене. Так что?

Еще не до конца надумав, стоит ли связываться с местными проблемами, я пошел к ограде, на ходу проверяя оружие. Кто сказал, что спонтанные решения приводят к отрицательному результату? Мой опыт говорит как раз об обратном. При условии, что спонтанное решение приходит в голову не новичку, а опытному бойцу. Каковым я себя не без оснований считал.

«Как еще Периметр воспримет мою добычу», — думал я, прикидывая различные варианты развития событий. Но в душе уже знал — не отступлю. Что можно взять — возьму. А там видно будет...

Где тот овраг и где та роща, я не знал. Но долго гадать не пришлось. Прямо за воротами забора шла неровная, с выбоина-

ми дорога. Грунтовая, с глубокими колеями от телег и карет, вытоптанная до каменной твердости сапогами и ботинками.

В пыли отчетливо различались следы подбитых гвоздями каблуков. Следы вели прочь от усадьбы к узкому прямоугольнику поля, засеянного рожью. А дальше следы сворачивали налево, туда, где впереди в тумане был виден край рощи.

И хотя сакмагоном* я был хреновым, но все же различал следы и на дороге, и в траве. Тем более что шли ватажники толпой, сминая травинки и стебли цветков и мало заботясь о скрытности.

Глубокую низину оврага увидел издалека и, резко снизив скорость, стал забирать влево. Вскоре вышел к берегу довольно большого озера с заболоченными берегами и покрытого кувшинками и лилиями. Следы показывали, что здесь прошли совсем недавно: трава, вмятая в землю, не успела подняться.

Дальше пошел осторожнее, от куста к кусту, делая останки и внимательно глядя по сторонам. Впереди были заросли орешника, непривычно высокие, густые. Если судить по дороге, что шла неподалеку, место засады либо в орешнике, либо прямо за ним. То есть метрах в пятидесяти от меня. Вон и край рощи виден. Точные приметы дал всадник, ошибиться трудно.

Голоса я расслышал через десять метров, когда подошел еще ближе. А спустя пару секунд увидел и ватажников. Они сидели прямо на земле, образов небольшой круг, и о чем-то разговаривали. Мушкеты поставили перед собой, зажав руками, сабли и шпаги лежали рядом. Выставить наблюдение эти вояки не удосужились. Либо знают, что сюда никто лишний не нагрянет, либо вовсе темные в военном деле.

Я засел в кустах, метрах в двадцати от них, выбрав такое место, чтобы и ватажников видеть, и дорогу, и подход к озеру. Незаметно подойти ко мне нельзя, а кто возникнет на дороге, увижу раньше, чем эта компания.

* следопыт, способный даже по слабому, нечеткому следу определить не только направление движения, но и вычислить, кто и когда прошел, в каком составе и с каким снаряжением.

Ватажники спорили, хвастали подвигами, убитыми врагами, бабами, вспоминали взятую в набегах и погромах добычу. Строили планы относительно скорой сшибки, прикидывали, сколько кому перепадет. В общем, вели себя, как и любая банда перед делом. Только слишком шумели и хвастали. Эмоции били через край.

Молодой парень, среднего роста, плечистый, с лицом деревенского дурачка, вдруг вскочил на ноги, поднял мушкет и прицелился в воображаемого противника. Крикнул что-то задорное и направил ствол на соседа. Тот моментально перестал смеяться, вскочил сам, ударом отвел мушкет в сторону и дал мощную затрепину парню.

Юный ватажник улетел в кусты, сопровождаемый дружным хохотом.

— Лант! Мудила долбаный! Ты совсем спятил! — орал сосед — это был Скин. — Сказали же, не трогать ружье!

Бедняга Лант вылез из кустарника с поцарапанным лбом и расквашенным носом. Утирая кровь, что-то пробормотал.

— Чего? — не унимался Скин. — Чего ты там вякаешь? Еще раз возьмешь мушкет без разрешения — прибью! Понял?

— Угу, — кивнул тот, испуганно глядя на старшего. — Я пошутить хотел...

— Я тебе пошучу, кретин!

Наблюдая за ссорой, я прикидывал, что делать дальше. Ждать? Сколько? Пока не придет их граф, не прояснит ситуацию? А потом? Где пресловутое золото, когда появится?

Возможно, никакого золота не будет. Тогда надо топать обратно к склепу и переходить Периметр. Ждать больше нечего. А то ненароком тот исчезнет, и застряну я в новом мире еще на годок-другой. Такая перспектива совсем не радовала...

Мои размышления были прерваны появлением всадника и его помощника. Граф возник на дороге, выскочив из-за крайних деревьев рощи. Быстро преодолев сотню метров, он остановил коня, огляделся, отыскал только ему известный ориентир и спрыгнул с коня. Спутник — Трибон — подхватил повод господской лошади и сам слез вниз.

— Веди их по той тропинке за орешник, — скомандовал граф и зашагал к оврагу.

Ватажники заметили начальника, когда тот уже шел по оврагу. Быстро похватали оружие и вскочили, замерев в ожидании приказа. Граф недовольно оглядел воинство, смерил распухшую физиономию Ланка презрительным взглядом и раздраженно бросил:

— Шельга! Почему не выставлена охрана? Где наблюдение?

Старший ватажник пожал плечами и виновато посмотрел на хозяина. Таких тонкостей он не знал либо забыл. Но оправдываться не посмел.

— Солдаты, вашу мать! — Граф прошел вдоль толпы ватажников, сплюнул и брезгливо сбил с левой руки мошку. — Какие вы, к черту, солдаты? Сброд! Непонятно, почему до сих пор вас не поймали стражники? Наверное, потому что сами соплю жуют. Понабрал герцог быдло, вот вы и распустились...

Граф еще раз оглядел ватажников и скомандовал:

— Значит, так. Посланник уже выехал из Трезена. Скоро будет здесь. Охрана — четверо конных стражников плюс двое слуг да еще кучер. Итого, если вы умеете считать, — семеро. И сам виконт в придачу. А виконт стоит всей своей стражи. И вас тоже.

Ватажники молча слушали хозяина и явное унижение пропустили мимо ушей. Боялись прогневать графа. Даже молодой Ланк молчал. Сопел, сжимал рукоять сабли, но молча. Хватало соображалки не раскрывать рот.

— План таков. Когда карета будет проезжать мимо вас, вы по моей команде даете залп. У вас шесть мушкетов, так что троих по крайней мере должны сшибить. У меня два пистоля, двух человек беру на себя. Потом дорежете уцелевших. В карету не лезть. Если виконт не захочет выйти из нее... — Граф усмехнулся, тронул рукоятку длинной шпаги на левом боку. — Тогда я сам с ним потолкую. Главное — все сделать быстро, без задержек. Выжить не должен никто. Ясно?

— Ясно! — дружно гаркнули ватажники.

— Ну-ну. — Граф недоверчиво покосился на них и спросил Скина: — Что с усадьбой?

— Как приказали, господин граф, — ответил тот. — Три бабы и старик на том свете. Усадьбе пустили красного петуха. наших следов не найдут. Никогда.

— Ладно. По местам. Ждите моего сигнала. Стрелять только после него. Кто лупанет раньше — может считать себя покойником.

«Коротко и ясно, — оценил я стиль руководства графа. — Жесткая хватка — лучшее средство заставить себе повиноваться всякую мразь. Видно, что граф — боец, причем высокого класса. А этот сброд — случайная команда в его подчинении. Других под рукой не было либо своих людей не захотел подставлять...»

Теперь, когда планы банды стали известны, я успокоился и стал ждать развязки. Она, судя по всему, не за горами...

Карету я заметил одновременно с ватажником, которого граф поставил-таки наблюдать за дорогой. Ватажник, проинструктированный, что и как делать, слетел вниз с откоса и горячо зашептал:

— Едут! Едут!

— Закрой пасть, идиот, — бросил граф и полез наверх.

Карета приближалась. Впереди, метрах в двадцати, ехали два всадника, одетые в одинаковую форму. За ними шла пара лошадей, запряженных в довольно большую карету с каким-то замысловатым гербом на дверце. Кучер в зеленой ливрее восседал на козлах, лениво погоняя коней. На задках кареты стояли двое слуг, их форма цветом и покроем здорово походила на ливрею кучера.

Еще пара стражников скакала в небольшом удалении. Вооружены саблями и кавалерийскими пистолетами с довольно длинными стволами. На груди кирасы, на головах шлемы непривычной формы. Довольно высокие, с широкими краями. Сияют, словно их чистили буквально перед выездом.

Оценив состав и вооружение кортежа, я перевел взгляд на ватажников. Те уже заняли исходные позиции и ждали, когда жертва окажется в секторе стрельбы.

Шестеро лежали, сжимая мушкеты, трое сидели за орешником с саблями. Граф стоял за небольшим деревом с очень густой листвой. В каждой руке по пистолю.

Засада не шедевр, могли бы и получше расположиться, но, видимо, для такого случая особых изысков и не нужно. Раз срабатывает, зачем искать другое?

Сигнал к нападению должен подать граф. Он ждал удобного момента, когда карета окажется прямо перед засадой. Расстояние до нее будет не больше тридцати шагов.

Я застыл за кустарником, ожидая развязки. В какой-то момент поймал себя на том, что совершенно спокоен и собран, словно и не было страшного прохода Периметра и не будет вновь. И что не предстоит кровавая свалка на дороге. Пожалуй, такое спокойствие поражало, но немного. Как будто так и надо...

Сигнал! Граф гортанно вскрикнул, и почти тут же грохнул нестройный залп мушкетов. Двое первых стражников, кучер и один из слуг полетели на землю. Лошади, потеряв управление, дернулись в сторону, карета одним колесом попала в обочину и едва не упала набок.

— Вперед! — скомандовал граф, выскакивая из-за дерева.

И тут же на дорогу выскочили ватажники. А потом произошло сразу несколько событий одновременно. Уцелевшие стражники начали разворачивать лошадей на ватажников, второй слуга соскочил на землю и выхватил саблю, а его упавший товарищ встал на четвереньки и шарил у себя на боку.

Граф тоже выбежал на дорогу, поднял руку с пистолем и выстрелил в одного из стражников. Того снесло с седла и бросило под копыта лошади. Второй стражник поднял коня на дыбы и тем спас себя. Новый выстрел из пистоля, но пуля угодила в грудь коня. Стражник успел соскочить на землю и выстрелил сам в набегавшего ватажника. Потом быстро выхватил саблю и сцепился со следующим.

В этот момент дверь кареты распахнулась от сильного удара, и наружу вылез среднего роста человек в роскошном наря-

де и коротком парике с косичкой на затылке. В одной руке он сжимал шпагу, в другой — дагу*.

Судя по всему, это был виконт. Лет тридцати, статный, с властным взглядом и надменным лицом. Толпа ватажников его не испугала, сразу видно, бывал в подобных переделках и готов продать жизнь дорого.

Первого ватажника он заколол выпадом в сердце. Второй отлетел в сторону, зажимая пропоротую ногу.

К этому моменту последнего стражника совместными усилиями зарубили, слуга сумел свалить одного ватажника, но и сам лег под колесами кареты. Виконт остался один.

Граф, до этого не лезший вперед, вдруг криком остановил своих людей и шагнул к карете.

— Граф Ридан?! Это твоих рук дело? — Виконт невольно опустил шпагу. — Так это ты организовал налет на меня? Предатель!

Граф засмеялся, взмахнул рукой, заставляя своих людей отойти еще дальше от кареты и оцепить ее.

— Омерг, ты всегда был немного туповат, как и положено верному служаке. Канцлер ценит тебя не только за быструю шпагу и собачью верность, но и за то, что ты выполняешь приказы, не рассуждая. Долго же ты соображал, сомневаясь в очевидном. Твой приятель Кавергир и то раньше допер.

— Подонок! — Виконт вновь поднял шпагу. — Ты еще заплатишь за предательство!

Угроза не возымела должного действия. Граф рассмеялся, широко взмахнул шпагой и сделал шаг вперед.

— В прошлый раз я пощадил себя, послушав прекрасную Делину. Но теперь никто не спасет твою душу.

— Я отправлю тебя в ад, подонок!

Омерг ринулся вперед, нанося сильный удар в грудь противнику. Граф довольно легко отбил его и ответил выпадом в лицо. Клинки, встретив друг друга, вышибли искру.

* длинный кинжал в пару к шпаге; его обычно держат в левой руке.

Завязалась короткая схватка, мало похожая на те, что показывают в фильмах о мушкетерах. Быстрые выпады, глухие вскрики, скрежет клинков, скупые точные движения...

Несмотря на ярость, напор и скорость виконта, граф был сильнее. Он прижал противника к карете, ловким ударом выбил шпагу из его рук и следующим выпадом поразил в сердце. Виконт охнул, прижал ладонь к груди и сполз по дверце вниз.

— Вот и все, — вытер клинок об одежду убитого графа. — Финита.

Повинуясь его кивку, Трибон исчез в карете. Спустя несколько секунд он вылез обратно, держа в руках довольно большой ларец и свиток, перевязанный цветной лентой.

— Отлично! — воскликнул граф. — Не соврали наши друзья.

Он кивком приказал поставить ларец на землю и взял свиток. Разрезав стягивающую ленту, развернул бумагу и пробежал глазами по строчкам.

Лицо, до этого выражавшее радость от победы и вида добычи, стало мрачным. Губы стянуло в узкую полоску, на скулах вспухли желваки.

— Все-таки они добились разрешения на разработку рудников! — рявкнул он. — И заполучили патент на чеканку на своих заводах!..

В ярости разорвав бумагу, граф отбросил клочки и повернулся к своим людям:

— Всех добить! Трупы — в овраг! Трибон, сколько мы потеряли?

Тот торопливо пробежал глазами по толпе ватажников, глянул на лежащие в пыли трупы.

— Троих, господин. И Скин ранен в ногу. Не очень сильно.

— Шевелитесь! Надо уматывать отсюда, пока стража из Трезена или Рутана не понаехала.

Подгоняемые криком графа ватажники резво забегали по дороге, ударами клинков добивая раненых и стаскивая трупы к обочине. Тем временем Ридан сшиб небольшой замок с ларца и открыл крышку. Потом сунул руку внутрь и достал что-то вроде отрезка трубы темно-желтого цвета. Только не полого, а

сплошного. Судя по тому, как держал его граф, тот был довольно увесист.

Ридан повертел отрезок в руке и присвистнул. На лице вновь возникла улыбка.

— Чистое шанальское золото!

Этот возглас слышали все ватажники и, побросав работу, уставились на слиток. В глазах горел алчный огонек, лица светились предчувствием добычи. Граф это заметил, убрал слиток в ларец и скомандовал:

— Чего уставились? Работать! И быстро!

Трибон тут же повторил слова графа и приказал ватажникам по двое таскать трупы в овраг. Бандиты неохотно взялись за убитых, но прежде опорожнили их карманы, не брезгуя залезть и к бывшим товарищам по банде. А потом поволокли трупы к кустарнику.

Близкий треск ломаемых веток вывел меня из задумчивости, в которой я созерцал манящий вид слитка. Теперь моя очередь выходить на сцену. Правда, у противника преимущество: семеро на одного, но мои шансы не так уж и малы...

Когда первая пара ватажников возникла в пяти метрах от меня, неуклюже волоча труп к большой яме, план действий уже был составлен. Вместо эффектного появления на дороге с «ТТ» наготове сделаем финт ушами. Тихий и незаметный.

— Зачем их тащить так далеко? — бухтел впереди недовольный голос бандита. — Бросили бы рядом с дорогой. Все равно никто не заметит.

— Дурак ты, Ланк, — ответил не менее недовольный голос с хрипотцой. — Как был деревенским пастухом, так им и останешься. Слушай, что старшие говорят. А еще — меньше болтай, особенно при графе. Он-то тебе язык быстро укоротит.

Я осторожно шел вдоль едва заметной тропинки. Впереди и чуть левее топала пара похоронщиков, волоча труп и негромко разговаривая. Густые кусты скрывали их от меня, а меня, соответственно, от них. Можно подойти почти вплотную и остаться незамеченным. Идеальное место для внезапного нападения.

Ватажники встали, дорогу им перегородил поваленный ствол дерева. Тащить по нему труп не очень удобно, а поднимать выше — лень. Вот и соображали, как быть.

— Бросим тут.

— Остолоп! Тебе что сказали? В овраг! И вообще заткни пасть, придурок!

Старшему ватажнику самому не хотелось переть ненужное тело, но нарушить приказ Трибона, а тем более графа не хотел. Знал, что может произойти в этом случае.

Пользуясь заминкой, я подошел ближе к ним, встал за спиной старшего ватажника и чуть присел. Ланк, смотревший в другую сторону и скрытый крепким торсом товарища, меня не видел. Пора!..

Левая рука хватается подбородок бандита, дергает вверх и на себя, правая с силой бьет под ключицу. Резкий поворот клинка, режущее движение.

Из рта ватажника вырывается приглушенный хрип, тело сотрясает конвульсия. Его ладонь ловит мою руку, но сил сбросить ее не хватает. Бандит, поддерживаемый мной, падает в траву.

— Может, перекинуть его, а? — спрашивает Ланк и наконец поворачивает голову в сторону товарища. И застывает с открытым ртом.

Перед ним стоит чужак в странной одежде, с окровавленным ножом в руке, а под ногами лежит товарищ с перерезанным горлом. Толкование увиденного только одно — нападение. Но Ланк заторможенно хлопает глазами и икает:

— Э-э... это... што?..

Еще миг — и он очнется. Не давая ему шанс поднять тревогу, я заговорщицки подмигнул, прижал палец ко рту и сделал шаг вперед.

У того челюсть самым натуральным образом отвисает, а руки медленно-медленно ползут к рукоятке сабли.

Выпад. Клинок с хрустом входит в грудь, благо она не закрыта кирасой. Вторая рука хватается ворот замызанной рубашки, рвет на себя, а нож вылетает из груди и бьет вновь, но уже под подбородок.

Второе тело падает в траву к первому. Труп стражника лежит чуть в стороне, дополняя траурную картину. Есть почин...

Следующая пара топает к оврагу. В ближнем ватажнике я узнаю Скину. Он идет чуть прихрамывая и вполголоса ругаясь. Длинная сабля бьет по ноге, мешая шагать.

Труп они не несли, а волокли, не тратя попусту силы. И смотрели только вперед. Когда я выпрыгнул из кустов, ни один не обернулся — шум прыжка был скрыт шорохом травы и веток под телом убитого.

Мощный удар с прыжка каблуком в спину бросил Скину лицом в траву. Он даже не успел вскрикнуть от боли. Тяжелая травма почти гарантирована, таким ударом я ломал позвоночник.

Второй ватажник краем глаза зацепил резкое движение слева от себя и отпрянул в сторону. Но не очень далеко. Нож, описав довольно длинную дугу, вошел ему в горло под кадык.

Проворот, рывок, толчок — ватажник падает замертво, хрипя пробитым горлом и закатывая глаза.

Прыжок к Скину, тот толком не пришел в себя, но шевелился на земле. Видимо, мой удар прошел вскользь. Мощный пинок с набега по голове — Скину бросает на спину. Прыжок коленями на грудь — хруст ломаемых ребер. Левая рука хватается за длинные грязные волосы, правая всаживает нож в глаз.

Я действую на автомате, не задумываясь, не рассуждая. Вбитые тренировками и практикой навыки работают сами, без участия мозга. Сейчас главное — быстро покончить с противниками, ведь на дороге ждут еще трое. А к тем незаметно подойти трудно.

Покончив с ватажниками, вытираю нож и убираю обратно. Теперь очередь огнестрельного оружия.

Граф все стоял у кареты, глядя то на ларец, то на кустарник. Трибон уже подвел ему коня. Шельга успел освободить запряженную в карету лошадь и теперь седлал ее.

— Куда они пропали? — недовольно произнес Ридан. — Решили утащить тела к озеру?

— Я их позову, — с готовностью отозвался Трибон. — Наверное, шарят по карманам.

— Добычи им мало...

Трибон пожал плечами и двинул к кустам. Я вышел ему наперерез и встал у обочины.

Мое появление вызвало у всех шок. Трибон застыл на полпути, глядя на меня как на привидение. Граф вылупил глаза и потащил шпагу из ножен. Шельга от неожиданности едва не выронил седло.

— Ты кто? — рявкнул граф. Он первым пришел в себя.

— Гость студии. — Я сделал шаг вправо, чтобы в секторе стрельбы были все трое. — Посланец короля. Личный повеленный.

Про короля брякнул специально, чтобы сбить с толку и нагнать страху. Однако эффект вышел совершенно обратным.

Граф шагнул вперед, достав наконец шпагу, и недоуменно спросил:

— Короля? Какого короля?

Опа! Короля здесь нет? Интересно.

— Ты из Галлии? Шпион?

— Не важно.

Сбить с толку не вышло, и ладно. Не очень и старался. Пора заканчивать спектакль.

Граф тоже так думал. Взмахнул рукой и приказал:

— Убить!

Трибон и Шельга обнажили клинки и бросились ко мне. Но устраивать чемпионат по фехтованию не входило в мои планы. Не Аберен, чай.

«ТТ» дважды глухо щелкнул, и верные псы графа повалились на землю с дырками в груди. Не спасли кольчуги. Это вам не мушкеты и пистолы. Это, блин, другая эпоха!

Выстрелы и их результаты привели графа в сильное замешательство. Небольшая железяка отправила на тот свет двух людей за две секунды. Чудеса.

Но Ридан отнюдь не был дураком. Он быстро все понял. И видимо, решил, что я где-то раздобыл новый образец пистоля. Лезть на него со шпагой глупо, и он попробовал начать диалог.

— Что тебе надо? Ты кто? На кого работаешь?

Его желание потянуть время и найти выход вполне понятно, но у меня со временем туга. Сам же предупреждал, что скоро будет стража.

Новый выстрел отбросил графа назад с дыркой во лбу. Все, противники закончились. Не желая получить неприятный сюрприз, я проверил трупы ватажников, на всякий случай добил их ножом и пошел к ларцу.

Нежданная добыча составила четыре бруска диаметром почти шесть, а длиной пятнадцать—двадцать сантиметров. Каждый тянул килограмма на два с половиной. Итого десять кило золота. Не знаю, какой пробы, но ясно, что не самой низкой. Вот так сходил в иной мир!..

Шорох у кареты оторвал меня от созерцания золота. Я поднял голову и увидел, что убитый в начале схватки кучер подает признаки жизни. Видимо, его забыли добить, а ранение не было смертельным.

Сейчас он повернулся с бока на спину и замер, прижав руки к животу. Я подошел к нему вплотную, присел и осмотрел рану.

Да-а... Что он не умер сразу — чудо. Свинцовая пуля разворотила бок и зацепила печень. Ливрея и рубашка под ней в черной крови, месиво из внутренностей в кровавых пузырях. С такими ранами не выживали и в наше время, а тут...

Кучер открыл глаза, провел бессмысленным взглядом по сторонам и тихо застонал. Из уголка рта потела тоненькая струйка красного цвета. Все. Отходит.

Я встал, отряхнул штанину и пошел к ларцу. Пора удирать.

Тащить с собой ларец нет смысла, надо найти другую тару. Чтобы не занимала руки и не мешала при переходе. Поразмыслив с минуту, я подошел к ближнему трупу и ножом срезал с него куртку. Повторил операцию со вторым. Потом с третьим. Собрав достаточно ткани и кожи, занялся работой.

Через десять минут у меня была готова тара, внешне напоминающая солдатский сидор*. Две лямки через плечи, две на

* вещмешок.

пояс. Связано крепко, не слетит во время прыжков и бега по коридорам Периметра. Надеюсь...

Собрав золото и прихватив дагу графа, я побежал обратно к усадьбе.

...Ридан знал, о чем говорил. Солдаты некоего герцога уже подъезжали к усадьбе с другой стороны дороги. Я увидел их, когда бежал вдоль забора. И едва успел юркнуть в кустарник, чтобы не попасть на глаза паре всадников, проскакавших мимо забора.

Черт, принесло их не вовремя! Наверное, увидели дым — усадьба добросовестно пылала, выбрасывая столб огня метров на двадцать вверх. Даже с расстояния в полсотни метров ощущался жар пламени.

До заветных развалин склепа шагов сорок, и половина — по открытой местности. А стражники занимали двор, слезая с лошадей и прочесывая его вдоль и поперек. Чего искали?

Командовал отрядом довольно высокий по здешним меркам (средние века — рост человека меньше, чем сейчас) офицер в сине-белой форме, с роскошной шляпой на голове и в украшенной золотой насечкой кирасе.

Повинуясь его приказам, солдаты быстро сновали по двору, мало обращая внимания на пожар. Тушить поздно, а дело делать надо.

Поисковые группы начали с дальнего конца большого двора и должны были соединиться приблизительно там, где сидел я. Что меня совсем не радовало. До цели всего ничего, а бежать напрямую опасно. Промедлив еще немного, я заметил, как две группы идут от деревьев ко мне. Пока меня скрывал кустарник, но еще минута — и чужака заметят.

Плюнув на риск, я рванул вдоль кустов, стараясь не влезать на открытую местность. Добежав до яблони, перевел дух, нырнул в заросли малины, проскочил их и... вылетел на солдата. Тот подходил к склепу с другой стороны, держа в руках мушкет. Увидев меня, вздрогнул, разинул рот, но быстро пришел в себя, вскинул мушкет и нажал на спусковой крючок.

Выстрел из такого ружья происходит не сразу после нажатия, а через секунду. Сначала удар курка выбивает искру из

кремня, та поджигает порох на полке, а тот уж инициирует порох в казенной части. Тот, сгорая, выталкивает пыж и пулю из ствола.

В общем, процесс долгий по сравнению с выстрелом из пистолета.

Я успел упасть на землю, выстрелить сам и откатиться в сторону. Бабахнуло! Облако дымного пороха окутало падающее тело солдата и пошло вверх, подгоняемое ветерком.

На звук выстрела среагировали другие, раздалась отрывистая команда, и дружно затопали тяжелые сапоги.

Не став ждать их прибытия, я нырнул в развалины skle-па, слетел по ступенькам вниз, едва не подвернув ногу, и рванул на себя дверь. Здравствуй, долгожданный Периметр! Потанцуем?..

Тонкая ледяная струя из стеклянной колбы заморозки охлаждала кожу и снимала боль с травмированной голени, покрытой синяками и ссадинами. Потом струя перешла выше и заморозила колено. На этом запас в колбе иссяк, и я отложил ее в сторону. Встал перед зеркалом и внимательно осмотрел себя. Лечение завершено.

Убрав аптечку, осторожно доковылял до кухни и забрал из холодильника бутылку кваса. Потом сел в кресло, откинулся назад и с наслаждением сделал первый глоток.

Уф-ф!.. Вот я и дома! Вояж в иной мир позади.

...На обратном пути Периметр меня щадил. В его понимании этого слова, конечно. Летели кирпичи в голову, горели обои на стенах одной из комнат, падала мебель, норовя зацепить непрошеного гостя. Но как-то вяло. Редко. словно не надеясь достать меня всерьез. Или я начал привыкать к заморочкам Периметра и предугадывал, когда и что произойдет, и успевал среагировать раньше?..

Так или иначе, но домой я вернулся не сильно побитым и без потерь. Только под конец налетел на завал из бетонных плит и ушиб колено и голень левой ноги. Больно, но терпимо. Не впервой.

Сделав еще глоток, поставил бутылку на столик, разрезал намертво затянутые завязки на самодельном мешке и достал золотые слитки. Вот она — добыча! Нежданная, случайная и от того вдвойне дорогая. Десять килограммов триста граммов. Четыре бруска — заготовки для монет. Их везли хозяину сгоревшей усадьбы вместе с патентом, разрешающим чеканку денег. Но хозяина убили, а золото попало ко мне.

Я бросил брусок к остальным и вновь взял бутылку.

«А если бы победу одержал виконт? Что бы сделал тогда?» — вдруг пришла в голову мысль. И как показалось, не моя. Словно кто-то задал вопрос, используя телепатию.

Подобный фокус мы проходили, когда после контузии был провал памяти и на месте Артура Томилина возник Нэд. Но тогда работало подсознание. А сейчас? Еще одна загадка? Слишком много для одного человека...

«А тогда бы я ушел, — так же мысленно ответил я неведомо кому. — Красть у хозяев нельзя. А у бандитов можно...»

Удовлетворил или нет такой ответ неведомого собеседника, но больше вопросов никто не задавал.

Я все смотрел на золото, прикидывая, как и когда переправить его за границу и кого попросить провести оценку. А потом мысли вдруг свернули в другую сторону.

Передо мной лежал десяток кило драгоценного металла, добытого в течение нескольких часов. Вероятность попадания в то место и в то время равна одной тысячной. Но я оказался там вовремя и получил приз. За успешный проход Периметра, за случайную удачу, за смелость... за наглость.

А если прогуляться еще раз? Или десять? Или сто?..

Периметр способен не только выбросить в иной мир, но и вернуть обратно. Значит, при некотором везении можно попасть в нужный момент и нужное место. И получить небольшой приз за риск. Возможно, добыча не будет лежать прямо у дверей Периметра, возможно, ее придется поискать...

Что ж, можно и поискать. Золото того стоит. Пусть оно не самое качественное, пусть его будет немного, но это — золото! Сотня кэгэ — и ты обеспечен на всю жизнь! Чем не заработок?

Во всяком случае, иного пока у нас нет. И когда будет — неизвестно...

До конца дня я раз пять звонил парням, но к телефону никто не подходил. Куда-то уехали. Наверное, решали вопросы с трудоустройством. Или махнули в турпоход.

Сделав контрольный звонок и опять не застав никого, я оставил на автоответчике сообщение определенного содержания, чтобы сразу вышли на связь, и стал продумывать порядок действий.

Следовало выяснить, как работает Периметр, способен ли забросить в тот же мир или будет какой-то другой. Не выйдет ли опять, что он выведет меня сразу к добыче? Ну и наконец, какие еще фокусы может показать Периметр, чего от него ждать.

Допив квас, я встал, слегка прихрамывая, прошел взад-вперед, оценивая ощущения, и сделал вывод: «Пару дней без нагрузок. Прежде чем лезть туда, надо выздороветь. Хромому в коридорах Периметра делать нечего...»

...Рука легонько скользила вдоль теплого бедра, продвигаясь от колена к внутренней части бедра, иногда делая вращательные движения и поглаживания.

— Арту-ур! — Капризный голосок звучал глухо и заигрывающе. — Прекрати.

Рука продолжала движение, подходя все ближе к цели. Пальцы уже дошли до мягкого пушка и тронули влажную мякоть между ног.

— Ну, Артурчик... Хватит. Я устала...

Рука уверенно легла на искомое, и пальцы начали медленное проникновение внутрь, массируя и поглаживая влажную сочную воронку. Плоть чутко отреагировала на касание, внутренние мышцы напряглись, сжав палец, и тут же отпустили.

Над ухом возбужденно засопели, всхлипнули и протяжно прошептали:

— Ар... турчик!.. Что ты делаешь?! Что ты...

Мои губы накрыли горячие уста, тронули юркий язык, слегка сжали его. Потом перешли дальше, к уху. Шепот

пропал, сменился стоном. Тот перерос в страстный полувздох.

На этом этапе разговоры прекратились, и мы перешли к активной стадии...

Утром Нина надолго исчезла в ванной. Я успел приготовить завтрак, сделать пару звонков и посмотреть выпуск новостей. Новости были одни — страна готовилась к выборам президента. Шоу предстояло еще то...

Когда подружка вышла из ванной, обмотанная полотенцем с мокрыми волосами, в растоптанных шлепанцах, я не смог сдержать улыбки. Очень уж не шло сердитое выражение лица к ее домашнему виду.

— С легким паром, леди.

Она фыркнула, дернула головой, отчего грива перелетела с левой стороны на правую, и модельной походкой продефилировала мимо моего кресла. Села на диване, закинула ногу за ногу и окатила меня недовольным взглядом.

— Как самочувствие? Выспалась?

— Хотела, но не дали.

— Жаль.

— У меня там все болит. Ты как с цепи сорвался!

— Извини, малышка, — с трудом сдержал я улыбку. — Не удержал себя в руках. Длительное воздержание не идет на пользу хладнокровию.

Нина невольно дернула уголок губ, скрывая улыбку, саркастически хмыкнула:

— И сколько длилось воздержание? Три дня? Или четыре?

— Не помню. Много.

Нина встала, подошла ко мне, чмокнула в щеку и прошептала на ухо:

— Придется отдохнуть еще неделю. Пока у меня минует неприкосновенный период. Или найди себе другую.

«Естественно, — едва не произнес вслух я. — Не стоит ограничивать себя одним вариантом».

Нина ушла в другую комнату одеваться, а я досмотрел телевизор и пошел в ванную сам. Отдых и восстановление сил подошли к концу. Впереди — работа...

Последний день перед третьим проходом я посвятил подготовке. Проверял амунизию и снаряжение, дозакупал необходимое, проверял обстановку вокруг заброшенного дома. Так, на всякий случай. И хотя опыт говорил, что туда никто не сунется, но лишний раз посмотреть не было лишним.

Во время последней прогулки произошла мимолетная встреча с Генкой. Я встретил его возле рынка, где брал фрукты. Заметил его, когда он уже подошел вплотную, и отойти в сторону не успел.

Генка тоже не ожидал меня увидеть. Растерянно хлопал ресницами и смотрел, как на мираж. Разговор вышел сумбурным и скомканным.

Он рассказал, что Наташка первые дни была не в себе, плакала. Потом замкнулась, вечерами сидела дома. Потом немного отошла. Привыкла. Звонить мне не позволяла гордость. И обиды.

Мой внезапный уход всех озадачил. Думали — я вспылил и отойду. Потом поняли, что это окончательно. Поняла и Наташка.

— А ты... больше не хочешь ее видеть? — вдруг спросил он, виновато глядя на меня. — Совсем?

— Слышал такую поговорку: уходя — уходи?

— Н-нет...

— Запомни... и расскажи своим. Дважды в одну реку не входят.

Не понять явный намек сложно, а Генка не дурак. Сообщил. И снова захлопал ресницами. На этом мы и разошлись.

«Все мои романы имеют одну общую черту, — думал я, выходя с рынка. — Они крайне непродолжительны. И вряд ли причина в девчонках. Видимо, я сам не готов к серьезным отношениям. Да и образ жизни явно не способствует изменению ситуации. Так что не будем спешить. Все придет само... или не придет...»

Багровый диск солнца еще начинал падение за крыши домов, а на улицах и площадях уже загорались многочисленные огни, добавляя к слабеющим лучам светила свой свет.

К многоголосому гомону дня присоединялись звуки музыки. Она шла из колонок, выставленных прямо на асфальт. Шла из окон проезжавших машин, из магнитофонов и радиоприемников, игравших в домах.

Наступала праздничная ночь. С дискотеками под открытым небом, гулянками, пьянками, танцами и прочими мероприятиями, запланированными официально и возникшими стихийно.

Праздник... Его не планировали изначально, не вставляли в годовой график торжеств и не готовили как всегосударственный. И конечно, не отмечали бы, если бы не одно НО. Именно НО. С большой буквы.

Если бы не выборы президента. Мероприятия, ставшего привычным в России за последние пять лет. События, которого ждали четыре года. Балагана, спланированного и осуществленного на государственные деньги, а точнее, на деньги, вытщенные из кармана народа. И для народа. По крайней мере именно так утверждали с экранов телевизоров, вещали по радио, расписывали в газетах.

Это так называется в России — выборы. Легитимные — еще добавляют по ТВ. Волеизъявление народа, обязательно вставляют политтехнологи. Политтехнологи — это не ругательство такое, это название профессии. Вроде как специалист по промыванию мозгов и созданию мнения. Нужного мнения. Кому нужного, и так понятно. Уж не народу точно.

Там, под звездами Кремля, дальновидные деятели просчитали очевидное — сидящий в палатах белокаменных старик нужного количества голосов сам не наберет. Поэтому надо врубить все рычаги и добиться! Нужного результата.

Помимо прямого подлога при подсчете были задействованы все возможные ресурсы. Реклама, лозунги, подкуп электората. Это тоже не ругательство, как официально разьясняют. Это нас с вами так величают... ну, чтобы уж не говорить истинное название. Оно как вроде не больно и цензурное.

Так вот наряду с прочими способами и методами использовали старый как институт демократии вариант: «хлеба и зрелищ».

Посему и цены на продукты не так сильно росли, и вроде как зарплату за прошлый год выдали... частично... и не всем.

А чтобы народ, который уже давно электорат, и вовсе позабыл о проблемах насущных, устроили целый марафон. Концерты эстрадных звезд, юмористов, куплетистов и прочих популярных личностей. Тех, у кого брезгливости поменьше, а в кармане пусто.

На одном таком, как говорили, даже действующий президент плясал. А за кулисами ждали бригады реанимации, чтобы успеть спасти того. Потому как здоровье, подорванное в боях за демократию, шалило очень сильно.

Словом, череда праздников докатилась и до Рязани. Все дискотеки работали до утра, рестораны, кафе, бары, кабаки — чуть ли не круглосуточно. Вино и водка лились рекой. Музыка грохотала с заката и до рассвета.

Молодежь оттягивалась по полной. Да и не только молодежь, гуляли все. Кто хотел и кто мог. Деньги тоже текли рекой. Иногда и кровь. Без последнего ни один праздник не обходится.

...Я неторопливо брел по улице, глядя по сторонам. Всюду шумные компании, крики, смех, свист. Отовсюду музыка, в небе разноцветные фейерверки, по редким облакам скачут лучи лазерного шоу.

Какая бы ни была причина праздника, все равно человек гуляет. Настроение хорошее, веселье переполняет душу, хочется петь и танцевать. Что многие и делали прямо на улицах.

Я шел к зданию, наслаждаясь свежим воздухом, слушая музыку и глядя на стремительно темнеющее небо. Шел, оценивая свое состояние. И настрой. Иначе говоря, проверял готовность к работе.

Состояние было отличным. Немногочисленные раны успели затянуться, причем в срок, явно выходящий за рамки обычного. То есть очень быстро. Все синяки, ссадины, царапины, растяжения зажили за четыре дня. Организм, зараженный излучением Ворот, восстанавливал себя в самые короткие сроки.

Настрой тоже в пределах нормы. Готов поработать, поиграть с Периметром в кошки-мышки. Хотя в глубине души щемило. Как ни крути, но топал я на верную смерть. Пусть и был шанс уцелеть, и шанс неплохой, но...

Вот это «но» и давило. Не так чтобы очень, в пределах нормы.

Дойдя до перекрестка, я на минуту замер на месте, глядя на людей и слегка завидуя их улыбкам, смеху, веселью, беззаботности. Потом поднял голову вверх. Там сполохи салюта на короткий миг разгоняли черноту и гасли, стремительно падая вниз.

— Артур! Ты? — раздался за спиной удивленный голос.

Я повернулся. В двух шагах от меня стоял Юрка, а за ним двое незнакомых парней и три девчонки.

— Точно ты. Привет.

— Здорово, — пожал я ему руку. — Гуляете?

— Ага. На дискотеку идем. На Соборной скоро начнется.

А ты что?

— Тоже... прогуливаюсь. Как у вас дела?

— Нормально. Работаем понемногу. Шеф решил проверить, чему мы научились, и гоняет по заданиям...

Он подмигнул, давая понять, что за задания им поручает шеф, кивнул на друзей.

— А сегодня выходной. Вот и решили отдохнуть. Слушай, давай с нами. Ты все равно один, а?

Я улыбнулся, кинул взгляд ему за спину. Девчонки симпатичные, общительные, веселые. Готовы пить и танцевать до упаду. Парни уже навеселе, причем неплохо навеселе.

— Благодарю! К сожалению, у меня дела.

— Жаль, — искренне огорчился Юрка. — Отдохнули бы классно. Нас там остальные ждут, есть нормальные девчонки, они не против приятно провести время. Хотели за город, в Солотчу, потом поехать...

— Идея заманчивая, — улыбнулся я. — Правда жаль, но не могу.

— Ну ладно, — вздохнул Юрка. — Тогда в следующий раз. И поговорим заодно.

— Да. В следующий раз. Если живым останусь, — добавил я совсем тихо. Под нос.

Юрка махнул рукой, и вся компания двинула дальше. Посмотрев им вслед, я вытер взмокший лоб и свернул налево. К темневшим вдали коробкам зданий.

«Голову в петлю в третий раз. Хорошее развлечение на досуге. Мозги точно работают в ином режиме... — текли мысли своим ходом, пока я подходил к зданию, пока при свете фонарика искал тайник и обряжался перед дорогой. — Эта мутация полностью переключила меня в новый режим. То, что раньше выглядело невероятным, странным, ужасным, неприемлемым, сейчас стало обыденным. В логово инопланетного лабиринта смерти — пожалуйста. Начать охоту за добычей — на здоровье... Какие еще ограничения снимет с меня Периметр? Затронет он только вопросы перестройки организма или дойдет до души?»

Последняя мысль не понравилась. Изменить свое тело с тем, чтобы оно стало более совершенным, я не против. Но поменять душу, нрав, подменить совесть... Это перебор.

«Хотя... Если человек не хочет, вряд ли какая машина его заставит. Тут уж все зависит от него...»

Покончив с амуницией и снаряжением, придирчиво все проверил, попрыгал, устранил недостатки, попрыгал опять. Норма. Можно топать.

Не спеша, поглядывая по сторонам, спустился к двери. Глубоко вдохнул и выдохнул воздух, опустил голову и тронул ручку. Дверь плавно, бесшумно пошла на меня.

Глаза сразу схватили все помещение, вычленили предметы, сосчитали их и оценили с точки зрения опасности. Возле второй двери низкий журнальный столик. Очень старый, с потрескавшимся лаком, с ободранными ножками и выемкой на торце.

На столике лампа с зеленым абажуром. Ровесница столика, краска давно облетела, уцелела только по краям. Лампочка ватт на шестьдесят. Свет тусклый, но его вполне хватает, чтобы осветить помещение.

Больше ничего. Стены выкрашены в грязно-белый цвет, потолок побелен. Тоже невесть когда.

Тишина. Полная, мертвая. Ни стука моих шагов, ни шороха, ни звука. По идее, это должно давить на нервы. Но пока не давит. Привык.

Не упуская из виду столик и лампу, иду к двери, успевая бросить взгляд назад. Как и следовало ожидать, первая дверь закрыта. Хотя я ее специально не закрывал. Периметр начал игру...

Странно, но помещение выпустило меня с миром. Это становится традицией. Привычный интерьер, тишина и никаких атак.

Сразу за комнатой длинный узкий коридор с невысоким потолком и целым комплексом труб. Они шли над головой, шли справа и кое-где слева. Тонкие, толстые, обмотанные защитой и голые. Горячие и холодные.

И опять тишина. Падают капли на пол, сдвигают ботинки мелкий сор, но ни звука.

Кирпичные стены — источник угрозы. Потолок бетонный, но плиты потрескавшиеся, на месте швов широкие дыры. Может и упасть...

В тусклом свете редких лампочек, что висят под потолком, не виден противоположный конец коридора. Я ускоряю шаг, начиная танцевать — из стороны в сторону, — когда от боковой трубы откалывается увесистый кусок и летит мне в шею. Без звука!

Нырок. Глаза успевают заметить старт второго куска, но тело опаздывает, и он прилетает мне чуть ниже колена. Удар!

Сжав зубы, я бегу вперед, переживая резкую боль. Попало как раз в то место, где заканчивается щиток. Снайпер, блин!

Еще два куска срываются с места. Один летит в живот, второй в ноги. Кульбит из разряда цирковых, с ударом плеча о пол и клацаньем зубов. Оба куска проходят мимо, но второй слегка касается ботинка. Не в счет!..

А вот и конец коридора. Узкая арка с оббитыми краями. Я забегая в нее и вижу впереди новый коридор. Приблизительно такой же длины, что и прежний. Труб нет, мебели нет,

ничего нет. Одна лампа под потолком висит на проводах. Кстати, потолок кирпичный. Тихо.

Потирая ушибленное место, топаю дальше, продолжая наблюдение. За всем сразу. И успеваю отметить падение двух кирпичей с потолка. На хорошей скорости.

Уклон, прыжок, уклон. Ушел?

От этих да, от остальных нет. В плохо освещенном коридоре в полной тишине безо всякой причины начинается кирпичепад. В очень большом количестве. И все норовят угодить по мне.

Никакие уклоны не спасают. Я прячу голову в плечи, сгибаю корпус и закрываюсь руками. И бегом, зигзагами, с частой сменой направления.

Первый кирпич прилетает мне на локоть, второй на запястье, третий по касательной задевает плечо. Еще один по ноге, а один находит лазейку и бьет возле макушки. Ёп!

Кирпичи падают на бетонный пол, разлетаются на части, небольшие куски летят во все стороны. Я бегу по этому крошеву, задевая осколки, расталкивая их, отменяя подошвой. И все без звука! В тишине.

Слышен только мой мат, когда очередной кирпич находит цель. Пятый, шестой... седьмой... Перебор. В дверь я влетаю со всего маху и по инерции проскакиваю пару метров.

Комната. Светлая, просторная. Мебели ноль, в центре лестница, уходящая вниз. И никаких дверей. Путь ясен и прост. Вперед.

Руки, плечи, спину и ноги ломит от ударов. По шее течет тонкий теплый ручеек. Успел рассадить кожу. Надеюсь, не сильно. Кривя губы от «приятных» ощущений, делаю первый шаг на ступеньку. И последний. Потому что лестница разом уходит вниз. Целиком.

Вообще-то то, что я сделал дальше, — заслуга не моя. Может, подсознание, может, еще кто. Или что. Но тем не менее. Интуитивно определив расстояние до земли (а может, бетона или дерева), я в последний миг оттолкнулся от ступеньки и прыгнул в сторону. В результате уменьшил скорость падения

и вместо того, чтобы получить серьезную травму от удара, только подвернул ногу. Слегка.

Кроме того, фонарик приказал долго жить. Когда попробовал его включить, лампочка не загорелась. Выяснить, что там за поломка, некогда, я отбросил его и глянул по сторонам.

После яркого света наверху здесь довольно темно. Вокруг кирпичные стены, ни одной двери. Взгляд наверх — до проема лестницы не достать. Высота метра четыре. С половиной.

Я вскочил на ноги и только сделал первые шаги, когда наверху что-то зашипело. Прыжок в сторону, глаза шарят по потолку. Неужели опять кирпичи полетят? Как они меня достали!

Но источник шипения оказался иным. У края проема лежал обычный газовый баллон. И из его обычного вентиля вырывалась белесая струя газа.

В горле вдруг запершило, нос обожгло какой-то дрянью. Отрав!

Я зажал нос руками, прикрыл глаза и рванул к стене, надеясь отыскать скрытую дверь. Одна стена, вторая, третья... Ничего. И четвертая без проемов. Ловушка!

В глазах потемнело. Это был конец. Еще минута-вторая, и воздух в легких закончится. Я потеряю сознание и вдохну отраву. Или не вдохну, но тогда подохну от удушья. Именно подохну, как попавший в ловушку идиот!

Шипение усилилось, видимо, газ пошел быстрее. Горло немилосердно саднило, на глазах выступили слезы. Что это за газ?..

«Прыгнуть вверх? Не достану. Тем более прямо под проемом остатки лестницы. Нет места для разбега. По стене? Как? Что еще?..»

Бешеная скачка мыслей, просеивание вариантов, поиск путей... без толку! Хана!

Запас воздуха подходил к концу, а я не знал, что делать. Подышать не хотелось отчаянно, но выхода не видно. Нет выхода!

Пожалуй, впервые с момента первого прохода через Периметр я пожалел о том, что вообще его нашел. Жаль, что так поздно...

А газ все шел, заполняя помещение и доводя концентрацию отравы до максимума. Еще секунд сорок, от силы пятьдесят. Я свои силы знаю, не раз подсчитывал, сколько могу без воздуха в спокойном состоянии и при активном движении.

В голове вдруг возникли сразу две идеи. Одна — бредовая, что газ безвреден. Вторая — вообще дикая. Но если нет иного...

С короткого разбега со всей дури я врезался плечом в дальнюю стену. Та стояла намертво. Вторая стена. Разбег, удар... Никакого эффекта. Третья...

Есть! Есть, мать вашу! Дрогнули кирпичики! Есть слабина. Ну, последний шанс!

В глазах уже темно, в ушах стук молотков, сердце рвется из груди, легкие почти пусты. Сил только на один рывок. Ну!..

Что-то щелкнуло в голове, горячая волна ударила по конечностям, опалила мышцы и прошла по позвоночнику. Словно ниоткуда пришла мощь. И осознание своей мощи и злости.

Я стартанул от противоположной стены и побил рекорд на сверхкоротких дистанциях. Летящий снаряд весом девяносто пять килограммов врезался в кирпичную кладку.

Стена дрогнула, подалась, пошла вперед. Целый проем рухнул мне под ноги, разбрасывая вокруг сотни осколков.

На последних запасах воздуха, толком не видя ничего вокруг, я вломился в дверь, которая возникла буквально ниоткуда, и, почти теряя сознание, закрыл ее за собой.

Вдох!

Сил хватило, чтобы встать на четвереньки и глянуть по сторонам. Отметить потенциальную угрозу и успеть как-то среагировать на нее. Например, закрыть глаза.

Что такое отходняк после небольшой асфиксии*, я знал по тренировкам. Бледность, слабость, дрожь всех мышц... Но сейчас накатило раза в три сильнее. Реши Периметр меня завалить прямо здесь, ему достаточно было малого усилия.

* удушье.

Но местный хозяин ждал, пока я отдохну. Не спешил. Немного придя в себя, я встал на ноги и потопал вперед, уже машинально вычерчивая зигзаги.

Но финтил недолго. Деревянный пол под ногами вдруг просто исчез. Весь и разом. Почти как та лестница. И я ухнул вниз. На этот раз отталкиваться было не от чего, ноги не встретили никакой опоры.

Приземлился на какие-то угловатые предметы, одна нога соскользнула вниз, инерция бросила влево, и я со всего маху упал на пол, здорово приложившись затылком и плечом.

В ушах зазвенело, боль стеганула вдоль спины. Проклятый Периметр решил меня доконать! Не мытьем, так катаньем.

— Сука! — Я вскочил на ноги, заскрежетал зубами, чувствуя, как левая часть тела горит огнем. Впрочем, не только левая. Мне здорово досталось. Не помогла и защита.

Осмотреть себя я не мог. Слабый, очень слабый лучик света шел сверху, а впереди была крошечная тьма. Веяло свежим воздухом с примесью чего-то мерзкого, гадостного.

Левый щиток на руке раскололся и больше мешал, чем защищал. Я сбросил его под ноги, проверил второй. Тот вроде цел. На ногах тоже.

Коридор. Похоже, очень длинный. Темный. Шириной метров шесть, высотой... больше трех. Ничего не видно, ничего не слышно. Какие сюрпризы подстерегают здесь?

Голова вжата в плечи, корпус согнут, руки прикрывают верх тела. Защитная стойка от ударов, идущих со всех сторон. Вот-вот долбанет. Нервы взвинчены, уши ловят малейший звук, тело готово отреагировать на любую опасность.

Что за место? Что за игры? Раньше такого не было. Новый фокус Периметра?..

Сзади вдруг послышались мерные шаги. Тяжелые, неторопливые, уверенные. Пол под ногами ощутимо подрагивал в такт, словно сзади шло нечто, по габаритам превосходящее слона раза в два.

Раньше никого живого в Периметре не было. Новинка? Чтобы добить наверняка?

Я ускорил темп, изредка поглядывая назад. Но в такой темноте обнаружить хоть что-то нереально. А шаги все ближе. И теперь к ним добавилось прерывистое дыхание. Так может дышать паровоз. Тяжело, с надсадным хрипом и присвистом. Очень большой паровоз...

К стене? Бегом? Замереть?

Шаги уже рядом. Я чувствую многотонную массу, готовую раздавить меня со всеми потрохами. И никакая подготовка не поможет, как не помогает она при завалах. Черт, что там идет?

Слева в стене вдруг возник пролом. Длиной метра три и шириной около метра. Прямоугольник с неровными краями был совсем немного светлее, чем вся стена, и от него явно несло свежестью. Выход? Не факт. Может, новая ловушка?

Шаги уже буквально за спиной, топают так же размеренно и неотвратно. Хрип все сильнее, дрожит не только пол, но и стены. Ладно, что бы ни было за проломом, здесь мне точно хана!

Прыжок в пролом, группировка, ожидание удара, падение...

Я рухнул на землю, тут же вскочил, глянул по сторонам. Вокруг такая же темень, а над головой небо. Черное небо с мириадами звездочек. И никакой луны. Где я?

Созвездия сплошь незнакомые. Слишком яркие, слишком большие, мерцающие и неподвижные. Неужели меня выбросило в иной мир?

Стена коридора рядом, в одном шаге. Пролом плохо различим. Но он хоть рядом. Не рискуя стоять на месте, я пошел вдоль стены, ломая глаза в тщетной попытке рассмотреть окрестности.

Пролом оказался гораздо длиннее, чем я думал. Где-то чуть шире, где-то чуть уже. Какой же длины коридор? И коридор ли это вообще?

Что-то с визгом пролетело над головой. Неприятный звук ударил по ушам, по коже пошли мурашки. Атака? Черт, ни хрена не видно! Что там?

Я припал к земле, тщетно вглядываясь в темень, потом вскочил и прибавил шаг. Доконает меня сегодня Периметр своими шутками...

Новый визг, сильнее прежнего. И еще один. И еще... Стая визжащих монстров? Какой-то аппарат?

За спиной метрах в трех вдруг ударило в землю с такой силой, что под ногами загудело. Этого было с избытком. Понимая, что следующий удар может попасть по мне, я рыбкой нырнул обратно в пролом. Хотя что здесь смерть, что там...

Встал легко, но в ногах и спине это движение отдалось болью. Не очень сильной, но вполне ощущаемой. И опять голова делает полуоборот, отыскивая источник угрозы. И уши ловят топот. А его нет. Зато впереди, метрах в тридцати, слабое свечение. Пошли.

По спине опять пробежал теплый ручеек, липкий уж больно. Явно не пот. Зацепило где-то, и неплохо, раз кровь течет постоянно. Ладно, перетерпим.

Круг света стал более отчетливым, я даже различил что-то блестящее, вроде столбика. Подставка? Столб?

И в этот момент впереди вдруг возникли два зеленых огонька. Где-то на уровне моей головы. Очень уж они похожи на глаза. Только не человеческие. Кто у нас из зверей в рост человека и ходит на двух ногах? Медведь. Или это идет на четырех?

Прыгать больше некуда, пролом позади, а бежать назад было лень. Хоть кто пусть идет. Или я его, или оно меня.

Вытащив нож, сжал его в правой руке и пошел вперед, забирая влево, чтобы обезопасить фланг. Пусть нападет спереди...

Огоньки, помигав еще несколько секунд, плавно полетели вперед. Конечно, в полной тишине. Ближе, ближе...

Когда до них осталось метра три, я резко скакнул в сторону, приседая и убирая голову в плечи.

Шар-рх-х!

С легким скрежетом огоньки миновали меня и, не снижая скорости, улетели прочь. В глубь коридора.

Фу-у-у!.. Аж испарина пробила. Вместо неведомого зверя меня атаковала пара светлячков, способных летать с нереально большой скоростью. Периметр так шутит.

Вытерев лоб, я прибавил шагу и через несколько секунд стоял в неровном круге света и смотрел наверх. Очередной пролом в потолке, почти круглый. До потолка около пяти метров.

От пола наверх вели две металлические жерди диаметром сантиметров по пять. Гибкие, холодные на ощупь и не внушавшие никакого доверия. По опыту знал — или сломаются, или будут под током.

Впрочем, иного пути из коридора нет. Топать обратно без толку, пусть даже там и нет никого. Обратной дороги в Периметре не существует — это я знал четко. А посему...

Плечи ощутимо болели при каждом резком движении, левая нога плохо сгибается, на голени наверняка синяк размером с ладонь. Хоть кость уцелела. Впрочем, ноги не нужны, пока есть силы подтягиваться на руках.

Подтягивание шло нормально метра три с половиной. Но как только я сделал очередной рывок, раздался легкий металлический треск, и жердь лопнула. Место обрыва было прямо перед глазами.

Я ждал чего-то подобного и успел сгруппироваться, правильно упасть и не ушибить себе ничего. Но едва ноги коснулись пола, сверху полетела вторая часть жерди. С некоторым ускорением.

Подобное я опять же предвидел, но на этот раз Периметр учел поправку на мою резвость и буквально выстрелил отрезком жерди. Стальной обрубок длиной не менее трех метров пошел на приличной скорости, по пути разлетаясь на несколько частей. Большинство пролетели мимо, но одна финишировала на руке.

Повезло. Во-первых, обрубок шел боком, а не острием, во-вторых — угодил по касательной. И все равно боль ожгла многострадальные руки. Наверное, железка попала по ране.

— Да ты задолбал!.. — выдал я в припадке ярости и почти с разбегу запрыгнул на вторую жердь.

Если она рухнет, я буду заперт в коридоре. Периметр предусмотрительно разбил остатки жерди на части, чтобы их нельзя было использовать. Так что финита!..

Злость, ненависть, боль придавали мне сил. По жерди я буквально летел, уже не обращая внимания на опасность упасть вниз. Лишь бы влезть! Лишь бы покинуть коридор!..

На этот раз повезло. Жердина все же лопнула, но несколько позднее, чем следовало. Я успел схватиться одной рукой за край пролома и вытянуть тело наверх. А потом и отбежать в сторону.

Помещение оказалось совсем крохотным, под потолком две лампочки, слева дверь. Есть! Есть выход. Настроение пошло вверх. И даже синхронный взрыв обеих лампочек не испортил его. И пусть пара горячих осколков угодила по спине, но это мелочи.

Рывок двери на себя, шаг вперед и быстрый взгляд по сторонам. Комната. Размеры средние, потолок метра три. Пусто. Кроме большого сейфа с левой стороны, ничего. На противоположном конце две двери. Выход? Похоже. Только я сейчас выберу не левую, а правую дверь. Потому что в таком состоянии идти в иной мир может только самоубийца. Я и так едва стою на ногах. Голова, плечи, спина, руки, ноги... Легче называть, что не травмировано...

За спиной вдруг раздался сильный удар. Я инстинктивно отскочил и только потом сообразил — что-то упало в той комнате. Тяжелое, аж дверь задрожала.

Ощутимо прихрамывая и шипя сквозь зубы, заковылял к дверям, опасливо поглядывая на сейф. Если эта шутка полетит и даже по касательной попадет по мне — хана. Стальная чушка весом под три сотни кгэ пришибет наверняка.

Я миновал половину комнаты, когда раздался очень громкий скрежет и визг, а затем потолок с правой стороны вдруг рухнул на пол. А за ним полетел всякий хлам. Железные трубы, уголки, кирпичи, бетонные блоки... Меньше чем за минуту навалило приличную гору в человеческий рост.

За всем этим великолепием я наблюдал, сидя в двух шагах от сейфа. И чем больше наваливало хлама, тем больше я по-

нимал — сейчас все это полетит в меня. Периметр решил доконать удачливого гостя и подготовил целый арсенал метательного оружия. Как, например, вот тот кусок бетона с торчащей в разные стороны арматурой. Или вон тот металлический уголок около метра длиной.

Прыгать, скакать, уворачиваться глупо. Особенно если все полетит одновременно.

— Что, сука, решил добить? — вслух сказал я, вставая в полный рост. — Надоело ждать?..

Поведение не самое умное, но стыдно мне уже не будет. Не успеет заесть стыд...

Я ждал старта этой кучи, прикидывая, есть ли хоть какой-то шанс, когда сзади тоже нехило треснуло. Отскочив в сторону, взглянул на источник шума и остолбенел.

На этот раз падала вся стена. Вся! Нехотя, словно в замедленной съемке, роняя куски побелки и штукатурки.

Бежать некуда, до дверей далеко, позади завал, стена как раз упадет на его край. Удержать огромный кусок бетона невозможно...

А дальше был подвиг. В прямом смысле слова — подвиг. То есть подвигание. Если точнее — опрокидывание. Но тоже героическое.

В одно мгновение я оказался у сейфа и с разбегу, со всей силы, что еще была в израненном теле, с помощью заряда ярости опрокинул тяжелый прямоугольник на бок и упал рядом, прикрыв голову руками.

Ухнуло! Стена со всего маху упала вниз, скрежетнула по куче хлама и с громким треском разломилась пополам.

Сейф, поваленный вперед, образовал возле себя мертвую зону высотой около семидесяти сантиметров и тем самым дал мне укрытие.

В лицо дохнуло свежим воздухом, в уши ворвался сонм звуков. Музыка, крики, грохот салюта, рев моторов. Я открыл глаза и увидел привычный городской пейзаж, который покинул около часа назад. И что удивительно, наблюдал его с высоты второго этажа. Лежа на краю комнаты. Стена упала, зак-

рыв собой обе двери, но отворив новый выход. Внизу земля, дальше густой кустарник и деревья.

Неужели все? Или Периметр забросил меня в иной мир? Уходить или нет?

Выручила знакомая музыка. Попса. Такую дрянь только у нас могут петь. А потом в какофонию звуков вклинилось радио.

«...Московское время двадцать три часа сорок пять минут. На улице отличная погода, и в эту замечательную ночь мы дарим вам...»

«Дома...» — мелькнула мысль. Я повис на руках, пытаюсь разглядеть, что внизу, и прыгнул.

Сразу упал на бок, не рискуя опираться на больную ногу. Встал, глотнул свежего воздуха и произнес вслух то, о чем подумал перед прыжком:

— Дома...

И сразу почувствовал боль во всем теле. Тронул лицо, провел рукой по затылку. Пальцы ощутили кровь на волосах и шее. А еще на ноге и плече. Одежда в клочья, щиток на левой руке вдребезги, кроссовок порван...

Фигня! Это мелочи. Главное — жив.

Непослушными пальцами достал аптечку — небольшой прямоугольник из прочной пластмассы — и открыл его. Достал тюбик промедола, снял колпачок, выдавил тонкую струйку лекарства и всадил иглу в ногу.

Мне еще ковылять до дома, так что силы пригодятся. Главное — не попасть никому на глаза, и особенно милиции. В таком виде как раз к ним загреметь не хватает.

Спрятав аптечку, я вытер лицо и похромал к тропинке, ведущей к лицевой стороне здания...

...Труднее всего было обработать спину. Пара крупных синайков, три-четыре помельче, множество порезов, царапин. Руки и так едва двигались, а уж достать до лопаток и позвоночника... Но другого выхода нет.

Я стоял в прихожей между двух зеркал. И глядя в одно, видел во втором отражение спины. Вид был еще тот... Хреновый вид. Впрочем, остальное выглядело не лучше.

Предплечья обеих рук представляли собой один сплошной синяк. Вздутая кожа, черные подтеки, сгустки запекшейся крови. Голени ног по цветовой гамме почти повторяли руки. Порезов поменьше, черноты побольше. Грудь и живот пострадали меньше всего, но и они не смогли уцелеть. Как и голова.

Шея травмирована в двух местах. Глубокие порезы до сих пор не затянулись. Я несколько раз плеснул на них перекисью водорода, но кровотечение так и не остановил.

Но раны ладно, это само собой. А вот то, что процесс перевязки сильно затруднен из-за невозможности шевелить руками и двигать корпусом, это да. Это мешало.

Первым делом я вкатил себе противостолбнячный укол, потом с помощью ватного тампона и теплой воды насколько возможно отмыл тело от грязи и пота. Процесс сопровождался шипением и руганью сквозь зубы. Словом, «непередаваемые ощущения»...

«Периметр взялся за меня всерьез. Словно три моих прохода уязвили его тонкую нервную систему, и он решил покончить с наглецом. Прежде были цветочки, а сегодня ягодки. Странно только одно. Почему... Ох, ёп!...»

Рука соскользнула и задела широкий порез у плеча. Боль хлестнула по спине, откикошетила в голову и ушла в ноги. Ничего, терпимо...

«...Так вот, странно, что он не использовал оружие. Всякие там лазеры, пулеметы, гранаты. Ведь его изготовители владеют огромным арсеналом средств уничтожения. Что же они не догадались поставить простенький ручник в каком-нибудь углу? Или конструкцией не предусмотрено использование оружия?»

На все синяки, ушибы, шишки ушло две колбы с заморозкой. Еще один — на прочие раны и ранки. Царапины залил коллоидом, заклеил бактерицидным пластырем, а сверху замотал бинтом. Много, но во сне все повязки могут слететь, надо их закрепить.

Процесс лечения совмещался с процессом оценки произошедшего.

...Основной принцип работы Периметра — уничтожение естественным способом. Простым и незамысловатым. Чтобы смерть посмевшегося переступить его порог выглядела как несчастный случай. Когда труп найдут, то установят причину гибели. А она будет обыденна до смешного. Удар кирпичом, отрезком трубы, смерть от падения с высоты, обрушения пола, ожога кипятком, поражения током...

Да, наверное, я правильно разгадал принцип Периметра, но от этого легче не становилось. Погибнуть от пули или от удара куском бетона — не все ли равно. Смерть — она и есть смерть.

«А он выбрал хитрый способ устранения. Весь комплекс Периметра построен на двух этапах. Первый — нанести удар по нервам. Напугать, нагнать страху. Ведь вид сбесившихся предметов, норовящих раскроить голову сам по себе, — стресс. Да еще какой! Один тот длинный коридор похуже всех ужасов, виденных раньше! А потом, когда человек сломлен психологически, его заставляют совершить ошибку и подсовывают какую-нибудь аномалию. Он сам налетит, не имея возможности правильно и вовремя отреагировать...»

Покончив с перевязкой, с трудом убрал большой кусок целлофана, на котором стоял. Целлофан весь забрызган кровью. Потом убрал лекарства. Дотопал до кровати, держась за стены, осторожно сел на край и попробовал вздохнуть. В боку немедленно кольнуло. Инвалид, блин!

«Дорого же мне станет добыча золота. Так можно и голову сложить. Скоро парни приедут, что им показывать? Синяки и ссадины? Это не дело. Надо либо еще раз проходить, либо...»

На этом ход рассуждений оборвался. Я лег на бок и почти мгновенно уснул.

...Зимняя ночь была тиха и спокойна, как ровная гладь озера. Полный диск луны излучал ровный неяркий свет. Ярko горели звезды, чуть мерцая на фоне черного неба. Ветра не было совсем. Вообще. Тишь да благодать. Снег укрыл нетолстым слоем землю, не тронув тротуары и асфальт дороги.

На пустынных улицах царила тишина. Полная, абсолютная, мертвая. Такую тишину я знал. Видел и слышал. Когда проходил последний Периметр. И как в прошлый раз, она не успокаивала, а нагнетала тревогу и опасность. Это была нехорошая тишина. Но такая приятная...

То, что вместо июня в город пришла зима, меня не удивляло, все выглядело само собой разумеющимся. И снег, и легкий морозец. Непонятно было одно — куда исчезли люди? Почему так тихо на дорогах, где машины?

Впрочем, и такой поворот дела не выглядел чем-то из ряда вон выходящим.

Я медленно шел по дороге, глядя по сторонам. Горели фонари, над головой висела луна, света хватало, чтобы различить даже мелкие предметы. Дойдя до поворота, остановился, провел рукой по груди. И только сейчас заметил, что на теле ничего нет. Брюки от формы, кроссовки и... все. Корпус гол.

Было около двух градусов ниже нуля, но холода или какого-то неудобства я не ощущал. Вполне комфортно и хорошо.

Удивление все-таки пробило мощный заслон забытья и вышло на первый план. Я хотел было повернуть обратно, сходить домой хоть за футболкой, но тут из-за поворота на дорогу выехал бронетранспортер.

Самый настоящий, реальный, обычная «восьмидесятка». Только катил он медленно и бесшумно. Словно с выключенным движком. Однако скорость не терял, продолжал ехать.

Я застыл на месте, глядя на него и чувствуя нарастающую тревогу. БТР горел. Огонь охватил борта и башню машины, лизал боковые дверцы отсека, закапчивая поверхность.

Но не это заставило сердце колотиться с удвоенной силой. Из водительского люка торчало тело человека в военной форме. Тело лежало почти неподвижно, бессильно свесив руки вниз и легонько покачивая головой в такт движению машин. По спине, шее и голове текла кровь. Она капала с кисти правой руки на дорогу.

Проехав еще метров сорок, БТР встал. Совершенно бесшумно. Так же бесшумно он горел, не издавая никаких запахов. А вот кровью пахло ощутимо.

Отрывая от асфальта непослушные ноги, я подошел к машине, сторонясь языков пламени, и осмотрел убитого. Парень лет двадцати, коротко стриженный, худой. В старом протертом до дыр камуфляже и десантной тельняшке.

Зрелище было жуткое, а окружающая обстановка усугубляла ситуацию. Большая пустынная улица, ночь, снег, тишина и... горящий БТР с убитым на борту. Жуть!..

Я хотел было отойти от машины подальше, но в этот момент она взорвалась. Взрыв вышел несильным, но он опалил меня огнем и бросил на обочину, в небольшой сугроб.

Почему-то снег не остудил кожу, а, наоборот, ожег еще больше. Вскрикнув от боли, я рванулся в сторону и... открыл глаза...

Тело горело. Пылало немилосердно, от пяток до макушки. Внутри будто топка заработала, подняв температуру до невыносимой точки. Кожу под повязками жгло дико, терпеть невозможно...

Протянуть руку и включить свет я не смог. Больно. Встать, дойти до ванной и залезть под воду тоже не смог. Осталось лежать на широченной кровати и шипеть сквозь зубы, изрыгая проклятия.

«Конец? Привет от Периметра? Запоздалый удар?..»

Мозг закипал, уши заложило, в глаза словно углей насыпали. Вдобавок от пяток к сердцу поднималась волна жара. Невыносимого. Градусник, если его поставить, зашкалило бы стопроцентно.

«Все, отходил свое!.. Наверное, тот газ подействовал. Или все вместе сработало, добивая ушедшую добычу... Так глупо подохнуть!..»

Жар окатил еще раз, сильнее, боль пошла по внутренностям, заставила выгнуть спину и, срывая повязки, махнуть руками. Корежило немилосердно. К вискам словно прижали раскаленные добела пятаки. Я думал, что вот-вот загорятся волосы.

Потом боль отступила и ударила еще раз. Сильнее... И я отрубился, не успев даже понять, что произошло...

...А потом я выбежал на узкую дорогу, вытоптанную тысячами ног так, что на ней не росла ни одна травинка. Ноги занесли меня на небольшой взгорок, покрытый скользкой травой. Глаза успели выхватить край солнца, стену леса и узкую полосу реки вдаль.

Я сделал шаг вперед, нога проскользнула вбок, и тело, потеряв опору, рухнуло вниз. Кульбит, еще, удар о кочку, опять кульбит...

Новый удар, из глаз брызнули слезы. Руки скользили по траве, немного замедляя скорость падения. Я еще раз кувыркнулся и со всего маху влетел в большой муравейник, стоявший неподалеку от дерева.

Злые лесные муравьи тут же напали на непрошеного гостя, кусая его изо всех сил.

Странно, но боли от укусов не было. Словно меня не кусали, а щекотали. По крайней мере зуд был немилосердный. Зудело все тело. Я вскочил на ноги, отбежал в сторону и начал стряхивать муравьев.

Странно, но чем больше я их стряхивал, тем сильнее зудело. Будто мураши впрыснули какую-то дрянь. Не выдержав, я начал драть кожу ногтями, шипя, как разъяренный кот...

От звука раздражаемой кожи я и проснулся. Открыл глаза. Зуд не проходил. Зато прошла та боль, что выворачивала меня наизнанку прошлый раз. Ничего похожего на боль, но вот чешется!..

Пальцы расчесывали кожу прямо сквозь повязки с такой силой, что из порезов и царапин должна пойти кровь. Но повязки были сухими. И синяки не болели.

Не забивая голову загадками, я минут пять расчесывал тело, даже не вспоминая странные сны. А когда зуд немного сошел, на меня вновь навалилось забытье...

Какой сон был потом, не помню. Возможно, никакого. Я проснулся от того, что язык от жажды свернулся в трубочку, а во рту горела топка.

Осторожно, боясь потревожить раны, сел и едва не упал обратно от дикой слабости. Сил не было вовсе. Будто отказали все мышцы.

Что с организмом? Чего его корежит? Последствия Периметра? Но раньше-то такого не было.

«Раньше он не показывал норов. Не работал на сто процентов, — подсказал внутренний глас, к которому я привык и перестал обращать внимание. Хочёт — пусть вещает. Тем более не во вред мне. — Периметр показал, на что способен, и тебя сразу развезло. Боль, зуд, слабость... полный набор прелестей. Но раз ты до сих пор жив, можно надеяться, что на этом твои беды подошли к концу...»

С третьей попытки я встал, держась за стену, добрал до кухни и выпил стакан воды. Сел на табуретку, отдохнул, проклиная свою немощь, потом пополз обратно. Кое-как забрался на кровать и опять заснул. Сразу, без пауз. Как вырубili.

...Из долгого и глубокого забытья я вышел относительно легко и спокойно. Минуту полежал без движения, оценивая свое состояние, попробовал поднять одну руку, вторую. Ничего. Зуда нет, боль... не сильная, нудная, но вполне терпимая.

Аккуратно сел, свесив ноги вниз. Мышцы не успели набрать прежней силы и были как вата. Однако работали, поэтому до ванной я дошел сам, не опираясь на стены. Глянул в зеркало. Да-а... видок еще тот.

Стоит тип весь в бинтах, глаза бешеные, руки подрагивают. Как с перепоею. Хорошо отдохнул...

Опустошив половину кувшина, я притащил целлофан, достал аптечку и занялся перевязкой. Вернее, хотел это сделать. Но не вышло. Нечего было перевязывать. Совсем.

С отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами я смотрел на отражение, пытаюсь понять, что произошло.

Опухшие, почти черные голени, руки, запястья и плечи вновь стали обычного цвета. Только легкая припухлость выдавала места травм. Порезы, ссадины, царапины, стесанная кожа поджили. Капитально поджили. Не только кровь остановилась и выросла корка, но даже кое-где она успела отойти от кожи, обнажая розовую пленку.

— Эт-то как понимать? — выдохнул я, тупо глядя на себя. — Это, значит, зажило? Но как?

Пальцы тронули небольшую припухлость на левом предплечье. Вчера оно было черное, раздавшееся, с коркой засохшей крови. Сейчас — чистая кожа, синяка нет. Только немного побаливает.

— Это что? — опять вслух спросил я. — Мать его! Фокусы Периметра?

Значит, адский огонь, боль, зуд — этапы выздоровления. Какой-то ненормально быстрой регенерации поврежденных тканей? А слабость от того, что организм почти полностью исчерпал свои резервы и просто истощен многочасовой борьбой с недугами. И ни хрена себе!

Минут пять я крутился возле зеркала, как девица, рассматривая себя со всех сторон и отмечая изменения.

Синяка нет... Пореза нет... Плечо чисто... Чернота сошла... Все сошло!

Несмотря на значительное улучшение, тело еще побаливало, но не так чтобы очень. А вот слабость была сильная. В таком состоянии лучше всего лежать.

— Но сначала надо перекусить, — опять вслух подумал я. — Пожрать как следует...

И поплелся на кухню, попутно врубив стереосистему. Достал из холодильника мясо, нарезку, кетчуп, яйца. Вытащил хлеб, врубил сковородку и начал готовить обед. Или ужин?

«...Московское время — двадцать один час сорок пять минут, — мило пропела радиоведущая. — До долгожданного лета осталось всего несколько часов, и в преддверии этого события...»

Бросив ошарашенный взгляд на электронные часы, я увидел цифры — 31.05. 21.45. Вот это да! Я дрых почти двое суток! Два дня без перерыва! Выходит, организм взял тайм-аут, чтобы подлечить себя. Понятно, откуда такая слабость. Он исчерпал большую часть резервов. Релаксация прошла успешно, но отняла все силы.

Наскоро сварганив ужин и не пожалев продуктов, я сел его уминать, попутно соображая, что теперь делать.

«Приедут парни, и что я им покажу? Заживленное в короткие сроки тело? Добытое золото? И что? Идти в Периметр за

новой добычей, зная, что там ждет? Не дело это... Придется, когда окончательно подживут раны, пойти туда еще раз. Выяснить, будет ли Периметр всегда так встречать непрошенных гостей, или это единичный случай...»

Подумав так, я поморщился. Идея, конечно, верная, только лезть снова в эту мясорубку желания не было. Впрочем, о желании здесь речь не идет. Периметр не зря возник в моем мире. За ним могут прийти и его создатели. А от них хорошего ждать не стоит.

Доев, помыл тарелки и, чувствуя слабость в теле, потопал обратно в спальню. По пути глянул на телефон. Он был поставлен в беззвучный режим и только фиксировал звонки. На дисплее мигала цифра 3. Три звонка за то время, пока я спал. Интересно, кто звонил? Может, парни?

Ткнув кнопку, я открыл страницу с номерами звонивших. И присвистнул. Все три звонка сделаны с одного номера. Хорошо знакомого. Звонил Генка, главный заводица Наташкиной компании. Что ему надо?

Преодолевая нежелание, я поднял трубку и нажал автодозвон. Пошли длинные гудки...

На том конце трубку сняли после первого гудка. Женский голос, излишне нервный и громкий, спросил:

— Слушаю...

Иринка, подружка Гены. Когда она была у него дома, то всегда брала телефон.

— Это Артур. Генка звонил мне...

— Артур... — перебила она. — Мы тебе уже два часа звоним. У нас тут такое!

Странно. Нет, не то, что у них происшествие. А то, что они позвонили мне. Ведь после прошлого разговора они не давали о себе знать. Но сейчас...

— Ну и что случилось? — спросил я, ковыляя к кровати.

Но вместо внятного ответа услышал всхлипы и сопение. Это уже что-то странное. Не похоже на жизнерадостную Иришку.

— Не понял?

На этот вопрос ответа не было. Иринка шмыгала носом и ничего толкового сказать не могла. Потом трубка сменила владельца, и я услышал Генку.

— Артур? Привет.

— Салют. Что произошло? Чего Ирина плачет?

— Да тут проблема возникла. Женя...

— Как? — не понял я последнее слово.

— Пропал, говорю, Женька.

— Что значит пропал? — совсем перестал понимать я. — Уехал или украли?

Трубка опять сменила владельца. Похоже, там целая очередь желающих поговорить со мной.

— Артур?!

Сквозь рыдания и всхлипы я с очень большим трудом различил голос Юльки. Она редела, и, судя по тону, довольно давно. Уже сил не осталось, и голос ослаб. И все же каким-то чудом смогла внятно произносить слова.

— Артур, Женька ушел! Мы с ним... поругались! Первый раз!.. Я хотела, чтобы он не ездил... а он... сказал, что уедет даже без меня... А я... — Рыдания достигли максимума, и секунд на десять разговор прервался.

Я ждал, успев сообразить, что, собственно, произошло и почему обратились ко мне.

Женька с Юлькой жили душа в душу и раньше никогда не ссорились. Не считая мелких споров. Это у них у всех — максимум доброжелательности и минимум конфликтов. И вот первый раздор.

Не умея конфликтовать, детишки не умеют и быстро мириться, оставляя ссору за бортом. Поэтому Женька, как истый мужчина, вспылил и хлопнул дверью. Но, видимо, слишком сильно. Судя по всему, полдня его нет. Для домашней компании (в смысле воспитания и образа жизни) такое происшествие — нонсенс.

А ко мне обратились, когда все сроки прошли и нет возможности отыскать пропажу. Меня же компания всегда воспринимала как человека старшего и более знающего, по-

обтертого в жизни. Думали, что все могу и все умею. Забыли о разладе и моем уходе. Просто больше не к кому обратиться.

«Самое время сейчас заниматься делами детишек... Да еще в таком состоянии. Максимум, что я могу, — это рухнуть у входа. Сил хватит, только чтобы дойти до него...»

— Когда он ушел? — спросил я, уловив паузу в рыданиях.

— В первом часу.

Десять часов — прикинул я. За это время можно уехать очень далеко от города. Или натворить много дел.

— Куда он мог уехать? Вы звонили ему домой?

— Да... — Рыдания пошли на убыль, но печаль в голосе только росла. — Его там нет.

— У друзей, знакомых, в общежитии?

— Не-е-ет... — вновь зарыдала она, — не знаю...

Ясно, поиск не велся. Или был, но самый примитивный.

Трубка очередной раз сменила владельца. Опять заговорил Генка.

— Это я... мы звонили к нему домой и общим приятелям. Но его нигде нет.

Почувствовав, что сидеть стало тяжело, я лег на кровать и закрыл глаза. Как же вы не вовремя, ребятишки!

— В милицию, больницы, морг звонили?

— Морг? — растерянно повторил Генка. — Нет... А надо?

Его слова дошли до слуха Юльки, и она заревела с новой силой. Интересно, как она вела себя при ссоре с Женюшей? Наверное, была неприступна и высокомерна. Все они, детишки, задирают нос и строят из себя особо важных персон, пока не прижмет...

— Ты думаешь?... — не смог выговорить страшное слово Генка.

«Что я на самом деле думаю, ни за что не скажу. Некультурно...»

Ладно, спорить и слушать без толку. Все равно по телефону они ничего толкового не скажут. Парень вряд ли уехал из города. Либо сидит с приятелями, либо со случайной девчон-

кой, либо... лежит. На кровати, на койке, в траве, на нарах, в морге...

— Гена, слышишь меня?

— Да.

— Найдите хорошую четкую фотокарточку Женьки. Чем больше, тем лучше. Это раз. Два — успокойте Юльку и вместе вспомните всех друзей, приятелей и знакомых Женьки вне вашей компании. И места, где они могут быть.

— Ага...

— Не перебивай. Дальше — кто из его родственников и где живет. Адреса, телефоны... А также все заведения, где бывали вы все или он с Юлькой. Понял?

— Да. А...

— Я скоро к вам приеду. Ждите.

— Ясно, но...

— Без «но». Ждите.

На том конце провода молчали.

«Мне нет дела до их проблем, — объяснял я сам себе, прилагая титанические усилия, чтобы встать с кровати и не упасть обратно от прилива слабости. — Эти детишки слишком глубоко сунули нос в чужое дело и посчитали это правильным. Решили диктовать условия своей игры человеку... скажем, иных устоев, чем они сами. Раз наши пути разошлись, то так тому и быть. Вот и пусть расхлебывают кашу...»

Вторая попытка встать оказалась успешной. Теперь дойти до одежды, потом до двери, а затем до машины. Правда, в таком состоянии я могу вести не «восьмерку», а разве что размышления. О смысле жизни. Лежа в кровати.

«Пропал пацан, и ладно. Сами разберутся... Запил, загулял — головная боль его подружки, а не человека, едва уцелевшего после мясорубки...»

Одежда была непослушной, норовила выскользнуть из рук. На брюки ушло две минуты, на рубашку из-за болей в спине — три. Кроссовки потребовали чуть меньше.

«Однако есть одно «но» — если пацан сейчас в ментовке или больнице. Вот тут ребяташки не справятся. Наши отношения здесь ни при чем, надо помочь вытащить шалопада...»

Последняя мысль была из разряда разговоров в пользу бедных. Типа я пофигист, но тут такое дело!.. Благородство прет из всех щелей.

«Благими намерениями выстлана дорога в ад, — вспомнил я. — По крайней мере для меня. Потому что сил маловато. Так что без стимулятора не обойтись...»

Немного подумав, я дошел до кухни и выпил стакан воды. Потом еще половину. Легче не стало, но голова прояснилась и слабость ушла. H₂O не бог весть какой тоник, но мне помогло. На сколько?

Покончив с восстановлением сил, я набрал номер Разгонова. Он самый надежный источник в милиции. И самый влиятельный. Если Женька у них — вытащит без проблем (при условии несильного залета). Если его там нет — поможет быстрее отыскать.

Ни дома, ни на работе капитана не было. Пришлось прибегнуть к последнему средству — вызову по пейджеру. Правда, не факт, что он ответит. Мог уехать за город или по делам.

Отправив сообщение, я прикинул, кому звонить, если Разгонова не найду. Пожалуй, в дежурную часть РОВД. Там сидит еще один знакомец. Должен сидеть, вроде его смена...

Подождав пару минут, я уже хотел звонить в отдел, но тут телефон затрезвонил сам.

— Артур? — раздался в трубке веселый голос Разгонова.

— Привет органам.

— Привет, привет, — так же весело ответил капитан. — Чего хотел?

— Ты в городе?

— Ну!

Судя по всему, капитан отдыхал в теплой компании и был слегка навеселе. Слегка — потому что пить много не любил и всегда держал голову свежей.

— Нужна помощь. Небольшая. И срочная.

— Нахал ты, Томилин, — со смехом ответил тот. — Звонишь ночью, отрываешь от важного дела, да еще сразу помощи просишь. А сам даже не хочешь поздравить человека.

«Звание! — выдал обессиленный мозг после секундного размышления. — Он давно должен его получить, вот и подошло время...»

— Поздравляю, майор.

— О! Сообразил... — деланно удивился Разгонов. — Надо же, какой догада!

— Презент с меня. Не заржавеет.

— Посмотрим. Ну, говори, что произошло?

Коротко, в двух словах, я объяснил ситуацию, сделав упор на том, что пропавший не склонен к побегам и суициду, а также не связан с криминалом. На последнее уточнение капитан, пардон — майор, среагировал сразу.

— Все мы сейчас связаны с криминалом. Так или иначе. — Он сделал паузу, потом спросил: — Давай данные твоего пацана.

Я по памяти продиктовал фамилию Женьки, адрес проживания, адрес родни, коротко обрисовал внешность.

Разгонов, видимо, записывал, дважды просил повторить, кое-что уточнил и поинтересовался, есть ли у пропавшего автотранспорт. Потом задумчиво проговорил:

— Если полдня его нет, значит, мог и увистать за город.

— Не похоже. На него не похоже. Родню, друзей, знакомых мы сами проверим, ты, главное, выясни, не попал ли он к вам, в больницу и морг.

— Не учи отца... и баста! — отреагировал новоявленный майор на покушение на его профессиональные обязанности.

Я коротко усмехнулся, услышав любимую поговорку Разгонова. И тут же почувствовал новый приступ слабости.

— Ладно, я понял, — сказал Олег. — Посмотрим. Ты дома? Звонить куда?

— Я сейчас поеду к друзьям парня. Минут через двадцать — тридцать буду там.

И продиктовал Генкин телефон.

— Хорошо. Если что — сам найдешь по пейджеру.

«Тридцать процентов, что он найдет Женьку, — рассуждал я, спускаясь к машине. — Милиция и больница — не самые перспективные места поиска. Но по-любому, если парень про-

пал и его не найдут сегодня, надо объявлять розыск. Тогда Разгонов поможет протолкнуть это дело без затяжек. А то сейчас любят под любым предлогом завернуть заявление граждан о пропаже людей...»

Выходя из дома, я прихватил с собой пакет с бутербродами и, заводя машину, начал их уминать, чувствуя дикий голод. Организм, вычерпавший все резервы для заживления, требовал заправки.

Так, держа в левой руке бутерброд, а в правой — руль, я и выехал со двора. Впереди была малоприятная встреча с молодежью...

Проехав полпути, я обнаружил, что запас бутербродов закончился, а голод не прошел. Причем голод был какой-то странный. Организм требовал заправки, но... Словно он хотел чего-то еще.

«Не кровушки ли захотел, Оборотень? — усмехнулся я, сворачивая к кафе. — Или еще чего? Ведь такой голод — тоже из разряда мутаций. Только каких?..»

Из кафе я вышел, нагруженный двухлитровой бутылкой воды и увесистым пакетом с чебуреками и ломтями жареной свинины. Мяса хотелось особенно сильно.

Наворачивая закупленное и запивая водой, я не спеша доехал до места и припарковал машину возле подъезда. Выбросил пустой пакет в ведро и зашел в подъезд, прислушиваясь к ощущениям. Голод почти прошел, слабость пока не до конца, а вот тело еще болело. И каждое движение причиняло неудобство. Ладно, перетерпим.

...Дверь открыл Ленья. Я удивленно присвистнул.

— И ты здесь? Вся компания в сборе?..

Леонид выглядел мрачным, недовольным.

— Да... проходи.

Я прошел в комнату и огляделся. Действительно, почти вся компания в сборе. Ленья, Гена, Иринка, Настя. На диване в одиночестве сидит зареванная Юлька. С красным носом, мокрыми глазами и несчастным видом. В руках скомканный платок.

Рядом с ней несколько фотоальбомов. Фотографии раскиданы, те, где Женька снят крупным планом, лежат отдельно. Поиски удачного снимка зашли в тупик...

— Привет честной компании, — сказал я, садясь в свободное кресло. — Как дела? Что новенького?

— Ничего, — ответил Гена. — Мы звонили знакомым, друзьям. Звонили в общагу, еще в пару мест, где он мог быть... Его никто не видел. Родителей дома нет.

— Понятно.

— Мы тут прикинули, где он мог быть, но...

Леня протянул мне листок, на котором был составлен список. Почерк четкий, крупный. Я пробежал глазами по строчкам, отметил про себя, что ребята неплохо постарались. Список внушительный. Напротив некоторых пунктов стоят галочки — там уже искали.

— Ясно. — Я вернул листок, почесал висок. Тот слегка зудел. Периметр напоминал о себе. — Минут через... десять буду знать, нет ли Женьки в милиции и больницах. В зависимости от информации решим, что делать дальше. А пока...

Я повернулся к Юле:

— Не скажете ли, леди, с чего Женька решил пропасть?

Та шмыгнула носом, нервно скомкала платок. На меня глянули полные боли, обиды и слез очи юной девы.

— Он... приехал утром... мы хотели поехать на рынок... а он был пьяным.

— Как? — не понял я.

Женька не пил. В смысле, не пил много, так, баловался пивом, по праздникам вино, martini... Но чтобы прийти «на бровях»!..

— Что значит — пьяным?

— Ну... — замялась Юлька. — От него пахло. И... глаза шальные...

— Глаза — да. Это плохо, — проговорил я. — И все?

— А что, мало? — с вызовом спросила она. — Мне хватит. В общем, мы поругались... я сказала, что не пойду с ним никуда. А он... он сказал, что пойдет один... ну...

Она опустила глаза, закусила губу. Провела платком по щеке.

— Угу... Дальше понятно. Он ушел, и все. Что-то раньше я не замечал за ним склонности к утренним попойкам. С чего он набрался?

Леня вдруг хмыкнул, виновато скосил глаза на Юлю и неохотно пояснил:

— Да это мы с ним заскочили к ребятам в общагу. Один привез из дому настойку. Попробовали немного. Она крепкая, вкусная...

Он прикусил язык, понизил голос:

— Я поехал домой, а он к Юльке.

— Понятно... Что выпили, что поругались, что ушел. Непонятно одно — почему сами не позвонили в милицию, не начали поиски. Я-то зачем понадобился?

— Ну, мы... — начал Генка. — Думали, что ты знаешь, как искать. Думали...

— Не похоже, что думали. Ладно. — Я глянул на часы. — Это не важно. Сейчас выясним, не попадал ли он в поле зрения органов, а потом... посмотрим, что делать.

Преодолевая боль в спине, я встал, поймал напряженный взгляд Ирины и вдруг только сейчас подумал, почему нет Наташки. Уехала? Занята? Или... не захотела видеть меня. По хорошему, давно пора забыть прошлое. Были вместе, разошлись... с кем не бывает. Чего таить обиду?..

Скинув Разгонову сообщение «я на новом телефоне, жду», сел на табуретку в прихожей и стал осторожно разминать запястья. Боль в них прошла, только кожа еще зудела. Организм продолжал лечение ускоренными темпами. Опять накатила слабость.

Звонок раздался минут через пять.

— Артур?

— Слушаю.

— Я перезвоню минут через десять, не успел все выяснить.

— Хорошо, жду на этом телефоне.

В коридор вышла Юля. За ней — Генка и Ирина.

— Что? Его нашли?

— Пока нет. Через десять минут узнаем. Но если его нет в милиции и больницах, — я намеренно не упомянул морг, — вам придется объехать все кабаки, дискотеки и рестораны.

— А если его и там нет?

Юлькин голос звенел как струна. Вот-вот опять заплачет. Наверное, целый день проклиная себя за глупую размолвку и боится за непутевого парня. Вот они — женщины. Наговорят, прогонят, а потом ревут.

— Если нет, придется ждать. До утра. А потом... видно будет. Ген, у тебя вода есть? Кипяченая.

— Да. На кухне. Принести?

— Сам. Где кухня, еще не забыл.

Я встал, поймал взгляд Ирины, она странно смотрела на меня, и пошел к кухне. Жажда вязала рот, аж язык вспух.

Взгляд Ирины я расшифровал, зайдя на кухню и включив свет. Там была Наташа. Сидела на стуле возле окна и смотрела на улицу. Увидев меня, кивнула и тихо произнесла:

— Привет.

— Привет.

«Выходит, компания в полном сборе. Просто кое-кто перед моим приходом спрятался. Не хотела видеть...»

— Как дела?

— Нормально... Ты как?

Я пожал плечами и тут же пожалел об этом. Боль стеганула к затылку, заставила скрипнуть зубами. Видимо, организм в первую очередь лечил травмы, а болевые ощущения оставлял на потом. Его не поймешь...

Выглядела Наташа хорошо. Только за то время, что мы не виделись, у нее погрустнели глаза. И улыбка сошла с губ. Жаль, она ей так шла...

Я взял графин, налил полный стакан воды и единым махом опорожнил его. Полегчало. Теперь бы перекусить. Но есть здесь, конечно, не стану. Потерплю.

Наташа смотрела в сторону, лицо какое-то напряженное, руки теребят край юбки.

«Ждет, — дошло до меня. — Ждет, что я скажу. Хочет поговорить о том, что было. И чего не вернуть. А может, это мои фантазии?»

Я молчал. Она тоже. Повисла неловкая пауза. Что говорить и что делать, не знал никто. К счастью, в этот момент зазвонил телефон.

— Артур? — На этот раз голос Разгонова звучал веселее. — Слышишь?

— Да, слышу.

— С тебя причитается.

— Не вопрос.

Судя по всему, Женька найден, и найден в милиции. Попал-таки в объятия ментов!..

— Где «железка», помнишь?

— Разумеется.

— Он сидит там. Его подобрали час назад. Наклюканный в зюю. Хотели отправить в вытрезвитель, но я попросил оставить. Можешь забрать, ребята в курсе, отдадут.

— Ясно. Благодарю. С меня коньяк.

— И не только, — уточнил новоявленный майор. Его настроение упорно шло вверх.

— И не только, — согласился я.

— Ну все, бывай. Парням чего-нибудь презентуй. Сигарет, что ли...

— Понял. Благодарю.

Я положил трубку и вздохнул. Вот и все поиски. Женька сидит в РОВД Железнодорожного района. «В зюю», как выразился Разгонов, но это не важно.

— Что? — выглянул в коридор Генка. — Нашли?

— Нашли. Жив-здоров. Минут через сорок — пятьдесят я его привезу.

Из комнаты выбежала Юлька. Следом Ирина и Настя. Обступили меня с трех сторон, жадно заглядывая в глаза.

— Артур. Что?

— Ничего, — подмигнул я Юльке. — Готовь закуску, сейчас привезу твоего ненаглядного. И рассол готовь тоже. Будешь выводить его из запоя.

Девчата радостно загомонили, тормоша Юльку. Генка от избытка чувств хлопнул меня по плечу, не заметив, как я дернул щекой — больно, ё! Напряжение сразу спало, все смеялись и шумели.

Часть восторгов досталась и мне. Юлька чмокнула в щеку, Генка и Леонид благодарно смотрели, как на волшебника, доставшего зайца из цилиндра.

«В гости к знакомым надо приходиться, когда у них беда, — думал я, спускаясь по лестнице. — Тогда можно рассчитывать на теплый прием, ибо в тебе видят спасителя. Совсем недавно эти ребятишки разговаривали со мной сквозь зубы, а сейчас рады до безумия. Ладно, проехали...»

...В отделе было малоллюдно. Кроме дежурного, его помощника и еще двух ментов, никого. Возле окошка топтался какой-то мужик, в камере голосил задержанный, прося отдать ему сигареты и грозя подать в суд на самоуправство. Менты не обращали внимания на вой, о чем-то спорили, изредка поглядывая на камеру.

Я подошел к окошку, подвинул мужика и сказал:

— Привет. Я от Разгонова.

— А-а... — Здоровый старшина с красным лицом и оттопыренными ушами вышел из-за перегородки. — Да. Он звонил. Ты за своим приятелем?

— Да. Где он?

— Да вон сидит, на стуле. В себя приходит.

Старшина кивнул на закуток, где стоял ряд стульев, и я увидел скрюченную фигуру с поникшей головой.

Женька угодил в отдел часа два назад. Его подобрал наряд где-то на Московском*. Хороший костюм, опрятный вид и тихое поведение как-то не вязались с пьяным видом. Поэтому его не спешили отправлять в вытрезвитель.

Из бессвязных объяснений можно было понять, что Женька, уже принявший на грудь, с некими собутыльниками «раздавил» бутылку водки. Без закуски. Для практически непьющего Женьки эта доза оказалась слишком велика, его развезло окончательно, и он толком не помнил, куда и зачем шел.

* Микрорайон Рязани.

В отделе его немного привели в порядок и допросили. На большинство вопросов новоявленный пьянчуга отвечал невнятным ворчанием и упорно твердил одно:

— Только Юльке не говорите...

«Несчастливая любовь», — поставили ему диагноз в отделе и не спешили с отправкой в вытрезвитель. Парень беззлобный, спокойный, крайние меры принимать не обязательно.

— Жалко пацана, — прогудел старшина. — Девка, вишь, обставила, вот с горя и полез в бутылку.

— Точно. — Я достал пачку «Парламента», купленную по дороге, и протянул старшине. — Закуривай.

— О! Это кстати. Спасибо.

Старшина вытащил сигарету и спокойно сунул пачку в свой карман. Я окинул «обставленного влюбленного» внимательным взглядом, не нашел видимых травм и спросил:

— Где у вас туалет?

— Там, — махнул старшина. — Дальше по коридору. Забирай, а то заснет.

— Ничего. Растормошим.

Женька сидел на стуле, свесив голову набок и сунув руки под мышки. Лицо перекошено, рот приоткрыт, ноги подтянуты к телу. Перегаром прет неслабо. В таком состоянии я его никогда не видел.

От хлопка по плечу он вздрогнул, качнул головой и с большим трудом открыл глаза. Несколько секунд бессмысленно пялился на меня, потом протянул:

— А-а-а... Артур... ты? Как ты?..

— Вставай, алкаш. — Я ухватил его под локоть и рванул вверх. — Пошли.

— К-куда?

— На водные процедуры.

— Зачем?..

...Холодная вода тонкой струйкой лилась из крана на лицо и голову Женьки, тот фыркал, пробовал убрать голову, но я держал крепко, и он покорно терпел. Под конец даже начал умываться.

Подождав пару минут, пока он отдышится и утрет лицо, повторил процедуру.

— Очухался?

— Э-э... да.

— Тогда еще раз.

Женька покорно сунул голову под кран, закашлял.

— Ну, хорош.

— Артур, я тут с Юлькой...

— В курсе.

— Не знаю, как вышло... да еще выпил. Но я немного, честно.

— Ей расскажешь.

Убедившись, что он более или менее стоит на ногах, я вывел его из туалета и повел к выходу. Старшина проводил нас на-смешливым взглядом и махнул рукой.

Свежий воздух охладил распаренное лицо — в отделе было душно. Мы сели в машину, я завел мотор и дал ему минуту прогреться.

— Артур... эк! — Женька икнул, вытер скомканным платком рот и растерянно глянул на меня. — А как ты узнал, что я здесь?

— Не важно.

— Я... — Женька качнулся, скорчил жалостливую физиономию. — Я не хотел пить. Мы с Юлькой... это...

— Не важно. Сейчас приедешь и все ей расскажешь.

Я вырулил со стоянки и прибавил газу. Ветер залетал через опущенные стекла, холодил голову и выносил из салона запах перегара.

— На. Жуй.

— Что?

Женька взял две пластинки жвачки, тупо уставился на них, забыв, что надо делать.

— Жуй. От тебя несет, как от дракона.

— А-а... Это она тебя попросила найти меня?

— Да.

— А как же... ик! Ой! А как же я теперь к ней... мы поссорились. Я не могу к ней.

— Ничего. Попросишь прощения, поцелуешь, и все будет нормально.

— Прощения? — Женька сосредоточенно двигал челюстями, морща лоб. — Не... не могу. Она сама начала... И она меня не простит.

— Простит. — Слабость вновь дала о себе знать, и я с трудом держал руль. Говорил сквозь зубы. — Простит, никуда не денется. Подойди, извинись...

— А можно я ее поцелую? — с пьяной непоследовательностью спросил он.

«Детеныш! И что плохо — пьяный детеныш. Представляю картину их встречи. Впрочем... это не мое дело. Вытащил, довез, и все. Дальше сами разберутся...»

Машина подъехала к дому Генки. Женька удивленно смотрел по сторонам, пока не сообразил, куда его привезли.

— Топай, Ромео. Там вся твоя компания. Ждут блудного сына.

Тот выбрался из машины, отошел на пару шагов, потом обернулся:

— А ты?.. Ты не пойдешь?

— Нет.

— Но... — Он растерянно хлопал глазами, глядя на меня. — А почему?..

— Мне там делать нечего.

Женька помолчал, вздохнул и поплелся к подъезду, встряхивая головой. Я проводил его взглядом, развернул машину и выехал со двора.

...Встретили его бурно. Хлопали по плечам, тормошили, спрашивали... Он молчал, смущенно смотрел на друзей и растягивал губы в виноватой улыбке. А глазами искал свою Юльку, хотел увидеть пусть и сердитую, злую, но такую любимую и желанную.

Девчонки, Ирина и Настя, все поняли, оттерли парней и почти втолкнули провинившегося в комнату. Тот нерешительно потоптался на месте и сделал шаг вперед.

Юлька сидела на стуле, выпрямив спину, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой. В больших глазах сто-

яли слезы. Она изо всех сил их сдерживала, закусив губу и приподняв подбородок.

— Юля... — Женька шагнул к ней, протягивая руки. — Юленька, прости меня, пожалуйста...

Она молчала, прилагая огромные усилия, чтобы не расплакаться. Злость, обида, ненависть уступили место жалости к этому недотепе, что сперва оскорбил ее, потом исчез, а сейчас стоит столбом и виновато смотрит на нее. Дурак!..

— Юленька, любимая. Прости...

Женька подошел к ней вплотную, сел, осторожно погладил по руке и положил голову на ее колени. Закрыв глаза. Пусть ударит, пусть отругает. Лишь бы не гнала...

Губы скользнули по ноге, целуя гладкую кожу, пахнущую цветами.

— Прости...

Слезы прорвали запруды и хлынули вниз по щекам. Юлька не стала их вытирать, опустила голову, глядя на это нескладное чудо, потом положила руку на его затылок и взъерошила волосы.

— Глупый дурачок...

— Юленька. Я дурак! Прости меня...

Он хотел встать, но ее рука удержала на месте, не пустила. Прижала к коленям и погладила...

Минут через тридцать, когда мир был восстановлен и компания уже хотела расходиться, Наташа отозвала Женьку в сторону и спросила:

— А Артур почему не пришел?

Женька с жалостью посмотрел на нее и тихо произнес:

— Он... он сказал, что ему здесь делать нечего.

— Да? — Взгляд Наташи потух. — Ладно...

Чувствуя себя неловко, Женька хотел было добавить, что предлагал Артуру зайти, но Наташа отвернулась, и слова потеряли смысл.

«Неужели он ее совсем забыл? — мелькнуло у Женьки в голове. — Так быстро... Мне-то подсказал, как быть, почему сам не сделал то же самое? Или ему это не надо? Станный он человек...»

Приблизительно так же, только в иных выражениях, думала и Наташа, спускаясь по лестнице вместе с остальными. Странное поведение Артура ставило ее в тупик и заставляло искать хоть какое-то объяснение его поведению. Но не находило. Ее бывший парень всегда был для нее загадкой. Даже после нелепого расставания...

...Тонкая кипельно-белая шелковая рубашка мягко облегла плечи и приятно холодила кожу. Поверх нее я надел пиджак, оправил полы и подошел к зеркалу, глядя, как сидит новый костюм. Неплохо сидит, прямо скажем. Светло-зеленая пара удачно оттеняла белую рубашку, вдобавок к этому шли легкие летние ботинки почти в тон пиджаку.

Оставался последний штрих. Темно-зеленый галстук в сетку. Вещь, необходимая для завершения наряда, но очень уж противная. Ну не терпел я их. Никак! Однако сегодня день особый, надо свое «не люблю» спрятать подальше.

Итак, с одеждой и обувью покончено. Теперь дело за аксессуарами. Часы «Ролекс» в золотой оправе (настоящие) — на левое запястье. Золотая цепочка — на правое. Тяжелый перстень-печатка (фирменный, а не дешевая турецкая подделка!) — на безымянный палец правой руки. Золотая заколка с бриллиантом на галстук. Норма!

Последние штрихи. Два носовых платка в карманы брюк и пиджака, телескопическая указка с лазерной насадкой тоже в карман. Ручка «Паркер» — тоже фирма! — в другой карман.

Еще один, последний, взгляд в зеркало. Выбритое до синевы лицо, аккуратная стрижка (возможно, немного коротковата, но ладно), вид опрятный и, не побоюсь этого слова, представительный. Со стороны могло показаться, что я иду на свадьбу. Собственною.

Хвала Зевсу, это только версия! Бракосочетание тут ни при чем. Все гораздо серьезнее. Сегодня — защита! Сегодня мне стоять перед строгой комиссией и доказывать, что мой многомесячный труд и пятилетняя учеба не прошли даром и что я — готовый инженер, пусть и без диплома. Этот самый диплом мне только предстоит получить.

...Вообще-то изначально никаких парадных нарядов я не предусматривал. И торжества особого не ощущал. Защита для меня была событием рядовым, проходным. И раньше не испытывал пиетета перед подобными мероприятиями, а последние события и вовсе перевели их в разряд второстепенных.

Словом, на защиту хотел прийти в джинсовой паре, новой, отглаженной, фирменной. Однако на предпоследнем перед дипломом собрании один профессор из руководства академии вдруг категорически отверг любые иные варианты одежды, кроме костюма. Мол, будут какие-то важные гости из министерства, и необходимо выглядеть! Не то, мол, не допустят до защиты.

Студенты пошумели, но быстро утихли. Не хотели создавать себе проблем в последний день. Я, понятное дело, тоже шуметь не стал, но зубами скрипнул. Кто-то пытается указывать мне, когда и в чем ходить! Попроси об этом мой куратор, сделал бы только из уважения к нему. Но командовать!..

И я решил выполнить указание на все триста процентов. Нарядным быть? Буду! Торжественным? Обязательно! Сами захотели...

Настроение перед защитой было приподнятым, и по весьма уважительной причине. Я прошел Периметр в четвертый раз! Прошел, хотя понимал, что шансы выжить при этом — 50/50. Однако Периметр на удивление был спокоен и тих. На свой лад, конечно.

Он швырял кирпичи и трубы, норовил ударить током, обрушивал баллоны и блоки и гадил иными способами. Но ничего похожего на прошлый проход не было. Я проскочил до дверей, но не стал выходить в иной мир, а вернулся обратно. Главным было пройти, проверить, можно ли совершать переходы. Теперь есть что показать парням, когда они придут...

В общем, с таким приподнятым настроением я и начал подготовку к защите. Хороший итальянский костюм был закуплен заранее, как и обувь. Ремень, рубашка — все взял в Москве, в дорогом магазине. Но это часть дела.

Вторая часть — цацки. Причем не только золотые, но и качественные. Я подъехал к знакомым и объяснил суть дела. Парни сперва были сильно удивлены — знали, что я весьма равнодушен к подобного рода украшениям, но потом все поняли, прониклись идеей. В результате мне предложили: золотую цепь толщиной в большой палец с крестом таких размеров, что можно использовать вместо кастета; четыре мощные печати, две с бриллиантами, одну с платиновым рисунком; три цепочки на запястья; часы фирменные, от «Ролекса» до «Ориона»; пиджак малиновый, крутой до невозможности; три машины — «мерседес» последней модели, «лексус», «форд». И прочие атрибуты «крутой» серии.

Часы, одежда у меня были, цепочку на шею брать не имело смысла — из-под рубашки не видно. А вот цепочку на запястье и печатьку я взял. И «мерседес». Для представительности.

Еще отказался от двух официантов, которые должны были по замыслу парней стоять у дверей аудитории в фирменных нарядах и с серебряными ведерками, где бы во льду остывали бутылки шампанского. Французского. Это было бы круто, но... доводить до инфаркта профессуру в мои планы не входило.

Словом, парни отвели душу, а я был готов к защите.

...За полчаса до назначенного времени я лихо подкатил к центральному входу академии на черном «мерсе», только недавно отмытом до блеска. Припарковав его среди старых «жигулей» и «волг», степенно поднялся по лестнице, сопровождаемый изумленными взглядами студентов, и не спеша пошел в лабкорпус. Тот самый, откуда год назад провалился в иной мир.

...А дальше была защита. Вернее — было представление. Комиссия — восемь человек — с ошарашенным и недовольным видом слушала доклад, больше глядя на меня, чем на чертежи.

Перед ними стоял яркий представитель того самого класса, который они так ненавидели. Один из «бизменов», самоуверенный, наглый, разодетый в импортные шмотки, увешанный золотом выше крыши.

Профессор, ранее запретивший приходить на защиту в ином наряде, кроме костюма, буквально дышал ненавистью. Особенно его добивала указка с лазерной насадкой. Легкая изящная штучка на золотой цепочке сильно отличалась от деревянной палочки, лежавшей на столике. Как отличался мой костюм от костюмов других студентов и профессоров.

Против обыкновения мне задали не четыре-пять вопросов, а все десять. Хотели нащупать брешь в знаниях, снизить балл. Но не вышло. Память, получившая допинг от Ворот, не давала сбоев, да и мозги соображали хорошо.

Среди комиссии только один человек не исходил злостью — мой куратор, профессор Салтыков. Он отлично понимал меня и только слегка улыбался, слушая вопросы коллег. Впрочем, те вынуждены были сдерживать порывы. Весь процесс защиты снимал на видеокамеру оператор, нанятый мной. Оставлять на пленке свидетельства своей необъективности комиссия не хотела.

А потом было общее построение и оглашение результатов защиты. Одним из последних назвали меня. «Томилин Артур Григорьевич — пять». Все! Отыгрался. Учеба позади!..

Я сдал пояснительную записку и чертежи, получил «бегунок» — лист, с которым надо обойти полтора десятка кабинетов и получить подписи и штампы, — и поехал домой. А через час, уже в обычной одежде и на своей машине, приехал обратно, заполнять тот самый «бегунок».

До конца дня занимался срочными делами в академии, бегая по кабинетам, потом сдал «бегунок» и узнал, что диплом с вкладышем получать через месяц. Уже к вечеру, немного уставший, приехал домой и, едва зайдя в квартиру, услышал трель телефонного звонка.

— Артур.

Оба-на! Марк! Собственной персоной.

— Привет пропавшим. Вы где?

— Завтра в десять будем у тебя.

— Да? Отлично. Жду...

Я положил трубку, сел в кресло и закрыл глаза. Вот и все. Завтра приедут парни, и мы будем думать, что делать. И с Периметром, и вообще, по жизни. Теперь — все вместе...

К выходным дням город опустел. Обезлюдел. С дорог исчезли машины, по вечерам в ресторанах, барах и кафе пустовали столики. Замерли рынки, стало очень мало покупателей. Дорогие магазины простаивали без покупателей с толстыми кошельками.

Конечно, к субботе большинство горожан покинули Рязань: кто на дачи, кто за город отдохнуть, кто-то вообще уехал на море. Но основная причина того, что в городе стало пусто, — предстоящие выборы президента.

Новоявленные богатеи, быстро сколотившие миллионные капиталы, нувориши спешили покинуть не только город, но и страну, вполне резонно опасаясь за свои кошельки и за свободу, если к власти вдруг придет кандидат-коммунист. Все боялись возвращения в старые времена, когда за кражу в особо крупных размерах ставили к стенке, а валютные операции приравнивали к спекуляции. И тоже не по головке гладили.

Бандиты — новые хозяева страны — попрятались по углам. Они, как никто другой, знали — на каждого давно заведено персональное дело, и милиция только ждет команды «фас», чтобы прихлопнуть всех «чисто конкретных парней».

Словом, все ждали результатов выборов. Ажиотаж стоял нешуточный, скандалы следовали один за другим, все громче и громче. Дело доходило до откровенного маразма и явных подлогов. Власть, напроць упустившая бразды правления и разворовавшая страну до предела, боролась за свое существование.

В самый разгар политической игры, в самый пик событий — в день выборов — ко мне пожаловали долгожданные гости. Себя, как говорится, показать и на меня посмотреть...

— ...Да ни хрена там интересного! — эмоционально объяснял Марк, мрачно глядя на экран телевизора. Там крутили сюжеты с избирательных пунктов. — Было предложение от-

крыть тренировочный центр на Кипре. Тренажерный зал, тир, зал рукопашного боя...

— Ну и?

— Ну и ничего. Лажа! Гарантий никаких, деньги то ли будут, то ли нет, что за клиенты — непонятно, с арендой помещений туманно. В общем, одни обещания и прожекты. Мы это уже проходили.

Это он рассказывал об их срочном отъезде, из-за которого я не мог до них дозвониться. Незадолго до возникновения Периметра им поступило заманчивое на первый взгляд предложение открыть тренировочный центр за рубежом. На Кипре. Идею озвучил один из новых знакомых, приехавший отдыхать в Крым.

Парни предложение приняли серьезно, составили бизнес-план и поехали на встречу с потенциальными кредиторами в Польшу. Но поездка прошла вхолостую. Как оказалось, кредиторы не готовы сразу выложить деньги, возникли проблемы с помещениями под центр... и так далее.

Три недели потеряны напрасно. Потрачены деньги на переезды, сделан определенный объем работ, и все зря. Когда же они вернулись, новый знакомый озвучил иное предложение: идти наемниками в Иностранный легион или поехать в Африку. Тоже воевать. Или готовить других наемников.

Подобные предложения уже поступали парням, и они их отвергали. Сказали «нет» и на этот раз.

— Есть еще одно предложение, — сказал Сергей. — Более реальное. По нашей специальности. Готовить людей из охраны нескольких крупных бизнесменов. Но это в Москве.

— Ого! — вырвалось у меня. — А не слишком рискованно? Только-только ушли оттуда, и снова голову в петлю?

Сергей развел руками.

— А что делать? Искать работу в глубинке? Но там нет денег. За рубеж?.. Пока не выходит.

— Риск, — повторил я. — Даже с учетом того, что вы все концы зачистили... Ладно, вам виднее.

— Ну, с нами понятно, — усмехнулся Марк. — А что у тебя тут происходит? Судя по твоим сообщениям, чуть ли не потоп!

— Да, — кивнул я. — Вроде того. Или похуже...

И рассказал им все. О заброшенном доме, о Периметре, о смертельной пляске во время проходов, о других мирах, о добыче... И обо всем, что сопутствовало этому.

Слово «пораженный» недостаточно точно передает состояние отважной четверки друзей. Вернее, вообще не передает, но сказать по-другому нельзя. Они слушали меня, не перебивая, не задавая вопросов. Но глаза у них были!..

— То есть, — запинаясь, спросил Толик, — здесь, в Рязани, есть ход в другие миры?

— Да.

— Они... он открыт?

— Да.

Пауза. Осознание. Приведение нервов в порядок. Оценка информации. Анализ данных. Вопросы. Много вопросов...

— Этот Периметр постоянно работает?

— Круглосуточно. Без перерывов на обед и пересменок.

— Кто-нибудь, кроме тебя, его обнаружил?

— Не знаю. Я никого не видел. И трупов внутри не замечал. Вообще с этой улочкой не все чисто. Вокруг здания явный фон излучения. Не знаю принципа работы и спектра рабочих частот, но это излучение вызывает угнетенное, подавленное состояние, вызывает желание уйти, исчезнуть с улочки. Кстати, там нет бродячих собак и кошек, не летают птицы, не видно даже насекомых. Словно все живое оттуда спешно ушло.

— Периметр отгоняет всех, чтобы расчистить дорогу... тебе?

— Не факт. В принципе там может находиться любой человек со здоровой психикой и твердыми нервами. Кто не подвержен панике. Но одно странно. Дома готовы под снос, людей давно выселили. Почему там никто не ведет никаких работ? Ведь сейчас как грибы растут всякие частные дома, офисы, магазины. Место очень удобное, рядом дорога, рынок...

— Черт! — рывкнул Антон. — В голове не укладывается! Этого не может быть!

— Ты мне не веришь? — усмехнулся я.

— Я не об этом. Но... Ворота, Периметр... иные миры. Это за гранью возможного...

Я достал из тумбочки золотые бруски и положил их на пол.

— Вот вещественное доказательство и заодно добыча второго прохода.

К брускам потянулись руки. Парни вертели их, рассматривали со всех сторон, Толик даже попробовал на зуб.

— Золото.

— Не очень качественное...

— Похоже на заготовки для монет.

— Bravo, маэстро, — кивнул я Марку. — Угадал. Именно заготовки. Десять кило золота, пусть и не высшей пробы. Неплохая добыча за несколько часов скитаний. Сначала по Периметру, потом по другому миру, потом опять по Периметру.

— Везет тебе на подобную добычу. — Сергей положил брусок обратно. — Но ведь это не все, что ты хотел нам сказать?

— Да. Не все. — Я обвел их взглядом. Кашлянул. — Есть и еще кое-что...

— Давай. Добивай нас окончательно.

— Первое. Возникновение Периметра говорит о том, что та контора с Анкивара продолжает поиск проникшего объекта. Не знаю, почему они сами не вышли на меня, но, думаю, это вопрос времени. А значит, здесь появятся хваткие парни из иного измерения. Уверяю, никаких дружеских объятий «братьев по разуму» не будет. У них четко отлаженный механизм освоения новых земель. Правда, этот механизм дал сбой в Руси, но здесь они постараются все сделать как надо.

— Ты уверен, что Периметр принадлежит той конторе? — спросил Толик.

— Да. На основании такого факта, что Ворота и Периметр действуют одинаково — перебрасывают в иной мир. Разница в одном — Ворота совершают перенос сразу, а Периметр после долгой и упорной попытки убить того, кто переходит.

— В тот раз ты рассказывал, что хозяева Ворота иногда сами не знают, как и когда срабатывает их устройство. Возможно ли, что и Периметр возник здесь без ведома той конторы?

Это уже спросил Марк.

— Вполне возможно. Более того, мой первый переход, похоже, никто не засек. Точнее — наш переход. Но в любом случае нельзя надеяться на то, что сюда никто не придет.

— Периметр может исчезнуть сам? — подал голос Сергей.

— Не знаю. Думаю, да. После нашего провала в лабкорпус Ворота закрылись. Но когда исчезнет Периметр — сказать нельзя.

— Выходит, мы теперь живем под давлением того факта, что рано или поздно сюда наведаются некие парни из другого мира и устроят здесь что-то вроде резервации... — подвел итог Антон.

— Не факт. Повторяю, в Ругию они не рискнули влезать. Слишком высокоразвитый мир. Можно и ядреную бомбу на голову схлопотать. Как здесь... не знаю.

— Весело... — хмыкнул Антон. — Дожили, инопланетяне шастают как дома, вторжение, резервации...

— Угу, — в тон ему добавил Толик. — Устроят охоту за Артуром. Вот тогда будет совсем весело.

Повисла очередная пауза. У парней шел процесс освоения информации. К тому, что я в свое время погулял по мирам, они привыкли. Тем более мои скитания остались позади, а неведомые Ворота исчезли. Восприняли мои слова как правду, но... отдаленную.

А теперь инопланетная техника вторглась в их жизнь и вносит свои коррективы в планы на будущее. К этому надо привыкнуть, осознать, принять головой...

— А что ты там говорил — первое, второе... — вдруг поднял голову Марк. — Что второе-то?

— А второе... — Я катнул носком брусок. — Добыча. Золото. Не факт, что нам сразу подфартит, не факт, что золота будет много, но сходить можно не один раз, а десять, двадцать...

— Спятил? — постучал пальцем по виску Сергей. — Какое золото? Ты хочешь, чтобы мы сунули голову в петлю? Да еще такую...

— Прежде чем до золота добраться, надо проскочить Периметр. А это риск. И риск немалый, — согласился с Сергеем Толик.

— Немалый, — кивнул я. — Но ненамного больше, чем рискуете вы, возвращаясь в Москву. И не больше, чем рисковали, когда хвосты обрубали. Вся наша жизнь — риск. И потом, сколько вы будете зарабатывать в месяц? Две шутки? Три? И долго это будет продолжаться? Год, пять? Мы никак не выскочим из этой ямы. А здесь есть возможность забрать достаточно золота, чтобы раз и навсегда решить финансовую проблему. И спокойно ехать на Запад.

Молчание. Парни опять думали. Впрочем, думал и я. Идея, раньше казавшаяся вполне логичной и правильной, теперь таковой не выглядела. Авантюра с непредсказуемым исходом. Да еще с запашком откровенного грабежа. А это уже недопустимо.

— Артур, могут разведчики этих...

— Анкивара?

— Да. Могут они появиться здесь?

— Вполне. Если обнаружат планету.

— Тогда начнется экспансия.

— Да. Разведка, строительство станции, выход в мир, сбор информации... А дальше — по плану. Как они действуют, я немного знаю, но там разведка велась в средневековых мирах. От каменного века до века восемнадцатого. То есть миры слабо развитые. В том числе и географически. Легко найти пустующий остров и даже материк. Судя по тому, как они вели себя в Ругии, можно предположить, что сперва будет тщательная разведка, а потом...

Я пожал плечами, глянул на Тарасыча.

— Кто знает? Попробуют выйти на контакт с правительством страны? Или нескольких стран?.. Будут работать, не афишируя своего присутствия?.. Но одно точно: начнется экспансия, не исключено — военная.

— То есть на Земле начнется война?

— Возможно.

Поняв, к чему клонит Сергей, парни переглянулись. Перспектива нерадостная. Что бы сейчас ни решили, какие бы планы ни строили, все они могут не стоять выеденного яйца. Потому что сюда, домой, может прийти война. Раньше, чем ожидали. И с другим противником.

— И что будем делать? — подал голос Антон.

— Ничего. Жить. И ждать. Придут, не придут — никто не скажет. Но упускать шанс заполучить богатую добычу нельзя.

Сергей глянул на меня, кивнул. Добавил:

— Вполне вероятно, что нам придется... повоевать с ними. А посему — Периметр надо осваивать. Вы как?

— Да. Видимо, другого выхода нет, — сказал Антон.

Марк и Толик молча кивнули, соглашаясь.

— Артур, тебе все карты в руки. Ты там был, знаешь что к чему. Подготовка, пробные проходы — на тебе.

— Не вопрос. Все готово. Компьютерная схема Периметра, характерные особенности, потенциальные источники угрозы, вероятность нападения в каждом помещении. Анализ всех действий Периметра вплоть до скорости рекомендуемого передвижения по комнатам. Разумеется, это на основании пяти проходов по Периметру. Статистического материала мало, но чем больше будем проходить, тем больше его будет.

— Сразу видно, поработал настоящий полковник, — без улыбки произнес Сергей. — Ладно. Так тому и быть. Нам надо несколько дней на обустройство личных дел, и потом... мы в твоём распоряжении.

— Отлично. Я пока проинспектирую наши заначки, закуплю форму.

— Давай. — Сергей встал. — Через три дня созвонимся. Если что произойдет — сообщай сразу.

...Уже на выходе Марк, немного задержавшись, ткнул меня в плечо и негромко сказал:

— Не лезь на рожон, полковник. Подожди нас.

— Вместе полезем, да?

Мы одновременно усмехнулись и пожали друг другу руки... Мы оба не знали, на что обрекали себя, принимая такое решение...

— ...Но мухлеж был еще тот! Какие подсчеты, какое голосование!.. Урны, бюллетени... Херня! Все до последнего слова херня!

Марк сел рядом на старое сломанное сиденье от стула, вытер мокрый лоб и громко выдохнул. Дрожащими пальцами расстегнул две верхние пуговицы на куртке и протянул руку к бутылке с водой.

— И что с результатами?

— Ничего. Этот... коммунист... победил. По крайней мере так показали подсчеты.

— Ну?

— Гну! — Марк сделал два больших глотка, прополоскал горло и выплюнул воду. Потом отпил и фыркнул. — Пришли к нему, сказали о результатах. Мол, все, престол твой. А он в отказ. На хрена ему такой геморрой?! Проще сидеть в оппозиции, облаивать каждый шаг и выставлять себя заступником народным.

— Да-а... Весело...

— Очень.

— Игра такая. Русская народная — выборы президента. Как говаривал товарищ Сталин, важно не как проголосовали, а как подсчитали...

Марк промолчал, допил бутылку и бросил ее в угол, в кучу мусора.

— Ну, шо, командир, хорош на сегодня?

— Да. Хорош. И на сегодня, и вообще.

— Думаешь, хватит? Освоили?

— В пределах нормы. По четыре прохода — достаточно, чтобы понять главный принцип и привыкнуть к нему.

— Ага. — Марк с усилием встал, кое-как отряхнул ладони и подвернул левый рукав куртки. Тыльная сторона запястья покрыта застывшей кровью, два длинных пореза шли от ми-

зинца к большому палыцу. — Привыкнуть — это точно... пошли отсюда.

Мы встали и, высоко поднимая ноги, пошли к дальнему пролому в стене, где под кучей битого кирпича и досок стояли несколько ящиков со снаряжением и одеждой.

При свете мощного фонаря сняли порванную пропотевшую одежду, наскоро смыли пот и кровь, по очереди поливая друг друга из канистры, и надели повседневный наряд.

Через пять минут вышли из заброшенного здания и сели в старую «шаху»*, спрятанную в кустах. Вырулили на дорогу и поехали ко мне домой, оставляя позади пройденный Периметр.

...За последние десять дней это был мой сорок второй проход Периметра. По четыре каждый день. Сперва я ходил с каждым из четверки, подстраховывая и помогая, потом мы ходили по трое, потом всей пятеркой.

Это было нелегко. Периметр явно не привык к столь многочисленной экскурсии и сначала действовал стандартно, сконцентрировав все усилия на уничтожении первого. Остальные выпадали из поля его зрения. Впрочем, на второй день он перестроился и начал охоту за всеми. Кирпичи, вода, кипятки, электроток, падающие полы и потолки, стекло и пластик... В ход шло все.

Поначалу парни были свехосторожны, шли скованно, готовые отпрянуть при первом же подозрении на опасность. Конечно, получали по полной программе, но не смертельно и даже не очень сильно.

Потом пообвыкли, освоились и начали ходить спокойно. Не в смысле полностью спокойными, а уверенно, твердо. Этому способствовали и прежний опыт, и постоянный анализ проходов и предварительная подготовка, и навык, полученный в прежних «прогулках».

Раны, конечно, получали, все, и я тоже, но теперь они стали легче, менее опасны. Периметр работал в своем прежнем режиме, постоянно подавливал на ошибках и норовил

* ВАЗ 2106 «Жигули».

завалить где-нибудь в подвале, в длинном темном коридоре или на узкой хрупкой лестнице.

Но мы успевали первыми. И выживали. Я постоянно ждал новых подлянок и изменения принципа работы, но хозяева Периметра не спешили пускать в дело все козыри. Это одновременно успокаивало и тревожило.

— ...Странно это все.

— Что — все?

— Все. Периметр, его принцип работы, устройство. Возникновение в нашем мире, непонятная избирательность...

Сергей отложил в сторону наколенники, достал сумку и начал складывать туда амуницию. Рядом сидел Антон, тоже убирая вещи в сумку. В другой комнате Марк и Толик приводили в порядок снаряжение — фонарики, радиостанции, наполняли водой фляги, раскладывали по отдельности аптечки, пакеты первой помощи... Мы готовились к первому проходу в иной мир.

— Что странно? — повторил вопрос Серега.

— Понимаешь, эта игрушка сложнее, чем я думал.

— То есть?

— То есть задача Периметра не только убить того, кто по нему идет.

— С чего ты взял? — взглянул на меня Антон. — По-моему, сколько мы ни ходим, он то и дело норовит оправить нас на тот свет.

— Да, — кивнул я. — Так вроде все и обстоит. Но всегда, всегда! Периметр дает шанс уцелеть. Пусть минимальный, крохотный, но шанс. Я рассказывал, как он меня гасил в третий заход. Так вот, только недавно сообразил, что Периметр не дал мне подохнуть.

Сергей хмыкнул, покрутил головой.

— Он тебя спасал, когда обрушил стену? Так что ли?

— Так. Не смейся, но именно так. Подумай сам, чего проще в первом же помещении обрушить вниз сразу весь потолок. Разом! Шансов на спасение не будет никаких. Раздавит в один миг. На этом вся игра закончится. Причем выглядеть все будет очень естественно и обычно. Но вместо этого Периметр

раз за разом гоняет нас по комнатам и коридорам, норовит уложить наглухо и каждый раз оставляет лазейку. Шанс минимальный — один к ста, к тысяче, но он есть!

— Выходит, хозяева Периметра зачем-то проверяют нас на... — Серега не сразу нашел точное слово. — Вшивость?

— Не знаю. Насколько я в курсе, Ворота не всегда слушали хозяев. Возможно, и Периметр дурит по своей инициативе. Раньше я только подозревал, а теперь почти уверен, что у Периметра есть второе дно. А то и третье. Слишком уж не укладываются в человеческую логику его действия.

— Артур, — позвал Марк. — Ты того... не увлекся разгадыванием Периметра? Здравый смысл не потерял?

— Суди сам. Первое — почему только мы знаем о Периметре и можем к нему подойти? Ну ладно я — старый путешественник по мирам. Но вы? Как вы смогли войти в него?

— Ответ только один — мы были с тобой.

— Вполне вероятно. Но тогда вопрос: что я за цаца, которой позволяют водить с собой друзей?

Марк пожал плечами. Ответа не было.

— Дальше. Оцените свое состояние. Я имею в виду психологическое, физическое, моральное... Постоянная балансировка на грани смерти изменила вашу психику довольно сильно. Говорю так уверенно, потому что и сам испытал подобное. Даже война, где психика тоже здорово меняется, не идет ни в какое сравнение с Периметром. Там — возможность погибнуть от пули или снаряда противника, а тут... Кто нас убивает? Анкиварцы? Не факт. Природа? Тоже сомнительно. Последние десять дней мы живем по правилам одной игры — каждый день по несколько раз суем голову в петлю, а потом возвращаемся к нормальной жизни. Каждый раз идем туда, понимая, что в любой момент можно подохнуть, и выходим как ни в чем не бывало.

— Ты хочешь сказать, что Периметр стал своего рода зарядкой? Утром сделал — и вперед, по делам. А вечером опять... зарядка?

— Что-то вроде того. Нет, у нас не появилось отупение от череды проходов. Просто мы... черт, как это назвать-то! Мы

перешагнули границы нашего обычного восприятия жизни. А если добавить сюда осознание — именно осознание! — факта существования иных миров, то мы...

— Мутанты! — закончил мысль Толик.

— Да. Не уроды, а мутанты. С иной психикой, иным уровнем восприятия и ощущения.

— И с иным организмом, — вставил Антон. — По крайней мере ты.

Я кивнул. Усмехнулся.

— Да. Пока.

— И какой же вывод? — подал голос Сергей.

— Окончательный вывод делать рано. Но можно считать, что мы вышли за рамки обычного человека. И теперь готовы... к большему, так, что ли...

— К чему большему?

— Не знаю.

— Меня волнует другое, — вздохнул Сергей. — Если твои догадки, Артур, верны, то можно ожидать, что Периметр решит повысить ставку. И сделать шанс не один к ста, а один к миллиону. Или устроит иную пакость, когда поймет, что мы уже не совсем мы.

— Возможно. У нас один выход — измениться еще больше до того, как Периметр начнет менять условия игры.

— Или выйти из нее совсем.

— Да. Но, боюсь, такого он нам не позволит.

— Ладно, спорщики, — встал Толик. — Запугали своими пророчествами. Давайте завязывать со спорами о смысле жизни и сложности бытия. У нас через полчаса первый проход в параллельный мир. Тьфу! В расходящийся. Это Артур у нас все знает и умеет, а мы как первоклашки. Первый раз в первый... мир.

— О'кей. — Я встал, хлопнул ладонью по ноге и усмехнулся. — Тогда пошли, странники. Покажу, что там, за гранью восприятия.

— ...Надо арсенал пополнять. С такими темпами мы расстреляем патроны за две недели.

Антон вставил последний патрон в магазин, положил тот на брезент, отбросил пустой цинк в ямку и встал. Подхватил тряпку и стал тщательно вытирать испачканные смазкой руки.

— Вот и займешься боеприпасами, — откликнулся Сергей. — У тебя в этой части обширные связи, проблем не будет.

— Когда?

— После выхода. Заодно насчет остального поговори. Если теория Артура верна, нам скоро все это пригодится...

Впереди, метрах в тридцати, на ближнем краю длинного глубокого оврага, раздались выстрелы. Били из автомата одиночными и короткими очередями.

— Ну что, господа, — я подхватил автомат, вставил в него магазин, — последний заход?

— Пожалуй. — Сергей встал, глянул на часы. — Скоро три... надо еще все убрать и помыться. А то несет...

Он понюхал рукав куртки, сморщил нос. Пахло порохом, смазкой и потом. И керосином. Чем же еще может пахнуть на стрельбище?

Через пять минут из оврага вышел Марк, за ним, слегка ковыляя и припадая на левую ногу, Толик. Увидев нас, Марк махнул рукой.

— Ваша очередь. Мишени я развесил.

— Хорошо, — кивнул Сергей и повернулся к нам с Антоном. — Пошли доработаем.

Побросав тряпки, мы двинули за ним, на ходу договариваясь о последовательности действий и порядке стрельбы. Нас ждал последний заход большой трехчасовой тренировки...

Постоянные занятия мы возобновили после третьего прохода, самого удачного в плане легкости и в плане добычи. И, пожалуй, решающего в отношении дальнейших действий.

...Вояжи через Периметр мы начали почти три недели назад и к сегодняшнему дню совершили семь «прогулок».

Первый выход был больше ознакомительным. Довольно успешно проскочив Периметр, вышли в другой мир через заброшенный амбар на окраине небольшой деревни. После короткой разведки я как наиболее опытный определил, что мы попали в

век эдак тринадцатый-четырнадцатый. Судя по одежде людей, виду домов и общей обстановке. Чуть позже версия нашла подтверждение — в деревню прискакал всадник в кожаных латах с нашитыми поверх металлическими пластинками. На бедре висел длинный кинжал, на седле — боевой топорик.

Деревня стояла неподалеку от леса, где-то рядом текла река — пахло свежестью и водой. Было тихо и спокойно. Но мы не стали покидать укрытие. Внимательно рассмотрели деревню, Толик сделал несколько снимков, послушали разговор двух женщин, стоявших метрах в двадцати от нас. Те разговаривали на смеси славянского и какого-то тюркского языка. Понять можно с пятое на десятое.

Никакой добычи ждать не приходилось. Просидев минут сорок, мы двинули обратно. Сейчас, в самом начале, нас больше волновала не добыча, а дорога домой. Периметр бил не насмерть, но жалил сильно.

Второй проход вышел чем-то похожим на первый. Нас опять выкинуло в деревне, только век на дворе стоял более поздний. Впрочем, мнение спорное, но вот карета, какую мы заметили у дверей кузницы, не могла принадлежать к эпохе рыцарства. Скорее к эпохе мушкетеров.

И опять ушли несолоно хлебавши. Впрочем, одного набрались выше крыши. Впечатлений. Парни смотрели во все глаза, щелкали фотоаппаратами и качали головой. Чудеса! Соседние миры!

А вот третий проход вышел «золотым». Во всех смыслах...

...На этот раз выкинуло на окраине небольшого портового города. И, пожалуй, в самый подходящий момент — поздним вечером.

Выскочив из какого-то сарая, сыгравшего роль выходной двери Периметра, мы засели за каменным забором и внимательно осмотрелись.

Двух-трехэтажные дома, узкие мостовые, выложенные брусчаткой, чадающие фонари, дававшие слабый свет, хитросплетения улочек.

Пахло морем, жареным мясом и рыбой, пивом и той гадостью, что сгорала в фонарях. Со всех сторон звучали громкие

голоса. Кто-то пел, кто-то ругался, кто-то кричал. Цокали по булыжникам подковы коней и каблуки сапог, всхрапывали лошади, визжали свиньи, где-то вдалеке громко щелкали редкие выстрелы.

По улицам сновали люди, одетые в наряды самых разных фасонов и цветов. Все поголовно вооружены. По одежде и оружию мы приблизительно высчитали эпоху, в какую попали. Век семнадцатый. Плюс-минус полвека.

После недолгого совещания решили провести небольшую разведку в пределах города. В конце концов стало интересно, куда это нас занесло и как тут живут.

Так как народу в городе было много и одеты они весьма разнообразно, мы вполне справедливо решили, что не будем сильно выделяться на их фоне. Тем более ночью.

Прогулка вышла бы чисто познавательной, не реши Антон заглянуть в порт, посмотреть на средневековые корабли, так романтически описанные грандами зарубежной и отечественной литературы. Сочтя такой интерес вполне обоснованным, мы двинули к морю.

Узкая дорожка вывела нас к западной окраине порта. Здесь стояло десятка два деревянных и каменных строений разной длины, высоты и ширины. Брусчатка давно закончилась, и мы топали по грунтовке, то и дело попадая в небольшие ямы и колдобины.

Улицы с их коптилками остались позади, так что путь нам освещала ущербная луна. Доставать фонари мы пока не рисковали. И так неплохо видно.

А потом Серега угодил в яму, замаскированную низкорослым кустарником. Вылез он оттуда, матеря вполголоса местных строителей и раздолбайство городского руководства.

Включив наконец фонари, мы поняли, что заплутали, и вышли к неглубокому узкому оврагу. Решив все же пройти к порту, двинули вдоль оврага к стоявшему отдельно от других строению — деревянному сараю с плоской полуразрушенной крышей.

Слабый огонек, горевший внутри сарая, первым заметил Толик. Потом донесся слабый вскрик и забористая ругань.

Ругались на странной смеси английского, немецкого и какого-то еще языка. Я, Серега и Толик английский знали, но понимали через слово. Марк и Антон неплохо знали немецкий, но что говорят в сарае, почти не понимали.

Решив посмотреть, что там происходит, мы подошли ближе и стали свидетелями интересной беседы. Интересной в плане ее проведения.

Шесть человек вели беседу с двумя другими. Интерес же состоял в том, что последняя парочка была связана и сидела около столба, примотанная к нему толстыми веревками.

Судя по одежде и богатому вооружению, мы признали в тех шестерых пиратов. По крайней мере они выглядели почти так, как показывают пиратов в кино. Пара несчастных пленников была одета немного лучше, но в принципе их наряд не очень сильно отличался от наряда пиратов.

После пары минут подслушивания стало ясно, что пираты выпытывают месторасположение некоего тайника, где какой-то капитан Давурэ оставил кассу корабля. Причем, насколько мы поняли, один из пленников был родственником капитана.

Возможно, пленники и не были склонны делиться нужной информацией, но пираты пустили в ход очень сильный аргумент — раскаленный на костре железный прут. Кстати, огонь костра мы и увидели сквозь полусгнившие и отвалившиеся доски сарая.

После нескольких прижиганий различных частей тела пленник, тот, что помоложе, не выдержал и выдал тайник. Выяснив все, что им было нужно, пираты быстро переправили пленников на тот свет и, возбужденно переговариваясь, вышли из сарая. Как мы поняли, они решили откопать тайник немедленно, пока капитан Давурэ и его люди не начали поиск пропавших людей.

Тайник мог иметь только одно содержимое — золото и драгоценности. Вряд ли пираты устроили допрос ради каких-нибудь бумаг. Век акций, вкладов и поручительств еще впереди.

Не раздумывая, мы последовали за ними, вполне резонно предполагая, что пираты приведут нас к добыче.

В общем, так и вышло. Пираты, отчего-то мало озабоченные возможной слежкой, вывели нас на одну из узких улочек города, миновали какое-то высотное (по местным меркам) здание — то ли ратуша, то ли муниципалитет — и нырнули в переулок.

Цель — разрушенный дом. Раньше он имел каменные стены, но, видимо, в ходе некоего катаклизма потерял первоначальную форму. Катаклизм, по нашему разумению, имел вид пушечных ядер. Кто, когда и каким образом сумел затащить в центр города пушку, чтобы разнести по камешку довольно большое здание? Видимо, хозяин дома ему очень сильно насолил.

Кстати, вокруг дома был небольшой пустырь. Видимо, с момента катаклизма здесь никто не рисковал селиться. И сейчас заброшенное здание имело весьма плачевный вид.

Дойдя до цели путешествия, пираты вдруг вспомнили об осторожности, оставили у входа двух человек и вчетвером зашли внутрь разрушенной каменной коробки.

Мы заняли удобные позиции за камнями и кустарником и стали ждать. Лезть самим и устраивать войну внутри незнакомого здания — дело довольно рискованное.

Минут через пятнадцать пираты выползли из развалин. С собой они прихватили довольно немаленький сундучок. Судя по тому, как его тащили два человека, он имел такой же немалый вес.

А дальше все было прозаически просто. Короткие переговоры по радиостанции, распределение целей и дружный залп. Бесшумный, потому как работали «стечкины» с глушителями. Вообще АПБ — вещь незаменимая для подобных мероприятий. В свое время мы отвалили неплохие деньги за оружие и никогда об этом не жалели.

Через тридцать секунд все было кончено. Тела мы оставили у дома, а сами подхватили сундук и поспешили обратно. Пора и честь знать...

Обратный путь вышел несколько более долгим. Оказывается, в этом городе была стража. Как и всякая структура, призванная охранять порядок, она всегда опаздывает к разгару

ситуации и тут как тут в самый неподходящий момент. То есть после схватки.

Стражники, числом аж трое, преградили нам путь неподалеку от входа в Периметр. Стальные кирасы, шлемы с широкими полями на головах, на поясе рапиры, в руках — кремневые ружья.

Они попробовали заступить нам дорогу и даже выставили свое грозное оружие, но мы не стали устраивать бойни. Стражники понятия не имели о правилах ближнего боя и никогда не слышали, что нельзя подпускать вплотную потенциального противника.

Думаю, когда они пришли в себя, то кое-какой урок извлекли. А тогда, на тесной улочке, — вряд ли что успели увидеть и понять. Несколько ударов, пара бросков, и дорога расчищена.

Что именно лежало в сундуке, мы узнали, когда пересыпали добычу в рюкзаки. Золотые слитки, монеты и несколько драгоценных камней. Общий вес найденного — около двадцати килограммов. Очень и очень неплохо для первого раза.

Распределив груз на каждого, мы выкинули сундук, проверили снаряжение и открыли дверь в Периметр. Дело сделано...

После прохода парни, до этого слабо верящие в материальный успех дела, воспряли духом. К тому же, проведя пусть и незначительную акцию в ином мире, почувствовали себя более уверенно. Что не могло не радовать.

...Два следующих прохода прошли впустую. Мы вплотную познакомились с бытом раннего и позднего средневековья, даже пообщались с представителями этих эпох и один раз влезли в небольшую драку, но никакой добычи, кроме нескольких образцов оружия, не привезли.

А шестой проход опять выдался «золотым».

...Нас перенесло в развалины древнего замка. Очень древнего. Потому что он был заброшен и успел зарости крапивой, травой, кустарником, лопухами и боярышником. Некогда высокие стены снесены почти до основания, огромные глыбы из стены разбросаны в художественном беспорядке, ров давно

заполнился водой и стал маленьким болотом. Сплошь покрытым мхом.

На этот раз Периметр расстарался. Высадил нас в довольно тихом, безлюдном месте. Неподалеку от заброшенного замка был небольшой городок, окруженный с трех сторон лесом, речкой и березовой рощей. Левым краем роща выходила к замку.

Да, так вот! Постарался Периметр, всадил аккуратнo, в тихое место. Одно плохо — в самый разгар войны.

...Война, она такая гадкая штука, никогда хорошей не бывает. Какие бы цели ни преследовали ее инициаторы. И не важно, какой на дворе век и чем, собственно, воюют противники — мечами и стрелами или пулеметами и ракетами.

Смерть — она везде смерть, ей все равно, где собирать урожай. Ей по фигу, от чего гибнут двуногие цари природы. Главное — взять как можно больше жизней.

Век на дворе был восемнадцатый плюс-минус тридцать лет. В ходу кремневые ружья, пистолы, пушки, харкающие чугунами ядрами. Летает по просторам быстрая как ветер конница, сверкая серебром клинков, тяжело ходит по грешной земле царица полей — матушка-пехота в красивых ярких одеждах, перепачканных и пропыленных до невозможности. Бороздят грунтовые дороги тяжелые пушки, перетаскиваемые першеронами. Пули здесь круглые, калибры огромные, скорострельность — выстрел в минуту. А то и меньше.

Со стороны — все словно не настоящее. А люди гибнут каждую минуту. Потому как это — всерьез.

...Сразу за рощей расстиралось поле. Довольно просторное, с двумя мелкими овражками и руслом неглубокой речушки, берега которой заросли кустарником. На этом поле и происходило сражение, свидетелями которого мы стали.

Два конных отряда человек по двести — триста схлестнулись в жесткой рубке неподалеку от речки. Свистели клинки, твкали редкие выстрелы ружей и пистолей, визжали раненые лошади, орали всадники.

Оборону держал отряд в зеленой форме, их атаковали всадники в сине-красных кафтанах с затейливым гербом на

груди. Судя по всему, двуцветные клонили чашу весов на свою сторону. Они отжимали врага к реке, дробили его силы на небольшие группы, окружали и уничтожали поодиночке.

Зеленокафтаннные отступали. Сперва осторожно, неохотно. Потом все быстрее и быстрее, окончательно теряя строй. А потом просто побежали. Кто спешил к городку, кто-то ломанулся через речку к роще. Несколько мелких групп пробовали уйти к лесу.

Победители, не отвлекаясь на одиночек, целенаправленно шли к городку. На поле остались только два отряда всадников по десять. Первый отряд начал осмотр убитых, второй шел вдоль русла, что-то выискивая.

Мы наблюдали за сражением, сидя неподалеку от замка на небольшом возвышении. Зрелище, разыгравшееся на поле, захватило нас. Раньше сабельных рубок не видели, поэтому смотрели во все глаза.

Между тем отряд, рыскавший вдоль русла, нашел искомое. Послышались выстрелы, сверкнули сабли — кто-то из проигравших сидел в кустарнике и теперь, будучи обнаруженным, принимал последний бой.

Через полчаса оба отряда собрали в одну кучу богатую добычу — деньги, украшения, драгоценные камни. У сидевших в кустарнике была отрядная касса — победители вывалили на попону кучу золотых монет.

Эта куча и привлекла наше внимание. По самым скромным прикидкам, там было не меньше двух десятков килограммов золота. То что надо. После недолгого совещания мы решили не упускать такой шанс. Тем более есть с чем противостоять превосходящим силам противника.

...Вооружаться по полной программе мы стали после прошлого прохода, когда Периметр выбросил нас в мир начала двадцатого века. Тоже в разгар войны. А там были не примитивные пищали и фальконеты, а пулеметы, винтовки, гранаты и даже танки. Мы не стали устраивать поиск и почти сразу ушли. Но с тех пор снаряжались по полной программе. Всерьез...

Погрузив добычу, сборщики трофеев одним отрядом двинули в сторону города. Как раз мимо рощи. Окрыленные победой, уверенные в себе, они расслабились и не ожидали нападения. Тем более такого.

Когда разом ахнули четыре гранаты, а следом дружно заработали четыре автомата, всадники не смогли оказать никакого сопротивления. Очень уж сокрушительным был удар.

Из двух десятков всадников уцелели двое. Позабыв обо всем, они пришпорили коней, намереваясь уйти к городу. Но Толик, прикрывавший нас с фланга, снял обоих из своей ВСС. На этом бой закончился.

Мы взяли тюк с добычей и скрылись в роще, оставив на пути отхода несколько растяжек. Минут через десять, когда уже дошли до развалин замка, за спиной жажнули две гранаты. Еще две уцелели. Видимо, погоня, напуганная страшным оружием, не рискнула преследовать неизвестного противника.

Несколько небольших золотых слитков, золотые монеты, перстни с драгоценными камнями — общий вес трофеев составил почти двадцать килограммов. Совсем неплохо.

...На обратном пути Антон попал под бетонный блок, слетевший с какой-то ниши под потолком. Толик успел его вытолкнуть, но сам попал под удар отрезка трубы (мы шли по извилистому длинному коридору в полутьме, подсвечивая себе фонариками). Щиток спас ногу от перелома, но вся голень окрасилась в черный цвет. Ему вкатили тубик промедола и залили больную ногу заморозкой. Остаток пути Толик ковылял без груза и оружия, под моей охраной. Стиснув зубы, он дошел до конца, но к машине мы его уже несли на руках.

А когда приехали домой, выяснилось, что и Антон получил сполна — спина представляла собой сплошной синяк, покрытый глубокими царапинами.

Впрочем, травмы разной степени тяжести были у всех. Серега берег левую руку, Марк прихрамывал, я ходил с перевязанным запястьем и рассеченным лбом.

Последние выходы нас измотали, требовалась передышка. И мы решили сделать короткий перерыв...

...На следующее после тренировки утро мы втроем — Сергей, Марк и я — готовились к новому переходу. Шли усеченным составом. Толик все еще не отошел от травмы, Антон пока осторожничал при наклонах и поворотах. С такими болячками им нечего делать в Периметре.

Да и здесь работы полно. Надо переправлять золото, пополнять арсенал, покупать снаряжение. И конечно, выздоравливать. Ускоренными темпами.

Перед самым выходом, уже на пороге Периметра, Марк невзначай заметил:

— Интересно было бы вернуться в тот мир еще раз. Там война, сражения... При некоторой удаче можно насобирать достаточно добычи. Действуя проверенным методом.

— Да, неплохо, — согласился я. — Но Периметр не очень-то настроен работать в режиме воспроизведения. Гоняет нас по новым местам и ищет способы, как быстро и эффективно угробить.

— Да уж... Добра от него ждать нечего. Живыми отпускает, и то хорошо... — Марк пристукнул кулаком по стене и неестественно бодро сказал: — Ладно, потопали, братья-славяне. Новые миры ждут нас!..

Я вспомнил его слова через сорок минут, когда мы, преодолев хитросплетения Периметра, вошли в последнюю комнату. На противоположном конце помещения нас ждали три двери. Три!

Первым их заметил Серега, бежавший впереди. Я чуть замешкался, помогая Марку сбросить кусок колючей проволоки (в коридоре Периметр устроил что-то вроде полосы препятствий), и поднял голову, только когда услышал удивленный возглас Сергея.

А потом двери увидел Марк. И отреагировал весьма энергично.

— Мать её епона, блин!

Настроение у него было паршивым. При попытке миновать широченный коридор с земельным полом он едва не уго-

дил в яму, залитую черт знает чем. Вылез, но упустил фонарик. Поэтому готов был разнести все на части.

Оценивать новшество не было времени, в комнате уже подозрительно поскрипывал пол. Да и железный стеллаж у левой стены не внушал доверия.

«Ладно, если все по-прежнему... левая — домой, правая — новый мир. Средняя!.. Повтор?»

В этот миг я и вспомнил слова Марка. И первым ломанулся в центральную дверь, крикнув:

— Быстрее!

Мы мигом проскочили ее и оказались... на тех же развалинах замка, в мире, где шла война.

Периметр словно услышал нас, уловил желание и внес изменения в свою планировку. Это радовало и тревожило одновременно. Что еще у него в запасе? Чем встретит в следующий раз?

Повторный визит на место боя ничего интересного не принес. Здесь прошло больше месяца (двенадцатикратная разница во времени), трупы и оружие исчезли (наверное, убрали после боя). Война вроде как закончилась. В городке было тихо и спокойно. Следов разрушений не видно.

После короткого совещания решили воздержаться от разведки и покинуть мир после небольшой паузы. На обратном пути Периметр помотал нам нервы, устраивая подлнки одну за другой, но выпустил без серьезных травм.

— Знаешь, такое ощущение, что мы, как раньше, в «командировки» ездим, — сказал на следующий день Марк. — Выход, акция, уход. Только и разницы, что здесь другой мир.

— Сравнил! Тут совсем иначе.

— Да? Возможно. Но похоже.

Я открыл было рот, но... промолчал. Марк не так уж не прав. Человек быстро привыкает к неведомому, чудесному и перестает разевать рот при виде разнообразных странностей. Небывалое становится привычным и обыденным.

Так и мы, привыкли к существованию Периметра, восприняли его не только разумом, но и душой. И теперь ходили

по другим мирам, как раньше ходили на «акции». Разница действительно невелика.

Вечером, когда все срочные дела были сделаны, мы собрались у меня дома, чтобы решить, как быть дальше.

— ...У нас почти пятьдесят кило золота. Не пора ли остановиться? — высказал мнение Серега. — Не факт, что нам и дальше будет везти с добычей. А продолжать рисковать без хороших шансов на успех — последнее дело. Кстати, хозяева Периметра не спешат в гости. Артур был прав, когда сказал, что они могут и не знать о сработке устройства в нашем мире.

— Золото — хорошо, денег мы подзаработали. Можно попробовать начать свое дело где-нибудь в Европе. Скромно, без запросов, — откликнулся Марк. — Думаю, с этим проблем не будет. Но Периметр... Этой штуке я не доверяю. Хозяева пока могут и не знать о сработке, но кто даст гарантию, что они не найдут наш мир после?

— И что нам с ним делать? — вставил Толик. — Сколько сидеть возле него? Может, хозяева лет через сто спохватятся.

— Хозяева — ладно, — несогласно качнул головой Антон. — Найдут, не найдут... это их проблема. А вот нам бросать Периметр не стоит. Семь проходов — пятьдесят кило. А если еще семь проходов? Сколько будет золота? Десять, сто, двести килограммов? Этого металла много не бывает.

— Жадность фраера сгубила, — насмешливо бросил Сергей. — Слышал пословицу? Все золото Вселенной нам не перетаскать. Вечно бегать за добычей нельзя. Лично мне хватит двухсот тысяч баксов и на открытие бизнеса, и на жизнь. Нормальную жизнь без особых запросов и претензий. Будем успешно работать — будет достаток, а нет... и миллион не спасет.

— Согласен, — сказал Толик. — У нас для чего мозги? Чтобы соображать. Неужели не сообразим, как обустроить свое дело? Да и насчет денег... Вместе с последней добычей у нас будет побольше, чем двести тысяч.

— И что? Вот так бросим Периметр?

Антон обвел нас всех недоуменным взглядом. Перспектива оставить дверь в иные миры и просто жить его не привлека-

ла. Он был самым азартным из нас, самым рисковым. Впрочем, это не значило, что он терял голову в погоне за ощущениями. Просто характер у него был такой... активный.

— Что будем делать с Периметром? — повторил он.

Сергей вздохнул, перевел взгляд на меня.

— Артур. Ты у нас главный эксперт по инопланетной технике. Что будет с Периметром, если мы уедем? Артур? Оглох, что ли?

— А? — Я вскинул голову, выплывая из потока мыслей. — Чего?

— Ты не слышал, о чем мы говорили?

— Слышал, — потирая вдруг вспотевшие руки, ответил я. — Слышал... Но словно ушел в дрему. Задумался...

— Ну, так что насчет Периметра? — повторил вопрос Сергей.

— Ничего. Насколько я понимаю, Периметр будет существовать в нашем мире какое-то время. Вряд ли его кто-то найдет. Потом... не знаю...

— О чем ты думал-то? — улыбнулся Толик.

— Знаешь... о том же, что и вы. Только... прикинул, что неплохо бы было вернуться в Аберен.

— Куда?

— Аберен. Куда угодил в первый раз. Там я оставил ящик с драгоценностями. Где-то полсотни кило. Алмазы, рубины, золото... Этого нам бы хватило на всю жизнь.

— С камешками надо быть осторожнее, — проговорил Антон. — Я отдал те, что мы принесли. И мне сразу задали вопрос, откуда они. Рынок драгоценных камней невелик, новая партия, да еще такая большая, вызовет уйму вопросов. А нам оно надо?

— Да. Это так.

— Верно, — кивнул я. — Но там, в Аберене, я могу обменять камни на золото. Пусть и не очень выгодно, но нам и этого хватит. И потом, золото тоже привлекает внимание.

— Меньше.

— Да. Но привлекает. Мы рискуем. Но мы постоянно рискуем. И когда были командировки, и когда вы открывали биз-

нес. Рисковали, устраняя хвосты, рисковали, когда сунулись в Периметр. Такая уж наша жизнь. А Аберен...

Я улыбнулся, вздохнул.

— Просто представил, что неплохо бы туда еще раз попасть. После такой добычи можно и вправду уезжать на Запад.

— Ладно, мечтатели, — хмыкнул Марк. — Что делать будем?

...После непродолжительного спора мы решили устроить еще два прохода. Будет добыча, нет — на этом все. После чего основная задача — подготовить переезд на Запад, используя все связи и финансовые резервы.

— Идем втроем, — предложил Сергей. — Я, Артур и Марк. Антон, Толик — прежние задачи.

Возражений не последовало. Серега, как всегда, предусмотрел все нюансы.

...Восьмой проход был неудачным во всех смыслах. Периметр, словно зная о наших планах, устроил горячий прием. В результате я получил металлической чушкой по спине, Марк слегка ошпарил левую кисть (попал под взорвавшуюся трубу), а Серега сильно распорол бедро.

С такими травмами и фактической потерей боеспособности мы решили не переходить в другой мир и прошли в левую дверь. Пришлось сделать пятидневный перерыв. Раны зажили довольно быстро, причем у всех. Однако в последнем выходе Сергея заменил Антон.

Ближе к часу ночи, когда улицы опустели, а на дорогах стало меньше машин, мы подъехали к заброшенному зданию. Переодевание, подгонка снаряжения, последний «проигрыш» действий, скупые напутствия Сергея и Толика, и мы нырнули в мрачную бездну Периметра.

...В этот раз он нас решил помотать по этажам. Вверх-вниз, вверх-вниз. И каждый раз сюрпризы. То рухнет лестница, то затрещит под ногами пол. Попутно — лабиринты подвалов с тесными проходами и ржавыми трубами над головой, узкие лазы между коридорами, где можно основательно застрять,

темные помещения со всяким мусором, влетающим как по мановению волшебной палочки...

Антон получил обломком бетонного блока по спине, Марк слегка растянул ногу при прыжке со второго этажа, я отшиб руку, когда блокировал упавшую трубу. Уйти не успел — рядом падало еще два отрезка. И это не считая прочих мелочей.

Изрядно повозив нас по коридорам, Периметр выставил в конце узкую клетушку с деревянными стенами и три двери. Косяки покореженные, двери из гнилых досок, без ручек. В комнатенке запах гниения и тухлой воды. Как на болоте. Зажав носы, мы двинули к правой двери. От легкого толчка она слетела с одной петли и повисла на второй, открывая дорогу в темное помещение.

Я вышел первым, подсвечивая фонариком, с трудом пробрался мимо разломанного стола, длинной лавки и лежавшей на боку табуретки без двух ножек.

Нашупал входную дощатую дверь со здоровыми щелями и осторожно толкнул ее. В лицо ударил ветерок с привкусом свежескошенной травы и речной влаги...

...Место я узнал сразу, хотя последний раз был здесь больше года назад, а по здешним меркам — почти тринадцать лет. Солнце недавно взошло и толком не успело осветить окрестности, но глаза легко различили вспаханные прямоугольники полей, неровный ряд одноэтажных домов деревни, длинный сад на окраине и стены замка. Мы были в Аберене.

Я стоял в дверях старой заброшенной избы, где когда-то принял первый бой с местными бандитами, и смотрел на замок, стараясь унять волнение.

Такого фокуса от Периметра я не ждал. Он словно уловил мои мысли, мои невысказанные намерения, мою мечту. Слово понял, что я хочу попасть сюда, и открыл дверь в этот мир. Хотя... Вдруг это простое совпадение?

В голове странно зашумело, виски зашипало, по горлу прошел тугой комок, мешая дышать. Потом все разом прошло, и сжимавшая сердце тяжесть исчезла.

— Артур, ты чего встал? — раздался сзади голос Марка. — Что случилось?

— Ничего. — Я кашлянул, прочишая горло. — Так...

— Что здесь? Куда выбросило?

— Мы в Аберене, господа странники. В Аберене.

Марк вышел из двери, встал рядом и бросил настороженный взгляд по сторонам.

— Это что же... Периметр решил пошутить?

К нам присоединился Антон. Тоже встал у дверей и молча смотрел на замок. На широких скулах ходили тугие валуны желваков.

...В домик, наверное, не заходили лет десять. Стены ушли в землю, покрылись мхом и плесенью. Соломенная крыша наполовину разметана, балка перекрытия подгнила. Дверь в сени тоже сгнила, две доски выпали. Мебель, похоже, не трогали с момента схватки. Только трупы уволокли. На столешнице небольшое коричневатое пятно — от крови.

Периметр, следуя своей неведомой логике, решил, что домик идеально подходит под место переноса. Видимо, старый вариант — сарай в лесу — пришел в полную негодность.

После недолгого совещания было решено провести углубленную разведку и задержаться здесь дольше обычного. Идею подал я, и после недолгого спора парни мою позицию приняли. Последний по плану переход, шанс заполучить солидный куш и знакомые места — причины более чем веские.

— К тому же меня здесь знают, — добавил я аргумент. — И знают с положительной стороны. Если власть не переменялась, нам помогут.

— Если не переменялась, — вздохнул Марк. — А если другая?

— Надо узнать. А для этого нужно провести разведку.

— Ладно. Проведем. Только осторожно.

— Само собой. Само собой...

От заброшенного дома до кабака, где некогда я сживал в ожидании лесных братьев, было всего ничего. И хотя в такой час заведение пустовало, зато хозяева на месте. С ними можно поговорить, разузнать обстановку.

Идя по узкой грунтовой дорожке, я вертел головой по сторонам, рассматривая местность и пытаясь найти отличия, про-

изошедшие за эти годы. И заодно привыкал к факту того, что вновь иду по земле Аберена. Это как возвращение в прошлое, как второй шанс прожить заново эпизод.

Некоторое состояние нереальности происходящего не покидало меня до того момента, как я увидел кабатчика. Тот стоял возле входа в свое заведение, мял в руках грязную тряпку и смотрел на первого сегодня посетителя. Его лицо было мне незнакомым.

...Разговор вышел довольно долгим и интересным. Как и все, кто зарабатывает подобным ремеслом, владелец заведения имел довольно общительный характер и умел поддержать беседу. Правда, его несколько удивил столь ранний визит, но те, кто живет за счет предоставления другим нехитрого набора услуг, не привыкли провередничать.

Косясь на мою одежду и странную железку за спиной (автомат то бишь), он предложил присесть за стол, укрытый от лучей восходящего солнца под кроной дерева, поставил на него кувшин с вином и тарелку с легкой закуской.

Цель своего визита я объяснил просто: иду наниматься в дружину какого-нибудь удачливого дворянина и заодно ищу родственника, который служит в замке одного из господ в столице.

Маскировка простенькая, но вполне правдоподобная. Здесь принято искать лучшей доли, скитаясь от одного замка к другому. Средневековая демократия в действии...

Кабатчик легенду принял и отвечал на вопросы искренне, в пределах своей осведомленности и, если точной информации не хватало, в меру фантазии. Мы сидели в тени, не спеша потягивая слабое вино, уничтожая закуску, и вели неторопливую беседу за жизнь, вполне довольные друг другом. Он — что нашел внимательного слушателя, а я — что нашел источник информации. И не самый плохой. Постепенно я узнал многое из того, что здесь произошло за тринадцать лет.

...Через четыре года после моего ухода началась долгая и кровопролитная война. Сначала с Фаррабом, потом со степью. Два года с перерывами и перемириями Аберен с помощью своих союзников отражал набеги и рейды войск против-

ника. Дважды гремели большие сражения. Враг сначала был остановлен, а потом и отброшен обратно на свои земли.

Аберен устоял. Правда, ценой огромных потерь и фактического разгрома всех приграничных территорий. Король, чувствуя, что противник не успокоился и ждет удобного момента, решил не сидеть в обороне, а ударить сам. В результате в следующие три года были проведены две крупные экспедиции.

Сначала в порядке потрепанный Фарраб, где шах, тряся бородкой и потев от страха, подписал бумагу о вечном мире и дружбе и выплате огромной контрибуции.

Потом наступил черед степи. Пользуясь разобщенностью эмиров, король сумел внести в их стан разлад и разгромить по очереди. А самого сильного и влиятельного лично поставил верховным правителем всей степи. И теперь тот стоит горой за могучего западного соседа, потому что вся его власть держится на мечях преданной гвардии, золотом запасе и авторитете короля Аберена.

В благодарность за помощь и поддержку король отдал дочь замуж за принца Суред — западного соседа. Таким образом, еще больше укрепил и без того сильные связи. По непроверенным слухам, дочь короля Микен (другого соседа) готовят в жены принцу Дарнеку, сыну Мирона.

Последние годы в стране мир и процветание. Нет войны, нет сумасшедших расходов и погромов, королевство понемногу выходит из кризиса. Степь стала союзницей, Фарраб демонстрирует дружелюбие, на севере коварные мергиры меньше тревожат побережье. Часть из них, кто жил ближе к Аберену, перешла к нему на службу, и теперь они сами сдерживают напор дальних сородичей.

Практически ничего не слышно о Клане убийц, хотя загадочные смерти еще происходят в разных уголках королевства. Сильно сдали позиции лесные братья, хотя без швали и бандитов не обходится ни одно государство.

Все хорошо, жаль только, что Мирон последние годы сильно сдал. Здоровье уходит быстро, сил править страной не хватает. Принц Дарнек, которому недавно исполнился двадцать

один год, помогает отцу и берет на себя часть дел. Все ждут, что он скоро сядет на трон.

В разговоре кабатчик сообщил несколько неприятных новостей. Во время рейда в степь погиб барон Сувор. Сейчас замком владеет его малолетний сын с матерью. Парню едва исполнилось десять.

Плох герцог Владин. Раны держат его в замке, делами управляет второй сын, восемнадцатилетний Анри. Кроме того, погиб верный помощник короля маркиз Юстин.

В остальном все нормально, спокойно, жить можно. Хотя ходят смутные слухи, что с южных границ Фарраба идет какая-то напасть. Что за напасть, кабатчик не знал. Ничего конкретного слухи не доносили. Но дворяне беспокоятся...

...Поговорив с кабатчиком, я купил у него хлеба, вареного мяса и соли и пошел обратно. И по дороге обдумывал возможный план действий.

Пока парни уминали хлеб и вареное мясо, я вводил их в курс дела. Попутно отвечал на вопросы. Вопросов было много. И далеко не на каждый я мог ответить.

— ...Твои подвиги забыли? — с набитым ртом промычал Антон. — О славном парне не вспоминают?

— Жуй давай, — усмехнулся я, глядя, как тот жадно откусывает большой кусок хлеба. — Не подавись.

И вновь усмехнулся, вспоминая слова кабатчика.

...О чужестранце, оказавшем большую услугу королю, здесь пока помнили. Более того, кое-какие подробности моих былых походов обросли невероятным количеством слухов и домыслов и перешли в разряд легенд.

Самая распространенная — великий, могучий и злой гайяр, по неведомым простым смертным причинам, поступил на службу королю Аберена, чтобы выполнить три его задания. Он истребил лесных братьев, уничтожил верхушку Клана убийц и принес несметные сокровища к ногам короля. Но, кроме того, за особую плату он спас от смерти дочь короля, для чего ему пришлось убить в страшном поединке мятежного маркиза Корхана.

По легенде, тот продал душу темным силам и стал непобедим в бою. Даже после знаменитой битвы уцелел, хотя его войско полегло целиком. Он стал сильнее самых могучих воинов, ни один человек не мог с ним сразиться. Но гайяр, сам высшее существо, маркиза убил, представил его голову королю в качестве доказательства и забрал ее с собой в верхний мир.

За это король отдал ему шестерых дворян, чтобы они служили гайяру и богу Ночи. Дворяне живыми ушли на небеса и теперь помогают Аберену, предохраняя от напастей...

Фантазия человеческая не имеет границ, а склонность к мистике и вымыслу вообще переходит всякие пределы. Это к тому, как я был поражен, услышав такую версию произошедшего.

В целом суть передали верно, но зато от души наврали и о Корхане, и о его службе темным силам. Хотя легенда, надо признать, вышла красивая. Особенно о шести дворянах, ушедших с гайяром в верхний мир. Местные баяны и вальтеры скотты именно так описали наш отъезд и исчезновение. Ушли на небо... Хм... в чем-то даже верно.

Вот так, нежданно-негаданно, пытаюсь отыскать путь домой, мы угодили в местный фольклор. Эдак лет через шестьсот какой-нибудь аберенский Спилберг снимет фильм о похождениях мистического гайяра и его друзей. Со знаменитыми артистами, красивыми декорациями и хитовыми саундтреками.

Мой рассказ вызвал у парней задумчивое оцепенение. С этой стороной проходов в иные миры они еще не сталкивались. Впрочем, как и я. Доев и запив завтрак водой, мы начали обсуждать наши дальнейшие действия, прикидывая, сколько займет времени экспедиция и как ее провести в максимально короткие сроки.

— ...Плюс — оружие. Еще плюс — идем группой, проще при всяких нештатных ситуациях, — загибал пальцы Антон.

— Вот еще плюс. — Марк подбросил на ладони две золотые монетки. — Хватит на еду.

Антон кивнул. Монеты мы начали брать после второго успешного прохода, исходя из простой логики. Нас пока забрасывает во времена средневековья. Среднего или позднего. За одним только исключением. Так что в случае необходимости под рукой должно быть хоть немного наличности. А какая наличность во все века и во всех мирах универсальна? Верно — золото.

— Минусы, — начал загибать пальцы я. — Нет коней. Надо брать, а это дорого. Потом. Путь неблизкий, есть риск налететь на неприятности.

— Слушай, — перебил меня Марк. — Ты же тут знаменитость, популярен, как кинозвезда. Можно использовать славу во благо.

— Не пройдет, — покачал я головой. — Легенда хороша на расстоянии, как напоминание о былом. А с живым идолом много проблем. И потом, кто поверит, что этот амбал в странной одежде — тот самый великий и ужасный?

— Да, — вынужден был согласиться Марк. — Это так. А твой перстень? Он не выручит?

Я тронул внутренний карман на куртке, пожал плечами.

— Во всяком случае, не сейчас.

Перстень — тот самый, подаренный королем. С вензелем королевского дома как знак принадлежности к августейшей семье. Высшая награда для гайяра. После того прохода, когда мы обнаружили третью дверь в конце Периметра, я носил его с собой. Зачем? Толком сказать не могу. Может, интуиция. Или предвидение...

Конечно, в какой-то момент он может выручить. Хотя лучше бы до этого не дошло. Лучше, если мы просто приедем к герцогу и заберем ящик. Тогда наш проход можно считать суперуспешным, а игру в кошки-мышки с Периметром законченными. Хватит с нас иноземной экзотики...

...Заброшенный домик мы покинули ближе к двенадцати часам, как раз когда с полей ушли крестьяне и опустела дорога. Все спешили укрыться в тени от полуденной жары. Потом, когда она спадет, работы будут возобновлены.

Наш путь лежал по старой дороге вдоль леса на запад от владений барона Суворов. Точнее — владений его наследника. Ни покупать здесь лошадей, ни заходить в деревни для закупок продуктов мы не стали. Есть шанс встретить того, кто помнит меня в лицо. Не все же жители за тринадцать лет погибли или уехали.

Пока мы удалялись от замка, я спешно вспоминал приключительное расположение здешних вотчин, а заодно путь, который совершал когда-то с обозом дочери Суворов. По всему выходило, что земли герцога лежат на северо-западе. И до них довольно далеко. Лошадей все равно надо брать.

Ближе к вечеру мы дотопали до одной из деревень, лежащих на самом краю владений Суворов. Устали. Позади больше двадцати километров, а на плечах немалый груз. Оружие, разгрузка с боеприпасами, снаряжение... К долгим переходам все привычны, но сейчас к обычной усталости добавилось нервное напряжение, вполне понятное при путешествии по незнакомым местам. Да еще в другом мире. Ждали внезапного нападения лесных братьев или встречи с каким-нибудь отрядом. Превосходство в огневой силе на нашей стороне, но сама схватка очень нежелательна...

Небольшой постоялый двор деревни, где часто останавливались проезжающие купцы, пустовал. Хозяин — старый уже мужик с седыми волосами и синими мешками под глазами, предложил любые комнаты на выбор. За комнату и ужин запросил немного. При виде золота высоко поднял брови — здесь отродясь такой монетой не платили.

Отсчитав сдачу, он ссыпал серебряные и медные монетки на стол, бросил на нас внимательный взгляд и отошел к стойке.

— Ты не здесь геройствовал? — тихо спросил меня Марк, подозрительно пригнувшись к глиняной тарелке, на которой лежал большой кусок поджаренного мяса, посыпанный измельченным зеленым луком и укропом.

— Нет. Та деревня южнее километров на двадцать. Ты ешь, не бойся. Пища без нитратов и консервантов. Натуральная.

— Не стоит нам здесь задерживаться, — отрезая кусок и успевая при этом глядеть по сторонам, сказал Антон. — Хозяин косо смотрит. Одежда наша странная, выглядим чужаками, золото суем...

— Ничего. Покосятся — перестанет. Они здесь ко всему привычные. А со времен лесных братьев не забыли, как надо держать языки.

— Как? — не понял Марк.

— Втянутыми в задницу. Дабы не отрезали. Вместе с головой.

— Добрый ты...

За ужином мы обсудили наш дневной вояж и сделали три вывода. Первый — на дороге стало спокойнее. Те самые лесные братья если и не исчезли совсем, то здорово притихли. И не нападают даже на трех путников. Хотя раньше могли захватить и огромный обоз. Второе — такими темпами до замка герцога мы доберемся не скоро. Что не радует. Запас денег истает раньше, чем километры дороги. И третье — топтать дальше пешком не стоит. Себя надо поберечь. А посему надо найти коней.

— Арабских скакунов не надо. А нормальных лошадей, способных брести со скоростью шесть кэмэ в час, можно найти здесь. Они держат подмены для торговых обозов.

— Давненько я верхом не ездил! — Антон отодвинул пустую тарелку, хлопнул себя по пузу и довольно потянулся. — Года три точно.

— Ты не считай километровую пробежку на цирковой лошадке за езду. Там проскакал и бросил. А за лошадью ухаживать надо. Дабы не сдохла и не упала по дороге.

— Ладно. — Марк тоже покончил с едой, подхватил закутанный в тряпку автомат и встал. — Пошли спать. Утро вечера мудренее.

...Коней мы купить не смогли. На наш вопрос хозяин развел руками и сказал, что только два дня назад отдал двух кобыл проезжавшим воинам из отряда какого-то графа.

В деревне есть лошадь у мельника, но он не отдаст. И староста, у которого тоже есть жеребец, вряд ли захочет про-

дать своего даже за хорошую цену. А в соседних деревнях... Может, и есть, но сейчас, в самом начале уборочной страды, никто отдавать лошадей не станет.

Плохо! Топать по такой жаре неохота. Да что делать...

— Скоро здесь будет проезжать торговый караван, — помявшись, сообщил хозяин, видя, что мы приуныли. — Может, они продадут.

— И когда они приедут?

— Дня через три.

— Долго, — констатировал Антон. — За три дня мы отмахаем километров сто пятьдесят.

— Да, — подумав, согласился я. — Не купили здесь, возьмем в другом месте. Лишь бы денег хватило.

Делать нечего. Позавтракав, мы проверили одежду и оружие, закутали автоматы в тряпки и пошли дальше, стараясь не выходить из тени деревьев, росших прямо у дороги.

Футболка, куртка, разгрузка, на спине небольшой рюкзак. Карманы куртки и отделения разгрузки заполнены до предела. Топать в такой сбруе по жаре неудобно. Через пять минут пути по спине начинает течь ручеек пота.

Чтобы не расплавиться, мы скинули куртки и убрали их в рюкзаки. Туда же убрали автоматы, оставив под рукой АПБ. Разгрузки надели прямо на футболки. И все равно было жарко.

— Другие миры, другие миры... — ворчал Антон. — Хрен они другие! Дорога, пыль, грязь, пот. И солнце жарит, как микроволновка! Я все это в армии видел.

Он смахнул платком пот со лба и повернулся к Марку.

— Помнишь в Найтимене выход? Когда были учения?

— Ну?

— Тогда тоже жара была. Дикая. Витька в обморок грохнулся, чуть радиостанцию не угодил. Его сержант головой в реку сунул и держал почти минуту. Тот едва отошел от теплового удара.

Марк и Антон срочную служили вместе в бригаде спецназа ГРУ в Германии. И вместе поступали в рязанское десантное училище.

— Это ты к чему вспомнил?

— Да так... Тоже хочу головой в реку. Иначе спекусь.

Давно миновал полдень, солнце парило всюду, а облаков вообще не видно. Жара будет держаться до самой ночи.

— Артур, — позвал Антон. — Деревня близко?

— Какая?

— Любая. Отдохнуть бы.

— Терпи, спецназер. Нам надо не меньше полусотни кмэ в день делать. А то и больше. Как вы тогда в Германии.

— Ладно, Артур. Я тебе это припомню. Доведение старшего по званию до полного охрещения наказывается по всей строгости закона.

— Это кто старший по званию?

— Я, кто же еще.

— И какое оно у тебя, звание?

— Если старлеем уволился, то по всем прикидкам сейчас капитан запаса.

— Угу. Так вот, пан капитан, наказывать полковника вы чином не вышли.

Антон захлопал глазами, недоуменно глядя на меня, потом хмыкнул. Забыл!

— Все. Мозги отказывают. Надо делать привал, перекусить, охладиться...

Марк глянул на хронометр и согласно кивнул. Мы шли почти шесть часов без перерыва. Неплохо для тех, кто уже года два не отмахивал таких концов. Можно и отдохнуть.

— Ты как? — спросил он у меня.

— Не против. Тем более есть где сделать привал.

Я указал на рощу, что была с левой стороны дороги. Крайние деревья росли буквально на берегу довольно большого озера. Вода искрилась сотнями блесков, маня уставших путников завлекательным видом.

— Ура! Что надо!

Мы свернули с дороги и поспешили к озеру, не забывая, впрочем, поглядывать по сторонам и держать оружие наготове. Кто их знает, лесных братьев, может, и исчезли, а может, и

нет. Раньше в таких местах они любили устраивать засады на путников. Так что лучше быть готовыми ко всему...

...Теплая вода быстро смыла грязь и пыль с тела, принесла долгожданное облегчение и позволила немного отойти от изнуряющего зноя. Мы с Марком минут десять плескались неподалеку от берега, пока Антон, сняв почти всю одежду, сидел в зарослях кустарника с автоматом наготове и внимательно смотрел по сторонам. Потом мы поменялись ролями, и Антон с блаженной улыбкой полез в воду.

Через полчаса, обсохнув и легко перекусив, начали собираться в путь.

— Еще денек такого путешествия, и мы выдохнемся. Нужны лошади. Я хоть и невеликий наездник, но сидеть в седле лучше, чем топтать на своих двоих, пусть конячка и бредет со скоростью пешехода.

Антон с явной неохотой натянул футболку, немного поколебавшись, сунул разгрузку в рюкзак. Туда же последовал автомат. При себе он оставил только пистолет, гранату и нож.

— Да. Лошаденки не помешают... — задумчиво проговорил Марк, шнуруя ботинки. — Возни с ними, правда, много.

— Зато обувь цела. И ноги.

— Артур, ты говорил, у тебя был конь?

— Угу. Гром. Классный коняка. На нем раньше ездил барон, хорошо приручил его. Так что мне повезло.

Парни закончили сборы, проверили амуницию, по привычке попрыгали. За спиной звякало железо.

— Хрен с ними. Пусть стучат, — махнул рукой Антон. — Ну что, в путь?

— Потопали...

Но топтать пришлось недолго. Едва мы отошли от озера, как заметили на краю рощи ряд повозок. Возле них сновали десятка полтора человек. Все вооружены и в доспехах. У кого кожаные, у кого металлические.

Мы залегли за деревьями и стали внимательно рассматривать людей, прикидывая, кто бы это мог быть.

— Обоз торговцев, — прошептал я.

— Думаешь?

— Точно. На возах тюки, половина телег закрыта тентами... Все вооружены, это нормально.

— Тебе виднее...

Парни с интересом смотрели на дорогу. Периметр выбрасывал нас в более поздние эпохи, века с пятнадцатого по семнадцатый. Так что таких доспехов и такого оружия, кроме как на картинке, они не видели.

— Что-то с телегой. Колесо отлетело или ось лопнула...

— Стерегутся, — заметил Антон. — Всадники то и дело по сторонам взгляды бросают. А тыл прикрыли плохо. Оттуда удобнее всего ударить. Стрелами.

— Слушайте, это шанс, — сообразил я. — Судя по всему, они едут в ту же сторону, что и мы. Попробуем поехать с ними. Или, на крайняк, купим коней. У них вон пять или шесть сзади идут без седел.

— Думаешь, продадут?

— А почему и нет?

— Хм...

В мирные переговоры нам вступать не доводилось. Раньше все происходило гораздо проще. По накатанной схеме: обнаружение, слежка, бой, взятие добычи и уход. Либо то же самое, но без слежки и боя (когда нечего брать). Так что налаживать контакт даже странно.

— Выходим мы с тобой, Марк. Антон в стороне прикрывает. На случай обострения ситуации.

— О'кей, — кивнул Антон. — Только вы стволы под рукой держите. И если что — падайте. Дам очередь вдоль обоза.

— Идет. — Я достал «стечкина», передернул затвор, загоня патрон в патронник, и сунул его за пояс сзади. — Пошли.

Людей у повозок оказалось больше, чем было видно от озера. Небольшой бугорок и деревья скрывали еще семь или восемь человек. Они стояли в голове обоза, внимательно глядя по сторонам.

Мы с Марком незаметно подошли почти вплотную к дороге, сели за деревьями, наблюдая за торговцами и их слугами. В это время Антон обходил обоз по дуге, выбирая удобную позицию.

Остановка каравана произошла из-за поломки большой телеги. С передней оси слетело колесо, да вдобавок треснул обод. Сейчас слуги спешно ставили новый, а еще несколько человек возвращали на место слетевшие с телеги тюки.

— Ну что, пошли? — прошептал Марк.

— Да. Выйдем чуть левее, ближе к тем двум. — Я показал на молодых парней в кожаных доспехах, обшитых отполированными костяными пластинами.

— Слушай, они же на нашем языке говорят! — удивленно сказал Марк.

— Ну да. Я же рассказывал об этом.

— Чудно... не ожидал.

— Пошли.

Выбрав момент, когда головы стражников повернулись в другую сторону, мы покинули укрытие.

— Доброго денька! — громко сказал я, делая еще один шаг к стражнику, тем самым укрываясь им от остальных.

Рядом Марк проделал тот же маневр с другим парнем, беря под контроль свой сектор на случай немирного исхода разговора.

— А!

Стражник вздрогнул, резко повернул голову и уставился на меня ошалелым взглядом. Рука потянула меч из ножен. Все произошло мгновенно, и я успел только перехватить его руку у локтя и остановить начало удара. Заодно ткнул носком ботинка под колено, и стражник буквально упал мне в руки.

Рядом Марк заблокировал другого стражника, правда, тот вел себя спокойнее.

— Стойте! — крикнул я, видя, что торговцы достают оружие. — Мы с миром.

Легкий толчок, и стражник полетел к своим товарищам. Только ловкость спасла его от падения. Восстановив равновесие, он все-таки вытащил меч и шагнул ко мне, но резкий оклик остановил его.

Отдавший приказ человек вышел вперед и властно спросил:

— Кто вы?

— Путники. Мирные путники, — ответил я, внимательно глядя на него и вспоминая, видел ли раньше или нет.

Рост средний, телосложение плотное, плечи не то чтобы очень широкие, но внушительные. Короткая борода, длинные волосы, черты лица резкие. Одежда на нем дорогая, но не броская.

— Мы мирные путники, — повторил я, демонстрируя пустые руки. То же самое проделал Марк, не спуская глаз со «своего» стражника. Тот стоял рядом, но меч не вынимал. — Мы не бандиты. Без оружия.

— Вижу, что без оружия... — пробурчал старший среди торговцев. — Что надо?

— Поговорить...

Поговорили. Сперва меряя друг друга подозрительными взглядами и трогая оружие. Мы — рукоятки пистолетов, они — рукоятки мечей, топоров и кинжалов.

Потом — более спокойно, даже мирно. А потом и вовсе дружелюбно. К тому моменту пальцы уже не трогали оружие, а взгляды из подозрительных стали спокойными.

Поняв, что мы не лесные разбойники, а главное — увидев, что мы без оружия (ножи не в счет, здесь это часть одежды, а не вооружение), торговцы и вовсе подобрали. И приняли нашу легенду. Мы едем к влиятельному дворянину, чтобы стать воинами в его дружине. Дело настолько обычное, что и говорить нечего. Сколько таких желающих попробовать себя в трудном и почетном деле военной службы идут или едут по дорогам Аберена?!

— Ладно, — махнул в конце концов рукой старший каравана. — Можете ехать с нами. Мы как раз направляемся в ту сторону. В земли герцога Властина не пойдем, но сделаем остановку в городке неподалеку. Тридцать верст до его замка — доберетесь сами.

Я кивнул. Тридцать верст — почти сорок пять километров. Для нас не расстояние.

— Пропитание наше, телеги — тож. Если кто нападет — подмогнете. Так?

— Не вопрос.

— Тогда по рукам.

Я ударил по подставленной ладони старшего (он назвал себя Дневиком) и подумал, что опытный и хитрый торговец заключил выгодную сделку. Получить троих людей, способных в случае чего помочь делом за дешевую плату — транспорт и харчи, — удача. Впрочем, мы не остались внакладе. Нам надо быстро попасть к герцогу? А с обозом это выйдет намного быстрее. Опять же лишних трат не будет и меньше проблем в пути. Словом, повезло.

...Еще в прошлый раз, скитаясь по просторам Аберена, я понял, что торговцы (купцы, торговые гости, перекупщики, ростовщики) — наиболее осведомленные люди в стране. Это и понятно: от того, насколько достоверна и оперативна информация, зависят выручка и доход, а зачастую и сама жизнь. Зная это, торговцы не скупясь платили осведомителям, добροхотам и прочим информаторам, получая взамен нужные данные.

Так что совместное с обозом путешествие было выгодно еще и с точки зрения получения самой свежей информации. Весьма интересной, надо признать. Конечно, пришлось выслушивать множество историй, легенд и саг, старых и новых, но среди вороха сплетен можно было отыскать и нечто очень интересное.

...Получив жесткий и наглядный урок во время мятежа Корхана, король и его люди серьезно изменили свое отношение к безопасности внутри страны и к проблеме лесных братьев в частности. Король ввел постоянное патрулирование тех областей, где были замечены бандиты. Из военных гарнизонов выделялись специальные команды для объезда земель. Кроме того, каждый владетельный дворянин обязан был также проводить постоянные проверки подконтрольных территорий, особенно лесных массивов. Если патруль обнаруживал банду, то немедленно сообщал в гарнизон, и оттуда выходили крупные силы на поимку или уничтожение лесных братьев.

Нарождающаяся полиция королевства выявляла помощников и сторонников бандитов в деревнях, замках, городах, тем самым оставляя тех без помощи и информации.

Таким образом, лесное братство, и без того изрядно поредевшее в ходе мятежа, начало уничтожаться ускоренными темпами. Кое-где они и вовсе исчезли, кое-где ушли в глубокое подполье.

— Но эти суки тоже не промах, — рассказывал один из торговцев. — Их просто так не взять. Вывернулись-таки! Хорошо хоть не все...

Лесное братство тоже претерпело сильные изменения. Большая часть полегла во время открытого мятежа против короля. Уцелевшие (кому хватило ума уйти в тень) изменили тактику и стали действовать намного осторожнее. А когда в ряды лесных разбойников влились мятежные дворяне с остатками разгромленных дружин, их дело приняло новый, невиданный доселе оборот.

В леса ушли профессионалы, причем далеко не худшие. Увидев, что король взялся за них всерьез, бандиты под командованием опытных дворян перешли от булавочных уколов и мелких налетов к крупномасштабным действиям.

Теперь банды состояли минимум из ста человек. И это было настоящее войско. Бывшие титульные дворяне, а теперь опальные мятежники вымуштровали свое воинство до совершенства, вооружили его по последнему слову техники и создали профессиональные отряды, способные и засаду устроить, и налет совершить. И не только на мелкий обоз, но и на крупный отряд.

От количества братья перешли к качеству. И это качество никоим образом не уступало дружинникам дворян и короля. Отлично вооруженные, прекрасно подготовленные отряды покинули небольшие леса и ушли в глубь непроходимых чащоб, в самое сердце огромных болот, куда не ступала до этого нога самого отчаянного человека. Но при этом братья не потеряли связи с тайными помощниками. И до сих пор, несмотря на усилия патрулей и полиции, получали вполне достоверную информацию.

Теперь бандиты нападали, только когда им светила крупная добыча. Действовали быстро и предельно жестоко. Сопротивление подавляли со всей возможной свирепостью, свидетелей, способных указать направление ухода, вырезали без всякой жалости. Услуги информаторов оплачивали щедро, предателей карали показательно страшно.

Небольшое по количеству, но мощное сплоченное лесное братство, сидящее в самых больших массивах, самых глухих лесах, самых непроходимых болотах, до сих пор создавало много проблем властям и жителям страны.

Да, дороги в большинстве своем стали безопасны, да, одиночки, мелкие и средние обозы могли не опасаться внезапного нападения. Но если бандиты выбирали цель, то только случай и боги могли спасти ту от нападения.

— ...И вообще, похоже, они окончательно спелись с Кланом, — проговорил торговец, вдохновленный нашим неподдельным вниманием и своим ораторским искусством. — Те ведь после разгрома их убежища в Храме бога Ночи так и не смогли прийти в себя. Однако не исчезли. Теперь в качестве ударной силы используют братство. Платят хорошо. Да им и самим перепадает от бандитских налетов.

— Это только в Аберене или везде?

— Почему только в Аберене? И в Фаррабе, только там не братство, а унгуры. Та же мразь, но больше по горам и пескам. Хотя в Фаррабе лесов меньше, но и там сидят. И в Суредах, даже в Микене, на что уж там властный правитель. Говорят, даже в степи есть...

Торговец отхлебнул из баклажки, смачивая пересохшее горло, и продолжил рассказ, польщенный таким вниманием. Впрочем, его скоро перебил громкий крик старшего обоза. Караван доехал до большой деревни и начал сворачивать к постоялому двору. На ночевку.

...Утром, пока торговцы готовили караван к выходу (это обычно занимало часа полтора), мы устроили небольшую тренировку. Попрыгали, побегали, поработали в ближнем бою без оружия, потом с палками и ножами. Затем сделали несколько силовых упражнений. Подобные тренировки были

необходимы, чтобы держать себя в тонусе и не потерять формы. Хорошая форма нам очень нужна.

Торговцы и их слуги с любопытством смотрели на нас, не делая, впрочем, никаких замечаний. Вообще-то первое время они смеялись, наблюдая за странными играми новых знакомых. К тому же половину упражнений выполняли без оружия.

Потом кое-кто захотел попробовать силы в борьбе. Сначала без оружия. Несколько здоровых парней попытались уложить нас на землю ударами и бросками. Не вышло. Пять-шесть секунд — и они падали сами. Новые попытки приводили к такому же результату.

После попробовали с деревянными мечами, какими здесь тренируются дружинники и воины короля. И вновь потерпели поражение.

В результате мы завоевали нешуточное уважение торговцев и их слуг, а наши тренировки теперь вызывали вежливое внимание.

...Отработав по полной программе и изрядно вспотев, мы обмылись и наскоро перекусили. Через четверть часа караван выехал из деревни...

Чем ближе мы подъезжали к центру королевства, тем чаще встречали вооруженные патрули. Десяток всадников не спеша следовал своим курсом по дороге, внимательно осматривая окрестности, не пропуская ни отдельных домов и хуторов, ни встречных караванов, ни даже одиночных путников.

Наш обоз тоже досматривали. Спрашивали подорожную бумагу — некий документ на бумаге с печатями, заверяющий личность торговцев и их профессию, бегло осматривали повозки.

К нам особого внимания не проявляли. Непривычная одежда, конечно, вызывала интерес, но не более того. К тому же у нас была железная легенда. Словом, обходилось.

...В следующем городке, где остановились на обед, до нас дошли слухи о плохом самочувствии короля. Слухи смутные, путанные, противоречивые. Однако торговцы приуныли. Весть не из приятных.

— Что, так хреново? — спросил меня Марк.

— Да. Не лучшая новость. Мирон — сильный король, страну держал крепко.

— Что сильный — ясно. На наших планах это как-то отразится?

Я пожал плечами. Такое предсказать невозможно. Все зависит от того, что будет после смерти короля. Судя по всему, страна в надежных руках и былой кризис позади. Но как оно повернет, если Мирон действительно умер?.. Лучше бы этого не произошло.

Парни выслушали мои сомнения и промолчали. Но лица были встревоженные.

На следующий день мы приехали в городок, где наши пути с торговцами расходились. Они двигали дальше, а мы должны были свернуть на развилке налево и пройти еще чуть меньше пятидесяти километров.

Этот городок я помнил. В прошлый раз заезжал сюда, когда следовал к Воротам возле Храма. Но тогда он был тих и спокоен, словно погружен в дрему. Улицы пустынные, редкие прохожие безмятежны, равнодушны ко всему, что их не касалось.

Теперь же городок похож на растревоженный улей. Люди сновали туда-сюда, словно охваченные паникой. И множество дружинников на дорогах. Караван дважды остановили при въезде, тщательно, даже излишне, проверили, нашей троице уделили повышенное внимание.

Услышав легенду о желании вступить в дружину Владина, один из десятников, возглавлявших досмотр, нехотя буркнул:

— Нет его в замке.

— Как нет? — не поверил старший торговец. — Он же последние два года никуда не выезжал!

Видимо, десятник торговца знал, поэтому, чуть помедлив, так же нехотя ответил:

— Он с сыном выехал в столицу... Мирон умер.

— Значит, правда? — почти шепотом спросил торговец.

Десятник вместо ответа тронул повод и поехал к следующему обозу. Досматривать.

— Вот так... — растерянно проговорил торговец. — Выходит, правда...

— И что теперь? — спросил один из его людей.

— Не знаю... Вроде ни с кем не воюем и не в ссоре... — Тот развел руками. — Но как оно обернется?..

Озабоченность торговцев легко понятна. Могли рухнуть все их планы. Караван шел через всю страну, делая остановки в крупных городах и на ярмарках. Там они продавали свой товар и закупали другой, чтобы затем продать и его на следующей остановке. С выгодой для себя. Таким образом, исколесив всю страну, они возвращались домой, имея неплохой доход. Отдохнув и набрав нового товара, начинали все снова. Теперь же, в связи со смертью самодержца, их планы могли пойти коту под хвост.

— А что с нашими планами? — спросил Марк. — Искать герцога?

— Да. Надо поворачивать и ехать в столицу. Похороны, по местным меркам, будут быстрыми. Тела королевских особ по традиции сжигают, пепел развеивают над водой. Отделенную заранее голову бальзамируют и хоронят в семейном склепе. Если Мирон умер вчера — сегодня похороны.

— Выходит, герцог уехал вчера?

— Да. Одно только мне непонятно, — после короткого раздумья произнес я. — Мирон — бугай здоровый. Ему сейчас... пятьдесят три или четыре. С чего это он загнулся?

— Ты забываешь, — вставил молчавший до этого Антон, — здесь средневековье. Продолжительность жизни невысока. Пятьдесят лет — порог долголетия. Скорее даже за порогом. А причина смерти... хрен его знает, какая она. Нам-то что?

Я пожал плечами и промолчал. А через час, когда мы прощались с торговцами, старший на мой вопрос о возможной причине смерти короля как-то недовольно буркнул:

— Кто его знает... слухи чего только не доносят. Говорят, это ему Фарраб мстит. За поражение. Мол, подослали убийц, те его отравили.

— Как они это сделали? На королевскую поварню прошли?

Торговец ответа не знал, но в версию с отравлением, видимо, верил. Как и в другие, звучавшие на улицах.

На этом мы расстались. Торговцы на прощание продали нам телегу и одного здоровенного коня-тяжеловоза. Скорость он развивал не самую большую, но мог тащить воз хоть целый день напролет без остановок и отдыха.

Сложив на телегу запас воды и пищи, сбросив туда же грузки, мы выехали из городка, прикидывая, сколько времени займет дорога до столицы. И как нам найти герцога. Предстоит долгая и торжественная церемония коронации принца. Владимир как влиятельный дворянин и приближенный прежнего короля будет принимать в ней самое активное участие. Так что ему надо еще выкроить время для встречи.

...Мы успели проехать пять или шесть деревень и сел разного калибра, заскочить за провизией в крохотный городок, называвшийся таковым только из-за большого количество мастерового люда, жившего здесь. И везде до нас доходили слухи о странной смерти короля.

Его преждевременная гибель породила массу версий и догадок. В частых спорах и разговорах мелькали названия южного соседа Аберена, зловещего и страшного Клана и не менее страшного лесного братства. Словом, догадок и версий хватало. Не хватало одного — точной, достоверной информации.

Видимо, кое-что в догадках было правдой. Иначе правители не усиливали бы охрану городов и поселков. Помимо этого патрульные отряды королевских воинов и дружинников владетельных дворян буквально прочесывали все маломальски подозрительные места, не забывая о лесах и больших рощах.

— Да... — задумчиво промолвил на следующее утро Марк, глядя на удаляющийся от нас в сторону деревни конный десяток воинов со значками королевского полка. — Весело было тебе здесь в прошлый раз. Когда тут кишмя кишели бандиты и мятежники.

— Будто ты раньше не знал, — хмыкнул Антон. — Он же рассказывал!

— Помню. Но тогда мы это воспринимали как... сказку. Легенду. Хотя и правдоподобную. А сейчас на собственной шкуре прочувствовали, пусть и частично. Тяжеловато тебе пришлось, Артур.

Я кивнул. Глянул на парней. Они сидели полуголые, скинув футболки и куртки, спрятав разгрузки и мешки под дерюгу, туда же положив автоматы, оставив при себе только пистолеты. Со стороны мы выглядели довольно мирно, даже безобидно. Три парня на телеге, по виду деревенские увальни. Здоровые, правда, по местным меркам — даже чересчур, но это вполне объяснимо: молотобойцы при кузне или кожемяки — ребятишки будь здоров! И главное — все без оружия.

Так и решили воины, осматривая нас десять минут назад. Едут сельские хлопцы по своим делам, и ладно. Патруль не нашел ничего интересного и подозрительного и поспекал дальше.

«Едем как ни в чем не бывало. Три человека из двадцатого века и из другого мира по средневековой стране. Сам факт такого сочетания невероятен, но мы не обращаем на него внимания. И не только я — старый скиталец, но и мои друзья, не так давно с сомнением слушавшие о чужих мирах и моих прогулках по ним. Нет, поначалу у них наличествовал весь набор офигевшего новичка. Периметр! Другой мир! Люди! Рыцари, доспехи, неведомые страны!..

Но подобное оцепенение и изумление я быстро снял. Как снимают любое удивление и заторможенность. Загрузил их работой по самые не балуйся. Тренировка прохода, проход Периметра, опять проход, еще один. А там, в другом мире, — поиск, разведка, схватка за добычу, и вновь — проход, поиск, разведка... И парни привыкли. Забыли о чудесах и странностях. А как не забудешь, когда бегаешь по коридорам проклятого Периметра до потемнения в глазах, до тошноты, до отворачивания. И по мирам скачешь отнюдь не в темпе больной черепахи.

Когда дело дошло до усталости, до равнодушия к чудесам других миров, до отупения и пофигизма к его выкрутасам, все стало восприниматься нормально. То есть спокойно, с пони-

манием. И сейчас факт вояжа по Аберену не вызывает никаких особых эмоций, кроме вполне понятного интереса.

Средние века? Ладно. Короли, принцы, рыцари, мечи и топоры? Хрен с ними. Доехать бы побыстрее, взять искомое и скорее домой. А что катим по всему этому феодальному великолепию с «калашами» и «стечкиными», так это ерунда. Давно привычное состояние...»

Вообще-то само привыкание к факту существования иных миров говорит о том, что в нашей психике произошли изменения. Довольно заметные. Сознание как бы расширилось, позволило вместить в себя то, что раньше просто не могло быть воспринятым.

Почему-то такое изменение мне казалось очень важным для нашего дальнейшего существования. Не знаю, чем объяснить эту догадку, но... я чувствовал. И этому смутному чувству доверял...

Мы до того привыкли к тихому и спокойному путешествию по стране, что ослабили внимание и слегка утратили привычную бдительность. Поэтому когда очередное село нас встретило странной тишиной и безлюдностью, мы не придали этому особого значения. И только громкий женский крик и звон клинков заставили нас насторожиться и приготовить оружие.

А потом конь вынес телегу к небольшой площадке перед постоянным двором, и перед нашими глазами возникла страшная картина погрома.

Перевернутая телега в центре площади, разбросанные тюки, посуда и тряпки. Несколько трупов в луже крови возле крыльца постоянного двора. Еще два трупа в глубине улицы. А рядом с длинным сараем четверо всадников. Вооруженных и в доспехах. Рядом с ними стояли две нагруженные доверху телеги. На них сваленные в кучу тюки, свертки и мешки.

— Налет! — констатировал Марк, доставая пистолет и снимая его с предохранителя.

Мы соскочили с телеги, остановили ее у забора одного из домов, схватили оружие и заняли удобную позицию, глядя по сторонам и соображая, что здесь произошло.

В этот момент из переулка вылетел немолодой уже мужчина в растрепанной одежде, с перекошенным от ужаса лицом, и на всех парах рванул к постоялому двору. Следом выскочили двое всадников с мечами в руках. Один нагнал беглеца и с оттягом ударил по голове. Свист клинка, хлопок треснувшего черепа — и беглец рухнул под ноги коню с расколотой надвое головой.

— Вот черт! Вляпались, — подал голос Антон. — Как выбраться будем?

— Молча и быстро, — ответил Марк. И добавил: — Если успеем.

Разрозненные картинки наконец выстроились в ряд, и я сделал очевидный вывод:

— Лесные братья!

Поверить в это было нелегко. Уж больно сильно отличался привычный вид бандитов от этих воинов, одетых и вооруженных, как дружинники, — в полном доспехе, с хорошим оружием, на свежих конях.

Между тем нас заметили. Бандиты (и те, что охраняли добычу, и те, что вылетели из переулка) быстро перестроились и двинули к нам, растягивая цепочку и охватывая нас с флангов.

— Черт! Почти в центре королевства, неподалеку от столицы! — удивленно проговорил я. — Что происходит?..

— Ща узнаем, — процедил Марк.

Не дойдя до нас метров десять, цепочка лесных братьев встала. Их сбивало с толку наше поведение. Не бежим в страхе, не достаем оружие (то, что они считают оружием), не просим пощады. И выглядим странно.

— Что, парни, за старое взялись? — громко спросил я, вычленив старшего среди бандитов. — Пограбить вышли?

— Кто такие? — выкрикнул тот, к которому я обращался, — среднего роста мужик лет тридцати. Суровое лицо, глаза злые, на скулах небольшие шрамы. Неприятный тип.

— Не тебе спрашивать.

— Слишком ты смел. И глуп. Потому что без оружия.

— Напрасно, — парировал я. — И увидели нас, и подъехали. И вообще — что высунули нос из леса. Сидели бы на болотах — живее были бы.

Бандит недовольно хмыкнул и взмахом руки послал своих вперед. Над головами всадников взвились мечи и топоры.

— Старшего — живым! — успел крикнуть я, прежде чем парни подняли пистолеты.

Шесть выстрелов, едва слышных среди ржания коней, звона шпор и криков бандитов. Они даже не поняли, что произошло и почему умирают так быстро и странно.

Пять тел, гремя доспехами и теряя оружие, грохнулись с коней в пыль и замерли, став похожими на небольшие груды железа.

Старший бандит хлопал глазами, глядя на поверженных товарищей и не в силах сообразить, в чем дело. Когда Антон рванул к нему, он попробовал поднять меч, но мой выстрел выбил оружие из руки. Прыжок, удар ногой, глухой стук упавшего тела и звон кольчуги, усиленной пластинами на груди и животе. Прием из арсенала княжеских дружинников старой Руси и казаков, умевших вышибать противника из седла ударом ноги.

Мы успели связать пленника, осмотреть тела бандитов, забрать у них серебряные и медные монетки, стреножить коней и привязать их к телеге, когда из домов стали выходить местные жители. С испугом косясь на трупы бандитов, они с некоторым трудом смогли рассказать, что здесь произошло.

Отряд бандитов в тридцать человек налетел на село сегодня утром, сразу после того, как его покинул другой отряд — королевских воинов, сопровождавших небольшой обоз, шедший к столице. Видимо, бандиты следили за обозом и хотели застать его в селе. Но опоздали. Тогда они начали грабить село. Брали только золото и драгоценности. В селе ни того, ни другого почти не было, так что добыча вышла весьма скудной.

На свою беду прошлым вечером в село заехали трое торговцев. Только со слугами, без охраны. Двое из них успели спрятаться, а третьего зарубили.

Быстро покончив с грабежом, бандиты уехали. Жители подумали, что все позади, когда буквально полчаса назад шестеро лесных братьев вернулись. И застали выживших торговцев врасплох. Одного убили сразу, а второго — у нас на глазах.

— Здорово! — прокомментировал события Антон. — Ловко они вас провели с ложным уходом.

Трое сельчан — кузнец, владелец постоянного двора и его зять — переминались с ноги на ногу, глядя на нас благодарными и испуганными глазами. Благодарными, потому что видели, что мы убили бандитов. А испуганными... потому что видели, как мы их убили. Неведомое и тихое оружие вселяло в них суеверный страх. А наш вид — три здоровяка огромного (по местным меркам) роста — усиливал впечатление.

— Там ваше награбленное? — спросил я сельчан, указывая на две телеги.

— Да. Наше и торговцев.

— А где староста?

— Убили его. Как бандиты пришли, сразу и убили.

— Ясно. Разбирайте свои вещи, отдельно сложите вещи торговцев, за ними могут их родственники приехать. И дайте знать своему господину, что здесь произошло.

— Да... — Кузнец замаялся, не зная, как меня называть. — Да, господин.

— Мы заберем коней бандитов. Вам оставим нашу телегу и коня. Посмотрите, у него подкова отлетела.

— Да...

— Город далеко?

— Город? — Кузнец наморщил лоб, вспоминая.

— Верст пятнадцать, — подсказал хозяин постоянного двора. — Ликурен. Это королевский город.

— Ладно, мы поехали, а вы смотрите в оба. Бандиты могут вернуться.

Сельчане с поклонами отошли, что меня несколько удивило. Нет, не поклоны, а их странная робость. Обычно здесь ведут себя по-другому, даже с дворянами. Не так подобострастно. Видимо, здорово их напугало наше оружие и скорость, с какой мы расправились с бандитами.

- Здорово ты с ними, — сказал Марк.
- Ты о чем?
- Разговаривал здорово. Как настоящий дворянин.
- Я и есть дворянин. По местным законам. Еще с того раза.

Марк покачал головой и начал отвязывать трофейных коней от телеги.

— Артур у нас молодец, — подал голос Антон, помогавший Марку. — Здесь он дворянин, в Ругии — полковник. Где-нибудь еще — император. Времени не теряет.

— Болтун, — усмехнулся я. — Во всех мирах и измерениях.

Антон подмигнул, потом глянул на нашего пленника, до сих пор лежавшего без сознания, и совершенно серьезно сказал:

— Надо уходить отсюда. А потом допросить этого кренделя. Чует мое сердце, не к добру все эти внезапные налеты.

Через полчаса, сменив «транспорт», мы покинули село, спеша исчезнуть как можно быстрее.

Доехав до леса, сделали небольшую остановку, чтобы поговорить с пленником. Тот гордо молчал секунд десять. Потом мы немного с ним поработали, и он сразу пожелал общаться. Искренне и добровольно. Без всяких условий и требований.

...Их отряд (именно отряд, а не банда!) получил приказ перехватить на подходе к селу небольшой кортеж под охраной десяти или пятнадцати всадников. Для отряда численностью в тридцать человек, половина из которых вооружена луками, такая охрана — мелочь. Но они опоздали. И как потом выяснилось, не только опоздали, но и ошиблись. Вместо кортежа через село прошел довольно крупный патруль дружинников. Стычка с ними могла привести к непредсказуемому результату.

Командир отряда, поняв, что задание провалено, тут же отправил гонца к руководству, а сам решил напасть на село и получить дополнительную информацию. И пограбить, конечно.

Такая роскошь — грабеж — последние годы стала недопустима большинству отрядов лесных братьев. Во-первых, при-

вычные места обитания были взяты под стражу воинами короля и его дворян. Во-вторых, численность самих братьев резко сократилась после мятежа. И самое главное — высшее руководство лесных братьев запретило самовольные нападения без особого на то разрешения. Уже лет семь, как все братство перешло в подчинение единому руководству и действовало строго по его указаниям.

С одной стороны, ущемление вольности было не по нраву старым разбойникам, но с другой — теперь каждый воин лесного братства получал свою ежемесячную долю вне зависимости от того, участвовал он в деле или нет.

Все акции проводились только после долгой и тщательной разведки, сбора всевозможной информации и многократного просчета всех этапов операции. Обычно столь кропотливая предварительная работа приводила к успеху, и бандиты забирали поистине огромную добычу.

«Все верно, — думал я, слушая пленника. — После разгрома старого братства новое возглавили бывшие сторонники Корхана. Все — дворяне, опытные воины, причем умеющие воевать не только в поле, но и действовать из-за угла, украдкой, по-партизански. А дальше — дело практики. Подготовка и снаряжение «личного состава», разведка, планирование операций — их работа...»

Пленник выложил все. Место постоянной дислокации, численность отряда, имя командира... все, что знал об отряде. Но что касалось других бандитов, а также имен высшего руководства и способов связи, он не знал. Братство переняло опыт старших товарищей — Клана — и ввело строжайшую конспирацию.

Поняв, что больше ничего от него не добьемся, мы оставили пленника в зарослях крапивы. С пробитой ножом грудью.

— Не понимаю, — негромко проговорил Марк, когда мы покинули опушку леса, — что заставило их вылезти из леса? Судя по тому, что он рассказывал, разведка у бандитов на высоком уровне. Что такое они узнали, что вылезли крупным

отрядом буквально в центре королевства, да еще неподалеку от столицы?

— Да еще в такое время, — подхватил Антон.

— Видимо, смерть Мирона всему причиной, — предположил я. — Похоже, кто-то решил использовать случай для реализации своих планов.

— Интересно каких? — спросил Антон. И тут же усмехнулся, понимая, что вопрос останется без ответа.

— Сваливать надо отсюда, — сделал вывод Марк. — И как можно скорее. Иначе влипнем в какую-нибудь заварушку и потеряем массу времени... Хорошо, если только времени.

Городок Ликурен стоял неподалеку от большого озера, окруженный двумя рядами садов. Ближний ряд — плодовые вроде яблонь, слив, груш, вишен, и дальний — тополя, березы, осины, клены. В отличие от многих других почти все здания и дома в нем построены из камня и кирпича (обжигать глину умели, и давно). Причем дома большей частью двух-трехэтажные. А в центре, здорово возвышаясь над крышами, стоял дворец — резиденция королей. На шпиле королевский стяг, чуть ниже огромный щит с гербом и вензелем дома Агранов.

Мы достигли окраины городка ближе к вечеру, когда солнце уже готово было окунуть край диска за горизонт. Миновав первое кольцо садов, выскочили на прогалину шириной метров сто. Она отделяла сады друг от друга. Впереди росли плодовые деревья, обремененные несозревшими плодами.

— Сколько еще до столицы?

— Километров тридцать. Или чуть меньше.

Кони с легкой рыси перешли на шаг, шумно фыркали, восстанавливая дыхание, жадно ловили ароматы трав и деревьев и приятную свежесть, идущую от озера.

— Ну что, ищем постоянный двор? Ехать ночью нет смысла...

Я спрыгнул с коня, встряхнул ногами, разгоняя кровь, и проверил подпругу седла. Марк последовал моему примеру, тоже проверил седло, потом глянул на небо.

— Закат скоро... Да, ехать дальше не стоит. Артур, здесь есть где заночевать?

— Не знаю, я здесь не был. Но, по идее, дворы есть в каждом городе. Найдем.

— Тогда поехали, нечего ждать.

Едва Антон произнес эти слова, как из-за деревьев выехали четверо всадников и загородили нам дорогу. Судя по одежде — из королевского полка. Одинаковая форма, одинаковые доспехи и оружие. И суровое выражение лиц.

Впереди десятник — довольно молодой парень в шлеме с опушенной стрелкой, защищающей лицо от ударов. Взгляд подозрительный и какой-то враждебный. Легкое копье в руке медленно опускалось острием к нам.

— Кто такие? Что нужно?

— Ничего, — миролюбиво ответил я. — Ищем место, где можно поесть и переночевать.

— Да? — недоверчиво бросил он. — Не вышло у вас в открытую, решили под мирных людей обрядиться? Думали проскочить мимо нас?

— Парень, мы мирные путники, ты нас с кем-то спутал.

— Да? — ядовито усмехнулся он и вдруг зло крикнул: — Хотели и принца убить, сволочи?

Ситуация выходила из-под контроля. Немотивированная агрессия воинов грозила обернуться спонтанной сшибкой. Правда, у нас были все шансы на победу, но в том-то и дело, что вступать с бой с королевскими людьми я не хотел ни при каких условиях. В конце концов, они не враги. Однако и дать себя убить нельзя. Патовая ситуация...

— Послушай, десятник, ты принял нас за других. Мы — мирные люди. У нас даже оружия нет!

Возможно, не будь десятник так возбужден и разозлен, он бы внял голосу рассудка, но сейчас, явно находясь не в себе, к логическим выводам был не склонен.

— Ты! Подними руки и повернись спиной. И остальные! — Он возвысил голос, бросая на парней злобный взгляд. — Руки поднять. И без шуток.

И видя, что я не спешу выполнять его приказ, десятник подвел копьё к моей груди. А его люди подъехали ближе, готовые вытащить оружие в любой миг.

Все! Ждать дальше нет смысла. Они нас сейчас убьют!

Подчиняясь приказу, я поднял руки и чуть отступил, чтобы десятник протянул копьё дальше вперед. Потом мгновенно схватил копьё обеими руками и ударил древком по морде лошади.

От неожиданного удара та шарахнулась в сторону, заржала и брыкнула задними ногами. Десятник с огромным трудом усидел в седле, при этом намертво зажав копьё. Что мне и надо!

Второй удар по морде лошади, и новый рывок за древко, на этот раз — сильнее. Получив еще раз, лошадь сделала скачок назад, и всадник просто не смог усидеть на ней. Тяжелое тело рухнуло мне под ноги. Копьё сменило владельца, и острие коснулось шеи десятника.

— Всем стоять на месте! — крикнул я воинам, видя, что те вытащили оружие и готовы атаковать нас. Бросив мимолетный взгляд назад, отметил, что парни достали стволы, готовые пустить их в дело в любой миг.

Оглушенный десятник быстро пришел в себя, но, обнаружив копьё у своего горла, дергаться не стал. Понял, что не успеет. И его воинство тоже сидело в седлах смирно, бросая на нас полные ярости и ненависти взгляды. Ждали момента для атаки.

— Мы не враги! — повторил я. — Мы не бандиты! Если вы хотите это проверить, мы не против. Но без драки. Ясно?

Возникла пауза. Командир лежал на земле, не в силах даже прохрипеть ответ, а воины смотрели друг на друга, решая, как быть.

В этот момент со стороны просеки между садами подошел еще один отряд, человек в пятнадцать. Тоже все вооружены, но только вместо формы королевского полка на них форма дворянской дружины.

Впереди скакал молодой парень лет восемнадцати. Властные черты лица, строгий взгляд, крепко сжатые губы. Успев-

шие немного отрасти усы придавали ему немного комичный вид, но вряд ли бы кто рискнул над ним смеяться.

Заметив подмогу, воины взбодрились. Увидев новый отряд, мы поняли, что схватки не избежать. То есть мясорубки. Потому что перестрелять два десятка человек, незнакомых с огнестрельным оружием, на дистанции десять — пятнадцать метров ничего не стоит. Они даже не поймут, что их убивает. Вон Марк занял позицию за конем, а Антон отошел вбок, беря под контроль левый фланг и стоящих неподалеку королевских воинов. Как только они обозначат враждебность...

А стрелять неохота! Это же не враги. Черт, что делать?!

— Что здесь происходит? — спросил предводитель нового отряда. В его голосе слышалась привычка повелевать.

Не давая раскрыть рот воинам, я выкрикнул:

— Ошибка! Нас приняли за бандитов и хотели убить! Но мы — мирные люди. Королевские воины ошиблись!

Парень строго посмотрел на нас и перевел взгляд на воинов. Те молчали, не зная толком, что говорить.

— Господин герцог, — прохрипел лежащий на земле десятник. — Мы подозреваем в них бандитов из того отряда, что напал на вас. Они оказали сопротивление, когда мы хотели их захватить.

— Но мы не бандиты! — подал голос Марк, стоя рядом с конем и пряча за ним руку с пистолетом. — Мы ехали мирно и без оружия.

Дружинники нового отряда постепенно окружали нас, беря в надежное кольцо. То есть это они считали, что оно надежное. Марк уже сменил положение, а Антон встал возле дерева, готовый прыгнуть за него и оттуда вести огонь. Шансов у всадников никаких.

— Мы готовы проследовать за вами, чтобы разобраться, — продолжил я, чуть усиливая давление на древко, чтобы десятник закрыл рот. — Но только не связанными. Мы вам не враги!

Герцог, смотревший то на нас, то на воинов и явно искавший выход из положения, вдруг вперил взгляд в мою руку,

которой я держал копьё. Его щеки медленно бледнели, а лицо принимало изумленное выражение.

— Господин герцог... — начал было один из воинов.

Герцог вдруг поднял руку, заставляя того замолкнуть, и странно подрагивающим голосом спросил:

— Как вас зовут... господин... странник?

А глаза все ползли и ползли на лоб.

Я недоуменно скосил взгляд на свою кисть и увидел перстень. Тот, что подарил мне король Мирон и передал герцог Владин. С того момента, когда Периметр открыл третью дверь, я таскал его с собой, толком не зная зачем. По наитию. Так же по наитию я надел его с утра на палец.

— Мое имя — Артур.

Герцог вздрогнул, впился в мое лицо откровенно ошарашенным взглядом и открыл было рот, но так и не смог ничего произнести. Его спутники, удивленные не меньше моего странным поведением начальника, пялили глаза то на него, то на меня.

— Артур? — наконец выговорил герцог и махнул рукой, подавая сигнал своим людям. — Убрать оружие. Это не враги. Это... друзья.

Все повиновались, но никто ничего не понимал.

Услышав приказ, я тоже отвел копьё от горла десятника, нагнулся, схватил того за край кольчуги и рывком поднял на ноги. Сунул ошарашенному воину копьё в руки и подтолкнул к своим.

Марк и Антон продолжали держать всадников под контролем, но их лица выражали то же состояние, что и у остальных. Герцог сумел всех заинтриговать.

— Вы знаете его, господин герцог? — задал вопрос один из его людей со знаком сотника на левом плече.

— Да. То есть... нет. Но знаю, что он не враг... если не ошибаюсь...

Окончательно сбитые с толку и воины, и дружинники, и мои парни переводили взгляды с герцога на меня, надеясь услышать объяснение. Как, впрочем, и я.

Со стороны города дружно взревели трубы. Им откликнулись сразу с нескольких сторон. Потом еще. Это было что-то вроде: «Всем внимание!» или «Общий сбор». А следом за этим на просеку выехал огромный кортеж. Впереди было не менее трех десятков воинов в форме королевской армии. Со стягами, прапорами и вымпелами. За ними — еще десяток. Они окружали двух всадников, едущих вместе на конях белой масти. Судя по торжественным и богатым одеяниям — это были очень влиятельные особы.

Люди герцога и воины десятичника успели освободить дорогу и встать на обочине, давая проезд кавалькаде. Я продолжал стоять возле своего коня, лихорадочно соображая, что происходит и как из этого выбраться. Живыми и невредимыми.

Не прошло и двух минут, как мы оказались в плотном кольце воинов. Те двое, в дорогих нарядах, остановили коней в десяти метрах от нас.

Первый всадник — молодой парень лет двадцати. Длинные светлые волосы, небольшая бородка, немного вытянутое смугловатое лицо, нос с едва заметной горбинкой, широкие скулы. Где-то я видел его. Или похож на кого? Сейчас и не соображу.

Второй всадник гораздо старше, одет вроде скромнее, но его наряд не менее дорогой, чем у спутника.

— Что здесь происходит, Анри? — властным голосом спросил молодой. — Кто эти люди? Случайно не лесные братья? Вид у них...

Он не договорил, возможно, не желая оскорблять нас напрасными подозрениями.

Герцог по имени Анри кашлянул, смущенно взглянул на всадника и сильным, звенящим голосом ответил:

— Они не бандиты. Это... Ваше величество, позвольте вам представить... — Герцог запнулся, потом продолжил: — Это ваш сводный дядя Артур.

— А?.. — невольно вырвалось у меня.

Герцог спятил? Или перегрелся?

На дороге воцарилась абсолютная тишина. Застыли в седлах воины, вросли ногами в землю кони, даже ветер стих, не

тревожа стягов и вымпелов. Взгляды всех присутствующих скрестились на мне. И была в них, помимо изумления, толлика страха.

Не менее изумленно смотрел на меня... мой племянник. Его величество. И я видел недоверие в его глазах.

— Анри, ты думаешь?..

— Уверен, ваше величество. На его руке перстень королевского дома Агранов.

Король (а кто же еще?) перевел взгляд с моего лица на руку, и его брови поползли вверх. Недоверие сменилось жутким интересом.

— А еще, — продолжал герцог. — Его называют Артур Гайяр!

Вздых... даже не изумления, а охрещения пронесся над кортежем. Меня буквально поедали глазами. Все, включая десятника, разинувшего рот и побелевшего как снег.

Задние ряды охраны расступились и пропустили еще двух всадников. Двух женщин. На них сперва никто даже не обратил внимания, до того все были увлечены происходящим. Потом по рядам пронесся шепот:

— Королева...

— Ее высочество герцогиня.

Я заметил их, когда та, что помоложе, одетая в охотничий мужской костюм, подъехала к королю и запросто, как к равному, обратилась:

— Что здесь происходит, брат?

— Мы... тут... Анри утверждает, что это наш родственник.

Он кивнул на меня. Женщина проследила за его кивком, большие миндалевидные глаза глянули на меня.

— Боги!

Она соскочила со своей изящной белой лошади быстрее, чем кто-либо успел помочь ей, и бросилась ко мне.

— Артур!

За прошедшие тринадцать лет она выросла, повзрослела, фигура утратила девичью угловатость. Но лицо осталось прежним. И не узнать его я не мог.

— Здравствуй, Киана.

Бывшая принцесса Аберена, а теперь королева Суред вздохнула, переводя дыхание, улыбнулась и, не выпуская моих рук, повернула голову к брату.

— Это действительно наш родственник. Это Артур.

Король соскочил с коня, подошел к нам, все еще недоверчиво глядя то на меня, то на сестру, потом кашлянул, прочищая внезапно пересохшее горло, и неуверенно произнес:

— Дядя?..

...Краем глаза я увидел того десятника, что пытался задерживать нас. Сейчас он стоял в стороне со своими людьми и смотрел на меня выпученными глазами, а его лицо имело цвет спелой свеклы. Было впечатление, что он одеревенел. От страха. Он хотел арестовать родственника короля!

Встретив его взгляд, я подмигнул и махнул головой: мол, не тушуйся, все путем. Намек он понял, и краска схлынула с лица. Но глаза вылезли из орбит еще больше.

А потом вокруг все забегали, и десятник пропал из виду...

Сказать, что мы влипли, значит ничего не сказать. Как только их королевские величества поняли, кто пожаловал к ним под видом странников, мы попали в самый настоящий плен. Выезд пышного кортежа отложили, и мы в окружении монарших особ и их приближенных под охраной почти сотни воинов вернулись в резиденцию королей для торжественной встречи.

Избежать всех церемоний и длительных торжеств удалось только благодаря Киане. С ней я успел накоротке поговорить и объяснить, что мы очень и очень спешим и прибыли только по одному старому делу. И даже не к ним, а к герцогу Владиноу.

Бывшая принцесса Аберена, а теперь королева Суред меня поняла и вошла в наше положение. В результате чествования приехавшего героя и члена королевской семьи отложили, ограничившись небольшой и скромной церемонией под названием: «возвращение блудного сына». Точнее — блудного дяди.

Покончив с официозом и отправив свиту прочь, королевская семья усадила гостей за стол. Поесть и поговорить. Особенно — второе.

...Свежий воздух с озера кони учуяли раньше людей и самовольно прибавили шаг, надеясь скорее достичь долгожданной воды и попить вволю. Через двести метров дорога пошла вниз, стал виден почти ровный овал большого озера и песчаная отмель на берегу.

Десятник повернул ко мне голову, как бы спрашивая разрешения сделать остановку. Я кивнул, и тот негромко свистнул, увлекая отряд за собой.

— ...Вообще-то несладко им придется, если все подозрения и слухи верны. Не успели отойти от одной войны, а уже вторая на пороге.

— Не сказал бы, что на пороге. Скорее в перспективе, причем не самой ближней.

— И все равно. Жить с осознанием того, что война неминуема, пусть и в отдаленном будущем... не самое приятное ощущение.

— Это точно.

Я тронул повод, заставляя своего коня ускорить шаг, и глянул на Марка, ехавшего справа. С бритой макушки по вискам на выскобленные ножом щеки стекали мутные капли пота, темно-зеленая футболка, облежавшая могучие плечи, взмокла на спине, груди и боках. Даже из-под коротких рукавов медленно вытекали тонкие струйки, находя дорожку в выгоревших волосах. Картина «Богатырь на пекле».

Впрочем, более точное название «три потных богатыря». Былинный вид, правда, портили современная одежда, обувь и оружие. Зато наше окружение вполне отвечало требованиям истории: десять воинов в доспехах, при мечах и копьях — воплощение средневековой эпохи.

— Если они последуют нашим рекомендациям, у них будет больше шансов на успешный исход противостояния, — вставил Антон. — Хотя бы подготовят армию.

— Да. Если последуют. Слишком непривычные вещи мы им предлагали. — Марк, прищурился, глянул на небо и со вздохом стащил футболку. Бросил ее на седло, провел рукой

по груди, развозя пот, и выругался. — В воду. На час. Иначе я растаю прямо здесь.

— Сейчас приедем — окунемся. Кстати, по поводу рекомендаций... Что ты там в конце своего фолианта написал? Я толком не успел прочитать...

— Ничего особенного, — равнодушно ответил Марк. — Привел перечень необходимых составляющих для получения пороха.

Я присвистнул, удивленно глядя на него. Марк невозмутимо откручивал пробку у фляги, чтобы глотнуть воды...

...Сначала они предлагали мне остаться. Даже замок предлагали занять. Пустующий. На время, пока не построят новый, какой подобает принцу королевства. Они — это молодой король Дарнек и его сестра, которая хоть и стала королевой другой страны, но влияния и авторитета в Аберене не утратила. Тем более оба государства долго и прочно дружили.

Король, с детства слышавший невероятные истории о полумистическом гайяре, даже предлагал титул регента, то есть готов был поделиться властью, что и вовсе дело невероятное.

Но я все предложения отклонил. С некоторым трудом, но все же сумел втолковать, что меня ждут дома и что я обязан вернуться. Король понял и перестал настаивать. Зато обрушил на меня ворох проблем страны, желая услышать мнение «родственника» как большого специалиста в подобных делах.

Впрочем, для него я — действительно родственник, без всяких кавычек. Здесь понятия о родстве сильно отличаются от наших, причем в лучшую сторону. Так что все его слова — не лицемерие и игра, а естественный ход событий.

Словом, обрушил Дарнек на меня кучу сведений, и я, глядя на его озабоченное сверх меры лицо, не мог просто отмахнуться и пропустить мимо ушей.

...Молодой король вплотную столкнулся с проблемами буквально на следующий после коронации день. Сначала отряд его друга и верного помощника герцога Владиана-младшего попал в засаду, устроенную неподалеку от города. Потом стража заметила подозрительных людей поблизости от семейного

склепа Агранов. Попытка захвата чужаков закончилась короткой, но ожесточенной схваткой. Осмотр трупов ничего не дал. Хорошо вооруженные воины в легких доспехах из особо прочной стали, искусственно зачерненных.

Затем стало известно еще о двух нападениях на соседние с Ликуреном деревни и села. Во всех случаях неведомые преступники действовали быстро и четко, как могут действовать профессиональные воины. А потом все закончилось. Оставив два десятка трупов, бандиты исчезли.

— Мы подозреваем лесных братьев, — сказал он мне. — Но одни они не смогли бы устроить такое. Ведь меня хотели убить.

— И не только тебя, — кивнул я. Король сразу попросил обращаться к нему на «ты». — Думаю, хотели убить и Киану, и молодого Владина. Вообще обезглавить страну. Не знаю, чей это заказ, но лесные братья поработали в тесной связке с Кланом... и еще кем-то. Кстати, братьев можно так не звать. Теперь это — диверсионная бригада. По крайней мере. Насколько я знаю, раньше их было несколько тысяч, теперь от силы семьсот — восемьсот. Но зато отборных воинов. Это серьезный противник, его нельзя недооценивать.

— А уничтожить его можно? — раздраженно спросил Дарнек. — Я не хочу терпеть их в своем королевстве, кто бы они ни были.

— Можно. Но это процесс долгий. Не на один день.

— Как? Дядя, я знаю, в свое время ты здорово потрепал и братство, и Клан. Значит, знаешь, как с ними воевать.

Я поймал краем глаза взгляды парней и вздохнул. Они мне этого «дядю» еще припомнят! Как-нибудь... За столом.

— О патрулях, проверяющих лесные дороги и деревни, я знаю, сам видел. Это хорошее дело. Но тут нужен целый комплекс мероприятий. Надо отсечь братьев от баз снабжения, лишить их информации и связей в городах и селах, вычислить их лагерь. Работа долгая и кропотливая.

— Ясно. Но как это сделать?

— Для начала — создать отряды егерей.

— Кого? — заинтересованно спросил Дарнек.

— Егеря. Это воины, специально подготовленные для ведения разведки и боевых действий в лесах. Их основная задача — вычислить и обнаружить лагеря братьев, разведать все подробности — численность отрядов, вооружение, способы связи с другими отрядами, с руководством. Узнать, как и когда они будут наносить следующий удар. При удачном стечении обстоятельств егеря сами нанесут удар по братьям. Если сил мало — вызовут помощь.

Король и королева Киана слушали с интересом. То, что я говорил, — для них как откровение. До такого здесь еще не дошли.

— ...Необходимо создавать полицию. Она будет следить за порядком в городах и селах. Еще — создать сеть осведомителей и агентов. Еще — организовать внешнюю разведку. Она будет собирать информацию в других странах. Таким образом, вы будете знать о замыслах потенциальных врагов заранее и сможете отразить нападение. Еще...

И десяток таких «еще». Говорил я. Говорили Антон и Марк. Дарнек, которому я сказал, что они — высокопоставленные особы, слушал очень внимательно.

А мы рассказывали. Об организации полиции, о командах егерей, о внешней разведке и политике... Выкладывали все, что знали, благо знали достаточно много.

Под конец король, сраженный свалившимся на него объемом информации, попросил записать все на бумаге. В результате мы почти всю ночь провели в работе, диктуя писцам все советы и рекомендации.

Затем приехали герцоги Владин-младший и Владин-старший. Старый Владин сильно сдал. Лицо в морщинах, волосы седые, щеки обвисли. Но взгляд, как и прежде, строгий, властный. И глаза горят с прежним жаром. Повторилась церемония встречи и опознавания.

Оставив парней с королем, я уединился с герцогом и спросил о ящиках с драгоценностями. Как и ожидал, Владин сделал так, как я и просил. Молодая дворянка Алета в одно прекрасное утро стала очень богатой дамой, получив целое состояние. Так что больше проблем в жизни у нее не было. Как

сказал Владин, она стала баронессой, вышла замуж за некоего графа и вполне счастлива. Растит сына.

Второй ящик до сих пор стоит в подземелье замка герцога. Ждет хозяина.

— Ты хочешь, чтобы я привез его?

— Нет... — ответил я. — Сделаем иначе. Вы возьмете его себе, а мне отдадите золотом. По весу.

— Но... Это же несравнимые вещи! Золото дешевле...

— Ничего. Хватит.

— Тогда по двойному весу! — вставил упрямый герцог. — Иначе меня до конца дней будет мучить совесть. Обмануть коронованную особу!

Я засмеялся и согласно кивнул. Сто килограммов мы утащим и втроем. А вот больше вряд ли. Нам же еще через Периметр топать.

В конце разговора герцог после небольшой паузы спросил:

— Скажи, Артур. Ты вернулся через столько лет... я не спрашиваю, где ты был... но... ты выглядишь молодым, словно годы тебя не берут. Ты действительно человек? Или... не зря ходят слухи...

— Которые возникли с вашей легкой руки, — закончил я за него. — Герцог, вы знаете меня лучше других. Неужели и вы считаете, что я — порождение ночи, помощник бога, его око и тяжкая рука на земле?

— Кхм! Я так не говорил...

— Признавайтесь, сомнения были?

— Немного, — хмыкнул герцог. — Слишком уж странным было твое появление. И не менее странным было исчезновение. Кстати, как поживают твои друзья, с которыми ты был здесь в прошлый раз? Андрей, Ник, Денис. Их супруги?

— Нормально, — сделал над собой усилие и соврал я. — Все хорошо.

И перевел разговор на другую тему.

...Утром мы отдали Дарнеку три довольно толстые стопки бумаги. В основном наши заметки касались военного дела. А также вопросов по обеспечению и укреплению его власти.

На прощание король закатил пир. Небольшой. Для узкого круга лиц. Поднял раз десять кубок в честь дяди и его товарищей, наговорил кучу любезностей и в конце почти навязал нам почетный кортеж из десяти отборных воинов.

И я не стал отказываться. Сто килограммов золота, доставленные за ночь, заставляли не играть в суперменов и быть предельно осторожными. Их еще надо довести до Периметра.

На прощание король сжал мне руку и, глядя в глаза, громко (чтобы слышала вся свита) сказал:

— Артур! Мы будем ждать тебя. Ты навсегда — принц дома Агранов! Когда бы ты ни приехал — ты не только желанный гость, но хозяин в этом королевстве! Помни об этом. И... не исчезай навсегда.

— ...Хорошие слова, — сказал потом Марк, когда мы выехали из города. — И сказаны искренне. Дарнек будет хорошим королем.

— Почему ты так решил?

— Он не забывает, что король прежде всего человек, а только потом — король! Он сможет удержать власть.

Я пожал плечами, поймал себя на мысли, что рад словам Марка, словно он говорит о моем родственнике, а потом сообразил — Дарнек и вправду мой родич. По крайней мере он сам так считает.

Что ж, против такого родства я не против. Совсем не против...

— Да-а... — протянул Антон, с интересом глядя по сторонам. — Весело тут. Рыцари, короли, замки, разбойники... Я о таком только в книгах читал. Правда... все как-то приземленно, обыденно.

— Что ты имеешь в виду?

— Так... никакой романтики, приключений. Люди как люди, проблемы как проблемы. Война, мир, повседневность... Все как у нас. Только и разница — век двадцатый и... какой здесь век?

Я вспомнил местное летосчисление, приблизительно сопоставил его с нашим и сделал поправку на здешнюю историю.

— Конец тринадцатого. Но ты прав, разница между нами небольшая. Так и должно быть. Люди — они везде люди, с их желаниями, стремлениями, интригами, любовью и мечтами. Только здесь мечтают в пределах своей эпохи, а у нас — с заглядыванием в завтрашний день, приблизительно зная, что может быть.

— Философ ты у нас, как я погляжу, — хмыкнул Марк. — Начал о таких вещах задумываться.

За шутливым тоном Марка проглядывало серьезное удивление пополам с удовольствием. Помнил меня еще зеленым «суперменом», готовым в одиночку победить всех врагов и считающим себя круче всех вареных яиц. И такое изменение в моей душе радовало его больше, чем изменения внешние. Тем более в свое время он приложил едва ли не больше всех усилий, чтобы наставить меня на путь истинный.

— Дарнека этого мы загрузили по полной программе, — продолжал разговор Антон. — Наговорили, написали столько, что и за месяц не разгребет.

— Разгребет, может, и раньше, — откликнулся Марк, — но осуществить все это — и трех лет не хватит.

— Ничего. Лишь бы начал.

— Начнет. Ведь эти рекомендации ему преподнес Артур, а его король считает не только дядей, но и большим авторитетом в подобных делах. Верно, господин принц?

— Точно, — усмехнулся я. — Поэтому и ваш бред прочтет, и сделает как написано.

Антон засмеялся, довольный подколом, хлопнул Марка по спине и показал большой палец.

— Получил, господин высокопоставленный чиновник?!

— От чиновника слышу.

Я довольно растянул губы, вспоминая, что одарил парней подобными титулами, дабы возвысить их в глазах короля. Хотя этого не требовалось. Он и так смотрел на них как на пророков. После всего, что мы понаписали. Я вспомнил список предложений и покачал головой. Слишком революционно для этой эпохи.

...Создать стрелковые полки, вооруженные арбалетами, от легких скорострельных, которые можно перезаряжать одной рукой, до тяжелых, способных на двухстах метрах пробить рыцаря во всем снаряжении. А для этого изменить принцип подготовки и вооружения армии, изменить тактику боя, ввести новые элементы. Чертежи арбалетов подготовил Марк, он у нас увлекался ими.

...Создать военные округа по территориальному признаку.

...Создать артиллерию. Ввести в полковую структуру батареи и дивизионы легких баллист и катапулт. Чертежи приложили я и Антон.

...Создать министерство внутренних дел и военную разведку. Тоже расписали по полной программе, насколько сами знали, а знали неплохо.

...Создать пограничную стражу, способную не только зафиксировать вторжение, но и отбить первый удар.

...Развивать металлургию, что даст возможность улучшить вооружение — и не только его.

...Создать сеть заводов, что даст возможность развить промышленность и сразу выведет страну на иной уровень.

...Создать... да много чего создать. Марк вон дал список компонентов для изготовления пороха. И заодно — чертежи простейших ружей, пушек и гранат.

Если Дарнек сумеет воплотить в жизнь эти рекомендации, его королевство станет безусловным лидером на ближайшие сто — двести лет. Другие страны начнут усиленно догонять, но ведь и Аберен будет совершенствовать технику. Так что стране, где я стал принцем, светит большое будущее. Если оно, конечно, вообще будет. Потому что загадывать в таких делах нельзя.

...Наш обратный рейд до Периметра прошел спокойно, без эксцессов и дорожных происшествий. Вид десятка отборных воинов в полном доспехе со знаками принадлежности к королевскому войску внушал уважение всем, кого мы встречали в дороге.

Не доехав до Периметра десяти километров, мы отпустили кортеж и дальше поехали одни. Десятник хотел было довести

нас до конца (подозреваю, из любопытства, хотел посмотреть, куда поедет знаменитый Гайяр и его спутники), но я запретил.

В старую заброшенную избушку мы пробрались ночью, неся на себе богатую добычу. По тридцать с лишним кгэ на каждого. Вес не ахти какой, но с ним еще прыгать по коридорам Периметра. И как оно там будет, заранее сказать нельзя. Именно поэтому я ограничился таким весом и не стал брать больше, как предлагал Владин. Он вообще предлагал собрать больше двухсот килограммов: мол, и этого недостаточно за целый ящик драгоценностей.

Вообще, как я потом прикинул, наш успешный вояж в Храм принес казне Аберена такие сокровища, что еще лет двести короли могут не собирать налоги и подати со страны, сами щедро одаривая приближенных. Так что Владина понять можно — он хотел справедливо вознаградить принца королевства.

Оставив коней без привязи у леса (рано или поздно они найдут людей или люди найдут их), мы проверили подходы к избушке и зашли в нее. Дверь, ведущая в Периметр, была чуть приоткрыта. Я подошел к ней, поправил рюкзак, глянул на парней, кивнул и двинул первым.

Позади Антон побормотал: «От винта» и шагнул за мной следом...

Врубленный на полную мощность вентилятор гнал на голую спину потоки холодного воздуха, немного остужая горевшую кожу и принося несказанное облегчение. Второй вентилятор стоял у противоположной стены, усиленно разгоняя воздух, но, несмотря на все старания техники, в комнате было жарковато.

Пятерка расположилась на креслах и диване, возле каждого стояла бутылка холодной воды и лежало полотенце. Нещадная летняя жара заставляла то и дело вытирать лоб и шею, смахивая капли пота.

Разговор проходил на следующее после возвращения утро, когда все срочные дела остались позади. Мы отвезли добычу домой, спрятали оружие и амуницию, приняли душ, за治чили небольшие травмы, полученные при переходе, поели и немного

отдохнули. А потом сели считать золото и решать, как быть дальше.

— ...Ну, что дальше, видимо, и так ясно, — сказал Толик. — Вы приволокли сто два килограмма. Золото не самой высокой пробы, но зато в огромном количестве.

— Да, — подхватил Сергей. — С учетом добытого раньше этого вполне хватит, чтобы реализовать наш старый план. Денег хватит и на переезд, и на приобретение жилья, и на открытие своего бизнеса. И на счету кое-что останется.

— Пожалуй. — Марк отпил из бутылки и вытер губы. — Мы взяли даже больше, чем планировали изначально.

— Но тогда выходит, что с походами через Периметр покончено?

— Верно. Мы получили все, что хотели, и даже больше. Надо остановиться. Это мое мнение.

Сергей слегка прихлопнул рукой по подлокотнику, словно ставя точку. Толик и Марк кивнули в знак согласия. Антон ветрел в руке скрученное полотенце, остужая голову, и с высказыванием своей точки зрения не спешил. Потом бросил полотенце на колени и сказал:

— Мне понравилось там. Никогда не видел других миров, не знал, что они существуют. Шагнувшая со страниц книг фантастика... К сожалению, рано или поздно все заканчивается... Вечно бродить по коридорам проклятого Периметра нельзя.

— А ты, Артур, чего молчишь? — спросил Толик. — Скажи свое мнение.

Я действительно большую часть разговора сидел молча, созерцая вид золотых слитков и монет, разложенных на полу, и слушая парней. С их мнением в целом был согласен, тем более мы так и планировали — достать необходимое количество золота и прекратить переходы. Но...

Но просто так уйти, забыть Периметр, переехать в Европу или Америку, жить там, зная, что здесь, в Рязани, все еще существует многомерная штукавина, способная забросить в неведомый мир...

То ли я действительно стал его частью, то ли просто призыв, однако заканчивать рейды мне не хотелось. Словно тяну-

до туда. Впрочем, все это лирика, чувства. Следовало признать — сейчас самое время, чтобы переехать на Запад и попробовать начать новую жизнь. В спокойной обстановке, в нормальном мире, подальше от беспредела и бесправия России, от ее проблем и страшной реальности.

— Конечно, я «за». Думаю, мы выжали из Периметра все, что смогли. Этап пройден, пора переходить к новому. У нас теперь масса других забот.

Сергей пристально посмотрел на меня, словно не веря тому, что услышал, потом кивнул:

— Верно. Тогда давайте обсудим порядок действий. И сроки выполнения. Первое — продать золото или положить в банк. Второе — выбрать страну, куда будем переезжать, получить визы. Решить вопрос с жильем там. Третье — продумать, как и каким образом будем открывать свои дела. Тут нужны консультации специалистов, надо поднять связи и организовать переговоры. Четвертое — после решения этих вопросов надо продать всю недвижимость здесь, деньги тоже перевести в западные банки. Пятое — перевезти семьи и переехать самим. Все. Дальнейшее планирование пока бессмысленно. Выполним эти пункты, будем думать о следующих. Как на ваш взгляд?

— Стратег! — поднял большой палец Антон. — Все разложил.

— Возражений нет, — подвел итог Толик.

— Тогда давайте начнем с главного. С переправки золота.

И разговор перешел в плоскость конкретных дел. Мы последовательно решали вопросы, прикидывали варианты, отмечая негодные и находя правильные, попутно обсуждая, кто и что будет делать. Словом — малый совет в Филях.

Чуть позже, вспомнив, что толком с утра не ели, всей компанией пошли на кухню и, готовя обед, продолжали разговор, часто перескакивающий на другие темы.

...Участвуя в разговоре, высказывая свои предложения и выслушивая другие, я все время думал о Периметре, вспоминая последний переход, вымотавший нервы больше, чем нас самих. И все думал, неужели Периметр так и будет «висеть» в подвале здания или исчезнет, поняв, что в его ловушку боль-

ше никто не полезет? Специально ли нам его подсунули, или это опять спонтанная сработка?

Эти вопросы волновали меня ничуть не меньше, чем те, над которыми мы ломали головы. Сам не зная почему, но я был уверен — Периметр даст о себе знать. Не сейчас, так позже. Только каким образом? И когда?

Ближе к вечеру, когда основные вопросы были решены, все разъехались, а я залез в ванну, долго отмокал в теплой воде, а потом добрел до кровати и заснул сразу, как только голова упала на подушку.

Сон был черно-белым, смутным. И неинтересным...

Глава 3

ЧУЖИЕ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ

— ...Ты еще спишь? Хватит дрыхнуть, соня!

Мягкая нежная рука легонько тормошит меня за плечо. Кожу плеча трогает горячее дыхание губ.

— Уже день на дворе, солнце встало...

Не открывая глаз, на ощупь нахожу теплую ладошку и сжимаю ее в своей руке. Ладонь делает слабую попытку вырваться, но я удерживаю ее, давя сильнее, наконец возмущенный голос пищит:

— Ай! Больно же, зверь!

Только сейчас открываю левый глаз и вижу рядом надутые губки и сверкающие глаза, наполовину закрытые белокурым локоном волос.

— Привет, крошка! Чего шумишь, спать не даешь?

И пока она не успевает ответить, накрываю ее губы своими. И ослабляю хватку, обнимаю за талию, скольжу ладонью вниз, мягко подхватываю под бедро и тяну на себя.

— Артур... — чуть задышающийся голос горячо шепчет мне на ухо, обдавая горячим воздухом и щекоча язычком. — Что ты делаешь?

— Угадай.

Вторая рука подхватывает тонкую шею, придерживает, а губы ловят другие губы, вбирают в себя их мякоть и сочность,

осторожно переходят на щеку, шею, скользят ниже, к небольшому блюдцу груди.

— Не на... до. Артур... Ох!..

Мягкий голосок обрывается, переходя в шепот. Потом смолкает и он.

Моя рука продолжает разведку, аккуратно, но уверенно двигаясь по заданному маршруту. Потом в дело вступает другая рука...

Потом два тела сливаются в одно, сбрасывают на пол скомканное одеяло и начинают действие, много веков назад названное неизвестным поэтом любовью...

— ...Ненасытный ты какой... — через час говорит Ольга, сидя перед зеркалом и расчесывая волосы. — Тебя будить нельзя, сразу бросаешься...

Я еще лежал на кровати, лениво поглядывая на подружку и наслаждаясь редкой для меня возможностью ничего не делать. Это действительно была большая редкость и оттого вдвойне дорогая.

...С Ольгой я познакомился перед защитой в самом обычном для студентов месте. В академической библиотеке. Я сдавал последние «кирпичи» справочников, а она что-то брала.

Высокая, почти с меня ростом, фигуристая. Белые крашенные волосы, пронзительный взгляд больших глаз, улыбка на губах...

Красивая, чертовка! И мало красивая — очаровательная! То есть умеющая очаровать, не прилагая к этому особых усилий. Это выходило у нее само собой, автоматически.

Увидев ее, я не мог не подойти. Просто не мог. Не отпустило даже старое правило не заводить контактов со студентками академии. Тем более самому студентом оставалось быть от силы неделю.

Не теряя времени, пошел на приступ и проявил максимум настойчивости, чтобы в ответ на заданный вопрос «когда и где?» услышать:

— Сегодня вечером.

Как потом она мне призналась, ей всегда импонировали парни, уверенные в себе и не отступающие перед трудностями.

Она училась на четвертом курсе моего же факультета, но на другой специальности. Как и почему я не видел ее раньше — непонятно. Такую замечают сразу.

У Ольки был жених (или просто приятель, не помню), поэтому она сперва говорила «нет». Но очень быстро перестала. Не устояла перед натиском. И мы начали встречаться. Не часто, урывками. Меня закрутила эпопея с Периметром, ее — экзамены и домашние дела.

А вот позавчера, покончив со срочными делами, я позвонил ей, и второй день мы проводили вместе. Вернее — часть дня. Вечер, ночь и утро. Днем она бежала по своим делам, я — по своим.

...Покончив с прической, она начала одеваться, стоя у зеркала и изредка поглядывая на меня.

— Что так смотришь, красавица?

— Ничего. Какие планы на ближайшие дни?

— Планы? Планов громадье. Дел много, все важные и важнейшие.

— Мы увидимся?

— Надеюсь. Никакие дела не оторвут меня от такой прелестной, замечательной девушки.

— Я уезжаю, — вдруг сообщила она.

— Это куда?

— На выходные. С родителями за город.

— А-а...

Я сел, поднял руки вверх, потянулся, чувствуя бодрость и легкость во всем теле. Настроение неуклонно шло вверх. И от того, что здоров и дела идут как надо, и вообще от того, что жизнь хороша и жить хорошо.

— С родителями — это хорошо... Просто замечательно...

— Да?

— Ты рад, что не увидишь меня?

— Рад, что ты хорошо отдохнешь.

Покинув постель, я пару раз взмахнул руками, разгоняя кровь, скрутил корпус, выполняя резкий, до хруста в позвоночнике, поворот так, что плечи поменялись местами, потом такой же поворот в другую сторону.

Настроение неуклонно росло, причем без особых усилий с моей стороны. Просто... было хорошо. Все. Самочувствие, здоровье, солнце, утро, дела... Дела вообще шли замечательно...

...Последние семь дней были загружены до предела, но это приносило массу положительных эмоций. Потому что дела шли отлично!

Парни уехали, увозя с собой добычу с тем, чтобы переправить ее за границу и положить на наши счета в западных банках. А я тем временем собрал, почистил и перепрятал весь наш арсенал. Сделал две большие закладки. Оружие и боеприпасы пролежат там хоть сто лет в отличном состоянии.

Уничтожил старую изорванную и потрепанную форму и обувь. Избавился от всех вещей, способных навести на мысль, что я имею хоть какое-то дело с оружием.

Через пять дней пришло сообщение от Сергея: они успешно перевезли золото, используя старые и новые каналы связи, и теперь наша добыча спокойно лежит в нескольких банках, пополнив разбухшие за последние недели счета.

Теперь дело за выбором места жительства. После этого можно подыскивать нормальное жилье, продавать квартиры здесь и... потихоньку переезжать. Словом, парни готовили грандиозное переселение.

Не отстал от них и я. Через знакомых риэлторов подыскал потенциального покупателя на квартиру. Через других знакомых сумел договориться о продаже машины, гаража и мебели.

Собрал все, что возьму с собой. Папка с документами и футляр с десятью CD-дисками влезли в небольшой «дипломат». Новый костюм, который надевал только раз, туфли, две смены белья и носки заняли сумку. К ним добавился джентльменский набор — гель для бритья, бритва, помазок, зубная

паста, щетка, одеколон. Плюс швейцарский наборный нож. Вот и все. Остальные вещи тащить с собой нет смысла. Куплю на месте.

В новую жизнь надо ступать, избавившись от груза прошлого. И с собой взять только то, что нужно для будущего...

— Артур, — оторвал меня от приятных размышлений Ольгин голос. — Ты ведь скоро уезжаешь?

— С чего ты взяла?

Оля пожала плечами, грустно улыбнулась.

— Мне так кажется. Ты какой-то чужой... отстраненный. Вроде со мной и вроде как нет.

— Загадками говорите, прелесть моя.

Я подошел ближе, обнял ее за плечи и заглянул в глаза. Н-да, и глаза невеселые. Что нашло на милую крошку? Предчувствие скорого расставания? Недовольство?

— Что тебя гнетет, милая? Чего не весела и нос повесила?

— Так... Такое ощущение, что мы больше никогда не увидимся. Я уеду, и ты исчезнешь.

— Ты хочешь, чтобы я не исчезал?

Она не ответила. Отвела взгляд в сторону, опустила голову и стояла молча. Я знал, что она еще недавно хотела выйти замуж за своего парня. А теперь? Ее планы претерпели изменения из-за меня? Наверное, неопределенность и гложет...

Она, конечно, девочка хорошая, но связывать с ней жизнь я не намерен. Так что догадка относительно близкого расставания верна. И ее скорый отъезд как нельзя лучше подходит для прощания и ухода по-английски.

Так и не выйдя из подавленного состояния, Ольга уехала к себе, а я немного повздыхал — все-таки интересная девица. И в постели, и вообще. Сладкая такая...

А потом выбросил из головы проблему и быстро оделся. Сегодня две встречи с потенциальными покупателями квартиры и машины. Надо показать товар лицом и решить вопрос о цене. Если я спешу сбыть с рук собственность, это не значит, что отдам ее себе в убыток.

...Долгий летний день неторопливо катился к вечеру. Солнце успело упасть за крыши домов, и в городе кое-где начали включать ночное освещение. Когда я подрулил к подъезду, во многих окнах уже горел свет.

Немного побаливала спина, вчера слегка перепрыгал на тренировке. И сейчас, после полутора часов за рулем, поясница легонько ныла. На боль я привычно не обращал внимания — сойдет к утру, — но вот слабую боль в висках отметил сразу. Периметр дает о себе знать. За прошедшие с момента последнего прохода дни он молчал, не напоминая о себе, и даже когда я ездил туда позавчера смотреть, не оставили ли мы там следов, Периметр ничем не выдавал своего присутствия. А теперь вот проснулся.

«Хрен с ним, — думал я, поднимаясь на лифте. — Пусть напоминает. Еще недели две-три — и мы отсюда свалим. А там хоть не рассветай. Вряд ли его кто найдет и тем более вряд ли кто-то полезет внутрь. Ну а если и рискнет... Периметр либо не пропустит его, либо сразу придавит. Дабы неповадно было. А мы свое отходили. Хватит...»

Переложив содержимое двух сумок в холодильник, заглянул в холодное нутро агрегата и удовлетворенно хмыкнул. Завтра утром приедут парни, устроим небольшую вылазку на природу. Шашлыки под красное грузинское и медовуху, арбуз, дыня, овощи, зелень... Пир горой в качестве прощальных посиделок. Выпьем, поговорим, обсудим дела, вспомним былое... Простимся с Россией.

Хоть и сволочная страна, и сидит в дерьме, но все же осколок нашей Родины. Той, в которой мы родились, где выросли и где хотели жить. Пусть она не была особо ласкова и приветлива, но все лучше, чем это...

После хасавюртовского балагана и вовсе отпало желание задерживаться здесь даже на миг. Торгаши и политики поделили страну, как уголовники делят добычу, а народ оставили в такой жопе, что выть хочется. Многие и выли. Сам видел. Двух офицеров, прошедших и Афган, и Чечню, водивших батальоны и полки в бой и не отступивших по

своей воле ни на шаг. Их кинули через... это. Вот и были, как волки, потерявшие свою стаю. Плакать не умели, могли только так, глухо и надсадно выть, глядя вусмерть пьяными глазами в непостижимую даль.

Ну ладно, хватит о грустном! У нас как-никак праздник впереди. Не все в дерьме сидеть, впереди человеческая жизнь и работа. Впереди — реализация наших планов и замыслов. Не к этому ли шли все годы? И достигли, пусть пока только первой ступеньки. Так отметим же!..

Загрузив холодильник, принял душ, побрился, врубил телевизор и позвонил Ольке (брился для нее). Приедет — хорошо, нет — есть другие. Глупо сидеть одному, когда можно провести вечер и ночь в обществе очаровательной представительницы слабого и столь замечательного пола.

Ольки дома не оказалось, видимо, и правда уехала. Ладно, счастливого пути! Продолжим поиски после ужина.

Быстро перекусив, я уже хотел было взять записную книжку и начать завлекательный и приятный процесс подбора, когда затрезвонил звонок входной двери.

Внезапных визитов я не любил. Кому приспичило в столь поздний час?..

Оружейный сейф стоял на специальной полке в коридоре, чтобы в случае нежелательного развития ситуации далеко не бегать. И сейчас я мимоходом щелкнул задвижкой, открывая дверцу, вытащил «сайгу», проверил наличие патрона в патроннике и взял оружие в правую руку. Осторожно заглянул в дверной «глазок».

На площадке стоял рослый, плотного сложения мужчина лет тридцати пяти, с короткой стрижкой и тонкой линией усов над верхней губой. Одет в легкий костюм, без галстука. У рубашки две верхние пуговицы расстегнуты. Руки держит открыто, лицо спокойное. Оружия на поясе вроде нет, хотя это ни о чем не говорит. Ствол можно спрятать и за спиной, и на щиколотке.

Лицо незнакомое. Новый сосед? Участковый? Ошибся этажом?..

Дверь у меня двойная, мощная, со стальным листом. Пистолет не возьмет, только автомат, поэтому я не особо опасался выстрела сквозь такую мощную преграду. А открывать не спешил.

— Кто там?

Мужчина коротко кивнул, понимая, что его разглядывают в «глазок». Изобразив на губах легкую доброжелательную улыбку, приятным баритоном сказал:

— Я могу увидеть хозяина квартиры?

Увидеть-то можно, но вот зачем?

— Кто вы?

— Я представитель государственной организации. — Человек опять улыбнулся, демонстрируя здоровые зубы. — По вопросу некоторых аномальных явлений, произошедших в вашей жизни в последнее время. Думаю, моя информация вас заинтересует.

Оба-на! Вот это фокус!

Мозг молниеносно прогнал целую кучу догадок, версий, идей и выводов. Так быстро, что я не успел толком все отметить. А в конце подвел итог: «Жопа!»

В смысле — полная.

Но кто это? «Наши» менты или гэбисты? В кавычках, потому что не могу назвать полностью нашими структуры, где сидит столько падали. Их не больше, чем в любой другой структуре, но эти-то облечены властью! И могут свою сволочность демонстрировать всем, пользуясь вывеской правоохранителей! Их визит — всегда неприятность.

А если это не местные, а гости из других миров? Тогда неприятность в квадрате! Вот и выходит — жоппа! С двумя «пэ».

Мысленный процесс длился секунды две-три. Гость за дверью терпеливо ждал, видимо, понимая, какой эффект произвели его слова. Этим самым выдавая себя как визитера из иного измерения. «Наши» бы давно ломали дверь.

Руки одновременно сделали два дела. Правая убрала «сайгу» обратно в сейф, левая — щелкнула замками. Тяжелая дверь отошла внутрь, открывая доступ визитеру. Тот вежливо кивнул, окинул меня взглядом и поздоровался:

— Добрый день.

— Добрый. Проходите.

Гость все делал легко, буднично, но так, словно каждое движение для него — церемония, отточенная многолетней практикой. Каждый жест, каждый шаг — полон достоинства и собственной значимости. Не путать со снобизмом и самолюбованием.

Мы прошли в гостиную. Я указал ему на кресло у окна, сам сел в другое.

Лицо не особо запоминающееся, без дефектов. Взгляд чертовски уверенного в себе человека, но опять же без лишней самоуверенности. Руки холеные и довольно большие. Рабочие руки, привыкшие держать не только ручку, но и пистолет. Умеющие нанести удар и сделать захват. И ухоженные, что говорит в пользу их хозяина.

Одежда сидит словно влитая, ни морщинки, ни складки. Видна привычка носить костюмы.

Итак, передо мной человек, которого при некоторой игре фантазии можно отнести как к высокорожденному знатному классу, так и к высокопоставленному чиновничеству. С чем же пришел этот «мистер великолепный»?

Он тоже рассматривал меня, умело скрывая интерес за маской спокойствия и доброжелательной полуулыбки. Обмен взглядами и мысленная оценка длились секунд пять, не больше.

— Слушаю вас, — сказал я, начиная разговор, как и положено хозяину.

Гость еще несколько секунд смотрел на меня, потом произнес:

— Меня зовут Фламер Барил. Звание — официал. Должность — оперативный агент.

Хоп! В смысле — приплыли. Потому что хозяева Ворот отыскиали меня в моем доме! То, чего я так опасался, произошло. Все-таки вычислили! И что теперь?..

С некоторым трудом я изобразил непонимание и удивление, какое должен изобразить каждый, кто слышит столь странные названия.

— Что значит — официал? В какой структуре такие звания?

Барил улыбнулся, демонстрируя великолепные белоснежные зубы, чуть качнул головой.

— Государственная тайная полиция.

— Как? Полиция? А из какого государства?

— Уния согласных миров Анкивар.

Все верно. Гость из той самой конторы. Но ваньку будем валять до последнего. Надо узнать степень его осведомленности. Однако если он знает все — мне не дожить до утра!.. За прошлые подвиги прихлопнут прямо здесь...

— Простите. Я вас не понимаю. Какой Анкивар? Какая уния? Это где?

Гость улыбнулся еще шире.

— Я бы, наверное, шокировал вас, сказав, что уния находится в другом измерении, но, думаю, вы и так об этом знаете.

— О чем?

— О том, что эти самые иные измерения и миры существуют. Ведь вы шастали по ним сквозь «б-контур» как по своей кухне!

Вот и развязка. Приплыли!..

Наши взгляды скрестились. Насмешка, превосходство, понимание, интерес. Это в его глазах. В моих? Поиск. Лихорадочный, отчаянный, безнадежный. Поиск выхода из положения. Боюсь — по аналогии поиска в темной комнате черной кошки. Которой там нет.

Потому что отыскать выход невозможно. Ситуация под его контролем. Вряд ли сей официал прибыл ко мне без прикрытия, а значит, подстрахован. Ребятами наподобие тех, что бегали за мной по этажам заброшенного здания в Кервине.

Положение загнанного в угол зайца. Правда, заяц может показать зубы. Но толку в этом чуть.

Поиск возможного выхода из катастрофического положения привел меня в состояние, близкое к панике, что злило особенно сильно. Не к лицу полковнику терять голову от страха. Тем более у себя дома. Но все равно было очень хреново. Потому что безвыходно.

Словом, я постепенно скатывался к состоянию, когда разум уступает место инстинктам, и чувствовал, что через секунду-другую просто раскрою визитеру голову, не видя другого выхода.

Но в тот момент, когда по телу разлилась холодная ярость, а мышцы аж зазвенели от напряжения, из глубины сознания опять всплыл мой неведомый двойник.

«Не пыли, — сказал он приглушенным шепотом. — Раз он говорит, а не стреляет, значит, чего-то хочет. Выясни что, узнай все, а потом действуй. И не мандражируй. Хуже смерти ничего не будет...»

Странно, но голос мгновенно вернул состояние невозмутимости и уверенности в себе. Словно добавил энергии и мощи.

— Что вы подразумеваете под «б-контуром»? — спросил я.

Непрошенный гость окинул меня подозрительным и одновременно обличающим взглядом, довольно хмыкнул, словно раскусил мою игру, и после небольшой паузы сказал:

— Вы позволите узнать ваше имя?

— Артур.

— А отчество?

— Это не важно.

— Хорошо. Так вот, господин Артур. Прежде чем выложить вам некоторую информацию, я хочу, чтобы вы осознали несколько фактов. Первое — наша аппаратура однозначно и стопроцентно опознала вас как человека, неоднократно проходившего тот самый «б-контур». Ваш организм подхватил некую порцию излучения... совершенно не опасного для жизни. Это излучение получает всякий, кто хоть раз побывал в «контуре». Второе — наш мир сильно отличается от вашего в плане общего развития, причем в лучшую сторону. Это подразумевает более высокий технический уровень, а значит — и большие возможности. Это по поводу ваших иллюзий относительно попытки бегства от нас.

— Даже так? — не сдержал я насмешливый возглас. — Вы меня решили убить?

— Нет, наша цель более прозаична, хотя и более сложна. Вы проследуете с нами в наш мир. Зачем — объясню чуть позже. Ну и наконец, третье. Мы успели получить достаточно информации о вашем мире, чтобы понять: он по самые уши сидит в дерьме. И особенно это касается данной страны. Так что попытка заявить о нас в ваше фээсбэ, — губы Барила презрительно искривились, — и тем более в эмвэдэ ничего не даст! Потому что мы в состоянии купить любого вашего начальника в погонах по самой низкой цене. Ясно?

Мне захотелось дать ему по морде. Нет, не в отместку за оскорбление органов. А за чистую беспощадную правду. Которую они так быстро узнали.

Собеседник явно наслаждался произнесенными словами. Видимо, в его понимании коррупция и недобросовестность органов были лучшими показателями слабости государства. А такое легко поставить на колени.

— Вы поняли то, что я вам сказал?

— Интересная версия... — довольно спокойно произнес я. — Вы говорите так уверенно и твердо... вы и в самом деле решили, что за несколько дней успели узнать и понять мой мир? И с чего вы взяли, что ваших денег хватит на всех? И что я под колпаком, а не вы?

Когда я говорил так, бандиты и иная мразь в Ругии бледнела, теряла последние остатки уверенности и начинала ускоренно каяться и просить пощады. А то и делали в штаны. Когда слова дополнял вид обнаженного клинка.

Барил не побледнел и не испугался. Но неуверенность на его лице проступила. Правда, слабая.

— Если вы не против, запугивания и страдания оставим на потом. Сначала информация, как и хотели. А там посмотрим.

Он быстро справился с моим напором и, признавая восстановление паритета, кивнул:

— Вы — сильный человек. Другой и не смог бы даже подойти к «б-контур». Простите, я не хотел вас оскорбить... И так — «контур».

Он сел удобнее, сложил руки на коленях, откинул корпус назад, кашлянул, прочищая горло, и напустил на себя вид школьного учителя.

— «Б-контуром» в нашем мире называют конструкцию, способную открыть проход в иные измерения и пропустить через него живое существо. Но при этом сделать так, чтобы существо никогда не смогло достичь конца пути. Практически — это ловушка. Смертельная. Ибо никто никогда не проходил ее и возвращался обратно.

— Зачем же создавать такое устройство? Как его можно использовать? — Смутные подозрения относительно полной осведомленности гостя о моих «подвигах» заставили внимательнее прислушиваться к его словам.

— «Б-контур» в отличие от просто «контура» создан в качестве ловушки.

— Ловушки чего?

Барил вздохнул, возвел очи к потолку. Начав с середины, он зашел в тупик. Я не понимал (по крайней мере он так думал) его слов, терминов и понятий, а вопросы заставляли влезать все глубже и глубже в теорию и историю.

— Ладно. — Он взглянул на часы (обычные по виду часики средних размеров, но стопроцентно с дополнительной начинкой), опять кивнул и сказал: — Сделаем экскурс в прошлое. Я расскажу все. Только в сжатом виде.

И он рассказал.

...Гасмановская теория возникновения и развития вселенной появилась в начале двадцатого века по летосчислению планеты Арния. Основной постулат теории — в момент Первого Большого Взрыва возникла Основная Вселенная, породившая во время Второго Большого Взрыва еще несколько десятков или сотен Вселенных (точное количество до сих пор неизвестно). Вселенные распределены в космосе по «пучкам». Каждый «пучок» отделяло от другого так называемое пятое измерение, называемое «пространство». Внутри «пучка» Вселенные разделяло шестое измерение — «сопряжение».

— Чтобы это понять, — объяснял Барил, — надо представить себе дерево. Самое обычное дерево. Внизу ствол — ос-

новная Вселенная, именуемая еще абсолютно первая. Дальше идут ветви — «пучки». Каждый «пучок» — в своем пространстве. А уже на этих больших ветвях «растут» другие Вселенные, отделенные от соседей «сопряжением», а от подобных себе с другого пучка — «пространством» и «сопряжением» сразу. Еще один критерий определения местоположения — расход. Так мы называем точные координаты вновь открываемых миров.

— Ясно, — не очень уверенно кивнул я, рисуя в воображении гигантское дерево с ветвями-вселенными. Выходило нечто невообразимое и жуткое.

«Стоп! — мелькнула мысль. — Древние религии утверждают, что когда-то на Земле было некое Мировое дерево. Мол, с него и пошла вся жизнь. Это как-то перекликается с теорией, рассказанной гостем? Неужели древние знали о многомерности космоса?»

Вообще-то следовало озаботиться проблемой самого появления гостя и последствиями нежданного визита, но рассказ меня захватил. И потом — не вся информация получена, раньше времени принимать решения нет смысла. Подождем, послушаем. Тем более есть что...

— Само название «расходящиеся» возникло оттого, что согласно теории все Вселенные в начальный момент были в одном с точки зрения координат месте. Ясно?

Я кивнул.

— Дальше... — Барил поправил полу пиджака и положил руки на колени. Лекция увлекла его самого. Видимо, раньше объяснять прописные истины не приходилось, вот и отводил душу. Или тянул время. Для чего?..

...Разница в развитии миров в измерениях колебалась в пределах от нескольких месяцев до трех — пяти миллионов лет. Развитие везде проходило самостоятельно, без взаимного вмешательства. Статус-кво нарушило создание теории Вердина Гасмана. Уже после его смерти группа ученых Анкивара под руководством гениального профессора Битрая смогла рассчитать практическую сторону теории и воплотить ее в реальность. Так возник аппарат под названием «установка ПСД» —

пространственно-сопряженной динамики. Аппарат позволял проникать через пятое и шестое измерения в другую Вселенную (другой мир в просторечии).

Это стало первым шагом в многолетней тяжелой и полной опасностей экспансии. Проект создания межзвездных кораблей и открытия космических полетов отложили в сторону и начали готовить проект «Сосед».

Задачами проекта стали поиск, разведка и освоение новых миров. К тому моменту цивилизация уже достигла высокого уровня развития, поэтому требовалось все больше и больше металла, различного рода ископаемых, энергии, людей, наконец.

Истощенная планета не могла больше снабжать в прежнем объеме. Поэтому было принято решение о целевом использовании вновь открытых планет для пополнения скудных запасов.

— ...Это оказалось труднее, чем мы думали. «Контур» по своим размерам не мог быть больше чем три метра в высоту и два в ширину. Чисто технические ограничения, последнее время мы смогли несколько увеличить габариты, однако это позволило только немного улучшить их пропускную способность. Поэтому работы в новых мирах шли медленными темпами. Специальную аппаратуру и устройства приходилось разбирать на части и монтировать на новом месте. К тому же работа «контура» отнимала массу энергии и стоила очень дорого. Но это только незначительная часть проблем. Гораздо хуже было другое.

— Что же мешало вам, повелителям пространства, завоевывать миры?

Я не смог скрыть явную насмешку, но Барил не обратил на нее внимания. Он посмотрел на часы, на секунду замолчал, а потом продолжил рассказ.

...Первая причина — политическая. На планете Арния к началу освоения других миров сложилась тяжелая обстановка. Все страны были разделены на два враждующих лагеря. За сто лет конфликтов и войн возникли два мощных военно-политических союза. Один — уния согласных миров Анкивар (по названию

лидера унии — Анкивара). Второй — анклав Равитан (тоже по названию лидера союза). Так вышло, что Анкивар занял три из пяти основных материков, Равитан — остальные два, по площади только немного уступающие трем первым.

Противостояние перешло в фазу вялотекущего конфликта с периодическими всплесками на периферии. С обеих сторон раздавались голоса о прекращении противостояния и начале мирных переговоров. Но как раз в то время группа профессора Битрая создала установку и отыскивала пути в иные миры. Разведка Равитана смогла сначала узнать об открытии, а потом и украсть техническую документацию. Их ученые, работавшие в том же направлении, используя данные разведки, смогли построить копию установки.

С этого момента началась жесткая конкуренция за вновь открываемые миры, за их ресурсы, богатства. За их земли.

— ...Обе стороны территориально в одном «пучке», в одном измерении, поэтому часто новый мир открывали и те, и другие одновременно. Возникли трения, быстро перешедшие в вооруженные конфликты, а затем и в открытую войну. С планами примирения было покончено, на кону стояли несметные богатства, за которые стоило воевать.

— Выходит, у вас на каждой открытой планете шла война?

— Почти. Те, кто находил ее раньше, успевал подготовить плацдарм, сосредоточить больше сил и средств. Если превосходство было явным, противник терпел поражение и уходил обратно. Но сил контролировать всю планету не хватало. Враг возвращался и нападал вновь...

— Вы перенесли внутренний конфликт в новые миры? Здорово. Дерутся два гиганта, а местное население смотрит...

— Если бы два, — мрачно усмехнулся Барил. — Потом к ним добавился третий.

...Лет через десять после начала противостояния на арене возник новый игрок. Датлай. Их мир стоял в соседнем сопряжении, но в том же «пучке», что и Арния. Датлайцы освоили «контур» немного позднее, но с азартом включились в игру. Так Равитан и Анкивар получили еще одного врага. Теперь каждый воевал с двумя противниками сразу. На два фронта.

При таком напряжении, при громаднейшем расходовании ресурсов и средств финансовые и людские затраты начали превышать все мыслимые размеры.

Поэтому на новых планетах воюющие стороны действовали относительно небольшими силами. Ядерное оружие никто не применял (кому нужен загрязненный мир?), но и без этого средств уничтожения хватало. С избытком.

Со временем возник план вовлечения аборигенов новых миров в работу и войну. Там, где местная цивилизация была не выше средневековья, набирались волонтеры. Их обучали в специальных заведениях, готовя солдат и рабочих.

Труднее было на высокоразвитых планетах. Чужаков, когда они начинали проявлять активность, мгновенно замечали, после чего вся работа шла коту под хвост. Если же пришельцы пробовали действовать силой, то получали немедленный и жесткий отпор. И хотя техническое превосходство непрощенных гостей было явным, воевать с целой планетой не входило в планы пришельцев. Поэтому вся работа в таких мирах сводилась к осторожной разведке.

...То, о чем рассказывал Барил, я худо-бедно знал из допросов пленных пришельцев в Ругии, конечно, не в таком объеме. Однако показывать осведомленность не собирался. Что знает обо мне гость? Какие у него планы? Надо прояснить обстановку и сделать это осторожно, незаметно. Но как?..

— Не пойму, как вы постоянно протаскивали людей и технику через это... месилово? Там же подохнуть можно в любой момент! А еще тащить с собой что-то...

Барил вперил в меня тяжелый взгляд и с минуту молча смотрел, потирая кисти рук. Что он хотел увидеть? Насколько я искренне говорю? Что я знаю?

— Хорошо... — после недолгого молчания произнес он. — Будем считать, один вопрос с тобой снят... почти.

— В смысле?

— Ты слышал о том, что человек, задавая вопросы, раскрывает свою осведомленность или незнание?

— Ну?

— Так... — усмехнулся он. — К слову. А что касается «контура», он совсем не такой, как «б-контур». Совсем... И пройти его легче легкого.

Барил объяснил мне принцип работы обычного «контура» (по которому я попал сначала в Аберен, потом в Ругию, а потом домой), а затем начал рассказывать о «б-контуре» (о Периметре).

...Прошло лет тридцать с тех пор, как началась экспансия в иные миры, и за это время государства — владельцы «контура» успели открыть более десяти новых миров. И на большей части из них шла затяжная война.

Снабжение войск и станций осуществлялось через «контур». Так как характеристики «контуров» имели приблизительно одни и те же параметры, то и интенсивность снабжения была одинаковой.

Но вот семь лет назад Датлай впервые разработал и применил новое устройство, позволяющее атаковать противника во время его прохождения через «контур». Первый способ атаки — мина-ловушка, заброшенная в промежуточное пространство и разносящая на части контейнер или специальный вагон с людьми. Второй вариант — заброс штурмовой группы через «контур» противника на его же станцию.

Чуть позже разгадку этого фокуса нашли равитанцы, а затем и анкиварцы. С тех пор никто не мог быть уверен, что через его собственный «контур» не пошлют бомбу. Или вместо грузового контейнера в проеме ПСД не возникнет штурмовой отряд противника.

После нескольких внезапных атак и понесенных при этом больших потерь военные подключили ученых, и те, напрягая извилины и работая чуть ли не сутками напролет, отыскали способ полной защиты своего «контура» от несанкционированного прорыва. Новое устройство назвали «б-контуром».

— ...Это чисто условное название, — любезно пояснил Барил. — Могли назвать «т-контуром» или, допустим, «абв-контуром». Название взяли по серийности выпуска. Первый вариант — а, второй — б.

Я кивнул, показывая, что уяснил и что можно продолжать. А сам все ломал голову, к чему эта лекция и что последует дальше. Вернее — когда?

...«Б-контур» представлял собой некое подобие лабиринта, в котором автоматически, следуя заложенной программе, воспроизводились условия местности, из какой стартовали незваные гости. Причем эта местность, сохраняя все внешние атрибуты реальной, таковой по-настоящему не была.

А была она самой настоящей ловушкой для живых существ. Потому основной целью ее функционирования стало уничтожение проникшего внутрь объекта. Причем основной упор был сделан на внешне естественные варианты гибели.

В «б-контуре» не стояли лазерные установки, не висели под потолками хитрые мины и бомбы, не сидели в засаде бойцы. Смерть таилась в обычных и простых с виду вещах. И выглядела та самая смерть очень естественно.

— ...Новая установка показала настолько отличный результат, что прежние ПСД-установки были немедленно заменены на «б-контур». Все. Даже те, которые обслуживали внутренние линии связи. Помимо опасения внезапной атаки новый «контур» защищал себя от несанкционированного проникновения...

Барил вдруг замолчал, недовольно скривил губы, словно досадуя на себя за промах. Видимо едва не разболтал нечто, чего я не должен был знать. Или поспешил выложить нужную информацию. После небольшой паузы он продолжил:

— Теперь «контур» имел как бы двойной вход. Свои, имеющие допуск, спокойно проходили его в прежнем варианте. Чужаки неизменно попадали в ловушку. По нашим сведениям, несколько групп Датлая и Равитана погибли внутри «б-контура» при попытке пройти его. Вскоре они переняли технологию и сами установили защиту на свои «контур». И опять война пошла по старым правилам.

Он снова замолчал, глянул на меня и скривил губы. На его малоподвижном лице возникла невеселая усмешка.

— Так было до тех пор, пока не появился ты.

— А что я?

— Наша аппаратура засекала неоднократное срабатывание «контура», но не могла определить точное место пробоя.

— Как же так? Вы что, не знаете, когда и где он срабатывает?

Вопрос гостю не понравился, но он проглотил пилюлю и объяснил:

— Сам факт открытия возможности прохода в иные миры, активное использование сего знания и даже построение «контуров» так и не дали окончательного ответа: что лежит в основе процесса пробоя. Со времен создания теории Гасмана до нынешних дней никто не нашел полного научного объяснения процессу. В ученых рядах преобладает точка зрения профессора Битрая. Лет тридцать назад он предположил, что при ускорении частицы, находясь в поле «контура», получают иные, неизвестные пока нам свойства. Как именно изменяются свойства, он не объяснил. Но пока это единственное предположение, которое можно принять за основу.

— Странно... Вы шастаете по пространствам и космосу, захватываете другие миры, воюете друг с другом и толком не знаете, чем пользуетесь. — Я намеренно припустил в голос недоверие и насмешку, чтобы вывести гостя из слишком невозмутимого самодовольного состояния. — Впрочем... электричество человечество использует больше сотни лет, но тоже толком не знает, что это.

Моя отповедь задела Барила, но он умело это скрыл. Видимо, подобные укусы стали привычными и потеряли прежнюю остроту.

— Так вот... До последнего времени мы вполне обоснованно считали, что «б-контур» непроходим. Специальные испытания и практика доказывали это со стопроцентной точностью. И вдруг три года назад наши станции контроля забили тревогу. Кто-то использует наш «контур» для прохода из одного мира, неизвестного нам, в другие, так же неизвестные. На ушах стояла вся безопасность, все спец и ученые. На поиски места пробоя были брошены лучшие силы, но только полгода назад мы смогли с приблизительной точностью определить место стартового прохода. И только. За истекшие ме-

сяцы ученые отработали сотни вариантов и способов достичь этого мира, и вот недавно мы вас отыскали.

«Три года... полгода... В переводе на наше время это три месяца и две недели. Как раз период с момента обнаружения Периметра и до предпоследнего прохода. Отловили, значит...»

— Итак, вы нашли того, кто ходит через ваш Пе.. «контур». Кстати, почему так долго искали?

— Ваш мир отстоит от нашего «пучка» довольно далеко, не говоря уж о сопряжении. Мы и не знали, что «контур» способен добивать так далеко. Даже Датлай нам ближе.

— Угу. Нашли вы меня, а что дальше? Я ваш «контур» не крал, не создавал. Он возник сам, черт знает почему, вы и сами толком не знаете. Так что?

Видимо, мы подошли к главному, потому что Барил сменил положение в кресле, подвигал плечами и едва заметно вздохнул. Сказки закончились, пора выкладывать суть дела.

— А дальше я уполномочен руководством сделать вам предложение о добровольном сотрудничестве с нами.

— Что вы подразумеваете под добровольным?

— Вы проследуете с нами в наш мир и в дальнейшем будете сотрудничать со специалистами по проблемам ПСД.

— То есть я стану подопытным кроликом? — уточнил я.

На миг возникло состояние начала сшибки. Если этот незванный гость захочет провести захват прямо сейчас, надо упредить его.

По рукам, ногам, по телу прошла волна внутренней дрожи, во рту привычно пересохло, нижняя челюсть чуть задрожала. Еще миг, и...

Не знаю, что остановило меня от броска, наверное, полная неподвижность Барила. Он сидел в кресле, сложив руки на коленях, и смотрел на меня слегка прищуренными глазами. Глазами волка, разглядывающего из засады отару овец. Матерый хищник не спешил, ибо был уверен — добыча не уйдет.

— В какой-то мере это так, — наконец произнес он. — Вы — феномен, невероятное исключение из правил! Никто до вас никогда не проходил «б-контур», мы его сокращенно называем «бэка». Десять лет назад специальная группа разведчиков совер-

шила попытку прохода по упрощенной схеме в одном из вновь отрытых миров. Условия средневековья, деревенская местность... Двоих потом поисковая группа, которая работала в отключенном «бэка», нашла в яме с водой. Еще двоих отыскивали под завалом в склепе. Последнюю пару никто никогда больше не видел. Все погибли. А вы, согласно нашим данным, по крайней мере четырежды успешно проходили «бэка», да еще по довольно сложной схеме.

— Что ж, благодарю за комплимент. А что, если я не захочу исполнять роль кролика?

Барил опять замолчал, сверля меня тяжелым взглядом, словно прикидывая, как лучше провести захват. Потом вздохнул, добавил металла в голос и произнес:

— В этом случае я вынужден буду изъять вас силой. И поверьте, у меня это получится. Мы не один день в вашем мире, успели собрать некоторую информацию. Знаем, что вас никто не хватится в первые минуты исчезновения, а потом... будет поздно. И у нас достаточно сил, чтобы провести захват тихо, не привлекая внимания.

Барил достал из кармана пиджака небольшой прямоугольник черного цвета, нажал на незаметную кнопку, открывая крышку, и продемонстрировал небольшой монитор и набор клавиш.

Я сразу узнал игрушку — портативный сканер, с помощью которого пришельцы искали меня в Ругии. Определяет местоположение проникшего объекта и идентифицирует его с высокой долей вероятности. Такие штуки были и у Хорте, и у Ваэна, и у старшего поисковой группы, нагнавшей нас в Кервине. Только у Барила новая модель.

Я не подал виду, что аппарат мне знаком, и удивленно поднял брови.

— А это что?

— Сканер, — охотно пояснил тот. — Поисковое устройство. Так как вы несете следы прохода «бэка», то вычислить вас — дело нескольких минут. Собственно, так мы вас и нашли. Прибор я демонстрирую для того, чтобы у вас отпала иллюзия того, что вы можете от нас убежать. Найдём в два счета.

— Да-а... интересная вещь. Но вы, господин хороший, имеете несколько ошибочное представление относительно легкости работы в нашем мире. Не так просто украсть человека и не попасть в поле зрения спецслужб. Вас вычислят очень быстро, и ваша лавочка накроется медным тазом.

— Как? — не понял он последнего выражения. Потом сообразил. — А-а... жаргонное выражение! Оригинальное...

— Не думаю также, что вас здесь много и вы способны противостоять всей системе безопасности...

Откровенно говоря, я гнал пургу. Украсть человека в России не просто, а очень просто. И не только рядового гражданина, до которого нет никому дела, но и высокопоставленного чиновника. Спишут на бандитские разборки, вяло погрозят пальцем и забудут. В стране идет грызня за власть и деньги на всех уровнях, кому какое дело до народа?!

Но гости из иного мира об этом могут и не знать, для них слово «спецслужбы» значит очень много.

Барил усмехнулся. Не очень искренне, но с явным превосходством.

— Странная попытка запугать пришельца из иного мира. Скажите, господин Артур, какова будет реакция спецслужб на информацию о настоящем, а не вымышленном проходе в другие пространства и о вашем участии в них?

«Либо заставят работать на себя, либо убьют», — мысленно ответил я.

— Видимо, начнут изучать проблему, а меня пригласят в качестве консультанта.

Барил вновь улыбнулся, удовлетворенно кивнул, сделав вид, что поверил. Вкрадчиво проговорил:

— Но и мы делаем то же предложение. Быть консультантом. Работать на нас. Ну да, вас изучат. Просветят, просканируют. Но не разберут же на запчасти! Будете в штате структуры, получите должность, оклад, высокий, смею заверить. В конце концов, нас очень волнует эта проблема, и мы не пожалеем сил и средств, чтобы решить ее. А вы можете помочь. Так почему вы против?

Самое странное — его слова вызвали доверие. Видимо, прими я предложение, меня действительно взяли бы на работу, ввели в штат. Пусть не в полном объеме, но обещания Барила сбылись бы. Постоянно воюющая держава не имеет возможности держать на важных ключевых постах дураков, прихлебателей и мздоимцев — дороже станет. А умный руководитель никогда не станет уничтожать потенциального союзника, если тот может принести пользу.

И все же...

Почему он не спешит с захватом или уходом? Чего тянет? Рассказать об их проблемах и показать, какие они молодцы, можно и там, у них... Видимо, есть основания не спешить, тянуть резину. Понять бы, что за причина. Расколоть бы... Эх, нет парней!.. Один я при всем желании не смогу вовремя засечь и отразить внезапную атаку тех, кто боится Барила. Ведь там сидят тоже не дилетанты.

— Скажу больше, — продолжал увещевать Барил. — Я не стану требовать от вас ответа немедленно. Дам два дня на раздумье. Можете решить здесь свои дела, с кем надо попрощаться. Не спешите. Я приду к вам...

Он глянул на часы, уточняя время, качнул головой.

— Допустим, послезавтра в семнадцать ноль-ноль. Кстати, не стоит прощаться навсегда, вы сможете приехать сюда через некоторое время...

Опять у меня создалось впечатление, что он оборвал сам себя. Словно едва не сказал что-то, чего говорить нельзя.

«Время! — дошло до меня. — Они, конечно, отметили разницу в течении времени в своем мире и здесь! Но пока молчат об этом. Почему? И откуда такая щедрость? Хотят сохранить видимость корректных отношений?.. Думай, Артур, возможно, это шанс...»

Барил встал, поправил полу пиджака.

— Напоследок хочу вас предостеречь — не совершайте необдуманных поступков. Мы искренне хотим взаимного сотрудничества, но не потерпим обмана. Вы попадете к нам своей волей или по принуждению, но обязательно. И еще — не поднимайте панику среди близких и знакомых. Это в ваших интересах...

Как только он упомянул близких и знакомых, в голове мелькнула догадка. Я разгадал его игру, и все стало на свои места.

«Их аппаратура показала, что Периметр я мог проходить не один. Но поиск остальных участников прохода не дал результата. И Барил, страшая и обещая, трижды напомнил мне о близких и родственниках. И время на размышление дал только для того, чтобы я бросился за помощью и предупредил остальных и тем самым навел пришельцев на верный след... Ну, суки, ладно! Посмотрим, чья возьмет!..»

— Как называется ваша организация, господин Барил?

— ГТП. Это сокращение. Полностью — Государственная тайная полиция.

Улыбка скользнула по моим губам. Ничто не ново под... лунами. Все повторяется, все имеет свои корни...

— А что? — в свою очередь спросил гость.

— Так... Была у нас одна организация с таким же названием... Знаменитая структура. Если ваша уния хоть немного напоминает страну, где была та контора, я вам не завидую.

Барил озадаченно морщил лоб, соображая, что я хочу сказать, потом спросил:

— Она тоже называлась тайной полицией?

— Да. В переводе на наш язык. А в оригинале несколько иначе. И сокращение было другое. Гестапо.*

Барил пожал плечами, кивнул и напомнил:

— Послезавтра, семнадцать ноль-ноль.

— Хорошо. До встречи...

«Они проникли сюда дня три-четыре назад, не больше. А может, и меньше... Отследили по сканеру мое местонахождение. Что успели сделать еще? Установили слежку. За домом, за мной. Цель одна — выявить контакты. Отыскать возможных подельников, тех, с кем я ходил через Периметр. К счастью, ни с кем, кроме девчонок, за эти дни я не встречался. А когда поняли, что никого не найдут, нанесли визит...»

* Гестапо — GESTAPO (Geheimestaaatpolicei) — государственная тайная полиция Третьего Рейха.

Я подошел к окну, выглянул на улицу. Уже ночь. Город спит, погруженный во тьму. И только фонари вдоль дороги освещают асфальт, помогая слабой луне.

«Они сами в цейтноте. Как ни хмыкал презрительно Барил в адрес наших спецслужб, все равно их опасался. ФСБ, конечно, в пришельцев не поверит, но вот заподозрить в неких людях вражеских шпионов — на это ума хватит. Черт его знает, вдруг сработает заржавелый аппарат и накроет неожиданных гостей!..»

Я отошел от окна и начал измерять комнату шагами, усиленно шевеля извилинами. Оценивал ситуацию, вертел так и эдак, ища выход из положения.

Становиться рабом, холопом или наемным рабочим их ГТП в мои планы не входило. Все их сказки о хорошей тайной полиции — для малышей ясельного возраста. Судя по сбивчивым рассказам Хорте и Вазна, инопланетная контора — еще та штучка. Ради своих интересов они целого мира не пожалеют, не то что какого-то аборигена. А тем более того, кто ненароком влез в их епархию и шарит по пространствам без высочайшего ведома.

Значит, надо развернуть ситуацию на сто восемьдесят градусов и выйти победителем. Другого выхода нет. Иначе — смерть.

«...Сколько их прошли сюда? Пять-шесть человек от силы. Прикинем расстановку. Пара охраняет Периметр, трое следят за мной, один командует. Будем исходить из этого. Шестеро против одного. Пока... Этой ночью приезжают парни, и тогда баланс сил изменится. Ах какую свинью я подложу парням! Вместо долгожданного переезда на новое место жительства конфликт с инопланетянами!.. По сути дела — война. Хотя... будем откровенны, против целого мира впятером не выстоять...»

Придя к такому выводу, я почувствовал глухое раздражение, растущее с каждой секундой. Потому что пока не видел выхода из тупика, не знал, как малыми силами противостоять силам гигантским.

«Надо поговорить с Барилом еще раз. Но в другой обстановке. Когда условия будем диктовать мы. И когда он будет говорить все, что нам нужно. А потом, на основании информации, можно строить планы и решать — как вообще дальше жить...»

Это было уже что-то, и я немного воспрял духом. Действительно, мой потенциальный работодатель некоторую информацию утаивал, недоговаривал. Видимо, что-то существенное. Вот и проясним дело...

И хотя я понимал, что захватить Барила и всю его группу будет невероятно тяжело, что у противника преимущество, что в этом бою запросто можно сложить голову, но новая идея вернула мне расположение духа и невозмутимость.

Ожидание схватки и сама схватка — нормальное для меня состояние. В нем я жил три года и отвыкнуть не успел.

Сев за комп, я начал начерно набрасывать план действий и приблизительный вариант обнаружения и захвата непрошеного гостя. И хотя (если смотреть отстраненно и трезво) мои старания выглядели слишком самонадеянно, но сидеть и ждать, когда за мной придут лихие парни из инопланетного гестапо, не в моем характере...

За окном понемногу светлело, а на экране монитора начал вырисовываться пока поверхностный, грубый, без конкретных деталей план, когда на пейджер пришло сообщение: «Хэлло, рашэн! Встречай гостей!»

Это парни. Прибыли. Вот теперь начнется самое веселое!

Через десять минут я вышел из дома, внимательно проверяясь на предмет слежки, дошел до работающего телефона-автомата и скинул парням сообщение: «Привет колпакам!» На нашем сленге это означало, что я под плотным наблюдением и в большой опасности.

Игра началась...

Электронный хронометр в левом углу огромного монитора показывал начало десятого, и до совещания оставалось всего двадцать минут, а глаза все скользили по ровным строчкам

текста. Можно было перевести доклад в звуковой вариант, но информация воспринималась лучше именно так, визуально. Да и быстрее было работать, глядя на экран сверхплоского монитора. Привычнее.

Хозяин кабинета просматривал рапорты и отчеты с недавно обнаруженного мира, уделяя внимание каждой незначительной мелочи, вникая в каждый эпизод.

Вообще-то отчеты полевых агентов, даже выполняющих особые задания, читали максимум кураторы направлений. В крайнем случае — директора управлений. До шеф-ордера обычно доходили обобщенные выводы, экспресс-анализы и итоговые сводки. Иначе и быть не могло. В противном случае руководитель гигантской структуры, раскинувшей сети на восемь планет своего измерения и более десятка планет в иных мирах, просто погряз бы в мелких деталях и подробностях, не дойдя до сути.

Но в данном случае речь шла о деле, взятом на контроль не только руководством ГТП, но и высшим руководством унии. А это значило, что операции придавалось особое, можно сказать, политическое значение. Поэтому шеф-ордер не жалел времени на изучение материала, пытаясь уже сейчас, с ходу определить, насколько значимыми могут быть последствия работы в новом, совершенно случайно открытом мире.

Из рапорта официала Барила. 11.05.2070 г.

«...после проведения трехдневных разведывательно-поисковых и ознакомительных работ в 22.15 по местному времени была проведена первая встреча с подозреваемым объектом. Дополнительное сканирование показало стопроцентную точность определения его как искомого человека.

В ходе разговора объект был проинформирован о сложившейся ситуации и поставлен перед выбором — работать на ГТП добровольно или принудительно. Согласно предварительному выводу, объект склонен принять предложение, хотя он не проявил немедленной готовности к сотрудничеству.

Косвенный опрос относительно иных объектов, проникших через «б-контур», результата не дал. Поиск в этом направлении на сегодняшний день также не принес результата.

Вторая встреча с объектом назначена на 24.08.96 на 17.00 по местному времени.

Досье на объект и дополнительная информация по планете прилагается...»

Из отчета аналитической группы по планете ПСМ № У1-02-05-01, именуемой в дальнейшем «Земля-2»

«...После изучения периодической печати, телевизионных информационных программ и иных данных, а также на основании докладов сотрудников поисковой группы были сделаны следующие выводы:

1. Планета по своему местоположению, строению и развитию очень близка к планете «Земля-1» (ПСМ № У1-02-04-01).

2. Политическая система, ситуация в мире, а также иные общие характеристики также идентичны «Земле-1».

3. Сканированием местности в радиусе двухсот километров от «б-контура» не было выявлено никаких следов возможного пребывания разведок Датлая и Равитана.

4. Организация базы, а также подготовка к полноценному внедрению на планету крайне нежелательны из-за высокого развития цивилизации, наличия хорошо организованных спецслужб. Однако это не исключает вероятность контакта с аборигенами как на частном, так и на государственном уровне, если будет принят в разработку план «Зеркало».

5. На первом этапе работы необходимо использовать только вариант «Мираж» с особым упором на маскировку «б-контура» и повышенный режим безопасности. В особой степени это касается потенциальной деятельности на материках «Северная Америка», западной и дальневосточной части материка «Евразия», на севере материка «Африка».

6. Выбранная в качестве первоначального проникновения часть материка «Евразия» под названием «Россия» вполне отвечает требованиям безопасности и в силу местных политических, общественных и прочих условий подходит для дальнейшего внедрения...»

«Вывод утешительный, — подумал Апиян, убирая текст с экрана. — Однако оболящаться насчет легкости работы и простоты внедрения не стоит. Эта планета, несмотря на то, что эксперты в один голос твердят, что она предпочтительнее Земли-1, в чем-то гораздо хуже всех остальных миров, открытых ранее...»

Земля-2 действительно представляла собой сплошной клубок загадок. Самым большим потрясением для всех (и специалистов ПСМ, и оперативников поисковых групп) стал тот факт, что время в этом мире идет в двенадцать раз медленнее, чем в других мирах.

Ученые в Институте сопряженных пространств вывихнули мозги в тщетной попытке понять и объяснить, почему этот мир имеет другой временной ритм. А уж сколько было сломано копий в спорах на научные и околонучные темы! Но к единому мнению не пришли и поэтому внятного ответа не дали.

Вторая загадка — каким образом в мире, находящемся в одном из дальних «пучков», самопроизвольно возник «контур»? Вообще-то такое бывает, но только здесь, на основных мирах, а не в неизведанной дали.

И наконец, объект, смогший преодолеть смертоносные ловушки «б-контура» и проникший... А вот куда он смог проникнуть, сколько раз и — дьявол его побери! — каким образом, и должна выяснить срочно посланная в тот мир поисковая группа.

Пока все шло по плану, что Апияна радовало, но до финала еще далеко — что сильно тревожило.

Шеф-ордер даже не мог сказать почему. Опыт, богатая практика и знания подсказывали — все идет своим чередом. Но интуиция, пресловутое шестое чувство и нюх старого, прожженного оперативника не давали покоя сердцу.

Вообще-то эта странная, ничем не объяснимая тревога поселилась в сердце шеф-ордера еще одиннадцать лет назад, после так называемой и теперь широко известной Ругийской катастрофы. Когда в течение двух месяцев была разгромлена станция слежения на Земле-1, а потом почти целиком погибла разведгруппа со второй станции.

Тогда, почти сразу после гибели группы, Апиян отдал приказ срочно эвакуировать вторую станцию, предполагая, что

разгром первой станции и нападение на разведку — дело рук противника. Равитана или Датлая. Больше грешили на второго, так как потенциал и возможности Равитана были более или менее известны.

Но когда разведка выяснила, что Датлай здесь ни при чем и на Земле орудовал кто-то иной, Апиян впервые ощутил то странное чувство, что уже столько лет живет в сердце, то затухая, то разгораясь с новой силой.

«Мы сильно обожглись на Земле, — вспоминал Апиян. — Сначала мы, потом Датлай, когда тоже отыскал этот мир. Аборигены обнаружили разведку Датлая почти сразу после проникновения. Наверное, Датлай тоже называет свой провал катастрофой. По крайней мере у них есть на то основания...»

Как потом донесла вездесущая разведка, авангардная группа прикрытия датлайцев высадилась в восточной части Ругии. На окраине небольшого городка в глуши бескрайней тайги. Место вполне подходящее для незаметного вторжения, но дело испортила одна мелочь. В том районе проходили крупномасштабные учения с привлечением личного состава сразу нескольких структур. Один из местных отрядов выскочил на авангард прикрытия как раз в тот момент, когда те осматривали местность. Авангард, заметив вооруженных людей в военной форме, не придумал ничего лучше, как вступить в бой.

Вступили. Благо превосходство в оружии и технике было на их стороне. Но в запале почему-то не подумали, что и враг вооружен не луками и копьями. Впрочем, ругать за незнание авангард нельзя, до этого им не приходилось бывать на столь высокоразвитых мирах.

Поначалу преимущество было на стороне авангарда. Но потом аборигены, понеся первые потери, вызвали подкрепление. Они решили, что встретили диверсантов противника. Такое предположение имело основание, только-только была завершена война, а союзники проигравших точили зуб на победителя.

Вскоре над местом боя уже летали бомбардировщики аборигенов, а артиллерия готовилась открыть огонь. На беду, авангард уже дал основным силам добро на переход «контура», и те вот-вот должны были подойти.

Они и пришли. Как раз в тот момент, когда с неба на позиции авангарда посыпались бомбы, снаряды и ракеты. Трое непонятно как уцелевших разведчиков потом рассказывали, что людей буквально размазало по земле. Вместе с оружием и всем снаряжением.

Датлай немедленно прекратил переход и вообще закрыл его. Агентура Анкивара со временем выяснила, что руководство противника решило в тот мир пока никого не посылать. Так их обескуражило поражение в первые минуты перехода.

«Именно тогда и нами было принято решение оставить в покое негостеприимный мир. До лучших времен. Тем более хватало проблем на остальных мирах. А потом Датлай взял на вооружение новую технологию проникновения в чужой «контур», и нам пришлось срочно латать дыры в пространстве...»

Возможность перехвата грузов и людей в пространстве едва не парализовала всю связь между мирами. Датлай то ставил мины, то посылал штурмовые группы по «контурам» Анкивара и Равитана. Сколько людей погибло, сколько станций пришлось восстанавливать буквально из пепла.

Сперва на станциях ввели особый режим работы и поставили дополнительную охрану. Потом ученые нашли способ навсегда отвадить врага от попыток проникнуть через чужой «контур». Создали суперловушку, способную угробить кого угодно.

«Выходит, не совсем кого угодно, — недовольно подумал Апиян, рассматривая панораму за окном. — Если кто-то там... на Земле-2 шастает без спроса. Лишь бы у Фламера все получилось... Это вроде его восьмое самостоятельное задание. Если выполнит — можно подумать о повышении. Выслуга позволяет...»

Такая забота о рядовом оперативнике была бы непонятна, если бы тот не приходился шеф-ордеру двоюродным внуком, то есть близким родственником. А проталкивать вверх родственника — дурной тон. Если, конечно, тот сам не заслужит повышения.

«Этот заслужит, — прикидывал Апиян. — Парень не промах, опытен, настойчив, сообразителен. Фамилию предков не

посрамит. В его-то годы — начальник поисковой группы. Далеко пойдет... если не остановят».

Подумав о родственнике, Апиян невольно вспомнил еще об одной проблеме. О поисковых группах.

...После Ругийской катастрофы и последующими за ней проблемами с перехватами «контуров» остро встала проблема создания станций слежения. И противник не дремал, с помощью новой аппаратуры научился обнаруживать станции еще на первом этапе строительства. И аборигены не всегда миролюбиво смотрели на возникновение из ниоткуда странных сооружений, норовили пощупать пришельцев на предмет «как они в бою». И ладно бы луками, мечами и копьями. Пусть даже примитивными пушками и пищальми, способными скорее напугать, чем нанести вред. Но в новых мирах непрошенных гостей все чаще встречали автоматические пушки, ракеты, а то и первые, пока неуклюжие и большие, но от этого не менее опасные лазерные установки. С неба на станции летели тяжеленные бомбы. Иногда — с ядерными зарядами.

В таких условиях прежняя тактика не срабатывала, а зачастую и приводила к печальным результатам. Потеряв пятнадцать человек в стычках с аборигенами и диверсионными группами равитанцев и датлайцев, ГТП в срочном порядке выработало новую тактику действий.

Группа из четырех человек — два оперативника, два охранника — проникала в другой мир и действовала там автономно, держа связь с базой посредством периодически включаемого «контура». Они вели разведку, добывали информацию, вступали в непосредственную связь с аборигенами, а когда подходил срок — либо переходили «контур», либо передавали сведения.

Таким образом, противник не мог ни засечь «контур», ни обнаружить группу, а аборигены не замечали чужого проникновения.

Эта тактика прижилась и получила широкое распространение. Как часто бывает — сперва у изобретателей, а потом у всех воюющих сторон. Потому что разведка со всех сторон работала прилично.

Группы получили название поисковых, формировались только из самых опытных оперативников и бойцов специальных подразделений вроде бригады «Ашван» или специального отряда «Викорал».

Теперь станции создавали только в ключевых мирах, опорных в «пучке», а в других мирах ставили скрытый «контур», срабатывающий по необходимости.

Нововведения позволили полностью устранить риск прорыва отрядов противника и резко снизили вероятность обнаружения разведки аборигенами. Все шло замечательно. До тех пор, пока не был обнаружен спонтанно работающий «контур», да еще в дальнем, малоизученном «пучке» пространства.

«Кто же там действует? — недовольно нахмурил брови Апиян. — Неужели противник опередил и теперь готовит захват дальнего «пучка»? Или... или, как ходят слухи, это работа нового игрока на необъятном поле боя, где прежде пробовали силы только три стороны? Кто же он? Чего хочет?..»

— Чего они хотят? Получить своего человека из этого мира? Чтобы шпионил на них?

— Думаю, им позарез нужно узнать, каким образом я смог проникнуть в их «контур» и остаться живым. Это главное. Остальное потом.

— Занятно! — хмыкнул Марк и глянул на парней. — Нашли подопытного кролика...

Ему никто не ответил. Все обдумывали услышанное и спешно прикидывали, что теперь делать. И как вообще быть. Потому как старые планы рухнули, похоронив надежду на спокойную беззаботную жизнь где-нибудь на солнечном побережье юга Франции, или Португалии, или Кипра... Там, где все шоколадно и замечательно. Там, где нас пока не будет...

...Получив мое сообщение, парни немедленно организовали скрытое наблюдение за моим домом и двумя соседними, отмечая все подозрительные передвижения. А потом смогли незаметно выйти со мной на связь.

Еще толком не зная, что произошло, они страховались по максимуму и работали сразу по всем направлениям. Слежку за

мной, правда, не выявили, но странные маневры неподалеку от улицы обнаружили.

А днем, основательно замотав потенциальные «хвосты» и многократно проведя их обрубание, мы встретились в старом, давно заброшенном бомбоубежище на окраине города. Здесь, глубоко под землей, в окружении железобетона, можно было спокойно поговорить. Без опасения быть засеченными сканером.

Подробно, не упуская ни одной мелочи, я пересказал разговор с Барилом, потом выдал результат моих умозаключений и наконец выложил некоторые догадки.

— ...Но почему они не захватили тебя сразу? — словно размышляя вслух, произнес Сергей. — Информацию о возможных сообщниках вытянули бы с помощью химии. Все контакты, связи, вообще все.

Я пожал плечами. Логика пришельцев действительно трудно поддавалась объяснению.

— Может, опасаются, что на меня их химия не подействует... или хотят продемонстрировать добрые, искренние намерения. Мол, мы с тобой честны... Проверяют на вшивость, ищут подельников, проводят дополнительную разведку... Хрен знает! Их техника позволяет засечь меня на расстоянии нескольких сотен километров, думают, что я не сумею никуда убежать. А попробую — выдам связи. Вообще я тоже ломал голову, почему они оставили меня дома.

— Ты легко ушел из-под наблюдения, если оно, конечно, было. А о фокусе с подземельем их мудрые инопланетные головы не догадались?

— Может быть...

— Эх, мать! — вздохнул Толик. — А как хорошо все шло! Деньги переведены, золото тоже. Сразу три варианта открытия бизнеса. Потенциальные клиенты нашего клуба. Перспективы на будущее... И тут как назло!..

— А иначе и не бывает, — ответил Марк. — Так всегда. Пашешь в поте лица, деньгу зарабатываешь, мечта вот-вот сбудется... А тут из-за угла как шарахнет! И все твои труды коту под хвост.

Антон кивнул, обвел всех мрачным взглядом и спросил:

— Ну что, судьбу поругали, пар выпустили? Теперь давай-те решать, что делать! Артур, ты говорил о своих задумках. Выкладывай. Иного выхода все равно нет. Идти работать в их лаборатории мухой-дрозофилой вряд ли кто хочет.

— Это точно, — невесело усмехнулся я и начал выкладывать свой план. Скорее не план, а наметки плана. Так, контуры.

— ...Нам нужна информация. Что знают о мире пришельцы? Сколько у них здесь групп? Где еще работают Периметры? Какие планы относительно нашего мира? Только ли я у них на подозрении, или вас тоже засекли? Что может быть, если исчезнет первая группа?..

— А потом?

Я пожал плечами. Так далеко планирование не заходило. Не из-за легкомыслия или отсутствия привычки планировать все до конца. Просто невозможно предусмотреть реакцию чужой цивилизации на исчезновение своей разведки в ином мире. Попробуют они взорвать нашу планету, пошлют новую группу, забудут и временно оставят в покое?.. Никто не скажет.

— А что потом — решим после захвата языка, — поддержал меня Толик. — Пока и этого хватит.

— Сколько их может быть? — подал голос Сергей. — По твоим прикидкам.

— Не больше шести. Тащить сюда роту нет смысла. Паратройка стережет Периметр, Барил работает со мной, двое на подстраховке. Думаю, они пустят в ход оружие, если что-то пойдет не по их плану. Трупы пришельцев не пугают — они успеют уйти. Так что сражаться будет до конца.

— Веселая перспектива...

Повисла пауза. Парни думали. Надо провернуть ювелирное дело — захватить главного пришельца и тихо, незаметно для окружающих убрать остальных. Причем не быкообразных бандитских «торпед», а группу профессионалов, готовых к подобному повороту событий и способных дать отпор. И это в центре города, днем, когда на улице сотни человек. Задача...

— Что с семьями будем делать? — вдруг сменил тему Марк. — Если придется отложить переезд?

— Снимем квартиры. Только не в Рязани. Пусть сидят, где сейчас.

— Ты моей это объясни, — хмыкнул Толик. — Она выезда ждала, как манны небесной... Голову мне оторвет.

— Ничего. Пожалее. Когда узнает, что ее едва не оторвали самые настоящие инопланетяне.

— Ну да! Тогда точно оторвет.

Глядя на испуганную физиономию Толика, мы не могли сдержать улыбок. Жены тот боялся больше, чем неведомых пришельцев.

...По старой договоренности парни женам ничего не говорили. Ни о Воротах, ни о Периметре, ни о походах в иные миры. Выезды в Рязань объясняли халтурой, позволяющей неплохо заработать. Не хотели тревожить чуткие женские души небылицами. Прекрасные половины могли не так понять. А еще хуже — понять так. Тогда проблем не оберешься...

— Ладно, поржали — хорош, — подвел итог Сергей. — А теперь давайте о деле. Нам нужен язык. И надо уничтожить группу. Остальное — потом.

Действительно, дальше заглядывать бессмысленно. Потому как мы, те, кто прошел, с позволения сказать, огонь, воду и медные трубы, кто всегда до последней запятой расписывал планы очередной акции и привык учитывать все нюансы, сейчас были в роли слепых котят.

Потому как столкнулись с неведомым. С иной цивилизацией. Огромной, мощной, опасной. Одно дело — уничтожить небольшую группу, другое дело — воевать с гигантской империей. Немыслимо!

Так что мы решили ограничиться малым. Получить информацию и с ее помощью попробовать найти путь для выхода из тупика. Другой надежды не было.

— Итак, первое — обнаружение группы. Второе — сам захват. — Сергей с легким хлопком опустил правую ладонь на левую. — Начнем с обнаружения...

* * *

Как и обещал гидрометцентр, погода испортилась. При чем довольно внезапно. За ночь температура упала с двадцати пяти до восемнадцать градусов, небо заволокли черные тучи, и зарядил сплошной обложной дождь. Синоптики говорили, что такая гадость будет весь следующий день и ночь. А потом вроде опять потеплеет.

Нам такая погода была на руку. В слякотную мерзопакость всегда легче работать, чем при ясной погоде. Впрочем, работаем при любой погоде, лишь бы с положительным результатом. Лишь бы успешно...

Он позвонил в дверь, как и обещал, в семнадцать ноль-ноль, соблюдая абсолютную точность. Спокойно поздоровался, прошел в комнату и сел в кресло. Посмотрел по сторонам и спросил:

— Так что, Артур, вы приняли решение?

Неуверенность, некоторая растерянность, опасение, вполне обоснованное, интерес, стремление узнать заранее как можно больше — все это надо было отобразить на лице, показать не явно, а вскользь, маскируя под маской такого же, как и у него, спокойствия и невозмутимости.

Я и показал. Насколько это в моих силах. Все-таки не актер, сыграть, чтобы незабвенный мастер воскликнул «Верю!», не могу.

Зато смог, в свою очередь, отметить, что гость не настолько спокоен и невозмутим, как хочет выглядеть. Для него сегодняшний визит, как и вся операция, тоже не прогулка по аллее под руку с длинноногой девчонкой. Но все-таки что тебя так гложет?..

— Да... Я в принципе согласен... Но я хотел бы здесь и сейчас получить некоторые гарантии, что меня не ждет участь лабораторной крысы, на которой проводят эксперименты все кому не лень.

— Ну что вы! — растянул губы в широкой добродушной улыбке гость. — Это изначально исключено. Вас, конечно, обследуют, проверят организм, однако, смею уверить, проце-

дуры займут максимум день. Потом отдых и... скажем так — начало работы. Тем более ее очень много.

И он опять изобразил улыбку.

Артист! Талант! Играет так, что старик Станиславский удивится от зависти. Правда, кое-какая фальшь видна, но совсем немного. Не будь я настороже и не знай, что подлянки не избегать, поверил бы. Думаю, что поверил.

Ему главное заманить меня в свой мир, а там все просто. Деваться некуда, буду работать как миленький.

— В таком случае... я не возражаю.

— Отлично, — блеснули все тридцать два снежно-белых зуба. — Собирайте вещи, я подожду.

— Они в принципе собраны. Брать с собой много нет смысла, я ведь еще вернусь. А так... самое необходимое.

— Да. Время вы даром не теряли, — кивнул он. — Мы отметили, что вы успели исколесить город. Друзей навещали или на свидания с девушками ездили?

— Не без этого...

«Проследили. Насколько смогли. А где не смогли — использовали сканер. Однако нашу встречу не засекли. Значит, и у вас, господа пришельцы, есть предел возможности. Значит, повоюем...»

— Девушки — дело не последнее. С ними надо всегда держать связь...

Барил хохотнул и поднял вверх большой палец правой руки — одобряю, мол. Заговорщицки подмигнул, как своему, и доверительно сказал:

— Эта проблема у нас решена, и смею уверить, весьма положительно.

Еще один штришок в пользу работы на них. У нас, парень, так здорово, что баб много и на любой выбор. Поехали скорее, пока они не заскучали. Переигрывать начал дорогой гость. Что-то гложет его, давит на нервы. И то хорошо. Нервы играют, значит, есть шанс, что совершит ошибку.

Я кивнул на дверь соседней комнаты: мол, там вещи. Барил ничего не сказал, только глянул на часы и бросил взгляд за окно. Там лило не переставая, небо сотрясали раскаты грома, а ветвистые зигзаги молний вспыхивали то вдаль, то совсем близко.

В спальне стояла заранее снаряженная сумка, доверху набитая газетами, журналами и старым тряпьем. Внизу лежал кирпич для придания веса.

Я постоял несколько секунд, пару раз вдохнул-выдохнул, успокаивая дыхание и настраиваясь работать. Предстояло провести мгновенный захват гостя, не переусердствовав при этом, но и не давая ему ни единого шанса. Барил, судя по всему, парень тренированный, к тому же настороже. Просто так взять себя не позволит...

Глянул на пейджер. Сообщений пока нет. Парни еще не сделали своего дела. Что ж, если они немного запоздают, придется работать не дома, как я хотел, а на улице. Ничего, сделаем.

Подняв сумку и скорчив озабоченное лицо, я открыл дверь и шагнул в гостиную.

...Причины для беспокойства у него были. И даже больше, чем он мог себе позволить.

Во-первых, совершенно непонятно и непредсказуемо вел себя «контур». За последние четыре дня по местному исчислению пять раз нарушалась связь с базой. Установка внезапно, безо всяких на то причин, вдруг переставала работать и зависала в промежуточном положении. Потом, минут через пятнадцать — двадцать, начинала работать вновь. Но в последний раз она зависла на два часа, и вся группа затаив дыхание ждала момента запуска, опасаясь, что она вообще заглохнет.

Консультант из Института сопряженных пространств, приглашенный начальством, ничего путного сказать не мог. Мямлил что-то о слишком большой удаленности «пучка», о белых пятнах в изучении свойств пространства, но так и не дал конкретный совет по работе с установкой.

Из-за неполадок с «контуром» экспедиция находилась под угрозой закрытия. Куратор уже ставил вопрос о переносе акции, и только нажим высшего руководства пока позволял продолжать работу.

Во-вторых, много загадок преподносил сам мир. И двенадцатикратная разница во времени, и необъяснимые явления

вроде спонтанных срабатываний «контура» безо всяких внешних причин.

Ну и апофеоз проблем — странный тип, пробивший незыблемую ловушку «контура» и шаставший по крайней мере по трем мирам. Это вообще из ряда вон!

Когда Барил дал ему двое суток на обустройство своих дел перед уходом, он был почти уверен, что этот парень наведет слежку на возможных подельников или на тех, кто знает о существовании «контура».

По крайней мере догадка относительно посвященных в тайну «контура» витала в коридорах ГТП, и никто не мог ее ни подтвердить, ни опровергнуть. Барил был склонен думать, что такие люди есть.

Вести за ним прямую слежку было довольно тяжело, однако сканер выручал разведчиков, всегда оповещая о любых передвижениях объекта по городу. Но и здесь не обошлось без накладок.

Парень имел три встречи, но каждый раз оперативники с разочарованием убеждались, что тот навещал девиц, видимо, своих знакомых. Один раз он просто поболтал с подругой на улице, а еще два раза заходил к ним домой и был там не менее двух часов.

Чем они занимались, было ясно и так. В этом нет ничего странного и подозрительного, однако один из людей Барила все же проверил, не спешили ли девицы после столь пылких встреч в местные отделения полиции. Нет, никто никуда не спешил.

А потом парень исчез. Совсем. Сканер не показывал ни единого процента обнаружения. Вообще-то ничего сверхъестественного не произошло. Чтобы исчезнуть, достаточно попасть в хорошо экранированную область вроде промышленного цеха или бункера из железобетона.

Барил предвидел такую возможность, и хотя она его не радовала, однако повода для паники не давала. Если парень кого и предупредил, все равно расскажет об этом, когда его посадят в кресло сентоскопа — дальнего потомка детектора лжи, способного расколоть даже находящегося под гипноти-

ческим блоком человека. Так что все его потуги — детские игры в прятки. Пусть побеждает напоследок.

Что еще беспокоило Барила, так это конечная фаза операции. По опыту он знал, что именно финал представлял наибольшую угрозу для исполнителей. Буквально на пороге «контура» в дело вмешивался Его Величество Случай и вносил свои коррективы. Почти всегда не в пользу исполнителей.

Начальство, после того, как Барил доложил об успехе предварительной работы с объектом, предлагало усилить его группу, но Барил взял только одного оперативника из другого отдела. Опытного, знающего официала, прошедшего не одну кампанию в других мирах. Он был специалистом не только в области контакта с аборигенами, но и легко управлял техникой, владел искусством перевоплощения, а также прилично работал в ближнем бою.

Сейчас этот оперативник вместе с постоянным напарником Барила страховали его, находясь неподалеку от дома объекта. Пара бойцов прикрытия охраняли «контур» и подступы к нему, одновременно держа связь с базой.

Все на местах, готовы к любому повороту событий и способны быстро и эффективно вмешаться в дело, если возникнет необходимость. Вроде все предусмотрено, ошибки и промаха быть не должно.

Барил это знал и понимал. Но на душе все равно было беспокойно. И это раздражало опытного оперативника. Скорее бы все закончилось...

— ...Ну что, пошли? — Я вышел из спальни, поставил перед собой сумку и глянул на гостя. — Мы как, на машине или пехом? Не хотелось бы в такую погоду.

За окном как раз гроыхнуло, мощный удар сотряс стекла и заставил заработать сигнализацию припаркованной у подъезда машины. Потом сверкнула молния, осветив кусок черного неба. В начале шестого дня на улице было темно, как поздним вечером.

Барил тоже посмотрел в окно, зябко повел плечами и недовольно сказал:

— Придется своим ходом. Здесь не очень далеко. У вас плащ есть?

— Куртка.

— Вот и хорошо. Можно воспользоваться вашими троллей-бу-сами, — по складам выговорил он. — Если они еще ходят.

— Угу...

В этот момент запиликал пейджер, лежавший на столе. Барил бросил на меня подозрительный взгляд и спросил:

— Это кто?

— Не знаю. — Я равнодушно пожал плечами, взял пейджер, прочитал сообщение и протянул его Барилу. — Можете посмотреть.

Гость не отказался. Пробежал глазами по строчкам и вслух прочитал:

— Артурчик, милый, уже соскучилась, хочу видеть. Как приедешь, позвони. Целую, Нина.

На малоподвижном лице Барила возникла легкая улыбка.

— Вы пользуетесь большим успехом у слабого пола.

Я тоже улыбнулся и кивнул.

— Несомненно...

...Крышку люка, закрывавшего ход с крыши, слегка заело, и пока он возился с ним, порыв ветра сбросил капюшон с головы, а дождь намочил короткие волосы и лицо. Сергей одной рукой натянул капюшон, а второй наконец смог открыть люк. Над головой в очередной раз прогрехотало, неподалеку блеснул отсверк молнии, и в воздухе запахло озоном.

Он слез вниз, тщательно закрыл крышку, спустился на лестничный пролет и сделал небольшую паузу, чтобы снять мокрую ветровку, вытереть лицо и голову платком и слегка почистить кроссовки.

Покончив с одеждой, Сергей проверил оружие, еще раз осмотрел себя и пошел вниз.

Этого типа он вычислил вчера, когда вместе с Толиком осматривал прилегающие к Артурову дому здания. Простая логика подсказывала, что Барила будут страховать, держа дом и подходы в поле зрения. Наиболее удобным для слежки за

подъездом местом оказалась девятиэтажка. Она стояла метрах в семидесяти под прямым углом и позволяла держать в поле зрения все подходы.

А обнаружить самого наблюдателя было просто. За десять минут до визита Барила к Артуру тот занял свой пост в первом подъезде между первым и вторым этажом.

Сергей вошел в соседний подъезд, по крыше перешел в первый и сейчас спускался вниз, готовя встречу с чужаком. Теперь самое главное...

Наблюдатель так и стоял у окна, держа руки в карманах легкого плаща и не отрывая взгляда от улицы. На шаги он отреагировал спокойно — несмотря на погоду, мимо него уже трижды проходили жильцы дома. Повернул голову и увидел молодого человека в больших роговых очках и с сумкой в руках. Потратив секунду на рассматривание местного жильца, наблюдатель отвернулся, вновь беря под контроль соседний дом. А когда сообразил, что с этим очкариком не так, было уже поздно.

ПБ* негромко хлопнул, выпуская пулю, та угодила точно в затылок, разнося череп и мозги.

Сергей прыгнул через две ступеньки, подхватил тяжелое тело, быстро проверил состояние наблюдателя, потом поволок его вниз, в подвал.

«Смекалистый, гад, — подумал он, затаскивая тело дальше в подвал. — Сопоставил факты. Если я вышел из квартиры на нижних этажах, то он бы услышал стук двери, из которой я вроде вышел, а если на верхних, то почему топаю пешком, а не еду на лифте? Понял, что не сходитесь, и потащил руку из кармана. А в руке пистолет. Но не успел...»

Сергей достал радиостанцию и несколько раз нажал на танкетку, посылая частую дробь — сигнал Толику. Теперь его очередь.

...Второй человек Барила стоял в подъезде дома, где жил Артур. Он должен был сопровождать официала и объект до «контура» в непосредственной близости, страхуя на случай

* Пистолет бесшумный на базе пистолета «Макарова».

непредвиденного столкновения. Оперативник занял позицию в глубине подъезда, изредка выглядывая на улицу, чтобы оценить обстановку. Все было спокойно.

...Толик зашел в подъезд, неся перед собой большую коробку из-под телевизора. Та скрывала фигуру от пояса и до головы, не позволяя толком рассмотреть его.

Оперативника он заметил сразу. Тот сделал шаг в сторону, пропуская вошедшего, цепким взглядом окинул высоченную фигуру и отвел глаза. Когда пустая коробка упала ему на ноги, он машинально отступил и набрал воздуха, чтобы высказать эту неловкому кретину все, что о нем думает, но не успел.

Пуля легко прошила плащ, рубашку, кожу, мышцы и вошла прямо в сердце, разрывая его на части. Уже падая, оперативник тускнеющим взглядом отметил длинный ствол пистолета и даже успел понять, что это наверняка глушитель. И что он — идиот, проворонивший простую подставу...

Получив ответную серию дробы, Сергей удовлетворенно хмыкнул и достал сотовый телефон. Через минуту оператор пейджинговой связи переслал сообщение: «Артурчик, милый, уже соскучилась, хочу видеть. Как приедешь, позвони. Целую, Нина».

«...Брать его надо здесь, в квартире. Меньше хлопот со случайными свидетелями. Значит, в запасе секунд пятнадцать. Потом мы выйдем. И тянуть время нельзя, заподозрит еще...»

Так я рассуждал в тот момент, когда Барил читал сообщение. На душе стало легче от того, что парни успешно провели дело. Как там у Марка и Антона? Они должны снять охрану Периметра...

— Что, пойдем? — спросил Барил, возвращая пейджер. — Дождь будет лить долго, ждать конца нет смысла.

— Угу, — кивнул я и первым шагнул к коридору.

Ну, парни... Мой выход!

...В оптическом прицеле силуэт охранника выглядел смутно и как-то неясно, что, впрочем, было вполне ожидаемо. Тот сидел в глубине полуразрушенной комнаты, той самой, где раньше собирались перед переходом они сами. Там и так темно, а еще полумрак на улице окончательно сводил видимость

к нулю. Хорошо хоть прицел на ВСС стоял специальный, ночной. И хоть лица охранника не различить, но фигура видна вполне нормально.

Марк ждал сигнала от Антона. Тот зашел с другой стороны дома, залез на второй этаж и сейчас осторожно пробирался в помещение, под которым и была входная комната. Оттуда можно прыгнуть вниз, прямо к лестнице, ведущей к Периметру. Там сидит еще один охранник. Он — на Антоне.

Третьего Марк засек пятнадцать минут назад. Невзрачный мужичок пристроился метрах в сорока от дома в старой ржавой беседке. Скрюченная фигура сидела на обломанной скамейке лицом к дороге и фиксировала все передвижения по улице. Ни один нормальный человек не будет сидеть в такую погоду в дырявой, пронзаемой всеми ветрами жестянке. Только тот, кому это очень надо.

Переводя ствол слева направо и обратно, Марк прикидывал траекторию движения и мысленно считал секунды. От первого выстрела до второго. После — работа Антона.

Серия щелчков в радиостанции заставила его выбросить из головы все подсчеты и взять на прицел первого охранника, сидевшего в беседке. Антон готов, ждет его. Пора...

Сгорбленная фигура со спрятанной в плечи головой и поднятым воротником рваной куртки сидела на месте практически без движения, только вздрагивая. То ли от холода, то ли от чего еще.

Точка прицела совпала с центром головы. При попадании тяжелой пули калибром девять миллиметров от черепа почти ничего не останется, так что поражение будет стопроцентным...

Вдох-выдох, задержка дыхания, палец начал выбирать свободный ход спускового крючка.

Один... два... три... — мысленный счет.

На цифре «пять» последует выстрел.

Четыре...

Сидящего человека словно подбросило с места. Он вскочил, дико озираясь, суетливым движением рук поправил воротник и быстрым шагом, почти бегом, кинулся прочь от беседки, вдоль кустарника дальше в тупик. Нескладная фигура ковыляла на левую ногу.

«Бомж! — осенило Марка. — Заснул, мать его! Привык на свежем воздухе, не обращает внимания на погоду...»

Его вдруг охватила дрожь, по рукам прошла горячая волна. Он едва-едва не убил постороннего, приняв его за шпиона инопланетян! Вот так фокус!..

«Черт побери! Как почувал, удрал со всех ног. Хорошо хоть успел, еще миг — и все...»

Поймав в прицел вторую фигуру, Марк опять выдохнул и начал выбирать свободный ход. Уж этот бомжем оказаться никак не может.

...Вторую минуту он сидел в неудобной позе, держа в одной руке световую гранату, а во второй «стечкин» с глушителем, поставленным на автоматический огонь. Марк должен уже получить сигнал и снять охрану. Чего медлит?

Антон осторожно, дабы не зашуметь, заглянул в дыру и увидел часть силуэта на первом этаже. Пока охранник жив.

Чувствуя, как пот катит по лбу, он на миг отвлекся, вытер рукавом голову, а когда выглянул вновь, то увидел резкое движение внизу. И тут же раздался шум падающего тела. Готов!

Не теряя ни секунды, Антон сиганул вниз, еще в прыжке бросил в лестничный проем гранату и отпрыгнул за выступ, закрывая глаза и уши и широко раскрывая рот.

Ахнуло! Да еще как! Вспышку он не увидел, но по ушам дало капитально. В голове сразу зашумело, стало тяжело.

Не обращая внимания на реакцию организма, Антон единым махом преодолел ступеньки, в полете развернул корпус и влетел на площадку лицом вперед.

Скрюченная фигура сидела у самой двери Периметра, зажав руками уши. Под ногами валялся пистолет (вроде как «макаров»).

Как только глаза уверенно зафиксировали фигуру, палец вдавил спусковой крючок, и очередь тупоносых тяжелых пуль пробила крупное тело сразу в нескольких местах, нанося тяжелые, несовместимые с жизнью ранения.

Охранник погиб, даже не успев понять, что, собственно, произошло. Легкая смерть...

...Второе сообщение поступило на пейджер, когда я натягивал кроссовки, одновременно прикидывая, как отвлечь внимание Барила. Тот выглядел очень уж настороженным и собранным. Такого брать тепленьким нелегко, проще завалить. Но валить нельзя.

Его брови удивленно поползли вверх, когда пейджер опять выдал руладу. Так же удивленно он проследил, как я читаю текст.

— Если не позвонишь до конца недели — считай, что мы расстались. Оксана, — озвучил я послание и засмеялся. — Ну, вот как с ними ладить, если у них всякие глупости и ревность на уме?!

Сохраняя на лице улыбку, я встал, протянул пейджер Барилу, предлагая убедиться, что не вру, и добавил:

— У вас такие же бабы дурные или это только наше достоинство?

Смех, откровенный жест и вопрос с подковыркой сделали свое дело. Гость расслабился. На движение руки отреагировал спокойно, пейджер взял и глаза опустил, читая текст. И поэтому не заметил мелькнувшей ступни.

Каблук с маху впечатался в пах, сгибая высокую фигуру пополам и швыряя ее на стену. Второй удар угодил по шее, отсылая Барила в долгое забвение. Ни среагировать, ни подать сигнал он не успел...

...Ох и подфартило нам с погодкой! Ох и подфартило... На улицах не то что прохожих нет, гаишников не видно. Некому было смотреть, как мы затаскивали два тела в багажник машины, а потом выгружали и заносили в заброшенный дом. И уж совсем не мог никто видеть, как потом мы их побросали в открытую дверь Периметра. Сами не заходили, чтобы не спровоцировать срабатывание проклятой игрушки.

Избавившись от тел, приступили ко второй части программы. Под названием «получение информации». Для чего вывезли хорошо спеленатого Барила в заброшенное бомбоубежище.

Он пришел в себя еще в машине, пришлось добавить, чтобы пока не мешал. Придет время — разбудим.

Бомбоубежище идеально подходит для таких задушевных бесед. Наружу не пробивается ни единого звука, хоть стреляй.

Никто не видит — тоже плюс. Ну и наконец — полная непроходимость радиосигнала. В нашем случае это очень и очень важно.

Оперативник такой мощной структуры, как ГТП, наверняка прошел долгую и тщательную подготовку по многим дисциплинам. В том числе и по поведению на допросе. Поэтому использовать для беседы различные «сыворотки правды» нашего и импортного производства мы не стали.

Вдруг у них там, в Анкиваре, прививают стойкость к этой гадости. Или, наоборот, при введении в кровь сыворотки человек быстро и безболезненно подыхает.

Так что испытывать судьбу нет смысла. Обойдемся старым проверенным способом — болевым воздействием. Я не садист, и мои друзья тоже, но иногда без допроса третьей степени никак нельзя. Ну никак!

А этого гада за то, что он решил сделать из меня подопытного кролика, я разберу на части без угрызения совести. И рука не дрогнет.

...Мы успели его привязать к столу и подготовить к работе, когда он начал судорожно моргать глазами и разевать рот. Проснулся.

Я слегка хлопнул его по щеке, подождал, пока он сфокусирует на мне взгляд, и подмигнул.

— И снова здравствуйте. Не против побеседовать?

— ...Слушай, а Разгонов? Этот вариант не подойдет?

— Не думаю. Вводить его в курс всех событий глупо, а вешать лапшу относительно некой враждебной группы — не поверит. Не тот кадр.

— Да? Ты прав. Но все равно хреново...

Марк потер лоб и вздохнул. Больше идей у него не было. Голос подал Антон:

— А если навести ментов втемную? Через анонимное заявление. Мол, бродит по Рязани некая банда, гасит всех. Место сбора — заброшенные дома...

— И вовсе бред. Анонимку выбросят в корзину и посмеются. В лучшем случае пошлют какого-нибудь стажера проверить дома. А там пусто. И все старания коту под хвост.

— А тот же трюк, но с фээсбэшниками? — подал голос Сергей. — Под маркой шпиёнов?

— Отправят письмо по прямому назначению — в психушку. Максимум отпишут в милицию, дабы те проверили сигнал. И опять закончится посылкой стажера. Либо отпиской — ничего, нигде, никогда.

Новый вздох, теперь в исполнении Сереги. Четвертый по счету. Похоже, идеи у парней иссякли.

— Что-то ты у нас сегодня разрушителем замыслов работаешь, — заметил Марк. — Сам бы что предложил.

— Сам?.. — Я добросовестно напряг извилины, тщетно шаря по закоулкам мозга, но та самая спасительная мысль либо отсутствовала, либо хорошо пряталась. — Нет идей. Никаких.

— Да, — подвел итог совещанию Серега. — Результативно посидели. Мозговой штурм называется!.. План не можем составить.

— Что там составлять! — подхватил Толик. — Первый пункт никак не придумаем.

Да. Первый пункт — это серьезно! А план еще хуже. В смысле серьезнее. Без него никак. Ни вздохнуть, ни... выдохнуть.

...Посиделки мы устроили после долгого и трудного разговора с Барилом. Сам разговор напоминал викторину: вопрос — правдивый ответ, вопрос — заминка — убеждение — правдивый ответ. Правды добивались простыми, но радикальными методами. Чтобы и быстро, и результативно.

К концу беседы Барил был частью обмотан бинтами, частью окровавлен и очень бледен. И сломан. Морально. И физически.

Прошу понять правильно — мы не садисты, и мучения другого человека не доставляют нам никакой радости. Просто иногда нужную информацию добыть у настоящего врага довольно тяжело и только боль способна развязать ему язык.

Настоящий враг — тот, кто действием доказал, что собирается тебя убить или сделать нечто, что приведет к твоей гибели. То есть человек, желающий твоей смерти. А такие заслуживают самого сурового отношения. В этом случае не до церемоний.

Кто-то не согласен? Что ж, ваше право. Только когда к вашему горлу поднесут нож и до последнего движения останется полсекунды, вы вспомните свое нежелание защищать себя, вспомните и пожалеете, что ничего нельзя изменить.

Пытка не имеет отношения к защите жизни, скажете вы? А вот это зря. Если есть некий заговор (как лишить вас жизни), любая информация о нем — шаг к вашему спасению. А добыть информацию... ну, об этом уже говорили.

Вот и выходит, что сие неприятное мероприятие — суровая необходимость. Не убедил? Жаль. Подождем, когда клюнет жареный петух.

...Барил, подстегиваемый дозами боли, выложил все, что мы хотели услышать. Рассказал много интересного, но, к сожалению, эта информация так и не смогла помочь найти ответ на главный вопрос — что и как сделать, чтобы раз и навсегда прекратить попытки хозяев Периметра и Ворот проникновения в наш мир и поиск того, кто шастал через пространства?

Выпотрошив официала, мы аккуратно и безболезненно переправили его в мир иной (в переносном смысле слова) и избавились от тела. А потом поехали ко мне. Отпраздновать победу и обсудить насущную проблему.

Празднование вышло скромным (не было сил радоваться) и плавно перешло в разговор о будущем. Разговор перетек в спор, перешел на повышенные тона, потом — после моего резкого окрика: «Баста, братцы!» — опять стал разговором.

Предлагались разные варианты. Начиная от идеи проникнуть через Периметр в Анкивар и учинить разборку в духе нашей братвы — «вы неправы, потому что вы неправы!». С пальбой, битьем морд и взрывами всего и вся.

Отмели как бредовую. Автору (не будем показывать пальцем, но это был Антон) посоветовали меньше читать криминальную хронику. Тот критику принял и трансформировал идею в попытку нормально договориться с теми же анкиварцами.

Мысль приняли, обсудили, но пришли к выводу, что ничего не выйдет. Хотя бы потому, что не успеем ее высказать целиком, как станем на выбор: а — трупами, б — лабораторными экспонатами. Первое более вероятно.

Вторая основная идея — быстро покинуть Россию и раствориться на бескрайних просторах Земли. Вот тут и возник спор и шум. Мнения разошлись в главном — найдут или не найдут пришельцы нас, если захотят довести дело до конца?

Имея данные, полученные от Барила, имея прежние знания о работе Периметра и Ворот, имея, наконец, собственный опыт, я легко доказал, что техника пришельцев способна отыскать меня где угодно, если только не просидеть оставшиеся годы в подземном бункере.

Под конец беседы возникла еще одна идея. Донести информацию о пришельцах властям. Вывести проблему на иной уровень, привлечь силы государства — в идеале планеты, — чтобы защитили, спасли своих сограждан и вступили в схватку с наглыми инопланетянами. Эта мысль была не нова и не особо популярна.

Потому что мы знали, где живем. И чего, собственно, можно ждать от родной власти самой демократической и правовой страны в мире.

— Ну, поверят они нам! — почти кричал я. — Не отправят в психушку и не сунут на всякий случай в тюрьму, и что?! Что они сделают? Что сделает кремлевский сиделец? «Шта... паимашь... пришельцы — это вам не мой друг Билл! Они, паимашь... могут и помочь ускорить процесс демократизации. Шта в Расеи, шта в мире! С ними, паимашь, нада дружить!»

Антон заржал в голос, глядя на мое искажившееся лицо и на жест рукой, характерный для хозяина Кремля. Его поддерживал Толик. Марк и Сергей кривили губы.

— Они страну превратили в полигон для разборок, тысячи своих граждан угробили, людей опустили до состояния скотов, а ты ждешь от них помощи?

Слова предназначались Толику — он высказал идею. Тот только пожимал плечами. Что происходит в стране, знал не хуже меня.

— Или думаешь, заграница нам поможет? Друг Билл и друг Гельмут?

Эта мысль была не менее бредовой, чем первая. Не к кому обращаться на этой планете. Каждая страна, получив инфор-

мацию о настоящих пришельцах, будет искать выход на них, преследуя при этом собственные цели. И США, и Англия, и Гондурас. Выгода, попытка с помощью инопланетян получить новый козырь в борьбе за место лидера на Земле — это да. А реальной помощи ждать — быть круглым дураком.

И опять же участь наша будет решена в один миг. Подопытные кролики или... Кому нужны лишние свидетели, к тому же способные на самостоятельные перемещения в пространстве? Договориться с пришельцами государства и сами смогут, было бы о чем.

На этом вопрос с верхами был решен. Зато возник другой — помощь знакомых, облеченных некоторой властью. Мол, пусть прикроют, если что. Помогут зачистить следы межпланетных разборок.

Но идея тоже не нашла широкого одобрения. Использовать втемную того же Разгонова не выйдет (он не такой дурак), а говорить правду... Если и не выдаст, все-таки нормальный парень, то помочь мало чем сможет. А влезет в дело — попадет в поле зрения пришельцев. Зачем подставлять?..

— Ладно, — махнул рукой Сергей. — С помощью и прятками от пришельцев все ясно. Что могут предпринять они после пропажи своей группы? Какотреагируют?

Вопрос мне как эксперту по хозяевам пространства. Что ж, попробуем прикинуть...

На основании всех полученных сведений известно, что власти Анкивара очень недоброжелательно относятся к любым попыткам противника проникнуть на их территории, будь то свой мир или другие миры. Свою недоброжелательность они выражают только одним способом — уничтожают посмевших проникнуть всеми доступными средствами.

Такую же политику проводят и их исконные враги Датлай и Равитан. А так как все три стороны периодически нападают на противника, каждая давно выработала свой комплекс мер по защите. И раз до сих пор все три стороны существуют, значит, этот комплекс успешно действует.

Далее. Тот факт, что некто на далекой, никому не известной планете в плохо изученном «пучке» пространства нашел

способ проникать через комплекс абсолютной защиты «б-контура», должен заставить его хозяев приложить все силы к выяснению личности этого «некто» и на корню загасить опасную тенденцию, пока она не распространилась и не стала неразрешимой проблемой.

То есть они сделают все, чтобы уничтожить нас. Пардон — меня. О других они пока не подозревают.

— ...Хотя после того, как погибла их группа, анкиварцы вполне могут переслать сюда свой... экспедиционный корпус и стереть с планеты все живое. Или стереть в порошок саму планету.

— Ну ты хватил! — воскликнул Толик. — Всю планету! С какой стати?

Я пожал плечами и вспомнил давний разговор с офицером Хорте и его яростное заявление, что до меня они доберутся в любом случае. И слова офицера Ваэна тоже вспомнил. И то, что говорил еще один офицер — Барил, — тоже припомнил. Везет мне на официалов...

— У них логика проста. Пока мир не стал по-настоящему опасен и не превратился в еще одного врага, надо его уничтожить.

— Но мы им не равня, — подал голос Антон. — Их развитие и наше нельзя сравнивать. Эти... орбитальные станции с лазерными батареями, вакуумные бомбы и ракеты, сверхмощные термоядерные заряды, техника... Наш мир по сравнению с ними не выдерживает конкуренции.

— Не забывай, что для них наш мир — загадка. Сам факт прохода по «контуре» вызывает нешуточную тревогу. А вдруг мы владеем некой технологией проникновения и способны уничтожить все сразу? К тому же попытка выяснить подробности провалилась. Что им думать? Что разведчиков вычислили и готовят ответный удар.

— Будем исходить из того, что добрых чувств они к нам не питают, — с саркастической улыбкой подытожил Сергей. — И опять встает вопрос — как быть нам?

Начав с этого вопроса, мы вновь вернулись к нему. Так ничего толком и не придумав. Тупик.

Просидев почти до самого утра, уничтожив невероятное количество минеральной и газированной воды, наполовину опустошив холодильник и сорвав голоса в долгом разговоре, мы окончательно заплутали во всех пространствах и мирах, выдвинули немереное количество идей и под конец перестали понимать, где кончается логика и начинается откровенный бред.

В какой-то момент осознав это, нашли силы остановить мозговой марафон и порешили так. Парни на пару дней съезжают к семьям, проводят их, поговорят, успокоят. Мне же на это время: сменить место жительства, к Периметру ни на шаг и постоянный контроль обстановки. А когда опять соберемся вместе — найдем-таки правильное решение и сделаем все, чтобы раз и навсегда избавить себя от проблемы с пришельцами. По крайней мере попробуем.

— Ничего лучше мы сейчас все равно не придумаем. Так что остановимся на этом варианте, — подвел итог Сергей. — А там видно будет.

Баста!

Утром меня поднял телефонный звонок. Не вставая, я нашарил рукой трубку и хриплым со сна голосом буркнул:

— Да.

— Артур? Это Олег. Разгонов.

Вот так. Доброго утра мне желает родная милиция! Какого рожна ей не спится?

— Салют. Чего будишь?

— Ты сейчас свободен?

— Нет. Я сейчас сплю. А ты мне снишься.

— Артур, надо пересечься. — Голос Олега был требовательным и... растерянным, что ли. Ясно, что не отстанет.

— Ладно. Во сколько?

— Через час на Мичурина.

— Нахал ты, майор. К себе тащишь.* На вопрос, что ли? Без адвоката не поеду.

— Да не тащу я тебя никуда. Заедешь за мной. У меня машина в ремонте.

* На площади Мичурина располагается УВД по Рязани и Рязанской области. В 1996 г. там же был и РУБОП.

Вот рожа ментовская! Еще и вози его! Ладно, хрен с тобой, майор. Не упадет корона с головы, если подвезу.

— Пусть так. Буду через час. Но если повод хреновый — ты мой должник!

— Приезжай. — Голос майора стал и вовсе глухим. — Повод... не хреновый.

Положив трубку, я с минуту лежал на кровати, закинув руки за голову и выдавливая из себя остатки сна. Потом глянул на часы, резко выдохнул, вскочил на ноги и потопал в ванную. Попутно прикидывая, что такое стряслось, раз Олег звонит мне домой в девять утра и назначает встречу? Неужели прищельцы подали иск в суд на противоправные действия с нашей стороны? Занятно...

Через час Олег сел ко мне в машину, вяло поздоровался и предложил доехать до горпарка. Там место тихое, можно спокойно поговорить.

— О'кей. В парк, так в парк, — кивнул я и выжал сцепление.

Доехали минут за пять, за это время он не проронил ни слова, сидел прямо, смотрел вперед и о чем-то напряженно думал. И барабанил пальцами по передку.

— У тебя машина чистая? — спросил он, когда я встал на узкой дорожке в парке.

— То есть? Когда мыл?

— Я имею в виду, чистая ли она? — Майор выразительно посмотрел на меня.

— А-а! В этом смысле? Да, конечно. Я всегда слежу... гм... за чистотой машины. Благо есть чем.

— Хорошо. Тогда давай выйдем на свежий воздух.

Сегодня Разгонов — сплошная загадка. Что с ним такое?

Мы вышли, сели на скамейку, стоявшую неподалеку, при этом Олег внимательно посмотрел по сторонам, зачем-то глянул на часы и вдруг без перехода, без прелюдий выдал:

— Жорку убили.

— Какого Жорку? — сначала не понял я. Мозги, забытые совершенно иными проблемами, далекими от бытия этого мира, толком не восприняли информацию. Но потом сразу врубились. — Жорку? Как... убили?

— Как обычно убивают, — пояснил Олег. — Из автомата.

— Стоп-стоп. — Я повернулся к нему. — Из какого автомата? Когда? Где? Давай по порядку.

— Ладно, — кивнул майор. — Держи по порядку.

...Частного предпринимателя Георгия Чижмина застрелили позавчера днем, когда тот возвращался из ресторана в офис. Засада ждала на узкой улочке, по которой обычно пролегал маршрут Жоринского кортежа — его машины и машины сопровождения. Едва Жорин «мерседес» притормозил перед поворотом, ему наперерез выскочил грузовик-мусоровоз. Водитель иномарки еле успел отвернуть в сторону, но при этом скорость машины упала до минимума, и она заглохла. В ту же секунду из-за ближайших гаражей ударили ручной пулемет и три автомата.

Уже потом, при осмотре места происшествия, милиция найдет в мусорном баке брошенные РПК и три «калаша». Разумеется, без отпечатков пальцев. Напавшие работали в нитяных перчатках.

С Жорой ехали четверо телохранителей (не считая водителей). Двое с ним самим и двое в другой машине. Парни попробовали открыть ответный огонь, но разница в огневой мощи была слишком велика. В «мерседесе» пулеметные и автоматные очереди изрешетили всех: и босса, и охранников. Только водитель получил пулю в ногу и уцелел.

Охранники второй машины успели вылезти из нее, заняв позицию за тачкой и открыть ответный огонь. Но из-за гаражей прилетела граната и взорвалась метрах в пяти позади парней. В результате один тяжело ранен, второй отделался иссеченной осколками спиной и легкой контузией. Водителя второй машины убила первая же очередь.

Напавшие, выяснив, что Жора убит, побросали оружие и исчезли. По некоторым сведениям, в соседней подворотне их ждала машина.

Водитель «мерседеса», пришедший в себя первым, вызвал «скорую», милицию и сообщил о нападении в офис Корешкову. Помощь прибыла через пятнадцать минут. Всех пострадавших увезли в больницу, но вскоре там остались только три человека. Остальных повезли в морг.

В теле Жоры насчитали пять ран. Две из них — в грудь и живот — оказались смертельными. Он умер еще там, в машине.

— Еп-пона мать! — выдал я, сплевывая под ноги. — Все-таки подловили его!

— Да, — согласился Разгонов, внимательно глядя на меня. — Видимо, кто-то знал маршрут движения и успел подготовить засаду.

— Ага. Причем очень грамотно сделали. Подловили в тихом месте, где почти не бывает прохожих, а в соседних домах окна выходят на другую сторону. Чтобы никого лишнего не зацепить. Работали специалисты. А грузовик?

— Угнан за час до нападения. Заявление поступило почти сразу после расстрела.

Я с некоторым трудом осознавал услышанное, плохо представляя, как это вообще могло произойти. Жора в городе сидел прочно, крепко, но очень тихо. Да и «крышу» имел мощную. Чтобы начать войну с ФСБ, надо иметь совсем отмороженные мозги... или «крышу» более мощную. Но какую?..

— А чего ты мне раньше не позвонил? — спросил я.

— Звонил, еще вчера утром. Но телефон молчал. Причем весь день.

Ну да! Как я забыл. Ни вчера, ни позавчера, вообще последние три дня меня невозможно было поймать дома. У нас была своя война.

— Что, никаких догадок, кто бы это мог быть?

Разгонов опять покачал головой, недовольно повел плечами.

— Дело поручили вести мне. Начальство говорит, звонили от «соседей», спрашивали, как идут поиски.

— Еще бы. Фээсбэшники потеряли такую подпитку! И...

Я вдруг замолчал, озаренный некой догадкой. Она мелькнула случайно, так, проходя, но сейчас, после ее непродолжительного осмысления, казалась не такой уж и шальной.

— Чего? — спросил Олег.

Я посмотрел на него, продолжая обдумывать внезапно пришедшую мысль. Сказать? В принципе это бездоказательная догадка, не претендующая на роль истины. И все же...

— Олег, у меня два вопроса. И одна версия. Если не можешь — не отвечай. Но это способно выявить заказчика убийства.

Разгонов насупился — не любил странных вопросов по службе, — опустил голову, решая, как быть, потом кивнул.

— Ладно. Ты язык за зубами держать умеешь, дальше тебя не уйдет. Спрашивай. Знаю — отвечу.

— Первое. Как отреагировал Корешков на известие о смерти босса? И какова была его реакция?

— Как отреагировал — не знаю. Я видел его вчера, он выглядит подавленным, но на убитого горем не похож. Нормальная реакция крепкого мужика. Его физиономию в момент доклада о гибели Жоры не видел, ничего не скажу.

— Тебе не показалось, что он... слишком спокоен, что ли?

— Да нет... — Разгонов пожал плечами, вспоминая разговор с замом по безопасности. — Обычный вид.

— Угу. И второй вопрос. Что конкретно интересовало людей из ФСБ? Ход расследования или обстоятельства и подробности убийства?

— Ну и вопросыки у тебя! Холмс доморощенный!

— И все же?

— С ними разговаривал наш полковник. Судя по всему, их интересует, как идет расследование и что известно о нападавших.

— Так... — Я крутил в голове информацию, поворачивая ее так и эдак, рассматривая под разными углами и ища зацепки. — Ясно...

— Коли ясно, выкладывай, что ты там надумал, — потребовал майор.

— Хорошо, — наконец решился я. — Слушай. Корешков стал замом Жоры меньше года назад при непосредственном участии местных парней от Феликса*. Он сам — бывший комитетчик. Хотя бывших, как известно, не бывает. Как раз год назад Жора резко расширил свой бизнес, пустил корни в других регионах, наладил связи с границей. И сразу ему потребовалось создать свой ЧОП.

* Иносказательно — ФСБ.

— Ну и?

— Ну и неизвестно, сам ли он решил создать охранное предприятие, или ему настоятельно посоветовали. А заодно и кандидатуру нашли.

— Это ты к чему? — изогнул бровь Олег. — Хочешь сказать, что они...

— Да. Они. Отношения с Корешковым у Жоры были натянутые. Видимо, тот лез не в свои дела, хотел взять все под контроль. Насколько я в курсе, пару раз они крепко ссорились, причем Жора хотел убрать Корешкова. Но тот не уходил.

— И ты думаешь, что Корешков отомстил? — с сомнением произнес Олег. — За то, что они лаялись?

— Я допускаю, что комитетчикам Жора перестал быть нужен, а вот его бизнес, уже довольно мощный, пригодился. Это дополнительный заработок и дополнительное прикрытие.

— Брось, — махнул рукой майор. — Это скорее сюжет детектива, а не реальная причина. Никогда ФСБ не пойдет на такое дело только из-за мнимой прибыли и сомнительного прикрытия. Даже если это самодеятельность местного руководства. За такое сейчас гонят в три шеи. На Колыму.

— Хорошо. Может быть. Но тогда вполне реален вариант внутреннего переворота. Корешков сам захотел «царствовать и всем владети».

Разгонов хмыкнул, покачал головой и насмешливо посмотрел на меня. На его губах играла саркастическая улыбка.

— Знаешь, это интересно.

— Да?

— Ага. Но еще более интересно, что и господин Корешков во время нашей последней беседы заявил, что у него на подозрении есть один тип, который может быть заинтересован в гибели Жоры. И даже повод привел. Кто этот тип — версий нет?

«Даже неудивительно. Этот гад еще тогда меня невзлюбил. Вот и нашел способ поквитаться. Впрочем, как и я. Действительно, смешно...»

— Кстати, — добавил Олег. — Начальство предложило мне выяснить данные всех, кто за последние два года работал с Жорой.

— Почему за два?

— Ответ начальства — потому что!

— Отличный ответ.

— Да. В стиле верховного руководства. Так вот по поводу всех работников. В это число попадаешь и ты. Как один из тех, кто покинул фирму Жоры, возможно, имея на него зуб.

— Бред! — Сам факт того, что я каким-то образом оказался в числе подозреваемых, выглядел смешно. — С Жорой мы расстались нормально. По моей инициативе. Это могут подтвердить в офисе.

— Хорошо, — кивнул Олег. — Проверим.

— Не веришь мне?

Разгонов внимательно посмотрел на меня и согнал с лица легкую усмешку.

— Я при исполнении. И верить, то есть доверять, не могу никому. Даже тем, кого знаю много лет. Не имею права. Только конкретные факты и точная информация.

Он не шутил, в работе наш майор был фанатиком, причем в хорошем смысле слова. И привык доводить дело до конца.

— Тебе нужно мое алиби? — спросил я.

— Если не трудно.

— Так вот...

— Стоп! — прервал меня Олег. — Артур. Чтобы не было недомолвок. Лично я знаю, что ты тут ни при чем. Но для моего начальства нужны более веские и материальные доказательства. Чтобы они больше никогда не возвращались к этой теме.

Я поймал внимательный и открытый взгляд майора, несколько секунд смотрел ему в глаза, потом протянул руку. Тот пожал ее и кивнул в знак благодарности. За то, что поверил в его искренность.

— Так вот относительно алиби. Позавчера, как, впрочем, и вчера, я провел в обществе своих друзей. Здесь, в Рязани. Они легко это смогут подтвердить, если надо — в суде. А...

— Так парни здесь? — перебил меня Олег. — Так чего ты, скотина, сразу не сказал! Чего молчал. Ну, блин!

— Ты же вывалил на меня столько всего... Я забыл...

— Тьфу! — Олег выглядел расстроенным. — И не позвонили мне. Не предупредили! Кореша называется!..

Черт! Я ляпнул, не подумав. Не могу же ему сказать, что в эти дни мы отправили в небытие пять человек из другого мира. А так действительно выходит, что мы о нем забыли.

— Они приезжали по делу. Привет тебе передавали. Скоро опять придут, посидим, поговорим.

— Да ладно тебе! Поговорим! Все обещаете.

— Олег. — Я прижал руку к сердцу. — Слово! Через день придут.

— Ладно, — махнул рукой тот. — Верю. Проехали. Значит, ты был с ними?

— Да.

— Тогда вопрос снят. И меня не будут тыкать в это рожей. И то хорошо.

— Слушай, давай куда-нибудь съездим перекусим. А то я с утра ничего не ел.

Разгонов глянул на часы, сделал паузу, что-то прикидывая, потом кивнул:

— Поехали. Там и закончим разговор.

Поколесив по центру города, мы остановили выбор на небольшом кафе, стоявшем неподалеку от дороги. Такому решению способствовало неплохое меню заведения и практически полное отсутствие посетителей. Только одна пара средних лет сидела в противоположном конце зала, да две официантки стояли возле бара.

Мы не спеша уничтожили по порции довольно приличного шашлыка и запили это дело апельсиновым соком. Утолив голод, продолжили разговор. Разгонов рассказал мне еще несколько эпизодов расследования, потом назвал имена сопровождавших Жору телохранителей (я знал только одного), вспомнил, что при Чижмине нашли портфель, набитый бумагами бухгалтерского характера, и что из-за этого портфеля разгорелся большой спор с подоспевшими сотрудниками Жориной фирмы.

Сперва бумаги хотели приобщить к вещдокам, но главный бухгалтер и юрист фирмы отстояли его и после оформления соответствующих документов увезли с собой.

— Кстати, в милиции есть информация, что Чижмин в свое время создал некую группу силового прикрытия. И что вроде бы ты ее тренировал. Это так?

— Ого! Какие сведения!

— Что, неверные?

— Нет. Устаревшие. Можешь считать это официальным ответом. Я тренировался в спортзале самостоятельно, но в одно время с другими спортсменами. Среди них были два человека из Жориной конторы, я их знаю. Могу назвать имена и фамилии.

— Это будет кстати.

— Так вот мы занимались борьбой самбо и разучивали некоторые приемы бокса. Ничего более не делали.

— Кхм! — кашлянул майор. — Все ясно. Совместные тренировки случайно встретившихся людей.

— Верно. Как факт это использовать можно, но к делу не подошьешь.

Олег усмехнулся, покачал головой. Если я и вру, проверить это практически невозможно. Тренировки в спортзале никаким образом не попадают под разряд запрещенных мероприятий.

Мы в свое время договорились с Юркой и Максом, что при необходимости будем использовать именно эту версию. Вполне пристойную и легальную. И хрен кто проверит!

— Когда похороны? — вдруг вспомнил я.

— Завтра в два часа дня. На Сысоевском кладбище.

— Надо съездить. Проститься с Жоркой. Он, конечно, самодур был великий и тип не всегда приятный, но все же не сволочь конченная. И мужик неплохой. Ты, наверное, тоже поедешь?

— Да. На кладбище будет работать группа. Как обычно, наблюдение, съемка...

Ну да. Милиция в последние годы всегда присутствует на похоронах криминальных авторитетов, крутых парней и бизнесменов. Потому что зачастую на кладбище собираются сливки криминалитета, почти вся братва — пополняй архив сколько хочешь.

Бандиты об этом, конечно, знают, но все равно приезжают. Отдать последний долг, сказать добрые слова о покойном

под прицелом видеокамер — вроде как показать свою крутизну и бесстрашие перед мусорами. Пусть шакалье снимает!..

После обеда Олег попросил подбросить его на работу.

— Только заскочим в одно место, я документы заберу, ладно?

— Угу. Не вопрос. У меня свободное время есть.

На самом деле времени особо и не было. Надо еще сегодня снять жилье неподалеку от своей квартиры и посмотреть, не проявит ли кто к моему дому интерес. Иными словами — не придут ли по мою душу гости из другого мира.

Но показывать Олегу, что спешу, я не хотел. Не стоит давать повод для подозрения. Он-то воспримет это по-своему — мол, все связано со смертью Жоры.

Денек разгулялся. Вчерашнего ненастья как не бывало. Тучи исчезли, небо чистое, солнце припекает. Конец августа обычно не такой теплый, осень близка. Но в этом году он явно бьет рекорды высокой температуры. Плюс двадцать пять. И ветра нет. Красота.

Олег убежал в свое «одно место», а я оставил машину на дороге и пошел к магазину, возле которого стояла бочка с квасом. По такой жаре холодненький квас — самое дело.

«Сколько раз Жорка вылезал из переделок, а вот не убе-регся. И ведь сидел в городе тихо. Не шастал по кабакам и казино, не светил физиономию на презентациях и мероприятиях, не швырял налево и направо баксы, не покупал по десятку стриптизерш разом. Все, что ему было нужно, он получал и так, без помпы и шума. И все-таки влип...»

Квас действительно оказался холодным. Видимо, бочку только привезли. Я с удовольствием выпил пол-литра, отдал деньги и поблагодарил продавщицу. Надо запомнить место и впредь брать квас здесь. Вроде как и не сильно разбавляют...

Утолив жажду, медленно побрел обратно, продолжая размышлять о внезапной гибели бывшего шефа.

«И вообще странное это убийство... Бандиты обычно сперва преъявы кидают — требуют отступных, или доли в бизнесе, или процента за «крышу». А тут сразу напавал, и все. Хотя... возможно, и был предварительный разговор, я-то не в курсе

Жориных дел. Может, и просили его отстегивать процент. Правда, тогда к нему лезли совсем дикие, темные братки. Поэтому как все, кому надо, знают, что Чижмин ходит под «красной» крышей и лезть к нему — искать на свой зад лишних приключений. Но если это действительно не братва, тогда... тогда версия с Корешковым вполне реальная. Только зачем он полез? Одно дело получить бизнес Жорин, другое — руководить им. Для этого комитетского опыта мало. Или у него иные планы?..»

Да, гадать здесь трудно. Дело настолько темное, что, имея минимум информации, строить догадки глупо. Посмотрим, что накопает Разгонов. Он-то вполне способен раскрутить убийство. Если никто мешать не будет.

«Надо бы позвонить Юрке. Они-то точно знают, что произошло. Кстати, что теперь с ними будет? Раньше с Корешковым не ладили, подчинялись только Жоре. Если его зам решит тянуть одеяло на себя, парни, наверное, уйдут».

Была у меня мысль рассказать о них Олегу. Так, приватно. Но потом я передумал. Разгонов парень нормальный, все поймет и прессовать не станет. Однако все же он — мент. Тем более подневольный. А его руководству глубоко наплевать — хорошие парни из группы быстрого реагирования или нет. Есть источник информации — надо его колоть.

Так что говорить не будем. А с Юркой надо как-нибудь встретиться...

Погруженный в свои мысли, я брел к машине, почти не глядя по сторонам. И не сразу заметил стоявшую у меня на пути маленькую девочку лет четырех. Кроха, одетая в нарядное красно-синее платьице, с забавными косичками на голове, крутила головой по сторонам, словно что-то искала. Услышав шаги за спиной, обернулась. На меня взглянули детские глаза, полные слез.

— Что случилось, малышка?

Кроха вздохнула и очень серьезно ответила:

— Я маму потеряла.

«Это мама — дура такая — тебя потеряла. Да еще посреди дороги...»

— А где ты ее потеряла?

Девочка махнула рукой в сторону высоток, шеренгой стоявших метрах в ста от дороги за стеной деревьев.

— Вы там живете?

Она кивнула, ладошкой вытерла глаза и опять уставилась на меня. Ждала, что скажу. Я же взрослый, а взрослые всегда знают, что делать. По крайней мере дети так думают...

Вот проблема на мою голову. И что с ней делать?..

— Как тебя зовут?

— Юля, — пропищало чудное создание. — Юля Корнеева.

— Ладно, Юля, вспомни, где именно ты потеряла маму.

Девочка покрутила головой, добросовестно вспоминая, потом шмыгнула носом и ответила:

— Там.

Там — это неподалеку от большого магазина. Хотя что-то.

— Вот что. Мы сейчас сходим туда, посмотрим, нет ли твоей мамы. А если не найдем...

«Что тогда? Бегать искать ее шальную мамашу? Морока, блин! И дите бросать негоже...»

— А если не найдем, пойдем к твоему двору. Ты его помнишь?

— Да.

Не очень уверенный голосок. Ладно, по крайней мере дом свой помнит. А там наверняка есть кто-то, кто знает девочку.

— Пошли.

Она доверчиво вложила свою ладошку в мою и пошла рядом. Взгляд скользил по встречным женщинам всех возрастов.

Я тоже поглядывал по сторонам. Вот-вот должен появиться Разгонов, надо не пропустить, окликнуть. Попутно высматривал мамашу девочки. Определить ее нетрудно — женщина, которая бежит по дороге с взволнованным лицом и выкрикивает имя ребенка.

У магазина мы никого не нашли. Внутрь заходить не стали, медленно пошли к домам, все так же внимательно глядя по сторонам. Малышка немного утихла, перестала сопеть и больше вертела головой.

Мы дошли до поворота дороги, когда девочка вдруг радостно ойкнула и немедленно показала пальцем налево.

— Вон моя мама!

Я проследил за ее рукой. Похоже на то. Высокая стройная блондинка в довольно короткой юбке и ярко-красной жилетке шла от домов в сторону магазина, постоянно вертя головой и сканируя глазами окрестности.

— Это твоя мама?

— Да!

— Точно?

— Да! — еще громче выкрикнула девочка.

— Ну так беги к ней, кроха! — отпустил я руку девочки, радуясь, что поиски заняли всего две минуты.

В этот момент волна странного и неприятного ощущения накрыла меня с ног до головы. Стало зябко и неудобно, словно я стоял под холодным ветром. А еще по коже пошли мурашки. Чувство опасности, многократно проверенное в Аберене и Ругии, сейчас ожило и довольно бесцеремонно давало знать — плохое рядом.

Посмотрев вокруг и не обнаружив ничего подозрительного, я перевел взгляд на девочку. Она уже скрылась за коробкой газетного киоска. От него к домам шла узкая тропинка. Мамаша, видимо, заметила дитя, потому что побежала ей навстречу.

Я еще секунду смотрел на женщину, а когда повернул голову обратно, обнаружил, что с двух сторон ко мне летят трое здоровых мужиков с перекошенными лицами и сжатыми в кулаки пальцами.

— Стоять!

— Стой, сука!

Я не успел ни удивиться, ни испугаться, ни даже сообразить, кто бы это мог быть. Одно успел понять — меня убьют. Здесь и сейчас. Немедленно.

Дальше работали рефлексy, помноженные на необъятную ярость того, кто уже давно сидит во мне и ждет команды «фас».

Первые двое попробовали с разбегу свалить меня ударами ног в живот и спину. Один промахнулся, второй встретил жесткий блок, потерял равновесие и пропустил удар по шее. Он упал на асфальт немного раньше напарника. Тот получил каблуком в пах и коленом в горло.

Третий, самый верткий, успел схватить меня за руку, с ходу попробовал провести сложный прием — удар коленом и бросок, — нарвался на встречный выпад и замертво упал прямо на своего товарища.

Весь бой — секунд восемь. Три тела лежали на асфальте, и только одно шевелилось, издавая сдавленные хрипы.

Я быстро глянул по сторонам, вполне законно ожидая продолжения, и увидел, как от стоявшей у магазина машины бежит еще один здоровяк, размахивая пистолетом и угрожающе вопя во всю глотку:

— Стоять! Стреляю!

И буквально тут же с другой стороны раздался властный голос, легко перекрывший вопль:

— Ни с места! Милиция!

У дороги с пистолетом в руке стоял Разгонов. Ствол смотрел на бегущего человека, а палец быстро выбирал свободный ход спускового крючка.

Бегущий встал как вкопанный. Замер, глядя в черное дуло пистолета, свой ствол держал за спусковую скобу одним пальцем. Глядя широко раскрытыми глазами на майора, хрипло выдохнул:

— Свои. Милиция. Уголовный розыск!

— Что? — Разгонов, не опуская оружия, сделал два шага вперед. — Ствол на землю, покажи удостоверение.

Тот повиновался. Дрожащей рукой достал корочки, со второго раза открыл и торопливо произнес:

— Товарищ майор, я вас знаю. Вы из РУБОПа. А мы...

Разгонов подошел к нему вплотную, глянул на удостоверение, перевел взгляд на лежащих, помянул мать и спросил:

— Какого черта вы тут делаете?

— Маньяка задерживаем!

И ткнул пальцем в меня.

До сего момента я молча взирал на происходящее, соображая, что бы все это могло значить, и наблюдая за поверженными противниками (дабы не встали). Но услышав слова о маньяке, вздрогнул и зло рывкнул:

— Кто маньяк?

Оперативник сделал шаг назад и испуганно хлопнул глазами. Мой рык явно был ему не по душе.

Разгонов врубился в ситуацию быстрее всех. Убрал пистолет, вернул удостоверение оперативнику и достал небольшую радиостанцию:

— Оляха-восемь, я второй. Срочно «скорую помощь» и нашу машину.

Он продиктовал адрес, выслушал ответ, убрал станцию обратно, еще раз глянул на бездыханные тела и громко выругался:

— Черт знает что!

— ...Ориентировки кто сочинял? Приметы кто указывал?! Не хрена на других валить, сами обосрались!

— У нас три трупа за пять дней! Мы этого пидора в глаза не видели, только со слов единственной свидетельницы! А она в реанимации лежит, помнит, что высокий и бритый. Какая тут, на хрен, ориентировка?!

— И что теперь? Хватать всех подряд? Твои церберы сколько людей искалечить успели? Ничем не виноватых! В глаза того мудака не видевших! Мне уже доложили, трое мужиков в больницах с травмами разной степени тяжести! Это тоже стечение обстоятельств?!

— А что нам, сидеть и ждать, пока он трупами всю Рязань устелет? Скоро сады и школы опустеют. Никто детей из дому не пускает! Что ты прикажешь делать, майор?

— Работать! Работать, а не хватать всех, кто хоть немного похож на ваш сраный портрет! Иначе погоны потеряешь и сам сядешь!

Ор стих, перестав долбить в барабанные перепонки левого уха. Небольшое затишье. Сейчас достанется перепонкам правого. Потом снова левого. И так далее.

Воздействие на уши продолжалось минут пять. Орала двое, но со стороны можно было подумать, что кричит взвод вокалистов Большого театра. Я как раз сидел почти между ними и принимал все шумы на свои уши. Нелегкая доля.

Ругались два майора. Два мента. Один — Разгонов. Второй — начальник уголовного розыска РОВД, по чьему прямому приказу меня пыталась завалить группа захвата.

...Разгонов, надо отдать ему должное (и обязательно!), тогда, на месте схватки, быстро разобрался в обстановке, отправил троих оперативников в больницу, четвертого отпустил, а со мной поехал к себе.

— Тебе сейчас лучше у нас пересидеть, — сказал он. — Такая каша заварилась! Ты же их всех на глушняк! Ментов!

— Они не представились. Просто напали.

— Все равно. Могут отомстить.

Могут. Это я понимал, поэтому с трудом смирил разбушевавшегося во мне зверя и поехал с Олегом. По приезде он запер меня в своем кабинете и побежал к руководству докладывать.

Потом позволил мне позвонить знакомому адвокату и попросить подъехать к нам. Помощь специалиста могла очень пригодиться.

Через двадцать минут позвонили из РОВД и потребовали объяснений. Разгонов пригласил говорившего — майора из уголовного розыска — к себе. И вот уже минут пять они орали друг на друга, не замечая меня. Моя очередь еще не пришла.

Суть требований начальника угро* — отдать маньяка (то есть меня) ему. Для дальнейшего следствия. Разгонов эти притязания отметал напрочь и доказывал, что я здесь ни при чем. Спор на какое-то время пресек телефон. Сначала позвонили Олегу. Сказали, что маньяк при очередной попытке нападения задержан отцом ребенка, избит и отвезен в больницу. Таким образом, с меня были сняты все подозрения.

Потом был звонок майору из РОВД. Ему доложили, что один его оперативник от полученной травмы скончался, двое — в реанимаций. Пока живы.

После этого тему спора сменили. Теперь я оказался убийцей. Еще одна не очень приятная перспектива.

Ах да, с чего все пошло? Откуда маньяк-то?

...Неделю назад в городе появился некий подонок, нападавший на маленьких (5—7 лет) девочек. Он их крал, насиловал и убивал. Обычно резал горло. Когда пропала вторая девочка, милиция поняла, что это дело рук маньяка. А потом

* Сокращенно: уголовный розыск.

пропала дочь одного городского депутата — влиятельной шишки. И в органах начался аврал.

Круглосуточные дежурства, усиленный график, поисковые группы... Искали все — муниципалы, угрозыск, постовая служба, даже РУБОП подключили. По городу поползли слухи, родители не пускали детей в школу и сады. Все боялись.

Я о маньяке ничего не слышал — это и понятно, других забот полно. А он, оказывается, за неделю успел напугать целый город.

Дальше. Одна из групп уголовного розыска работала по факту покушений как раз в том районе, где последний раз вроде видели маньяка. И надо же такому произойти — заметили, как некий тип подошел к маленькой девочке, о чем-то поговорил и повел ее с собой.

Старший группы сообщил начальству и получил категорический приказ — брать. Живым или мертвым. Лучше живым.

Пока шло согласование, пока получали добро, маньяк и ребенок ушли. Группа начала поиск и быстро обнаружила маньяка, но одного. Решили, что ребенок куда-то спрятан на время.

Старший группы, еще раз вспомнив ориентировку, нашел несколько внешних совпадений и дал команду: «Вперед». Это была его последняя команда в жизни.

Трое оперативников попробовали взять маньяка, но тот почему-то убить себя не дал (оперативники меж собой решили забить его насмерть), а накостылял им сам. Да так, что не все пережили эту схватку. Вот и весь сказ. А теперь все расхлебывают последствия...

— Это необходимая самооборона, — доказывал Разгонов. — Они даже не сказали, что из милиции! Что он мог подумать?

— А убивать-то зачем? Что, не мог сказать?

— Ты что, майор, дураком прикидываешься? Кто кого слушает при задержании? Его бы завалили, а потом начали разбираться.

— Все равно! Он не имел права убивать сотрудников!

— Да он и не знал, что они сотрудники! Это твоя вина! Ведь сказано сто раз — представляться! Хоть в зубах держи удостоверение!..

— А работать как? Тоже зубами?!

Майор из угрозыска не сдавался. В смерти своего сотрудника он был виноват стопроцентно. Как, впрочем, и они сами — нарушили инструкцию. Но меня при большом желании он мог достать. Мол, превышение необходимой самообороны, убийство милиционера при исполнении... Мало ли возможностей у облеченного властью типа, если ему позарез нужно засадить человека за решетку?!

Я слушал их спор, постепенно ощущая, как ненадолго усмиренный зверь во мне вновь просыпается. И вот-вот выйдет наружу, лишив меня остатков самообладания и сознания. Зверю эти дискуссии о том, чего можно и чего нельзя при защите своей жизни, были не по душе. Он не хотел подыхать, и все!

— Любой суд его оправдает! — продолжал Разгонов. — Групповое нападение с целью покушения на убийство! Даже арестовывать не будут!

— Ни хрена! Он завалил моих лучших парней, а его отпускают? Никогда!

Они стояли напротив друг друга, смотрели ненавидящими глазами и доказывали каждый свое. У Олега была более сильная позиция (оперативники явно напортачили, причем сильно), но майор из угрозыска не отступал. Ему нужна моя кровь. Чтобы оплатить кровь своих людей. Он пер на рожон.

— Ну хватит! — прихлопнул я легонько по столу.

То есть я так хотел — легонько. Но вылезший наружу зверь силы не сдерживал. Столешница явственно скрипнула, вниз полетели ручки и карандаши.

Сознание ушло погулять, а хозяином стал тот самый зверь. А может, и не зверь, кто его поймет. Но он слушать спор больше не хотел.

— Ты, майор! — ударил я взглядом начальника угро. — Можешь и не вякать относительно своих мудаков! Их на рожон никто лезть не просил. Они совсем оборзели, почувствовали себя крутыми. И сроком мне не грози. Внизу ждет адвокат и двое журналистов из центральной прессы. Они вмиг раскрутят это дело по полной программе. А ты пойдешь главным дураком! И все начальство от тебя открестится! Особенно ког-

да узнает, что настоящего маньяка ты проворонил, а своих людей на смерть отправил. Им такие проблемы не нужны. А что касается оперов... За такие фокусы мальчикам головы отрывают и кишки на шею наматывают! За тупость, наглость и покушение на жизнь! Понял?!

Майор молчал. Стоял как врытый, с красной от гнева и возбуждения рожей, и только разевал рот. Его сразили даже не мои слова, а мой голос. Точнее — низкочастотный рык, мало похожий на человеческую речь. Скорее так мог разговаривать тираннозавр. Если бы дожил до наших дней и выучил русский язык.

Мое внутреннее «я» разошлось в полной мере, выплескивая (к счастью, словесно) весь гнев, злость, ярость и ненависть. Оно с удовольствием пошло бы и дальше, но я не давал. Останавливал как мог.

Оставив майора приходить в себя, я повернулся к Разгонову: — Зови адвоката. Я подаю в суд.

...Домой я попал лишь в первом часу ночи. Только не к себе, а домой к подружке. Это лучшее, что я смог придумать, когда наконец покончил с нервотрепкой в милиции.

Нинка на мою просьбу ответила согласием, только предупредила, что в понятие «переспать» вкладывает лишь буквальный смысл. Из-за тех проблем со здоровьем, которые извечно называются женскими днями.

А я на другое и не посягал — так вымотал меня этот день. Наскоро приняв душ, упал в кровать, подгреб ближе горячее девичье тело и почти сразу заснул. А во сне пережил сегодняшний день заново.

...Схватка с группой захвата, смерть одного из оперов и ранение двух других наделали шуму. Ни замолчать, ни спустить на тормозах его не смогли.

Конечно, я был прав, конечно, оперативники явно превысили свои полномочия и действовали незаконно. Но мне не одобровать, если бы Разгонов не пришел на помощь. Власти и возможности у начальника уголовного розыска РОВД достаточно, чтобы тихонько прихлопнуть неугодного человека, будь он сто раз прав и неподсуден. Милиция в России действует

как отряд кондотьеров в средние века — свой народ для них такой же враг, как и преступники. И отношение к ним соответственное.

Олег меня, можно сказать, спас. И даже не столько от угрозы, сколько от высокого начальства. И я не подкачал: мое заявление в суд, иск в прокуратуру и отдел собственной безопасности МВД, да еще под наблюдением пишущей братии, принесли свои результаты.

В результате от меня отступились, взяли подписку о невыезде и отпустили.

— Не сильно ободряйся, — сказал перед уходом Разгонов. — Они на тебя зуб теперь имеют большой. И попробуют отомстить.

— Знаю. Можно ожидать покушения в любой момент. Либо подставы. Одно непонятно, чего ты полез? Мог и погоны потерять.

Разгонов устало усмехнулся, с прищуром глянул на меня.

— Скажи, если бы майор потащил тебя к себе в отдел, что бы ты сделал?

— Завалил бы его и бежал. Подыхать у них в подвале не намерен.

— Я так и понял. Когда ты заговорил... таким голосом, что мурашки по коже пошли и волосы дыбом встали... Просто увидел, как сверкают твои глаза... да, да! Не смейся. Именно сверкали. Я и сообразил, что ты сейчас не выдержишь. Свернешь этому кретину шею и удерешь. Мне же и скажут ловить тебя. Ищи потом по всей стране.

— Да, ты хитрый мэн. Благодарю, спаситель. Теперь я — твой должник.

— Сочтемся. Но пока смотри в оба. Вряд ли угрозыск сразу начнет мстить, но... береженого...

— Знаю. Яхве бережет.

Вот так. Мало проблем с пришельцами, так еще и здесь надо по сторонам поглядывать, опасаясь пули в спину. И от кого? От родной милиции! Что днюет и ночует на страже нашей безопасности! Полный абзац!..

«Надо ускорить отъезд из страны. Разобраться с Периметром и отчалить куда-нибудь в Европу или Америку. Здесь жизни

нет и не будет. Не одно, так другое, не третье, так четвертое. А иметь дело с властью — значит подписать себе смертный приговор. Это проклятое место — Россия. Лучше быть от него подальше. Как можно дальше...»

Утром я, как и договаривались, позвонил Разгонову, и он попросил меня приехать. Следователь из областной прокуратуры хочет провести допрос, составить протокол и т. д.

— Сегодня же суббота! Какой следователь?

— Это для тебя суббота! А мы, грешные, вкалываем без выходных. Приезжай. Долго он тебя мурыжить не будет. А потом съездим на кладбище.

Черт, у меня из головы вылетело! Ведь сегодня похороны Жоры. С этой заварушкой все перезабывал!..

— Ладно. Еду.

...Следователь действительно «мурыжил» меня от силы час. И этот час я не считаю потерянным. Все дело в том, что прокуратура, как это и было всегда, усиленно ищет в рядах славной милиции злостных нарушителей и с удовольствием подводит их под статью. Эта извечная борьба двух вроде бы родственных структур тянется давно, и конца ей не видно.

Так вот, следователь — еще молодой человек с манерами и замашками дворянина, умным проницательным взглядом и тонкой, едва уловимой саркастической улыбкой — не столько допрашивал меня, сколько откровенно помогал составить обвиняющий документ. Четко, грамотно, шаг за шагом расписал весь ход конфликта, делая упор на непрофессиональных, незаконных действиях милиции.

Впрочем, я бы сделал то же самое и без его подсказки. За последние восемь месяцев, понимая, что в нашей жизни знание закона зачастую спасает жизнь, постепенно освоил весь Уголовный кодекс, а также закон о милиции и кодекс административных правонарушений.

Дело это хлопотное и нелегкое, в наших законах черт ногу сломит, но нужное. Даже необходимое. Вот теперь и пригодилось.

Не успели мы закончить, подъехали два сотрудника управления собственной безопасности МВД. Эти тоже хотели со

мной переговорить, и им нужны показания. Но, увидев следователя, эсбэшники попросту передрали его протокол, кое-что подправив, задали еще несколько вопросов и отбыли.

СБ тоже готово искать гнилые доски в заборе милиции, причем круглосуточно. За это им и платят.

В общем, первая часть дня прошла с пользой и немалой выгодой. О чем и сказал потом Олег.

— Тебе несказанно повезло. Сейчас в разгаре очередной этап по чистке рядов славной милиции. Главк, прокуратура, СБ, журналисты на ушах стоят. Выискивают недобросовестных служак, взяточдателей и прочих... плохих ментов. На майора и его оперов теперь всех собак спустят. Такой шанс показать свою работу! Так что тебе максимум что грозит — стать участником шоу под названием «Ату ментов поганных!». К счастью — в качестве свидетеля.

«То есть случай в очередной раз сыграл на моей стороне. И то благо! Потому как будь тенденция иная, я бы был виноват по всем статьям, невзирая на закон. Повезло...»

— А ты здорово поднаторел в законах, — заметил Разгонов, когда мы выходили из Управления. — Шпаришь статьи наизусть, да еще даешь правильные трактовки. Следователь потом сказал, что мог бы и не напрягать мозги, ты и так все сделал за него.

— Стараюсь. Знание закона в этой стране зачастую освобождает от ответственности.

— Бывает.

Он повел меня к стоянке, на ходу доставая ключи.

— Вчера ты меня катал, сегодня моя очередь.

— С таким же финалом? — пошутил я.

— Тьфу-тьфу! Не каркай.

Разгонов ездил на трехлетнем темно-синем «опеле». Машина рабочая, сильная и видная. Отлично подходит к разъездной жизни. Да и стоит недорого. По меркам далеко не бедного майора.

— Слушай, забыл спросить, как там эти... в реанимации? Живы?

— А? — Разгонов завел машину и медленно выехал со стоянки. — Вспомнил, супермен, о потерпевших!

— Ну, потерпевший — это я. А они — подозреваемые. Хотя посочувствовать им можно.

— Можно. Один, которому ты детородные органы отрихтовал, пришел в себя и вроде как пошел на поправку. Правда, когда он вновь сможет использовать их по прямому назначению и сможет ли вообще — вопрос. Второй тоже в сознании, двигаться начнет не скоро. Шейные позвонки смещены, обширная гематома мышц и связок шеи. Плюс сотрясение мозга.

Я молчал — сочувствия не испытывал, а злорадствовать глупо. И подло. Получили свое, и хватит. Дальше суд накажет. Если, конечно, до него дойдет...

— А ты, Артур, вообще... Терминатор! — Олег бросил на меня насмешливый взгляд с примесью уважения и удивления. — И раньше вроде слабаком не был, но сейчас вообще — супермен. С одного удара человека на тот свет отправил. Что, удержаться не смог?

— Не смог, — нехотя буркнул я. — Да и не пытался...

Олег опять покосился на меня и промолчал.

...А сдержаться я и правда не мог. После всего пережитого, после того, как Ворота и Периметр облучили меня какой-то дрянью, в экстремальных ситуациях начинаю работать изо всех сил, даже не пытаюсь остановить или дозировать удары.

Когда на кону стоит твоя жизнь, думать о том, как бы не покалечить противника, — значит дать ему шанс завалить тебя. А если их несколько? А если они вооружены? Сколько раз в Аберене и Ругии только реакция и наработанные до предела навыки спасали меня от неминуемой смерти! Сколько раз жизнь висела на волоске и отсутствие мыслей типа «а как бы не покалечить, как бы не убить, не обидеть хорошего человека?» позволяло выйти победителем из схваток!

Первым я сам никогда никого пальцем не тронул. Даже голос не повысил. Потому что знаю — чужая жизнь и интересы неприкосновенны. Но если кто-то посмеет, попробует напасть на меня, угрожать действием здоровью и жизни... Отвечаю во всю силу, невзирая на лица. Потому что спасаю себя, защищаю свои интересы.

Кто-то считает, что это слишком? Что так нельзя? Что надо давать шанс противнику вроде как одуматься, отступить... Что ж, пусть хоть разок переживет настоящий бой или хотя бы уличную поножовщину. Пусть ощутит тот букет чувств, что охватывает человека, когда он слышит свист пули у головы или клинка у горла, вдохнет запах пороха и крови, услышит крик умирающего, увидит развороченное нутро, раздробленные кости, вываленные из живота кишки...

А потом пусть повторит свои притязания. Если не спят предварительно... Грубо и жестоко? Се ля ви, такова жизнь. Именно такова! Кто не верит — пора снять розовые очки.

...До кладбища минут двадцать пять пути. Почти всю дорогу Олег посвящал меня в подробности дела об убийстве Жоры, иногда перескакивая на мой случай и рассказывая детали своего разговора в прокуратуре и УСБ.

Я слушал, изредка задавая вопросы и попутно представляя реакцию парней, когда они узнают о событиях последних дней. Мало пришельцев, так еще милиция наехала. Полный набор!..

— Приехали, — подал голос Олег, снижая скорость и сворачивая на грунтовую дорогу, ведущую к кладбищу.

Неподалеку от ворот кладбища стояло десятка полтора легковых машин, три автобуса и грузовая машина. Похоронная процессия уже прибыла.

...Огромный памятник из черного мрамора, большая фотография в виде голограммы, две строчки чуть ниже — сентенция какого-то философа, еще ниже даты рождения и смерти. И венки, венки, венки... И цветы. Живые.

Человек пятнадцать родственников, десяток сотрудников фирмы, знакомые, друзья... Да, еще священник с помощником. Звучный голос молитвы, всхлипывания и рыдания родни, красные глаза девочек-сотрудниц, суровые лица друзей и знакомых...

Эх, Жора!.. Стоило ли так надрываться, зарабатывая деньги и транжиря их направо и налево, на тех же девочек, что сейчас утирают накрахмаленными платками мокрые щеки, стоило сжигать нервы и наживать врагов, если все заканчивается так... непередаваемо глупо и тоскливо?! Всех денег не зарабо-

тать, всех баб в кровать не затащить, так надо ли тратить жизнь только на это?

На душе было пакостно и гадко. Смерть человека всегда наводняет душу грустью и печалью. Я наблюдал за тем, как читал молитву поп, как говорил один из компаньонов Чижмина, как выступал Корешков (именно выступал, словно на партсобрании) и вспоминал Жорку. Веселого, задумчивого, энергичного, злого, пьяного... Всякого.

Пусть тебе будет земля пухом, Жора! И пусть никто никогда не скажет о тебе дурного слова! Честно говоря, ты этого не заслужил.

Я так и не подошел к могиле, когда двое кладбищенских рабочих начали забрасывать ее землей. Стоял в отдалении, молча прощаясь с Жорой, смотрел на людей, видел выражение их глаз, видел слезы и боль. Видел сытую рожу Корешкова, на которой не было ничего, кроме притворной скорби и затаенной радости. И все больше понимал — это его рук дело. Он либо организовал, либо участвовал в организации убийства. Он, сука!

— Артур, — тронул за рукав Олег. — Пошли.

Он простоял всю церемонию чуть в стороне, не трогая меня, и внимательно следил за теми, кто был не только возле могилы, но и вокруг. Он работал.

— Что?

— Пошли, говорю. Если не хочешь подходить к могиле, надо уходить.

— Да. — Я тряхнул головой, прогоняя тоскливое состояние, и повернулся к Олегу. — Поехали. Здесь больше делать нечего.

«Будет сегодня сюрприз парням. Неприятный... С каким шумом они уходили три года назад, с какой горечью! Жора тогда вообще голову потерял. Так жалко ему было денег. Так не хотел делиться!.. Правда, быстро остыл, сообразил, чего натворил. Но было поздно. Парни ушли, плюнув на жадного хозяина фирмы, оставив за спиной все, что создавали с такой тщательностью и старанием. Теперь дразги и свары позади, бывшее не вернуть. Парни давно уже не держат на Жору сердца,

можно сказать, простили. И весть о гибели Жоры их обескуражит. И огорчит...»

Я до того глубоко погрузился в мысли, что не сразу заметил, куда Олег ведет машину. А ехали мы к Торговому городку, к выезду из города.

— Ты куда рулишь?

Разгонов скосил на меня взгляд, усмехнулся:

— Очнулся? Сидел, как каменный идол, даже не дышал.

— Ты мне зубы не заговаривай. Куда едем?

Олег свернул на светофоре, включил правый поворотник, прижимая машину к обочине, и сказал:

— Есть одна идея. По поводу дальнейшего проведения дня. Небольшая компания едет за город на дачу. Шашлык, озеро, богатый стол. К ночи — девочки. Ты как насчет присоединиться?

Я сморщил нос, намереваясь ответить отказом. К веселью душа не лежала. По вполне понятным причинам. Водка, шашлык, бабы... не ко времени.

— Хочу обрадовать, — добавил Олег. — Или огорчить. Отказа не принимаю.

— Даже так? Я что, под арестом?

— Вроде того...

Разгонов чего-то высматривал на улице, глядя то налево, то направо. При этом успевая бросать пытливые взгляды на меня. Что задумал хитрый мент?

— И как тебя понимать?

— А так. Оставлять тебя одного — дать шанс нехорошим людям соблазниться легкой добычей. А мне терять основного свидетеля и потенциальный источник информации — нож к горлу.

— И кто же эти нехорошие дяди?

— Так... есть мнение, что они попробуют сделать то, что не смогли их товарищи.

— Угрозыск?

Олег промолчал, только хмыкнул и бросил на меня красноречивый взгляд. А сам все вертел головой. Кого высматривает этот хитролопый майор?

— Ну, беззащитным я вроде никогда не был...

— А мне и проблем с новыми жертвами разбушевавшегося инженера не надо. Так что дача — лучший выход из положения. Не так?

«Ну что с ним поделаешь? Не убегать же, честное слово?! И потом, майор не так уж неправ. Нет смысла подставлять голову под пули мстителей из угро. Парни приедут к ночи, время еще есть. И я всегда успею позвонить им. Ладно... погуляем...»

— Черт с тобой, золотая рыбка! Поедем пить водку и жрать шашлык.

— То-то, — удовлетворенно буркнул Олег и обрадованно воскликнул: — Ага! Вот и собутыльники появились! Кворум!

В роли собутыльников выступали коллеги Разгонова. Двух я даже знал — сотрудник его группы и следователь районной прокуратуры. Еще двое компаньонов — бойцы СОБРа, лейтенант и прапорщик. Они подъехали на серебристом «фольксвагене».

После короткой процедуры приветствия и решения важного вопроса «где будем затариваться?» поехали в магазин.

Следователь пересел в нашу машину и всю дорогу проболтал с Олегом. Разговор — естественно — шел на тему последних событий. А так как следователь был в группе по расследованию моего дела, то, понятно, я сидел, наострив уши.

В магазине набрали продуктов, наверное, на весь личный состав РУБОПа. Овощи, зелень, хлеб, нарезка разных видов, водка, вода, газировка, специи. Ну и конечно — мясо. Причем нескольких сортов. Что-то для шашлыка, что-то для люля-кебаба, что-то для плова. Лейтенант, оказывается, хорошо готовил и пообещал нас удивить своим кулинарным искусством. И еще затарились разной мелочевкой вроде орешков, сухариков, шоколада, ананасов...

Я прикинул объем закупленного и пришел к выводу, что компания готовилась гудеть не менее трех дней. А судя по водке, вину и коньяку — всю неделю. Шикарно гуляет милиция!..

День окончательно разошелся. Солнце припекало как в июле, от асфальта пошли испарения, лужи, что еще утром бле-

стели на дорогах, исчезли будто по мановению волшебной палочки. Духотища.

Следователь (Иван его имя, а фамилию не знаю) опустил стекло дверцы, и в салон ворвался свежий ветерок. Хотя какой там свежий — молоко парное, — но на скорости, да на встречном движении хоть немного остудил машину. Я последовал его примеру и высунул голову из окна.

Легкие схватили порцию воздуха, по горлу прошла приятная прохлада, лоб и щеки, взмокшие, как в парной, немного подсохли.

И только сейчас я обратил внимание на оживление на дорогах и на машины, украшенные ленточками и шариками. Сегодня же суббота! День свадеб. День многочисленных бракосочетаний, торжеств и застолий. В этот день возле ЗАГСов тесно от обилия разукрашенных машин и толп празднично одетых гостей. Цветы, шампанское рекой, тосты, крики «горько!» и все остальное, что сопутствует торжеству. По городу разъезжают кортежи, делая остановки у памятников и нарушая правила движения. Гаишники невероятно добры и кортежи обычно пропускают, по привычке запоминая номера машин.

Мимо нас, пока мы ехали от магазина к выезду из города, проскочило четыре кортежа. Иномарки, «волги», «жигули», даже микроавтобус, набитый гостями, был. Вот так всегда, кого-то на погост несут, а кто-то под венец идет. Общее у них одно — застолье. Водка рекой, блюда, закуски... Только за одним столом тосты и смех, а за вторым — слезы и скорбь. Так всегда, праздник соседствует с бедой...

Миновав последний светофор, мы обогнали один из свадебных кортежей и вышли на прямую дорогу к солотченскому посту ГАИ. До дачи километров двадцать пять — это меньше получаса. А на трассе и того меньше.

— ...А на следующей неделе обещают проверку из Москвы. Вроде как инспекция. С какого перепугу они решили ее устроить, непонятно...

Иван достал из сумки бутылку с водой и сделал пару глотков. Потом протянул ее Разгонову.

— Будешь?

— Не-а.

— А ты? — повернулся он ко мне.

— Не хочу.

Следователь спрятал бутылку и продолжил рассказ. Олег слушал его с рассеянным видом, изредка поддакивая или улыбаясь. Сам больше смотрел на дорогу и в зеркало заднего обзора. И лицо у него было... я бы сказал, недоуменно-настороженное.

Поймав мой взгляд, он подмигнул и спросил:

— Чего молчишь, Артур?

— Так... — пожал я плечами. — Думаю.

— А. Ну-ну... Это полезное дело. Нужное.

Я и вправду немного скис. Вернее, ушел в себя. Настроение, пошедшее вроде как вверх, вновь упало. А к мрачности и хмурости добавилось странное напряжение. Словно ожидание чего-то нехорошего, поганого... Или интуиция опять проявляет себя, или просто нервы барахлят. Что вовсе не удивительно после насыщенной событиями недели.

Мимо поста наши машины пролетели на скорости, явно превышающей разрешенную на этом участке дороги. Обычно все водители заранее снижают скорость, не желая терять время и деньги при разбирательстве с гаишниками, но майора РУБОПа меньше всего интересовали какие-то дорожные разбойники в форме и при жезлах. С него-то они возьмут только то, что он даст, — фигу!

Вообще же ГАИ с остальной милицией вечно на ножах из-за каких-то своих, внутренних проблем, и гаишники при первой же возможности ловят ментов, отбирают права и выписывают штрафы. Впрочем, и менты, когда сотрудники ГАИ влипают в какие-нибудь переделки, платят той же монетой. Поистине — правая рука бьет левую!..

Я смотрел на будку ГАИ, ожидая реакции гаишника. Не каждый стерпит столь наглую демонстрацию пренебрежения. Но инспектор проводил наши машины пристальным взглядом, даже не делая попытки остановить. Или знал номера, или подумал, что так явно нарушать правила могут только те, кто уверен в своей неуязвимости.

— Лихо ты, — промолвил Иван, провожая глазами удаляющийся пост. — Знакомый?

— А? Нет. — Олег бросил взгляд в зеркало. — Так...

Мы подъезжали к мосту, и Олег немного сбавил скорость. Я опять поймал его взгляд, майор что-то упорно выискивал позади. Точнее — высматривал. Но что?

Мимо нас по левой стороне дороги пролетел кортеж из четырех машин. Цветные ленты, шарики, соединенные кольца на крыше едущего впереди «форда». Стекла дверей опущены, и нам хорошо видны смеющиеся лица, улыбки, бутылки шампанского в руках.

Еще одна свадьба. С моста едут. На нем по старой традиции фотографируются молодожены, причем жених (вернее, новоиспеченный муж) проносит свою ненаглядную на руках метров двадцать — тридцать.

Вот и эти... отщелкались. Сколько их еще будет сегодня?..

— Уже два месяца шашлыки не ел, — вдруг сказал Иван, провожая взглядом кортеж и довольно улыбаясь. — Сегодня лопну, но три... нет, четыре порции срубаю. Точно!

Я тоже повернул голову, глядя назад, и заметил вереницу машин, едущих за нами. Примерно половина из них шла на скорости большей, чем мы. Вообще-то обгон на мосту запрещен, но об этом мало кто вспоминал.

— Прошлый раз шашлыки, можно сказать, только понюхали, — не унимался Иван. — Нас сорвали прямо из-за стола. Всю дорогу матюгались...

— Мать!.. — вдруг выкрикнул Олег, резко скручивая баранку руля вправо. — Ухуел!

Меня бросило вправо, на Ивана. Тот прилип боком к дверце, тараща глаза и выталкивая сквозь зубы слова проклятий. Машина ушла еще дальше вправо, к самому бордюру, зацепила его колесом и пошла вдоль него.

— Олег, — закричал Иван, — в чем д...

Краем глаза я заметил силуэт машины, мелькнувший с левой стороны, сообразил, что фортель, выкинутый Олегом, связан с ее внезапным появлением, и мгновенным озарением понял, что происходит.

Резко нырнул корпусом вперед, пряча голову, и услышал характерный, ни с чем не сравнимый звук выстрелов.

По нам били из пистолета. Из «ТТ». Пули с противным скрежетом дырявили металл над головой, нащупывая наши тела.

— Тормози! — проорал Иван, вытаскивая из прикрепленной к поясу кобуры штатный «макаров».

В ответ Олег рывкнул:

— Вылезайте!

И вывернул руль, ставя машину почти поперек дороги. Вражеская тачка — старые «жигули» шестой модели — тоже притормозила. С переднего правого сиденья через опущенное стекло, выставив руки, по нам лупил из двух стволов какой-то тип в черных очках.

— Мать вашу!

Разгонов сам нырнул вниз, пополз по сиденью к правой дверце, при этом доставая ствол и вопя во всю глотку:

— Через правую, блядь! Вылезайте через правую!

Лоб уперся во что-то упругое, податливое. Я поднял глаза и сообразил, что буквально ползу по дну салона, бодая головой ноги Ивана. Тот привалился к дверце, закрывая мне проход, а сам сидел на сиденье, опустив руки и свесив голову. Рубашка на груди в двух местах пробита, из небольших дырок тихонько вытекает кровь. Рядом на сиденье лежит пистолет со снятым предохранителем.

Стрельба продолжалась. Пули прошивали салон, отыскивая новую жертву, крошили стекло, дырявили обшивку сидений. Еще одна клюнула Ивана в живот. Мертвое тело дернулось и начало сползать вниз. Прямо на меня.

А дальше был какой-то цирковой трюк из арсенала «человека-змеи». Я так и не смог понять, каким образом сумел проскочить мимо довольно большого тела следователя, при этом ухитрившись не встать с пола, как открыл дверцу и выпал на асфальт. Причем сделал все это за неполную секунду. Одновременно со мной из машины вылез Олег.

Наша вторая машина проскочила дальше и сейчас стояла посреди дороги с двумя открытыми дверцами. Из передней

левой свешивался труп лейтенанта из СОБРа. Еще одно тело лежало у края дороги — вроде помощник Разгонова, — но, судя по всему, он был пока жив.

Прапорщик успел не только покинуть «фольксваген», но и открыть ответный огонь. Но что характерно, по другой машине. Напавшие приехали на двух тачках.

И все. Первичный сбор информации на этом закончился. Дальше — фаза действий. По крайней мере об этом я еще успел подумать. А потом пошло оно — действие.

...Короткий взгляд из-за капота, поиск цели, два выстрела навскидку, смена положения, повтор операции и опять смена. Огонь противника явно стих — или поражен, или спрятался. Крик Олегу: «Стреляй!» и спринт метров на десять влево. Фиксация цели, падение, выстрел, чуть погодя еще один.

Машина противника тронулась с места и покатила вперед. Из нее никто не стрелял. А вот из второй еще вели огонь. По прапорщику.

Я тут же перенес прицел на нового противника, попутно отметив, что Разгонов бьет вдогонку уходящей машине, крикнул: — Бей по стоящей!

И опять сделал короткую перебежку, заходя во фланг.

Водитель второй машины тоже попробовал провернуть фокус с отрывом, но чья-то пуля (моя или прапорщика, Олег в этот момент лихорадочно вставлял вторую обойму) угодила в него, и тачка встала.

Два последних патрона я истратил на стрелка, который все еще огрызался, правда, уже не прицельно. Его прижали с трех сторон, и он не мог позволить себе такую роскошь. Буквально через несколько секунд огонь стих.

Первым к «шахе» подбежал я, хотя это было довольно рискованно. Если тот гад еще жив, можно схлопотать пулю. Но очень уж хотелось глянуть на физиономию этого выродка.

Он лежал на заднем сиденье, свесив голову вниз. Пистолет из руки выпал, лежал на грязном коврике. Одно пулевое отверстие было в скуле. Второе — чуть ниже кадыка.

— Восемнадцатый! Это четверка! Срочно на солотчинский мост дежурную смену! — Это орал по радиостанции прапор-

щик. — Что?.. Срочно, говорю. Нападение! Да. И «скорую» вызови...

Оба — и водитель, и стрелок — были одеты в спортивные костюмы: брюки, футболка и тонкая куртка-ветровка. Я охлопал остывающее тело, проверил карманы, провел руками по носкам и краю кроссовок. Брезгливости не чувствовал — не впервой обыскивать убитых.

Пусто. Только две запасные обоймы. И второй ствол под телом. Ни ключей, ни денег. Ничего. Шли на дело чистыми.

Я уже хотел было вылезать, когда на глаза попал небольшой прямоугольник черного цвета. С одной стороны две выемки, с другой — металлический полукруг.

Увидев игрушку, я остолбенел. Потом осторожно поднял ее и открыл крышку. Под ней был жидкокристаллический экран размером где-то девять на девять сантиметров и ряд кнопок.

Сканер! Эти его мать, анкиварский сканер! Для поиска объектов, прошедших через Ворота или Периметр. Так это анкиварцы?! По мою душу?!

Я был почти стопроцентно уверен, что это опера из угрозыска, решившие отомстить мне за смерть их товарища. Хотя в голове мелькала мысль, что слишком уж нагло они действовали. Да еще заодно валили парней из РУБОПа.

А оказывается, менты здесь ни при чем. И местные разборки тоже. Это пришельцы! Потеряв первую группу, они быстро пришли в себя и предприняли попытку устранить источник опасности.

Судя по их действиям, вторая группа работала в условиях дикого цейтнота. И оружие они раздобыли (или сделали по чертежам у себя) так себе, и организовали устранение как-то странно. И даже на посторонних людей не обратили внимание. Это их и сгубило. Не знали, с кем я еду, не предполагали, что получают отпор. Опять помог случай.

Ох как закрутились мысли в голове. Устроили дерби со скачками по извилинам и частям полушарий. Быстро, быстро, быстро!.. Оценка произошедшего, прокачка ситуации, анализ дальнейшего хода событий.

В этом раздрызганном состоянии я и отошел от машины, все еще держа в руках сканер. Потом глянул на него, вспом-

нил, что эта гадость помимо всего прочего передает сигналы обнаружения, и выбросил в воду. Описав красивую параболу, сканер ухнул вниз.

— Артур!

Ко мне подбежал Разгонов. Взмыленный, с поцарапанным лбом, глаза горят, губы подрагивают. Ствол в руке ходуном ходит. Нервы...

— Цел? Что в машине?

— Два трупа. Три ствола «ТТ». И больше ничего. Только если машину обыскать.

— Помощь уже вызвана, подъедут. Ну, с-суки! Ну, я вас с говном смешаю!

— Думаешь, это угрозыск?

— Какой угрозыск? Скорее всего это Корешков и его братия. Почуяли, что мы к ним подбираемся!..

Наверное, мои глаза размером стали как блюдца, потому что Олег вдруг оборвал себя, чертыхнулся и бросил:

— Я тебе не говорил... не хотел сразу... — Он махнул рукой, опять выругался. — Ладно, это потом. Пока скажу одно: смерть Жорки — дело рук Корешкова. И не только его! Остальное — после...

Он окинул меня внимательным взглядом и добавил:

— Тебе врач нужен.

— Зачем? — не понял я.

— А ты глянь на себя в зеркало.

Недоумеая, я подошел к его машине и глянул. Лоб расщечен, лицо грязное, рубашка порвана, испачкана в пыли и крови. Вдобавок на воротнике с правой стороны небольшая дырочка. От пули. Вот так... впритирку. Повезло.

Чертыхнувшись, я отвел глаза от зеркала и взглянул на дорогу. Да, картина Репина «Приплыли»...

...Минут через двадцать от наплыва машин на мосту стало тесно, как в узкой подворотне. Сначала с поста ГАИ приехали инспектора. За ними прикатили две машины с дежурной сменой СОБРа. Следом с небольшим интервалом «скорая помощь» и автобус с ОМОНОм.

Кстати, «скорая» приехала нереально быстро только потому, что была перехвачена по пути на обед парнями из ОМОНа. А так бы ждали еще полчаса.

Мы тоже времени даром не теряли. Пока Разгонов связывался по радиостанции, мы с прапорщиком быстро перевязали раненого помощника Олега (пуля угодила в правое плечо), осмотрели тела лейтенанта и Ивана, вытащили убитых из «шахи».

В какой-то момент я понял, что, кроме царапин на лбу и шее, у меня еще стесана кожа на груди. Видимо, когда совершал кульбит при покидании машины. Рана — мелочь, но саднила неприятно и то и дело цепляла за рубашку. Ее (рубашку) я снял, тем более что она здорово пострадала во время переползаний, и ходил полуголым, подставляя плечи легкому ветерку. На палящее солнце не обращал внимания. Я вообще был погружен в себя, делал все автоматически, на рефлексх, а сам вертел в голове догадки и версии относительно того, что, как и когда могут предпринять пришельцы после того, как их покушение провалилось.

Приехавшие собровцы сперва косились на меня — полуголый здоровяк в грязных джинсах, с расцарапанной грудью и лбом, да еще с пистолетом, торчащим за ремнем (когда его туда сунул — не помню). Но Олег, а потом и прапорщик шепнули им пару слов, и бойцы остыли. Кто-то подал мне воду, кто-то пузырек с перекисью водорода — промокнуть царапины. О стволе никто не заикался, а я опять о нем забыл.

Разгонов успел передать приметы уехавшей машины, организовать поиск по горячим следам, вызвать следователей для работы на месте и выставить оцепление. Чтобы совсем не перекрывать движение, оставили узкую полоску на противоположной стороне моста. По ней по одной пропускали машины. Больше в город.

...Возле машин и трупов сутились следователи, собровцы, кто-то из начальства. Замеряли, спорили, осматривали, опять спорили. Врачи уже увезли раненого. Чуть позже пришла вторая машина «скорой», встала неподалеку от автобуса ОМОНа.

Врач со «скорой» обработал мои царапины и предложил забинтовать. Я отказался — мелочь, сама засохнет — и попросил воды. Пока пил, сзади подошел Олег.

— Давай отойдем. — Он прихватил меня за локоть и отвел ближе к оцеплению. Пытливо заглянул в глаза. — Минут сорок назад Корешкова с двумя его людьми взорвали в машине неподалеку от их офиса. Рвануло хорошо, тела разнесло на части.

— Ого! — вырвалось у меня. — Интересно, кто же это мог сделать?

— Вероятно, его новые компаньоны.

Он поймал мой недоуменный взгляд и хмыкнул.

— Корешков спелся с крутыми ребятами из одной бригады и с их помощью устранил Чижмина. Рассчитывал сам рулить фирмой. А братки захотели заполучить все в свои руки. Поэтому и Корешкова убрали. Как до этого и Жору. Расчислили, можно сказать, себе дорогу.

— То есть нападение на нас — их рук дело?

Если эта версия станет у милиции главной — хорошо. Не будут копать глубоко. Бандитский наезд, и баста! Бандитов и будут ловить.

Но Олег недаром ел свой хлеб. С сомнением покачал головой, неуверенно пробурчал:

— По наглости исполнения очень похоже на бандитов. Оружие их любимое. Странно только, почему не автоматы. Но одно не ясно — мы-то им зачем? Я, конечно, копаю под Корешкова, но подходы к бандитам пока закрыты. Да и рисковать, восстанавливать против себя РУБОП бандиты не станут. Себе дороже. Словом, тут многое непонятно.

— Да? Ну, тебе виднее...

— Проверим по базе данных физиономии убитых, отпечатки пальцев, посмотрим оружие, может, где светилось прежде... — словно размышляя вслух, говорил Олег. — А там и до организаторов недалеко...

Я пожал плечами и промолчал. Версия Олега меня устраивала. Лишь бы держалась подольше.

Разгонова позвали, и он отошел к собровцам. А я вздохнул и глянул по сторонам. Заметил подъезжающие к мосту машины. Три «волги» последней модели и «девяносто девятая». Очередная свадьба. Не будет вам, ребятки, фотогра-

фий и традиционного шествия жениха с невестой на руках. Занято место...

«Надо звонить парням. И как можно быстрее. Если удравшие пришельцы доберутся до Периметра, у нас будут проблемы. Сюда пригонят еще народу, и тогда надо либо линять, либо... принимать бой. С нашими силами — это безумие. Да и бежать некуда...»

— Блядь, как они проскочили пост ГАИ?! — раздался над ухом недовольный голос.

Рядом стоял боец из отряда ОМОН. Высокий, плечистый, в серо-черном камуфляже, на голове кепка а-ля егерь. На плече АКС, на поясе радиостанция и наручники. Его ругань относилась к свадебному кортежу, невеста как проскочившему пост ГАИ, хотя там, по идее, пока не должны никого пускать.

Сделав шаг вперед, омоновец поднял руку, останавливая машины. Передняя «волга» послушно сбавила скорость. Ее примеру последовали остальные.

Я несколько секунд рассматривал нарядные машины, потом отвернулся. На мосту все еще работали эксперты и следователи. Скоро должен подъехать тягач, вытащить машины. Здесь в принципе дело подходит к концу, основная работа теперь в городе.

Омоновец что-то выговаривал водителю «волги», тот послушно кивал, показывал на машины и выражал готовность исчезнуть буквально через минуту. Потом спросил, что произошло. Омоновец мотнул головой, буркнул: «Перестрелка» и отошел, еще раз напомнив, чтобы уезжали.

— Артур! — вдруг произнес за спиной женский голос. Очень знакомый голос. — Это ты?!

Я обернулся. Ё-моё! Вот так сюрприз!..

В пяти шагах от меня в красивом свадебном платье, в пышной, невесомой фате и длинных белых перчатках до локтей стояла Наташа. Прелестная куколка, выглядевшая так, будто всерьез решила сместить с престола и Клаудию Шиффер, и Синди Кроуфорд, и куклу Барби заодно.

Она смотрела на меня, широко раскрыв свой прелестный ротик и округлив лучистые глаза. Невеста...

— Здравствуй, красавица.

— А... Артур, что с тобой?.. Что происходит? Почему ты в крови?..

В крови? Ах да! Черт, я совсем забыл, что до сих пор хожу как пират, полуголый. Конечно, видок у меня еще тот. На лбу запеклась кровь, на груди одна сплошная ссадина, запыленные джинсы. Вдобавок за поясом пистолет. Вылитый корсар.

— А что делаешь здесь ты? Хотя, прости, я что-то не того... поздравляю с торжеством! Желаю... э-э... счастья, здоровья и хороших малышей.

Она вдруг смутилась, бросила виноватый взгляд назад и с некоторым вызовом произнесла:

— Да. Выхожу замуж.

— Вышла.

— Что?

— Вышла уже замуж, говорю. Вы ведь из ЗАГСа.

В этот момент из «волги» вылез жених. Черный костюм дорогого покроя, холеное лицо, поджатые губы. Бросив на меня неприязненный взгляд, он крикнул:

— Наташа! Нам пора.

— Иди, — кивнул я. — Муж зовет. Волнуется.

Наташа взмахнула невероятно длинными ресницами, опять окинула меня взглядом, потом глянула за спину.

— Что здесь произошло?

— Небольшое ДТП. Ничего страшного. Езжайте. Вас пропустят.

Она отступила на шаг, все еще глядя на меня, потом повернулась и пошла к машине. Ее жених, то есть муж, открыл дверцу и что-то сказал.

Еще один короткий взгляд на меня, виноватая улыбка, и новобрачная исчезла в машине.

Я подошел к омонцовцу. Тот кивнул на машину и сказал:

— Хороша девчонка. Твоя знакомая?

— Угу. Бывшая.

— Да-а... Такую красоту упускать жаль.

Я промолчал. Проследил, как уезжает, набирая скорость, кортеж, и пошел обратно.

«Девчонка выскочила замуж, видимо, со зла. После моего исчезновения. А впрочем... может, влюбилась без памяти и не устояла. Кто знает... Но в восемнадцать лет замуж... не рано-вато? Хотя это ее дело...»

Омоновец прав, упускать такую красоту нельзя. Вот пусть ее муж и держит. Каждому свое. Кому красавицу жену, кому — пространства других миров и полный набор проблем. И никто не скажет, что лучше.

Попасть с корабля на бал — значит стать участником неких событий, идущих друг за другом. Это пословица такая. Неплохо характеризует некоторые происшествия, происходящие в жизни людей. А можно сказать по-другому — из огня да в полымя.

Пожалуй, второй вариант больше применим к парням. Точнее, отражает истинный ход событий.

...Они приехали в восьмом часу вечера и тут же получили информацией в лоб. С ходу. Был второй проход группы пришельцев, и была попытка устранения. Неудачная. Что и так понятно, коль сам рассказываю. А еще — по крайней мере два пришельца все еще гостят в нашем мире и могут попробовать перейти Периметр. В любой момент. Выводы делайте сами.

Они сделали. В результате, бросив сумки в прихожей моей квартиры, выехали сначала к тайнику, где хранилось оружие, а потом к заброшенному дому. Я ждал их неподалеку — в трехстах метрах от дома, во дворе давно брошенного и наполовину раскуроченного особняка, построенного лет сто назад.

Здесь мы устроили что-то вроде пункта сбора, стартовой позиции. Разобрали оружие, проверили его, потом буквально на ходу разработали план действий, расчет сил и порядок передвижения.

Термины солидные, профессиональные, внушающие доверие к исполнителям. На самом деле все происходило довольно просто и примитивно.

- Толик — дальняя комната на этаже...
- Артур — второй этаж, возле дыры...
- Марк, Антон — лестница у входа.

Говорить, что дом мы знали как свои пять пальцев, надо? Думаю — лишняя трата времени.

— Я — наблюдение с улицы. — Серега обвел нас взглядом. — Уточнения, вопросы, дополнения? Артур?

— А?

— Шо а? Кто у нас главный спец по захватам?

— Сам такой! Все верно. Только Антону и Марку надо гранаты взять. И взрывчатки. Если с той стороны полезут, надо все рвать и тикать.

— Наоборот.

— Чего наоборот?

— Наоборот, — повторил Марк. — Сперва тикать, потом рвать.

— Умник.

— Сам такой!

Приколами, шуточками, смешками мы забивали нервное напряжение, так или иначе охватывающее всех, кто идет на горячее дело. И не важно, сколько у тебя их за спиной — одно или сто. Опыт сказывается в другом — сколько времени надо на успокоение нервов. Старому вояке нужны секунды, новичку — часы. Если они есть в запасе...

— И еще, панове, — добавил я. — Живьем брать демонов! Хотя бы одного.

— Угу, — вполне серьезно кивнул Марк, поправляя на плече АКМС. — Попробуем.

Импровизированный «совет в Филях» закончен, пора переходить к исполнению плана.

Скрытно и предельно осторожно мы покидали исходный рубеж и выходили к дому. Последние десятки метров шли со скоростью больной черепахи, осматривая местность, проверяя все кусты, деревья, сараи и строения. Как бы не налететь на засаду. А то все планы коту под хвост.

Обошлось. Дошли. Или пришельцы давно удрали, или еще не были. Учитывая некоторые детали, второе более вероятно. Хотя... кто их знает!..

Уже перед самым домом я негромко сказал:

— Кажется, знаю, как нам быть.

— В плане?

— В плане этих, что напали... и вообще.

— И что же? — спросил Сергей.

— Потом расскажу. Сперва надо кое-что узнать. А потом выложу все, расфасую по полочкам.

— Хорошо. Послушаем. В конце концов, ты у нас главный спец по Периметру. Тебе и карты в руки.

— Благодарю...

Несмотря на насмешливый тон, Сергей был серьезен как никогда. Он действительно считал, что я лучше других понимаю проблему Периметра и скорее ее решу. Мне бы его уверенность...

— По местам! — Последняя команда — и наша пятерка разбежалась по заранее определенным позициям, занимая их и беря под контроль сектора наблюдения и обстрела. Все. Теперь ждать. До упора...

...Они явились под утро, где-то в районе четырех. В то самое сволочное время, когда неудержимо тянет в сон. Когда резко падает внимание и желание вообще что-то делать. На что они и рассчитывали.

Но мы поступили хитрее. Поняв, что появление гостей откладывается, устроили дежурство, и пока один на улице наблюдал за подходами, остальные спали. Вахта — час. Пять человек — пять часов. Начали дежурить с одиннадцати вечера и к моменту появления пришельцев все успели хоть немного отдохнуть.

Их было двое. Причем один шел довольно медленно, припадая на левую ногу. Постоянно озираясь и замирая, пришельцы дошли до дома, еще минуту слушали тишину, а потом исчезли в черном проеме.

Брать их выпало мне и Толику. Когда они дотопали до второй комнаты, из которой шла лестница вниз, мы атаковали. Внезапно, стремительно, бесшумно.

Но и они не были лопухами. В последний момент успели достать стволы и едва не пустили их в дело. А дальше — короткие мгновения сшибки. Мелькание тел в слабом блеске луны, звуки ударов, мычание и вскрик, шум падения тела...

Через пару минут мы перетащили обоих в соседнее здание, не менее разваленное, чем первое, завели в подвал, привели их в чувство и приступили к допросу.

Что можно узнать у группы боевиков, переправленных в другой мир с одной целью — найти и уничтожить обозначенный объект, причем в кратчайшие сроки? Нет, они, конечно, сказали, что первую группу будут искать, что вопрос с новым миром еще не решен и что разрывать связь с ним никто не спешит.

А потом один из них — некий унтер-офицер, старший группы, — уставив на меня злобный взгляд, сказал:

— Только ты не думай, что победил! Пока мы не доберемся до тебя, в покое не оставим. Не захотел идти добровольно — перетащим силком. Мы не привыкли оставлять в живых источник опасности.

— То есть обязательно разыщете?

— То есть да! — издевательски передразнил тот. — Чтобы устранить потенциальную угрозу.

— Какую угрозу? — спросил я, чувствуя, как по спине побежал холодок.

— Такую! Вы способны переходить по нашим «контурам», несмотря на защиту. Значит, можете нанести удар в любой момент в любом месте. Нам такие подарки не нужны...

Надо отдать должное его смелости и отваге. После допроса, в полушоковом состоянии, связанный, он не побоялся говорить откровенно, хотя и слишком эмоционально. Трусов в их контору не берут.

Были еще некоторые сведения, кое-какая информация о ГТП — замечательной структуре пришельцев и... пожалуй, все. Что нам надо узнать — узнали. Больше спрашивать не о чем, а вопросы типа «расскажи нам, мальчик, самую главную тайну» не проходят.

...Тела мы завернули в большие целлофановые пакеты и со всеми предосторожностями вывезли за город. Чтобы закопать. Трофеи — три пистолета «ГТ», сканер, аптечку, патроны — тоже закопали. Сканер и аптечку предварительно превратили в хлам. Уничтожив следы пребывания пришельцев, помыли машины и поехали обратно. Теперь надо решать, как быть даль-

ше. Причем решать очень быстро. Пока это не сделали пришельцы. И не воплотили свои планы в жизнь...

Заместитель директора Управления пространственно-сопряженных миров Негим Свард шел по длинному коридору штаб-квартиры ГТП, держа в руках старомодную папку с дисками и несколько докладных и служебных записок, написанных на обычной бумаге.

И хотя вызов к шеф-ордеру был срочным, Свард специально пошел пешком, а не воспользовался специальным эскалатором. Ему надо было еще раз восстановить в уме всю доказательную базу для своих предложений. И заодно мысленно проиграть предстоящий разговор, чтобы заранее подготовить аргументы на возможные возражения высокого начальства.

Помимо этого, Свард подбирал наиболее приемлемые выражения сочувствия, уместные в разговоре с самим шеф-ордером, потому что сегодня он выступал в невольной роли черного вестника. И оттого, что он был косвенно виновен в произошедшем, Свард чувствовал себя особенно паршиво.

...Исчезновение поисковой группы на планете Земля-2 почему-то его не особенно удивило. Может, потому, что он подсознательно ждал подобного финала операции. И хотя директор приказал послать на переговоры стандартную поисковую группу, Свард настаивал на силовом решении вопроса. Переговоры с неведомым объектом, способным проникать сквозь «б-контур», по его мнению, были не только лишними, но и опасными. Так оно и вышло.

Информация об исчезновении застала его на Воледжеке — седьмой планете от светила их системы. Как раз в тот момент, когда он инспектировал строительство самого огромного и самого мощного, по современным меркам, комплекса ПСД. Этот гигант по замыслу конструкторов должен был перемещать по «контуру» ударную орбитальную станцию, вооруженную батареями лазеров и пусковой установкой «Содугрен» с ракетами «космос-земля». Одна ракета способна уничтожить материк, а залп установки — планету. Раньше такие станции в другие миры могли переправить за тридцать — сорок рейсов. Теперь — за один.

Не успел Свард принять хоть какое-то решение, как пришла новая весть — начальник третьего направления, который, собственно, и курировал работу на этой планете, своим решением отправил группу чистильщиков с задачей уничтожить объект. К прилету Сварда на Арнию уже было известно — чистильщики вышли на след объекта, подготовили (в дикой спешке и с рядом ошибок) операцию, а потом... тоже пропали.

Куратор третьего направления выглядел не просто подавленным, а буквально уничтоженным. Две неудачи подряд — достаточный повод, чтобы попасть под трибунал.

Потом был долгий разговор с директором управления, доклад куратора Жирадо, попытка с ходу, без предварительной подготовки, выработать комплекс дальнейших шагов по решению вопроса Земли-2. И все это — за сутки до внепланового срочно созыва директората ГТП.

А дальше — бессонная ночь, банка кофе, две пачки стимуляторов, сто граммов коньяка и под конец таблетка элэгтина — мощнейшего тоника, способного поднять на ноги умирающего и заставить побить того мировой рекорд по спринту.

После него человек обычно трое суток отлеживается в постели. Но Свард такой возможности не имел, с утра взбодрил себя нейтрализующими средствами и отправился на доклад к шеф-ордеру.

Почему его вызвали, Свард знал. Точнее — догадывался. Из-за особой, отличной от всех официально принятых точки зрения на проблему Земли-2, на тактику работы с объектом и на принципы действий ГТП во всех мирах.

И точка эта была очень и очень жесткой. Предельно. И столь же новаторской. Основанной на собственном, богатом и довольно печальном опыте...

...Тогда, одиннадцать лет назад, после гибели станции в Ругии после провала второй экспедиции на полуостров, он думал, что его снимут с должности. Потому что такого раньше не прощали никому. Даже если начальник не был напрямую виноват в неудаче. Не всегда понижали и ненадолго, но все-таки... Традиция обязывала: виноват или нет — освобождай кресло. Вообще-то справедливо, если посмотреть непредвзято.

Он и посмотрел. И начал готовить должность к сдаче. Боль от провала, от гибели людей была настолько сильна, что собственная судьба волновала мало. Отстранение, трибунал, разжалование, арест — все это мелочи по сравнению с произошедшим.

Почти сразу после сообщения о пропаже второй экспедиции, предвидя ход событий, он за одну ночь подготовил докладную записку на имя шеф-ордера ГТП, где высказал все свои идеи, замыслы, догадки, предложения. И по работе на вновь открытых мирах, и вообще по политике в отношении пространственно-сопряженных миров. Особо напирал на изменение похода к проблеме освоения территорий и цены, которую приходится платить за это.

Писал, будучи под сильным влиянием катастрофы, когда боль жгла очень сильно, а на душе скребли кошки. Утром докладная записка ушла по адресу, а копия — директору управления.

Последний вызвал куратора и с порога спросил:

— Спят ли? Или от горя мозги закипели?

Свард покатал желваки под кожей, выдержал испытующий взгляд Штоса и хрипло ответил:

— За каждое слово отвечаю головой.

— Да кому нужна твоя голова?! Нужен результат, а не покаяние по горячим следам.

Свард стоял по стойке «смирно», глядя на стол, и ждал вердикта. Штос, сделав паузу и смерив подчиненного недобрым взглядом, со вздохом произнес:

— Так, по уму, мы хотели отправить тебя в отпуск и оставить на месте. Но теперь, когда докладная ушла... по адресу, придется тебе ждать расследования.

— Понятно, — отчеканил Свард, вскинув глаза на начальника.

Он был готов. Отвечать по всем статьям. Своей жизнью.

Но этого не произошло. Вместо служебного расследования Сварда вызвал Апиян. И после четырехчасового разговора отправил опального куратора на одну из вновь открытых планет. Там сложилась ситуация, близкая к категории «С» — свертывание.

— Я поверю и приму к рассмотрению твою теорию, — сказал Апиян на прощание. — Если ты сумеешь исправить ситуацию, используя свои же предложения. В средствах и силах не ограничиваю. Все что угодно, вплоть до бригады «Ашван». Но если провалишься...

Шеф-ордер сделал паузу, сверля куратора своим гипнотическим взглядом и сгущая голос до состояния грозного хрипа.

— Ясно, — перебил его Свард.

Потом он так и не смог вспомнить, какой безумец внутри толкнул его сказать это слово. И скрестить взгляд со взглядом Апияна, которого, по слухам, не выдерживал даже глава правительства Анкивара.

Шеф-ордер на дерзость не отреагировал. Кивком отпустил визитера и приказал подготовить соответствующее распоряжение.

В тот же день Свард вылетел (не совсем точный термин для переноса в пространствах, но в среде специалистов использовали именно его) на Гадеркор. Который Анкивар мог потерять в ближайшее время.

Ситуацию он выправил. Изменив подход к самому принципу освоения новых территорий. За полгода Свард сначала переломил ход событий на Гадеркоре в пользу Анкивара, а в последующем и полностью изгнал датлайцев с планеты.

Раньше все конфликты между захватчиками происходили более или менее вдали от аборигенов, чтобы не тревожить их лишний раз и не терять ценный генофонд. Пользуясь этим, противники устраивали свои станции и базы неподалеку от поселений аборигенов, зная, что атаковать их не станут. Но Свард сначала перенес собственные базы в другие места, а по базам противника нанес мощный удар.

Изменив сложившимся традициям, он приказал всем силам атаковать станции с ПСД-переходами, дабы лишить противника помощи. Так как защита станций была недостаточно сильна, то станции смогли уничтожить за сутки. После чего силы Анкивара, применяя тяжелое оружие, атаковали противника на всем участке фронта.

Когда наземные силы противника были уничтожены, Свард приказал вывести на орбиту планеты восемь спутников слеже-

ния и две орбитальные батареи. Как только Датлай пытался открыть свой переход, его немедленно засекали и наносили мощный упреждающий удар.

Да, они полностью засветились перед местным населением. Да, среди аборигенов были потери. Но планета перешла под контроль Анкивара.

И хотя некоторые в аппарате ГТП попеняли Сварду за неоправданно большие потери среди местного населения и раскрытия инкогнито, в целом его программа была принята.

А куратор, проведя скрупулезный подсчет по данным разных миров, сумел доказать, что потери среди аборигенов на Гадеркоре не превысили обычный процент потерь.

«Лучше нанести один удар и сразу потерять некоторое количество аборигенов, чем растягивать это удовольствие на года с непредсказуемым результатом. А генофонд быстро восстанавливается...» — говорил он тогда на заседании директората, где заслушивали его доклад.

Тогда же он обосновал переход к выборочному освоению новых территорий и изменению политики в отношении местного населения.

«Если мы приходим в новый мир, он должен стать нашим полностью. И все население — перейти под наше управление. Их задача — поставлять нам живой материал... И помогать в освоении ресурсов планеты. Вот пусть и работают. Мы же обеспечим их хорошими условиями жизни, о которых они и не мечтали...»

После этого доклада Свард потерял место куратора направления. Лично Апиян выдвинул его на должность заместителя директора управления ПСМ.

Столь резкий взлет, да еще после Ругийской катастрофы, что была у всех на слуху, породил массу разговоров и сплетен. Говорили, что Свард вошел в число так называемой перспективной группы, из которой в дальнейшем будет выбран новый шеф-ордер ГТП. Обычно в этой группе состояли чиновники в ранге директоров управлений. И появление новичка, да еще заместителя директора, вызвало нешуточный ажиотаж.

Свард о слухах знал, но внимания не обращал. Он снова был при деле, снова работал. А остальное — мелочи.

С тех пор прошло десять лет. Много воды утекло, многое изменилось. На основании его докладов и работ был разработан новый единый стратегический план освоения и развития открываемых территорий. Была изменена тактика работы в других мирах.

Теперь, спустя годы, никто не вспоминал о многочисленных разговорах и сомнениях при внесении кардинальных изменений, все больше хвалили. Свард, получив новую должность, продолжал работу и слыл сторонником простых, решительных и жестких мер. Хотя единственной причиной этого было желание сэкономить время, ресурсы и людей. А те, кто этого упорно не замечал, сильно отстали от жизни и больше мешали, чем помогали.

— ...Я уже знаю, — негромко ответил Апиян, когда Свард начал доклад о событиях на Земле-2. — Доложили...

«Куратор... — мелькнула догадка у Сварда. — Подстраховался... В принципе верно. О таких вещах надо докладывать сразу. Повезло хоть, что не мне выпало говорить о потерях...»

— Вторая группа замолчала через три дня после последнего доклада. По их времени — это шесть часов. После этого мы временно приостановили все работы на этой планете.

Апиян молча слушал доклад, не спеша задавать вопросы. В принципе в общих чертах о произошедшем он знал. А подробности, что сейчас выкладывал Свард, только дополняли уже известную картину.

— Что у них со временем? — наконец подал голос шеф-ордер. — Наши умники из Института сопряженных пространств до сих пор срывают голоса в бесконечных спорах относительно причин такого расхождения.

Свард пожал плечами. Ничего нового он сказать не мог. Да и вопросы теории были не в его компетенции.

— На сегодняшний день ничего толком не известно. У нас нет достаточных данных для того, чтобы делать какие-либо выводы.

— Ладно. — Апиян легонько прихлопнул ладонью по столу. — С пропавшими группами все ясно. Ясно, что нет никаких сведений. Что у тебя с предложениями по планете?

— Предложение одно. — Свард откашлялся, прочищая горло, и положил на стол папку. — Я все оформил...

— Давай на словах. Документы оставим для заседания.

— Хорошо. Первое — мир Земли-2 представляет собой клубок аномалий и загадок самого разного характера. Это и странные, необъяснимые проникновения аборигенов через «б-контур», и совершенно фантастическое течение времени, и внезапная пропажа поисковых групп. Второе — мои аналитики на основании всей весьма скудной, надо признать, информации пришли к выводу, что данный мир выпадает из обоймы привычных для нас понятий о строении пространства и Вселенной. Не исключено, что данная аномалия — результат деятельности аборигенов. Хотя анализ добытой информации о мире опровергает такую догадку. И все же кое-кто всерьез считает, что мы столкнулись с новым вариантом пространственно-сопряженной динамики.

— Ты сам-то веришь в этот бред?

Тон шеф-ордера был далек от ироничного. И Свард сдержал столь неуместную, но совершенно неконтролируемую улыбку.

— Я исхожу из тех фактов, что мне известны. Далее. На сегодняшний день мы имеем следующую картину. Группы после выхода на след объекта внезапно исчезают. Связь с миром весьма неустойчивая и часто срывается. Вести постоянную работу, держа «контур» включенным, невозможно. И использовать импульсный вариант включения весьма рискованно.

— По-твоему, нам там ничего не светит? — не сдержал раздражения Апиян.

— Уходить из того мира сейчас, — продолжил Свард, — и оставить его в покое мы не можем. Потому что никто не гарантирует, что они сами не придут сюда, используя свои фантастические способности. Я не исключаю такого поворота событий, когда их десант высадится на Арнию.

В какой-то момент Свард не совладал с голосом, и дрогнувший баритон выдал напряжение, в котором он находился. Апиян поднял голову и внимательно посмотрел на подчиненного. Никогда раньше он не видел заместителя директора в

таком состоянии. Даже одиннадцать лет назад, когда тот стоял перед ним, ожидая трибунала.

И только сейчас Апиян понял, что Свард хочет предложить нечто невероятное, выходящее за рамки обычной практики и здравого смысла.

— На основании вышеизложенного, — ценой невероятно-го внутреннего усилия Свард вернул себе самообладание, — я считаю необходимым предложить руководству ГТП и правительству санкционировать крупномасштабное вторжение в мир Земли-2 с целью полного уничтожения планеты как таковой!

Все! Сказал! Выдал заготовленный доклад, хотя до последнего не знал, сможет ли выговорить это. Смог. Теперь пути назад нет.

Апиян сидел за столом, сложив руки перед собой, уставив взгляд в стену и сильно сжав губы. Он не видел ни подчиненного, ни стола, ни картины, что висела на стене, хотя глаза смотрели на нее.

Он принимал головой и душой сказанное Свардом и пытался понять, не подвел ли его слух. И не сошел ли он с ума.

Никогда раньше ни в какой ситуации, ни в чей адрес не звучало подобное предложение. Анкивар не одно десятилетие воевал с Равитаном и Датлаем. На разных планетах в разных мирах. Иногда проигрывал, иногда выигрывал, чаще противостояние не приносило кому-то из противников явного преимущества.

Но ни разу никто не предложил уничтожить спорные планеты только потому, что там потерпели поражение. Даже в родной мир Датлая с такой целью не проникала ни одна экспедиция.

И вот сегодня заместитель директора управления ПСМ впервые озвучил подобную идею. Да еще дал полное обоснование. Что это? Высказанная в запале мысль чиновника, потерявшего людей в странном противостоянии с неведомым противником? Жест отчаяния? Выходка спятившего человека?

Но Негим Свард всегда отличался завидным трезвомыслием, хладнокровием, невозмутимостью и доведенным до абсолюта умением делать правильные выводы на основе минимума информации.

Значит, это не шизофрения и не истерика. А конкретное предложение, на которое надо реагировать. Как?

— Какова, по-твоему, угроза внезапного вторжения со стороны Земли-2?

— Пятьдесят процентов.

— Почему?

— Либо нападут, либо нет, — без улыбки ответил Свард, воспроизводя вслух один из старых затертых анекдотов. — Но опасность противодействия на самом высоком, даже недоступном нам уровне велика. Кто они? Чем владеют, кроме умения проникать сквозь «б-контур»? Чего хотят? Каковы их амбиции? Имеют ли контакты с нашим противником? К чему приведет столь странная разница во времени? Мы не знаем. Попытки прояснить ситуацию привели к гибели двух отлично подготовленных групп, составленных из профессионалов, имеющих огромный опыт работы. Не факт, что и другие разведывательные группы смогут получить результат. И потом...

Свард сделал паузу и взглянул на Апияна.

— Как рассматривать тот факт, что объект дважды уходил от наших групп? Какими способностями и возможностями он владеет? Почему в мире, где развитие отстает от нашего лет на шестьдесят, мы терпим одно поражение за другим? Это сильно напоминает ситуацию на Земле-1. В Ругии. Там мы тоже потерпели поражение.

Апиян дотянулся до стоявшего на краю стола аппарата подачи воды и налил себе полный стакан эльвинарской минералки, знаменитой своим природным лимонным вкусом. Осушив стакан, кивнул на аппарат Сварду: мол, пей. Тот отрицательно покачал головой.

— С этим предложением ты хотел выступить на совещании директора?

— Да.

— Хорошо. Оставим этот вопрос в покое... до совещания. А пока поговорим о другом. На последнем заседании правительства было принято решение о широком освоении космоса. Разработана и одобрена программа строительства так называемого «д-контура», способного перебрасывать транспорт

на огромные расстояния в нашем пространстве. Это открывает большие возможности в освоении дальних планет.

— Все-таки решили? Хорошо.

— Да. Хорошо. Вместе с тем приняты твои предложения по изменению подхода к экспансии в других мирах. Это означает серьезную перестройку всего аппарата управления ПСМ.

Свард кивнул. Он ожидал, что его предложения пройдут. Слишком дорого обходится унии освоение и война в иных мирах. Но к чему клонит шеф-ордер?

— Так вот. Сегодня на совещании директората помимо всего прочего будет поднят вопрос о твоём назначении на должность директора управления.

Свард вновь кивнул. Не то чтобы он на это сильно рассчитывал, но... тоже ожидал. Десять лет рабского труда в ранге заместителя и те новшества, что он предложил, должны были рано или поздно сделать свое дело. Вот и сделали. Только...

— А Штос?

— Штос... В связи с решением о начале широкого освоения космоса в структуре ГТП будет создано новое управление. Управление Дальнего космоса. Штос, как и ты, новатор. И космос его всегда манил больше, чем другие пространства. Думаю, он будет счастлив заняться наконец своим делом.

— Понятно...

— Ну а коли понятно, тебе надо в течение недели подготовить и представить мне развернутый доклад по реорганизации управления. И конкретные сроки исполнения.

— Ясно.

— Отлично. — Апиян глянул на часы. — У нас есть еще пять минут. Поэтому коротко — твои предложения по... плану уничтожения Земли-2.

Свард вздохнул, мысленно поставил себе высший балл за прозорливость (он предполагал, что его идея найдет понимание у шеф-ордера) и выложил свой план.

— Силами десяти — пятнадцати поисковых групп, высаженных в разных точках планеты Земля-2, подготовить плацдарм для создания «контура» наподобие того, что достраивают сейчас на Воledжеке. Провести сквозь него две орбитальные станции и

расстрелять планету ракетами и из лазерных батарей. Двух объединенных залпов должно хватить, чтобы распылить «шарик» на атомы. Уход станций — по остаточному «контур».

— Почему две станции? И одной хватит.

— Для страховки.

— Сколько времени потребуется на подготовительную работу?

— Две недели на подготовку плацдарма. И месяц на вывод станций. Работы на Воледжеке подходят к завершению и будут закончены через четыре недели.

Апиян помолчал, представляя результат сдвоенного удара по планете, и негромко произнес:

— Хорошо. Принято к рассмотрению. Готовь приказ.

...А утром к нам нагрянул Разгонов. Вернее — нагрянуть он хотел ко мне, но так уж вышло, что вместо одного встретил пятерых. Встреча вышла неожиданной, но довольно теплой.

Мы быстро накрыли на стол, выставили бутылку водки и пару бутылок вина, усадили майора и пообещали не отпускать, пока не отметим встречу. Тот, попав в «плен», особого желания сбежать не проявлял. Как уже говорилось, к парням Олег испытывал помимо дружеских отношений еще и вполне обоснованную благодарность за спасенную жизнь.

Выпили за встречу, за здоровье, помянули Жору (после ночной операции я поведал парням о последних событиях в городе), поговорили за жизнь... По ходу дела Разгонов выложил самую последнюю информацию из милицеских источников.

— С твоим делом, по большому счету, все, — сказал он мне, закусывая осетриной очередную рюмку. — Сейчас идет кампания по чистке милицеских рядов, и угрозыск попал под раздачу по полной программе. А московская прокуратура потирает руки в предвкушении процесса. В отношении группы захвата уже возбуждено уголовное дело, их майор идет «паровозом»*. Остальные — в пристяжке. Так что можешь радоваться.

— Вообще-то радость здесь не очень уместна, — заметил я. — Произошла ошибка, страшная по своим последствиям.

* главный обвиняемый в уголовном деле.

Ладно, уголовное дело, но парни попали в больницы, а один и вовсе лег в землю. Что с меня сняты любые обвинения — отлично. Но что пострадали люди — нехорошо.

Разгонов пожал плечами.

— Твоей вины в этом нет, ты спасал себя. А чистка рядов в милиции — дело стихийное. Его ни предугадать, ни остановить нельзя. Так что ты тут и вовсе ни при чем.

— В общем, все обошлось? — спросил Сергей, подливая гостю в рюмку.

— Да. С этим все.

— А что с Жорой? Кто его заказал и убил, вроде известно...

— Там все просто. Его новый зам по безопасности — ставленник гэбэшной конторы. Человек от «крыши». В качестве пригляда. Причем «крыша» — самодеятельность местных товарищей из ФСБ. Как только запахло жареным и информация ушла в столицу, они сразу пошли на попятную. А Корешков, почувствовав вкус денег, решил загрести под себя все Жорино дело. Вышел на бандитов, договорился о разделе собственности. Бандиты и завалили Жору. А потом решили, что Корешков лишний, и завалили его. Однако тут у них вышла промашка. Жена Жоры — та еще баба! По праву наследства взяла все дела на себя. Теперь, чтобы получить бизнес, бандитам надо убирать ее. Или заставить сдать дело.

Парни засмеялись. Жорину жену мы все хорошо знали. Если она решила что-то — все, баста! Так и будет. Настоящая атаманша! Не удивлюсь, если Жоркин бизнес она расширит и станет настоящей бизнес-леди.

— Вот только с бойней на мосту не все ладно, — проговорил Олег. — Тела мы проверили. Ни в одной картотеке не значатся. Ни к одной из бригад не принадлежат. Никаких бумаг и документов у них не обнаружено.

Майор перевел на меня взгляд и продолжил:

— Мы провели внутреннее расследование. Уголовный розыск здесь ни при чем, никто нам мстить не собирался. Они сейчас не в том состоянии, чтоб устраивать вендетту. Я думал, это бандиты попробовали убить меня. Но информация не

подтвердилась. На парней из СОБРа тем более никто не посягал, таких дураков нема. Следовательно не мог быть целью покушения...

Он вперил в меня свой абсолютно трезвый взгляд и продолжил:

— Остается только одна причина нападения. Это ты!

Здрасте вам, пожалуйста! Приплыли... Догадливость Олега просто поражала. Хотя сделать не столь сложный вывод было легко. Просто отбросить последовательно все возможные мотивы и оставить один, последний. Самый верный.

— А посему, господин супермен, — тем же голосом продолжил Олег, — возникает один вопрос. Кому ты перешел дорогу, в какую авантюру ввязался, что на тебя устраивают покушение средь бела дня, да еще невзирая на столь предствительное окружение в лице аж четырех ментов?

— Фу-у... — Я демонстративно проверил уровень спиртного в бутылке, краем глаза отметив кислые физиономии друзей, и насмешливым голосом продолжил: — Вроде и не так пьян. А несешь чепуху!

Олег скривил губы. Моя ирония не очень-то на него и подействовала.

— Какие авантюры, Олег, если я вообще отошел от всяких дел? Ни с кем, кроме ментов, не общаюсь. Правда, общение бывает разным, но что поделать?! Ты же сам сказал — трупы не опознаны. Значит, по меньшей мере они не местные. А я никуда не уезжал, чтобы встрять в какую-нибудь переделку. И потом, надо быть действительно отмороженным, чтобы нападать днем на милицейские машины. Выходит, тем, кто нападает, все равно. Терять нечего. Так что ищи виновников среди своих клиентов.

Он невольно кивнул, признавая мою правоту.

— И потом. О том, что я еду с вами за город, никто, включая меня, не знал до самого последнего момента. Меня просто бы не успели отследить, а тем более подготовить покушение. Да еще столь наглое...

Разгонов все еще кривил губы, но взгляд отвел. У него были только догадки, смутные подозрения, но не более того.

А моя отповедь ударила в цель. Причин у подопечных майора избавиться от него достаточно. Так что действительно искать мотивы нападения и авторов идеи надо в другом месте.

— Ладно... проехали... — Разгонов протянул руку к бутылке, сам разлил по рюмкам водку и сказал: — Давайте за жизнь. Чтобы жить долго, несмотря ни на каких подонков! Чтоб счастливы были!

Легкий звон рюмок прозвучал как салют хорошему тосту. Мы единым махом выпили водку и протянули руки к закускам.

После снятия вопроса о возможных причинах покушения разговор плавно свернул на другие темы. Парни рассказали несколько смешных и забавных случаев, Олег в ответ поведал об эпизодах из жизни милиции. Опять выпили, на этот раз вино. Поговорили о планах на будущее, о перспективах, намерениях...

Под конец парни сказали, что хотят переехать за границу. Олег сперва качал головой, потом посоветовал уезжать быстрее. Мол, в этой долбаной стране черт-те что творится, и лучше быть от нее подальше. Выпили за успех этого мероприятия.

Потом Олег начал резво собираться, и мы с некоторым трудом усадили его в такси. А его машину Антон отогнал на стоянку.

— ...Ну что, господа, — произнес Сергей, когда за майором закрылась дверь. — Наш доблестный мент почти раскрыл истинную причину нападения. Еще немного, и он вышел бы на Периметр.

— Вряд ли, — усмехнулся Марк. — Олег — голова, сказать нечего. Но чтобы найти Периметр, надо, помимо головы, обладать хорошей фантазией и позволить себе допустить саму мысль о пришельцах. А Разгонов при всех его достоинствах человек крайне прагматичный и мыслит трезво.

— Как и мы, — подхватил Толик. — Тоже мыслили трезво и прагматично. Пока не пришел Артур и не ткнул нас носом в факты. После чего весь наш прагматизм улетучился.

— Ладно, — вставил я. — Что было, то было. Теперь главное другое. Теперь надо выполнить задуманное. И как можно скорее. Пока мы из охотников не превратились в дичь.

Сергей недовольно покачал головой.

— Не знаю... Твоя идея отдает авантюрой. С весьма непредсказуемым исходом. Никто не гарантирует, что попытка вообще удастся и что после нее Периметр исчезнет.

— Да. Никто. Но другого решения у нас нет. И выхода тоже нет. Гостей из Анкивара следует ждать со дня на день. А встречать их нечем. Если вылезет хотя бы взвод... или даже отделение их солдат в полном снаряжении с их оружием... нам ловить нечего.

Сергеа промолчал. Возражать нечего. А согласиться...

...А согласиться с планом пришлось и ему, и остальным. Потому как действительно не было другого выхода. Не оставили пришельцы нам выбора. Их появление здесь означало только одно — бойню с практически известным результатом.

Я хорошо помню схватку на станции слежения в Ругии, когда моя рота одолела противника только благодаря трем вещам. Отсутствию полноценной охраны станции — ушел взвод охраны, были сняты все средства контроля, предупреждения и уничтожения на подступах к станции. Показаниям пленного. И нашей подготовке. Именно в таком порядке. Будь станция защищена как надо, боюсь, от роты ничего бы не осталось. Слишком велико было у пришельцев преимущество в вооружении и технике.

Это как заставить атаковать современный, хорошо охраняемый стационарный ракетный комплекс силами роты времен Второй мировой. Они бы не дошли и до периметра охраны. А уж тем более никогда бы не приблизились к самим ракетам.

Зная, на что способны пришельцы, и предполагая, как они отреагируют на пропажу своих групп, я предложил простой и единственно возможный способ остановить агрессию. Взорвать Периметр. Изнутри.

Для этого надо заложить заряды на входной двери и на трех выходных. И плюс по одному заряду в каждой комнате. На всякий случай. Не факт, что сработает, не факт, что вообще рванет, но... А есть ли другой выход? Вот именно...

Если ничего не выйдет... что ж. Тогда примем бой здесь, дома. Тогда... впрочем, там видно будет. Если попытка провалится, мы успеем составить план действий.

— Хорошо, — подвел итог разговору Серей. — Попробуем. Как говорится, попытка не пытка!..

Шесть стограммовых тротильных шашек в нагрудный карман куртки. Шесть двухсотграммовых — в заплечный рюкзак. Покрепче затянуть, чтобы при прыжках и перекатах не вылетели. Норма.

— Особо не гони. Хрен знает, как он себя поведет сегодня. И включай только у выхода из помещения...

— Угу...

Веревка с крюком на правый бок, обычная веревка на левый. Нож на ремень слева. Фонарик, спички — в карманы. Оружия я сегодня не беру, ни к чему оно сегодня... Так, все?

— Аптечку не забыл?

Ах да! Аптечка. Вот она, милая... и пакет перевязочный. И жгут. Теперь вроде все...

— Затяни потуже. — Толик ткнул в наплечный ремень.

— Сойдет.

Последняя проверка. Одежда, обувь, щитки на ногах, руках, локтях. Перчатки, шлем. Снаряжение. Взрывчатка. Вот теперь порядок.

Я хлопнул руками по бокам, повернулся к парням. Встретил четыре встревоженных взгляда и подмигнул им.

— Все, панове. Я готов.

— Давай, Артур. — Марк легонько хлопнул меня по плечу. — Действуй. Успеха. И ни пуха!

— К черту!

— Ждем как обычно, — вставил Антон. — Не затягивай.

— Да.

Сопровождаемый парнями, я спустился по лестнице к входной двери в Периметр, провентилировал легкие тремя энергичными вдохами-выдохами, прогоняя легкую дрожь в теле, взмахнул рукой и открыл дверь. Пошли!..

...Мой гениальный план решения проблемы выглядел на первый взгляд сумасбродным, невероятным и авантюрным. Но при ближайшем рассмотрении единственно возможным в нашей ситуации.

Я решил взорвать Периметр. Ах да, уже говорил... Ну так повторяю — рвануть решил этот проклятый агрегат инопланетного исполнения, рассчитывая, что чужая техника не выдержит столь варварского с ней обращения и перестанет работать.

План был высказан на общем собрании, обруган и отвергнут поперву, но потом, при более детальном рассмотрении, принят. Парни решительно возражали против другого — чтобы я шел один.

Ну, тут уж дудки! Кто лучше всех знает эту чертову утробу? Кто больше всех ходил? И кто, наконец, получил наибольшую дозу облучения и стал самым большим мутантом? Верно, це — я. Гарный хлопец, способный проскочить практически любой Периметр без больших потерь.

Убеждение в том, что я прав, длилось столько же времени, сколько обычно занимало обычное обсуждение плана акции. В конце концов упрямая четверка пошла на попятную. После чего очень быстро решили вопрос с подготовкой к акции и прикрытием.

Парни ждали меня около Периметра, поставив две машины прямо у входа в здание. В каждой — набор медикаментов и инструментов, которых хватит прооперировать сразу трех человек. Две машины «скорой помощи» ждали команды на исходных местах — около больниц. Бригадам заплатили достаточно, чтобы они бросили все дела и мчались по первому вызову.

Словом, все было готово к приему дорогого гостя. То бишь меня. Но только после того как...

...После того как проскочил первое помещение, оставив в центре на полу двухсотграммовую шашку с часовым механизмом, Периметр словно вспомнил, что вообще-то создан для того, чтобы хоронить таких наглых, как я. И принялся методично меня убивать. Полный набор прелестей — падающие с потолка кирпичи, вылетающие обрезки труб, бумеранги из арматуры и металлических уголков, завалы из бетона. Плюс — пожары, провода, искрящие током, очень горячие ванны.

До поры до времени мне удавалось благополучно миновать ловушки, успевая оставлять в каждой комнате по взрывоопасному подарку. Каждый подарок отсчитывал свой срок. Я

прикинул, сколько времени надо, чтобы преодолеть весь Периметр, и настроил механизмы так, чтобы они рванули одновременно, когда я пройду среднюю дверь на выходе. Хотя расчет был приблизительным. Тут многое зависит от Периметра и от его гостеприимства.

...Четвертая комната с глубокой выемкой в центре встретила меня... шаровой молнией. Наверное, та вылетела из распределительного щитка на правой стене. Больше просто не откуда. Не успел я проводить взглядом оранжевый шарик, как из щитка вылетел второй. Третий...

А выемка в полу стала быстро заполняться водой. Пардон, соляркой. Чтобы как в песне — гори, гори ясно, чтобы не погасло. Потом один из шариков спикировал в лужу...

Я успел отпрыгнуть к двери и прикрыть лицо рукавом. Но против ожидания взрыва не последовало. Хотя солярка загорелась. Пламя рвануло к потолку, загудело, полоснуло по распределительному щитку. Вот тогда и рвануло.

И я рванул. Из комнаты. Едва успел бросить шашку прямо у двери. И попал в другую ловушку. Кирпичный прямоугольник без дверей и окон. В потолке два узких отверстия, в которые не пролезет даже кошка. В центре помещения металлический куб с двумя рядами ручек. На одном боку выбита цифра 1012. Видимо, вес куба. И отнюдь не в граммах.

Опыт прохождения Периметра действительно большой, я сразу сообразил, что может последовать дальше и почему в потолке такие маленькие отверстия. А посему подбежал к кубу, схватил за ручки и попробовал отодвинуть его в сторону. Потому что сообразил — под кубом есть отверстие. Ход.

Рывок — куб стоит. Еще — тот же результат. Тонна! Не сдвинуть ее с места. И не откатить, форма не позволяет.

Газ пошел через десяток секунд, двумя мощными струями. Белесый такой цвет, не сразу и заметишь.

Сильный вдох, задержка дыхания, мат в три этажа (мысленно) — такая подпитка заводит здорово. И еще один рывок!

И еще!

И хрен собачий!..

Вот он и подловил меня, вражий выродок! В запасе от силы минута. А потом все. Бздец!

Что-то глухое шевельнулось в душе, тяжелое, как этот куб. Волной пошло наверх, ударило по голове и затуманило мозги. И отрубилло сознание.

Да мать твою за ногу!!!

Рывок! Куб качнулся, со стуком ударил ребром о пол. Еще раз — он ощутимо пошел вверх. А руки выворачивало в суставах. И кисти ожгло.

Ну?!

Еще рывок и толчок в сторону. Куб отлетел в сторону, упал с такой силой, что пол загудел. Есть!

Отверстие небольшое, меньше метра в диаметре, но пролезть можно. Я и собрался было, но тут снизу в дыру ударил столб пламени. По крайней мере так это выглядело.

Через несколько секунд столб исчез, но огонь горел. По периметру круга. И горел неслабо. А сверху шел газ. Вот и решай, Артур, как лучше сгнуть — в огне или от удушья.

Не знаю, что бы в конце концов решил, но тут мой «альтер эго», сделал все за нас обоих. А посему, закрыв руками голову, я прыгнул вниз. Три метра — полет нормальный. Пять, семь, десять...

Бам! Приземление. Прибетонивание. Удар ногами о пол, падение, кувырок, быстрый подъем. Взгляд по сторонам. И только потом — долгожданный вдох. Ничего. Коридор, тусклое освещение, под потолком тонкая труба. И впереди дверь. Туда...

Последнее помещение Периметра оказалось чем-то вроде бункера. Длинное, широкое, заваленное разным хламом вроде битых кирпичей, бумажного мусора, веток, арматуры. Здесь пока было тихо.

Запас «гостинцев» иссяк, остались только три заряда для дверей. Я глянул на часы и вздрогнул. Прошло полчаса — срок подрыва первого «гостинца». Потом через каждую минуту будут срабатывать заряды в других комнатах. Надо поспешать...

«Что, инопланетная штукавина, не по нраву подарки? Ничего. Лишь бы сработало. Лишь бы закрылась ты вовеки веков. Чтобы всякая дрянь не лезла к нам... Потому как иначе будет большая бойня. А мы в этой бойне — первые жертвы. Чего нам вовсе не надо...»

...Левая дверь — шашка на одну сторону, шашка на другую. По сто грамм! Теперь правая. Остограммим и ее. Потом центральная... Подрыв детонирующим шнуром.

За спиной гроыхнуло. Я резко отпрыгнул в сторону, бросая назад настороженный взгляд. Шумело там, за стеной. Неужели мои «подарки»? Еще один грохот. Еще...

С потолка посыпалась штукатурка. Потом осколки кирпичей. Потом сами кирпичи.

Черт! Периметр, словно понимая, что его уничтожают, решил ускорить процесс и похоронить меня здесь. Тем более теперь у него было чем. Сам же принес.

С потолка упал большой кусок из десяти — двенадцати кирпичей. Недалеко от меня. Япона мать, так и прихлопнет! Я прыгнул к левой двери, поджег шнур (он был самым длинным из всех) и рванул к правой.

Но добежать до нее не успел. Бабахнуло так, что меня снесло с ног и бросило к стене. Удар о бетон пришелся на плечо. Я вскочил, увидел, что левая дверь исчезла за завалом, и побежал к центральной. Хер с ними, с зарядами, ноги бы унести!..

Новый взрыв опять снес с ног, но теперь сверху добавило двумя ударами. По спине и голове. В черепушке загудело, перед глазами замелькали веселые блески.

Я нашел в себе силы встать, сделать еще пару шагов к двери. К такой желанной и спасительной. До нее — метр.

А потом был еще один взрыв. На этот раз с правой стороны. И с потолка опять рухнуло что-то тяжелое и большое...

Голову накрыла мягкая подушка, по спине прошелся легким массажем кто-то тяжелый и горячий. А потом сознание стало потихоньку гаснуть, меркнуть, уходить. Куда-то вдаль, такую недоступную и желанную...

...Они бросились к Периметру, как только стихли приглашенные взрывы и перестали дрожать стены дома. Слетели вниз по лестнице и увидели висящую на одной петле изрешеченную дверь. Полуоткрытую.

А за ней был сплошной завал из кирпичей и обломков бетона. Он возвышался на два метра и напрочь перекрывал

подход к другой двери. Пахло взрывчаткой, кирпичной крошкой и гарью.

Они начали разбирать завал, откидывая кирпичи и отгаскивая блоки в стороны. Работали остервенело, быстро и молча, только изредка поглядывая по сторонам и опасаясь фокусов Периметра. Но тот молчал. Вообще никак не проявлял себя.

Через два часа, когда проход к двери был немного расширен, они проникли в следующее помещение. Оно тоже было завалено почти до самого потолка. Но что их поразило — на противоположной стороне угадывались три дверные коробки. Три выхода из Периметра. Последнее помещение чужеродного устройства шло сразу за первым. А промежуточные четыре или пять исчезли. И, похоже, с самим Периметром.

Новый завал состоял из крупных бетонных блоков, связанных между собой перекрученными обрывками арматуры. Чтобы растащить их, надо доставить в подвал специальные резак и пару экскаваторов. И бригаду строителей.

— Все, — констатировал Сергей. — Не пройти.

Марк, уже схвативший бетонный блок за край, обернулся и выкрикнул:

— Он там! Его надо вытаскивать!

— Марк!

Тот, не слушая, с такой силой рванул на себя блок, что приподнял его над полом. Вес обломка был никак не меньше трехсот килограммов!

Антон, до этого тоже пытавшийся оттащить в сторону другой обломок, подошел к Марку и тронул его за плечо.

— Марк. Оставь.

— Нет!

Он обернулся, бросил яростный взгляд на остальных и сквозь зубы проговорил:

— Он взорвал к ебене матери этот проклятый Периметр, а мы не можем ему помочь вылезти оттуда! А если его закрыло за дверью?

— Он не вернулся. Не прошел дверь, — почти спокойным тоном ответил Сергей, растирая левую руку, сплошь покрытую ссадинами. — Иначе бы он был с нами.

— Наверное, он не дошел до двери, — подал голос Толик.

Он стоял позади всех, то и дело морщась и смахивая со лба кровь. При разборе первого завала его задело упавшим с разрушенного потолка кирпичом. Здорово рассадило кожу и едва не пробило кость.

— Черт! Черт! — Марк бросил обломок под ноги, яростно сплюнул и сел прямо на пол. — Этого не может быть! Он не мог погибнуть!

Антон с ненавистью глянул на завал, шепотом матеря Периметр и его хозяев, потом с сомнением произнес:

— Может, вызвать спасателей? Пусть попробуют разгрести завал.

— Если он внизу, то... — Толик не смог продолжить, только бессильно махнул рукой. — Упало несколько тонн.

Повисла тишина. Парни замолчали. Стояли и сидели, глядя на завал, и думали об одном.

Периметр исчез. Чужеродная машина покинула подвал заброшенного дома, ликвидировав угрозу инопланетного вторжения и навсегда оставив в покое их родной мир. Но взамен она унесла жизнь их друга. Жизнь Артура. Тот выполнил свой план, заплатив за это слишком большую цену.

— Сюда могут нагрянуть менты. Грохотало так, что слышно было за километр.

Антон встал, вздохнул и пнул обломок бетона.

— Надо уходить.

— Марк, — позвал Толик. — Ты как?

Тот нехотя махнул рукой, тоже встал и мрачным голосом сказал:

— Нормально. Хотя какое тут нормально!.. Не могу поверить, что он погиб! Не могу.

Ему никто не ответил. Поверить в смерть друга было очень тяжело. Но факт остается фактом. Артур навсегда пропал в хитросплетениях Периметра, не успев дойти до двери.

Артура больше нет...

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д. 26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фомичев Алексей Сергеевич

За гранью восприятия

Цикл «Оборотень»

Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерная верстка: А.В. Массарский

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор Н.В. Дмитриева

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 16.02.09.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 22,68. С.: Боевая фантастика. Тираж 2000 экз. Заказ 501.

С.: с/с Фомичев. Тираж 2000 экз. Заказ 502.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг

ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.

Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Он скитался из мира в мир, из реальности —
в реальность и отстаивал свое право на жизнь
ОРУЖИЕМ.

Он МЕЧТАЛ вернуться домой, в наш мир, —
и мечта его СБЫЛАСЬ.

Но теперь мирная жизнь для него СКУЧ-
НА — и мучительно хочется ВЕРНУТЬСЯ
ТУДА, в опасность, в приключения...

И мечта сбывается СНОВА.

Только теперь у Артура, героя альтернатив-
ных реальностей, всегда остается шанс на воз-
вращение!..

Цикл «Оборотень»

*Пусть бог
не вмешивается*

*Всеми правдами
и неправдами*

Правила чужой игры

За гранью восприятия

*Цель оправдывает
средства*

Меньшее зло

Предел невозможного

Цикл «Отражения»

След отражения

Услышать эхо

Ответить эху

Цикл «Форс-мажор»

Внешняя угроза

Внешняя угроза:

Второй шанс

ISBN 978-5-17-049419-4

9 785170 494194